Ли Чайлд

Ловушка

Пролог

Крюк Хоби своей свободой, положением в обществе, деньгами — иными словами, всей своей жизнью был обязан тайне тридцатилетней давности. И как любой осторожный человек, в том особенном положении, в котором он находился, он был готов на все, чтобы эту тайну оберегать. Потому что мог очень многое потерять. Он мог потерять саму жизнь.

Защита, на которую он полагался почти тридцать лет, основывалась на двух вещах. Тех самых, что используют люди, чтобы защититься от любой опасности. Тех самых, к которым прибегает государство для защиты от вражеского нападения, мирный обыватель — для защиты собственного жилища, а боксер — для отражения нокаута. Обнаружение и реакция. Первый этап и второй. Сначала ты обнаруживаешь опасность, затем реагируешь на нее.

Первый этап являлся системой заблаговременного предупреждения. Она менялась по мере того, как шли годы и возникали новые обстоятельства. К данному моменту эта система была тщательно отработана и до предела упрощена. Она состояла из двух слоев, как две концентрически расположенные натянутые проволоки, о которые неминуемо должен споткнуться враг. Первая находилась в одиннадцати тысячах миль от его дома.

Она служила в качестве первого сигнала. Сигнала, который должен привлечь его внимание и сообщить, что к нему подбираются. Вторая — на пять тысяч миль ближе, но все равно в шести тысячах миль от его дома. Сообщение, поступившее отсюда, поставит его в известность, что они уже совсем близко, первый этап подошел к концу и пора приступить ко второму этапу.

Второй этап — это то, как он ответит. Крюк Хоби ни секунды не колебался на предмет того, каким должен быть ответ. Он обдумывал его почти тридцать лет, но уже давно понял, что ответ может быть только одним — бежать. Исчезнуть. Он был реалистом. Всю свою жизнь он гордился своей смелостью и хитростью, своей твердостью и жестким характером. Он всегда без колебаний делал то, что было необходимо. И знал, что, когда услышит сигнал тревоги, должен будет спасаться бегством. Потому что ни один человек не сумеет победить врага, который за ним придет. Ни один человек. Даже такой безжалостный и жестокий, как он.

Опасность уже многие годы подступала к нему, точно морской прилив, и ему часто казалось, что этот прилив вот-вот утащит его за собой. Потом наступали довольно долгие периоды, когда он был уверен, что ему ничто не грозит. Иногда притупляющее все ощущения время помогало ему чувствовать себя в безопасности, потому что тридцать лет — это целая вечность. А порой эти тридцать лет казались одним коротким мгновением, и он ждал, что в следующую минуту зазвучит сигнал тревоги. Он строил планы, подавляя страх, но всегда знал, что рано или поздно ему придется спасаться бегством.

Мысленно Крюк Хоби проигрывал эту ситуацию миллион раз. Он предполагал, что первый сигнал тревоги прозвучит примерно за месяц до второго. Этот месяц он использует на подготовку: закончит дела, соберет деньги, переведет свои активы в более надежное место — иными словами, приведет все в порядок. Затем, когда прозвучит второй сигнал, он отправится в путь. Немедленно и без сожалений. Уберется отсюда как можно дальше и постарается не высовываться.

Но получилось так, что оба сигнала тревоги прозвучали в один день. Причем сначала — второй. Та ловушка, что находилась ближе, сработала за час до той, что была дальше. И Крюк Хоби не стал спасаться бегством. Он отбросил тридцать лет тщательного планирования и остался, чтобы сражаться.

Глава 1

Джек Ричер увидел, как в дверь вошел какой-то мужчина. На самом деле никакой двери не было. Этот мужчина шагнул сквозь открытое пространство, на месте которого должна была находиться стена. Бар выходил прямо на улицу. Столы и стулья стояли под высохшим старым ползучим растением, дающим некое подобие тени. В общем, помещение с несуществующей стеной, находящееся одновременно внутри и снаружи дома. У хозяев наверняка имелась железная решетка, чтобы ставить ее, когда бар закрывался. Если он вообще когда-нибудь закрывался. По правде говоря, Ричер ни разу не видел это заведение закрытым, а он имел обыкновение приходить сюда в довольно необычное время.

Мужчина вошел и остановился примерно в ярде от входа, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку после ослепительного солнца Ки-Уэста. Стоял июнь, четыре часа дня, в самой южной точке Соединенных Штатов. Намного южнее, чем большая часть Багамских островов. Обжигающее белое солнце и страшная жара. Ричер сидел за столиком в дальней части комнаты, пил воду из пластиковой бутылки и ждал.

Вошедший принялся оглядываться по сторонам. Бар представлял собой помещение с низким потолком, построенное из досок, высохших и

потемневших от времени. Складывалось впечатление, что это останки древних кораблей. Тут и там к ним были прикреплены случайные куски самых разных предметов, имевших отношение к морю: какие-то позеленевшие от времени медные штуки, зеленые шары из стекла, обрывки старых сетей. Ричер решил, что это рыболовные снасти, хотя за всю свою жизнь не поймал ни одной рыбы и никогда не плавал на корабле или даже лодке. Впрочем, во внутреннем убранстве бара главное место занимали визитки — наверное, их было не меньше десяти тысяч, — занимавшие каждый свободный дюйм, включая потолок. Одни новые, а другие — старые, потрепанные, с названиями предприятий, закрывшихся десятки лет назад.

Мужчина сделал еще шаг в полумрак и направился к стойке. Он был не молод, лет шестидесяти, среднего роста, крупный. Доктор сказал бы, что он страдает избыточным весом, но Ричер видел перед собой сильного мужчину, который стареет, но, подчиняясь течению времени, не делает из этого трагедии. Он был одет как житель северного города, которому неожиданно пришлось отправиться в место, где очень жарко. Светло-серые брюки, широкие вверху и сужающиеся книзу, тонкий мятый пиджак бежевого цвета, белая рубашка с расстегнутым воротом, белая кожа шеи, темные носки, городские ботинки. Нью-Йорк или Чикаго, решил Ричер, а может, Бостон, большую часть лета проводит в помещениях или машинах с кондиционером, а эти брюки и пиджак валялись в шкафу с тех самых пор, как он купил их лет двадцать назад, а потом время от времени доставал и надевал при случае.

Мужчина подошел к стойке, засунул руку в карман пиджака и достал бумажник — маленький, распухший, старый, но из хорошей черной кожи. Из тех, что принимают форму всего, что в них кладут. Мужчина привычным жестом открыл бумажник, показал его бармену и что-то спросил. Бармен отвернулся, словно ему нанесли оскорбление. Мужчина убрал бумажник и пригладил седые, влажные от пота волосы, что-то еще сказал, и бармен достал ему пиво из ящика со льдом. Старик на мгновение прижал холодную бутылку к лицу, а потом сделал большой глоток. Тихонько рыгнул, прикрывшись рукой, и улыбнулся, как будто ему удалось разобраться с маленькой, но неприятной проблемой.

Словно в ответ ему Ричер сделал большой глоток воды. Самым здоровым и крепким мужчиной, какого Ричер встречал в своей жизни, был бельгийский солдат, твердивший, что залогом отличного самочувствия является следующее правило: делай все, что тебе хочется, если ты выпиваешь пять литров минеральной воды в день. Ричер прикинул, что пять литров примерно равны галлону, а поскольку бельгиец был низеньким жилистым парнем, примерно в два раза меньше его самого, он прикинул, что должен выпивать два галлона. Десять больших бутылок. С тех пор как Ричер прибыл в Ки-Уэст, он так и

делал и вскоре понял, что еще никогда не чувствовал себя лучше. Каждый день в четыре часа он садился за один и тот же столик и выпивал три бутылки воды комнатной температуры без газа. И теперь не мог без нее обходиться, как когда-то не мог обходиться без кофе.

Старик стоял боком к стойке бара, пил пиво и изучал помещение. Кроме бармена в нем находился только Ричер. Старик оттолкнулся от стойки бедром и подошел к нему, помахав в воздухе бутылкой, словно спрашивая: «Можно?» Ричер кивком показал на свободный стул, стоявший напротив, и отвинтил пластмассовую крышку третьей бутылки. Мужчина тяжело опустился на стул, который скрылся под его телом. Он был из тех людей, кто носит ключи, деньги и платки в карманах брюк, и потому казался шире в бедрах, чем был на самом деле.

— Вы Джек Ричер? — спросил он.

Не Чикаго и не Бостон. Нью-Йорк. Его голос напомнил Ричеру одного знакомого, который провел двадцать лет жизни, не удаляясь от Фултон-стрит больше чем на сто ярдов.

— Джек Ричер? — снова спросил старик.

У него были маленькие мудрые глаза под нависшими бровями. Ричер сделал глоток и посмотрел на старика сквозь прозрачную воду в бутылке.

— Вы Джек Ричер? — в третий раз поинтересовался тот.

Ричер поставил бутылку на стол и покачал головой.

— Нет, — солгал он.

У старика поникли плечи от огорчения. Он взглянул на часы, чуть наклонился вперед, словно собирался встать, но затем откинулся на спинку, как будто совершенно неожиданно у него появилось свободное время.

— Пять минут пятого, — сказал он.

Ричер кивнул. Старик помахал пустой бутылкой бармену, и тот принес ему новую.

— Жара меня достает, — сообщил он Ричеру. Тот снова кивнул и сделал очередной глоток воды.

— Вы знаете Джека Ричера? — спросил старик.

Ричер пожал плечами.

— А как он выглядит? — поинтересовался он в свою очередь.

Его собеседник оторвался от бутылки с пивом, вытер губы тыльной стороной ладони и снова тихонько рыгнул.

— Не знаю, — ответил он. — Мне известно только, что он высокий и крупный. Вот почему я обратился к вам.

— Здесь много высоких крупных парней, — сказал Ричер. — Их везде много.

— Но имя вам не знакомо?

— А должно быть? — спросил Ричер. — И кому же он понадобился?

Старик ухмыльнулся и кивнул, словно извиняясь за дурные манеры.

— Костелло, — представился он. — Рад с вами познакомиться.

Ричер поднял в ответ свою бутылку.

— Агент по розыску сбежавших должников?

— Частный детектив, — ответил Костелло.

— И вы ищете парня по имени Ричер? — спросил Ричер. — А что он натворил?

Костелло пожал плечами.

— Насколько мне известно, ничего. Просто меня попросили его найти.

— И вы решили, что он должен быть здесь?

— На прошлой неделе был, — пояснил Костелло. — У него в Виргинии счет в банке, и он переводит туда деньги.

— Отсюда, из Ки-Уэста?

Костелло кивнул.

— Каждую неделю. Вот уже три месяца.

— И что?

— Значит, он здесь работает, — сказал Костелло. — По крайней мере три месяца. Кто-то должен его знать?

— Но никто не знает, — сказал Ричер.

Костелло покачал головой.

— Я поспрашивал на улице Дюваль — насколько я понял, это самое оживленное место в городе. И только одна какая-то девчонка в дрянном

баре сказала мне, что высокий парень вот уже три месяца приходит сюда каждый день в четыре часа и пьет воду.

Он замолчал и сурово посмотрел на Ричера, словно бросая ему вызов. Ричер сделал глоток воды и пожал плечами.

— Совпадение, — заявил он.

— Наверное, — тихо проговорил Костелло, поднес бутылку к губам и сделал глоток, не сводя с лица Ричера мудрых глаз пожилого человека.

— Здесь население постоянно мигрирует, — сообщил ему Ричер. — Люди приезжают и уезжают.

— Наверное, — повторил Костелло.

— Но я стану поглядывать по сторонам, если хотите, — предложил Ричер.

— Буду признателен, — рассеянно сказал Костелло.

— А кому он понадобился? — поинтересовался Ричер.

— Моей клиентке, — ответил Костелло. — Ее зовут миссис Джейкоб.

Ричер сделал глоток воды. Имя не показалось ему знакомым. Джейкоб? Он никогда не слышал о женщине с таким именем.

— Хорошо, если я его встречу, то скажу, что вы его искали, но не слишком на меня рассчитывайте. Я не очень общителен.

— Вы работаете?

— Копаю бассейны.

Костелло задумался, как будто знал, что такое бассейны, но не имел ни малейшего представления о том, как они могли сюда попасть.

— Управляете экскаватором?

Ричер улыбнулся и покачал головой.

— Только не здесь, — ответил он. — Мы копаем вручную.

— Вручную? — повторил Костелло. — Лопатами, что ли?

— Участки маленькие, машинам туда не заехать, — пояснил Ричер. — Слишком узкие улицы, слишком низко нависают ветки деревьев. Отойдите в сторонку от Дюваль, и сами все увидите.

Костелло в очередной раз кивнул, и неожиданно у него сделался довольный вид.

— Тогда вы, скорее всего, не знаете Ричера. Миссис Джейкоб сказала мне, что он военный, офицер. Я проверил, и все совпало. Он был майором. Медали и все такое. Шишка в военной полиции, так мне сказали. Такой парень не станет копать дурацкой лопатой яму для бассейна.

Ричер сделал большой глоток воды, чтобы скрыть выражение, появившееся у него на лице.

— А что, по-вашему, он должен здесь делать?

— Здесь? — переспросил Костелло. — Ну, не знаю. Служба безопасности в отеле. Какое-нибудь собственное дело. Может, у него свой кораблик, который он сдает внаем.

— А что ему вообще здесь делать?

— Да уж, — не стал спорить Костелло, — это местечко не для него. Но я уверен, что он здесь. Он уволился из армии два года назад, положил все свои деньги в ближайший к Пентагону банк и исчез. Его банковский счет указывает на то, что он разъезжал по всей стране, время от времени снимая деньги, но вот уже три месяца они поступают отсюда. Получается, что он некоторое время путешествовал, затем осел здесь и начал понемногу зарабатывать. Я его найду.

Ричер не стал возражать.

— Все еще хотите, чтобы я о нем поспрашивал?

Костелло покачал головой. Судя по всему, он обдумывал следующий шаг.

— Не стоит.

Он тяжело поднялся со стула, вытащил из кармана несколько мятых бумажек, бросил на стол пятерку и пошел прочь.

— Приятно было познакомиться, — крикнул он, не оборачиваясь, и вышел через отсутствующую стену в дышащий жарой день.

Ричер допил воду, глядя ему вслед. Десять минут пятого.

Через час Ричер шагал по улице Дюваль, раздумывая над тем, как лучше организовать новые отношения с банком, где пообедать и почему он соврал Костелло. По первому вопросу он принял решение снять деньги со счета и носить их в кармане штанов. По второму — последовать совету своего приятеля бельгийца: съесть громадный стейк, потом мороженое и запить все это двумя бутылками воды. И по третьему: он соврал, потому что не видел причин говорить правду.

Ричер не понимал, почему его разыскивает частный детектив из Нью-Йорка. Он никогда там не жил. Да и вообще ни в одном из крупных северных городов. На самом деле он нигде не жил, это стало определяющим фактором его судьбы и сделало тем, чем он стал. Его отец был офицером Корпуса морской пехоты на действительной службе, и родители постоянно таскали Ричера по всему миру с того самого мгновения, как мать вынесла его из родильного отделения госпиталя в Берлине. С тех пор он жил на бесконечно сменяющих друг друга военных базах, причем по большей части в удаленных и не слишком дружелюбных частях света. Затем сам поступил на службу в армию, стал следователем военной полиции и снова жил и нес службу на тех же самых базах, разбросанных по всему миру, пока в результате политики «мирного дивиденда» [1] не закрыли его подразделение, а он не оказался на свободе. Тогда он вернулся домой, в Соединенные Штаты, и стал путешествовать по стране как самый обычный, не слишком состоятельный турист, пока не объехал ее всю, а его сбережения не подошли к концу. Тогда он нанялся на пару дней копать ямы под бассейны, пара дней превратилась в пару недель, а недели в месяцы, и вот он осел здесь.

У него нигде не было родственников, которые могли бы оставить ему наследство. Он никому не был должен денег. Никогда ничего не украл и никого не обманул. У него не было детей. Его имя значилось всего в нескольких официальных бумагах. Кроме того, он совершенно точно знал, что никогда не слышал о женщине по фамилии Джейкоб. Так что если Костелло и хотел от него чего-то, Ричера это не интересовало. Во всяком случае, не настолько, чтобы выбраться из своего укрытия и впутаться в какую-нибудь историю.

Потому что он привык быть невидимкой. Передняя доля его головного мозга знала, что это своего рода комплекс, реакция на ситуацию, в которой он оказался. Два года назад его мир перевернулся с ног на голову. Из большой рыбы, плавающей в своем маленьком пруду, он стал никем. Он был старшим и уважаемым членом сообщества, подчиняющегося суровым законам, а превратился в одного из двухсот семидесяти миллионов безымянных граждан. Он был востребован и чувствовал себя нужным, а теперь стал лишним. Прежде ему постоянно говорили, где, когда и сколько времени он должен находиться, и вдруг он оказался наедине с самим собой на территории в три миллиона квадратных миль, впереди у него было еще лет сорок такой жизни и никакого расписания или карт и указаний. Передняя доля его мозга твердила, что его реакция вполне объяснима, что таким способом он пытается защищаться от новой реальности, — реакция человека, любящего уединение, но обеспокоенного своим одиночеством. И еще: это опасная реакция, и он должен с ней бороться.

Но самая тайная часть его мозга, прячущаяся за передними долями, нашептывала, что ему такая жизнь нравится. Ему нравилось ощущение таинственности и собственная скрытность, и он тщательно их оберегал. Внешне он вел себя дружелюбно и был общительным, но почти ничего о себе не рассказывал. Ему нравилось платить наличными и путешествовать на автотранспорте. Однако его имя никогда не значилось в списках пассажиров или на копиях чеков. Он никому не открывал своего имени. В Ки-Уэсте он поселился в дешевом мотеле, назвавшись Гарри С. Трумэном. Пролистав регистрационную книгу, Ричер обнаружил, что таких, как он, много. Здесь останавливались почти все из сорока одного президента США, даже те, о которых никто никогда не слышал, вроде Джона Тайлера и Франклина Пирса. Довольно быстро Ричер понял, что в Ки-Уэсте имена ничего не значат. Ему махали рукой, улыбались и говорили «привет». Местные жители считали, что у каждого человека есть своя тайна. Ему было здесь уютно. Слишком комфортно, чтобы спешить покинуть это место.

Около часа он гулял по шумным жарким улицам, потом свернул с Дюваль к прячущемуся во дворе ресторанчику, где его узнавали, подавали стейк такого размера, что он свисал с тарелки, и, кроме того, у них имелась его любимая вода.

Вместе со стейком принесли яйцо, жареную картошку и салат из летних овощей, а также мороженое с соусом из горячего шоколада и орехов. Ричер выпил еще кварту воды и две чашки крепкого черного кофе и, довольный, отодвинулся от стола.

— Ну, теперь вам хорошо? — с улыбкой спросила официантка.

Ричер ухмыльнулся и кивнул.

— В самое яблочко, — ответил он.

— Вы даже выглядеть стали лучше.

— Я и чувствую себя лучше.

Он сказал правду. Ему было тридцать восемь, и он еще никогда не чувствовал себя так хорошо. Ричер всегда отличался крепким здоровьем и силой, но последние три месяца помогли ему выйти на пик формы. В нем было шесть футов пять дюймов, и он весил двести двадцать фунтов, когда уволился из армии. Через месяц после того, как он поступил в бригаду строителей, работа и жара сожгли десять фунтов. За следующие два месяца он набрал тридцать фунтов чистых, могучих мышц. Работа была очень тяжелой: каждый день он перебрасывал с места на место около четырех тонн земли, камней и песка. Ричер отработал особую технику — вгрызался лопатой в землю, доставал ее, поворачивался и

выбрасывал, — при помощи которой все его тело было задействовано постоянно. Результат получился потрясающий. Он дочерна загорел на солнце и находился в великолепной форме. Как презерватив, набитый каштанами, — так сказала одна девчонка. Он решил, что ему требуется съедать около десяти тысяч калорий и выпивать два галлона воды, чтобы поддерживать свою форму.

— Работаете сегодня вечером? — спросила официантка.

Ричер рассмеялся. Он зарабатывал деньги, занимаясь физическими упражнениями, за которые многие оставили бы целое состояние в роскошных фитнес-клубах больших городов, а сейчас направлялся на вечернюю работу, за которую ему тоже платили, хотя большинство мужчин с удовольствием делали бы ее бесплатно. Он был вышибалой в стриптиз-баре, том самом, где о нем расспрашивал Костелло. На Дюваль. Он сидел там всю ночь без рубашки, изображал из себя крутого парня, пил за счет заведения и следил за тем, чтобы никто не обижал обнаженных женщин. А потом ему давали за это пятьдесят баксов.

— Печальная обязанность, но кто-то должен ее выполнять, — сказал Ричер.

Девушка рассмеялась вместе с ним, он заплатил за обед и вышел на улицу.

Примерно в полутора тысячах миль к северу, неподалеку от Уолл-стрит в Нью-Йорке, исполнительный директор спустился на лифте на два этажа и вошел во владения финансового директора. Они тут же отправились во внутренний кабинет и уселись рядышком за стол. Дорогой офис и дорогой стол из тех, что специально приобретаются, когда дела идут хорошо, а потом стоят немым укором, когда возникают трудности. Офис был роскошным: повсюду красное дерево, льняные шторы на окнах, на громадном столе итальянские светильники и компьютер, стоивший больше, чем следовало. Компьютер был включен и дожидался пароля. Исполнительный директор постучал по клавишам, нажал клавишу ввода, и на экране появилась единственная таблица, сообщавшая правду о компании. Именно по этой причине ее охранял пароль.

— Ну что, у нас получится? — спросил исполнительный директор.

Это был день «С». «С» означало «сокращение штатов». Менеджер по персоналу находился на заводе-изготовителе на Лонг-Айленде с восьми часов утра. Его секретарша выставила в коридоре перед кабинетом длинный ряд стульев, которые заполнила очередь людей. Они целый день ждали, когда наступит их черед, продвигаясь на один стул каждые пять минут, затем входили в кабинет менеджера по персоналу на собеседование, оно продолжалось пять минут и лишало их средств к существованию, спасибо вам и до свидания.

— У нас получится? — снова спросил исполнительный директор.

Финансовый директор переписывал огромные цифры на листок бумаги. Вычел одно из другого, посмотрел на календарь и пожал плечами.

— Теоретически — да, — ответил он. — Практически — нет.

— Нет? — повторил исполнительный директор.

— Фактор времени, — сказал финансовый директор. — Мы все правильно сделали на заводе, тут нет никаких сомнений. Мы уволили восемьдесят процентов людей, и это поможет нам сэкономить девяносто процентов на зарплате, потому что мы оставили самых дешевых рабочих. Но мы заплатили всем до конца следующего месяца. Так что движение денежной наличности начнется только через шесть недель. На самом деле сейчас с этим становится все хуже, потому что ублюдки бросились обналичивать чеки.

Исполнительный директор вздохнул и кивнул.

— И сколько нам требуется?

Финансовый директор подвигал мышкой, и окно увеличилось в размерах.

— Один и одна десятая миллиона долларов, — сказал он. — На шесть недель.

— Банк?

— Забудь, — проговорил финансовый директор. — Я там каждый день облизываю задницы, чтобы они не потребовали с нас то, что мы им уже должны. Если я попрошу еще, они просто рассмеются мне в лицо.

— Ну, это не самое страшное, что может с тобой произойти, — сказал исполнительный директор.

— Дело не в этом, — заявил финансовый директор. — Если они пронюхают, что у нас по-прежнему проблемы, они потребуют назад ссуды. В ту же секунду.

Исполнительный директор постучал пальцами по красному дереву и пожал плечами.

— Я продам часть акций, — сказал он.

Финансовый директор покачал головой.

— Этого делать нельзя, — терпеливо начал объяснять он. — Как только ты выставишь акции на рынок, их цена тут же катастрофически упадет.

Наше существование обеспечено акциями, но, если они начнут еще больше обесцениваться, нас закроют завтра же.

— Проклятье! — вскричал исполнительный директор. — Всего шесть недель. Я не собираюсь терять свою компанию из-за вонючих шести недель. Даже за миллион баксов. Это мелочи.

— У нас нет этой мелочи.

— Должен же быть какой-то выход.

Финансовый директор ничего не ответил, но у него был такой вид, словно он сказал еще не все.

— В чем дело? — спросил исполнительный директор.

— Я слышал разговоры, — ответил тот. — Среди моих знакомых. Мне кажется, есть место, куда мы можем обратиться. Может, оно того стоит — шесть недель. Мне рассказывали про одну компанию. Знаешь, из серии «помощь в крайнем случае».

— Приличная компания?

— Судя по всему, да, — ответил финансовый директор. — Выглядит очень респектабельно. Большой офис во Всемирном торговом центре. Специализируется на подобных случаях.

Исполнительный директор мрачно уставился на монитор компьютера.

— На каких случаях?

— На подобных, — повторил финансовый директор. — Когда ты уже у самого порога родного дома, но банки слишком узколобы, чтобы это увидеть.

Исполнительный директор кивнул и окинул взглядом кабинет. Красивое место. Его кабинет находился двумя этажами выше, на углу, и был еще красивее.

— Хорошо, — согласился он. — Делай все, что нужно.

— Я не могу, — сказал финансовый директор. — Этот парень не имеет дела с клиентами ниже исполнительного директора. Тебе придется самому.

Ночь в стриптиз-баре начиналась спокойно. Середина недели, июньский вечер, слишком поздно для перелетных птиц и весенних заморозков и слишком рано для туристов, приезжающих сюда полежать на солнышке. Примерно сорок посетителей за всю ночь. Две девушки в баре, три танцуют на площадке. Ричер наблюдал за девушкой по имени Кристал. Он сомневался, что это ее настоящее имя, но вопросов не задавал. Она

была самой лучшей. И зарабатывала гораздо больше, чем зарабатывал Ричер, когда служил майором в военной полиции. Часть своего дохода она тратила на содержание старенького черного «порше», и днем Ричер иногда слышал, как машина, дребезжа и чихая, проезжает по какой-нибудь из улиц, где он работал.

Бар располагался в длинном узком помещении на втором этаже, с небольшой огороженной площадкой и маленькой круглой сценой с блестящим хромированным шестом. Вокруг сцены за ограждением стояли стулья. Повсюду были зеркала, а остальное пространство закрашено черной краской. Воздух в баре пульсировал в такт оглушительной музыке, которая доносилась из полудюжины усилителей, настолько мощных, что они забивали рев кондиционеров.

Ричер стоял около стойки бара, повернувшись к ней спиной, достаточно близко к двери, чтобы его сразу было видно, и одновременно внутри, чтобы посетители не забывали о его присутствии. Кристал закончила свой третий номер и потащила безобидного парня за сцену, где собиралась устроить ему шоу за двадцать баксов, когда Ричер увидел, что на лестничной площадке появилось двое мужчин. Чужаки с севера. Лет тридцати, крупные, белые. Опасные. Крутые парни с севера в костюмах за тысячу долларов и начищенных до блеска ботинках. Они явно сюда спешили и не успели переодеться после работы. Они остановились около столика у входа и принялись спорить по поводу входных билетов за три доллара. Девушка за столом бросила взгляд в сторону Ричера, и тот медленно соскользнул с табурета. Подошел к ним и спросил:

— У вас проблемы, ребята?

Ричер использовал походку, которую называл «студенческой». Он заметил, что парни из колледжа ходят с напряженным телом и словно слегка прихрамывая. Особенно на пляже, когда они в плавках. Как будто у них такое количество мускулов, что им не удается заставить свои конечности действовать как полагается. Из-за этого подростки весом в сто тридцать фунтов выглядели ужасно забавно. Но Ричер подумал, что у парня весом в двести пятьдесят фунтов и ростом шесть футов и пять дюймов такая походка должна производить устрашающее впечатление. «Студенческая» походка стала полезным инструментом в его новой профессии. Инструментом, который всегда срабатывал. И разумеется, ему удалось произвести впечатление на двух ребятишек в костюмах за тысячу долларов.

— У вас проблемы? — снова спросил он.

Как правило, трех слов хватало. Большинство дебоширов сразу успокаивались. Но эти двое были крепче обычных скандалистов.

Подойдя к ним, Ричер почувствовал, что от них исходит смесь угрозы и уверенности.

Может быть, еще высокомерие. В том смысле, что они привыкли получать желаемое. Но они оказались далеко от дома. Настолько далеко и не на своей территории, что даже решили немного сдать позиции.

— Никаких проблем, Тарзан, — сказал тот, что стоял слева.

Ричер улыбнулся. Его называли по-разному, но Тарзаном впервые.

— Три доллара за вход, — сказал он. — Вниз по лестнице бесплатно.

— Мы всего лишь хотим кое с кем переговорить, — сказал тот, что стоял справа.

У обоих был акцент жителей Нью-Йорка. Ричер пожал плечами.

— Мы тут не особенно много разговариваем, — сказал он. — Слишком громкая музыка.

— Тебя как зовут? — спросил левый.

Ричер снова улыбнулся.

— Тарзан, — ответил он.

— Мы ищем человека по имени Ричер, — проговорил левый. — Джека Ричера. Ты его знаешь?

Ричер покачал головой.

— Никогда о таком не слышал, — ответил он.

— Тогда нам нужно поговорить с девушками, — заявил правый. — Нам сказали, что они могут его знать.

Ричер снова покачал головой.

— Они его не знают.

Правый парень заглянул через плечо Ричера в длинный узкий зал, увидел девушек за стойкой бара и сообразил, что других охранников нет.

— Ладно, Тарзан, отойди в сторонку, — сказал он. — Мы собираемся войти.

— А вы читать умеете? — спросил у него Ричер. — Длинные слова и все такое?

Он показал на плакат, висящий над столом и написанный крупными флуоресцентными буквами: «АДМИНИСТРАЦИЯ ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРАВО НЕ ПУСКАТЬ ВАС В НАШЕ ЗАВЕДЕНИЕ».

— Я здесь администрация, и я не пускаю вас в наше заведение, — сказал Ричер.

Правый тип смотрел то на плакат, то на Ричера.

— Тебе перевести? — спросил его Ричер. — Чтобы было попроще? Так вот, я здесь босс, и вы не можете войти.

— Успокойся, Тарзан, — сказал тот, что стоял слева.

Ричер позволил ему подойти ближе и, когда тот оказался совсем рядом, поднял левую руку и поймал парня за локоть. Затем он выпрямил его руку ладонью и с силой нажал пальцами на нервные окончания у основания трицепса. Парень принялся скакать на месте, словно в него ударил электрический разряд.

— Вниз, — тихо сказал Ричер.

Второй тип просчитывал варианты. Ричер заметил это и решил, что пришла пора открыть карты. Он поднял правую руку на уровень глаз, показывая, что в ней ничего нет и он готов действовать. Это была огромная рука, темная от загара, в мозолях от лопаты, и его собеседник понял намек. Пожав плечами, он начал спускаться по лестнице. Ричер подтолкнул его товарища вслед за ним.

— Мы еще увидимся, — пообещал тот, что спускался первым.

— Приводите друзей, — крикнул ему вслед Ричер. — Три доллара за вход с каждого.

Он направился назад, в зал, но обнаружил, что прямо у него за спиной стоит танцовщица Кристал.

— Чего они хотели? — спросила она.

— Искали какого-то парня, — пожав плечами, ответил он.

— Ричера?

— Да.

— За сегодняшний день они вторые, — сказала она. — Днем приходил старик. Он заплатил три бакса. Хочешь пойти за ними и проверить, кто они такие?

Ричер колебался. Кристал сняла со стула его рубашку и протянула ему.

— Давай иди, пока здесь тихо. Спокойная ночь, — сказала она.

Ричер взял рубашку и вывернул рукава.

— Спасибо, Кристал, — сказал он, надел рубашку, застегнул на пуговицы и начал спускаться вниз по лестнице.

— Пожалуйста, Ричер, — бросила она ему вслед.

Он резко обернулся, но она уже шла к сцене. Он невыразительно глянул на девушку за столом у входа и выскочил на улицу.

Ки-Уэст в одиннадцать часов вечера — достаточно оживленное место. Кое-кто уже видит десятый сон, но многие выходят прогуляться. Главная улица, Дюваль, идущая через весь остров с востока на запад, залита светом и оживлена. Ричер не боялся, что парни будут поджидать его на Дюваль. Здесь полно народа. Если они задумали ему отомстить, они выберут местечко потише. А таких здесь предостаточно. В стороне от Дюваль, особенно к северу, почти сразу же становится очень тихо. Городок совсем небольшой, и кварталы здесь маленькие. Короткая прогулка — и через двадцать кварталов вы оказываетесь в пригороде, где Ричер копал ямы для бассейнов в миниатюрных двориках за миниатюрными домиками. Освещение здесь весьма скудное, а шум, доносящийся из баров, заглушён жужжанием и стрекотом насекомых. Запах пива и дыма сменяется тяжелым ароматом тропических растений, цветущих и гниющих в садах.

Ричер шел по спирали сквозь темноту, сворачивал за случайные углы, обходил притихшие улицы. Никого. Он зашагал по середине дороги. Если бы кто-то притаился в тени дверного проема, ему пришлось бы пробежать десять или пятнадцать футов открытого пространства, чтобы добраться до Ричера. Он не боялся, что в него будут стрелять. У тех типов не было оружия. Доказательством тому их костюмы. Слишком плотно облегающие, некуда спрятать пистолеты. Кроме того, эти костюмы говорили о том, что парни прибыли на юг в спешке. Прилетели. А сесть на самолет с пистолетом в кармане совсем не просто.

Ричер прошел еще милю. Ки-Уэст маленький городок, но здесь достаточно места, чтобы в нем могли спрятаться два типа с севера. Он повернул налево у границы кладбища и направился назад, в сторону городского шума. Неожиданно он заметил около сетчатой ограды человека, неподвижно распластавшегося на земле. Не так чтобы необычная картина для Ки-Уэста, но было в его позе что-то странное. И знакомое. Ричер сразу понял, что здесь не так: рука мужчины была неестественно подвернута под тело. Мышцы плеча не стали бы терпеть столь возмутительного обращения с собой и устроили бы такой скандал, что даже очень пьяный или обкурившийся человек обратил бы внимание на их протесты. Знакомым оказалось пятно бежевого пиджака. Верхняя часть лежавшего на земле мужчины была светлой, нижняя — темной. Бежевый пиджак, серые брюки. Ричер замер на месте и огляделся по сторонам. Подошел поближе. Присел на корточки.

Это был Костелло, лицо которого превратилось в бесформенное месиво, словно на него надели кровавую маску. На бледной коже шеи жителя большого города, проглядывавшей в ворот рубашки, запеклись ручейки крови. Ричер попробовал нащупать за ухом пульс. Ничего. Он потрогал кожу тыльной стороной ладони. Холодная. Окоченение еще не наступило, но ночь была жаркой. Костелло умер примерно час назад.

Ричер проверил карманы пиджака. Пухлый бумажник исчез. И тут он увидел руки. Подушечки пальцев были аккуратно срезаны. Все десять. Быстрые, умелые разрезы, сделанные чем-то очень острым. Не скальпелем. Лезвие шире. Скорее всего, ножом для линолеума.

Глава 2

— Это моя вина, — сказал Ричер.

Кристал покачала головой.

— Не ты убил этого человека, — возразила она, потом резко подняла голову. — Или ты?

— Его убили из-за меня, — сказал Ричер. — Так что разница?

Бар закрылся в час ночи, и они сидели рядом на стульях около пустой сцены. Свет погасили, музыка не играла. В баре царила тишина, если не считать гудения кондиционера, который работал на четверть мощности, отправляя в ночной воздух Ки-Уэста застоявшийся запах табака и пота.

— Мне следовало ему сказать, — проговорил Ричер. — Следовало сказать: «Да, я Джек Ричер». Тогда он сообщил бы мне то, что должен был сообщить, вернулся бы домой, а я мог бы проигнорировать его слова. Мне бы хуже не стало, а он остался бы жив.

Кристал надела белую футболку. И больше ничего. Футболка была длинная, но недостаточно, и Ричер старался на нее не смотреть.

— Почему ты так переживаешь? — спросила она.

Самый обычный вопрос для Ки-Уэста. Они здесь не бездушные и холодные, просто им трудно понять, как можно переживать из-за чужого человека, приехавшего из чужой страны. Ричер посмотрел на нее и сказал:

— Я чувствую свою ответственность.

— Нет, ты чувствуешь себя виноватым, — возразила она.

Он кивнул.

— Это неправильно, — продолжала она. — Ты его не убивал.

— А есть разница? — снова спросил он.

— Конечно есть, — заявила она. — Кем он был?

— Частным детективом, который искал меня.

— Зачем?

Ричер покачал головой.

— Понятия не имею.

— А те два типа были с ним?

— Нет, они его убили, — сказал он.

— В самом деле? — удивленно взглянув на него, спросила Кристал.

— Я так думаю, — пояснил Ричер. — Я уверен, что они были не с ним. Они моложе и богаче. Ты видела их костюмы? Не похоже, что они его подчиненные. Да и вообще он показался мне человеком, который работает в одиночку. Значит, эту парочку прислал сюда кто-то другой, возможно, за ним, чтобы выяснить, что он тут делает. Может быть, он наступил на мозоль кому-нибудь на севере, устроил проблемы. И они отправились за ним в Ки-Уэст. Они его нашли и заставили сказать, кого он тут искал. И тогда они заявились к нам.

— Они убили его, чтобы узнать твое имя?

— Похоже на то, — сказал он.

— Ты расскажешь все это полиции?

Еще один характерный для Ки-Уэста вопрос. Привлечение копов к любому делу являлось темой долгих и серьезных дебатов.

— Нет, — ответил Ричер.

— Они узнают, кто он такой и что здесь делал, и станут искать тебя.

— Не сразу, — сказал он. — На теле никаких документов. Отпечатки пальцев они снять не смогут. Пройдет несколько недель, прежде чем они разберутся, кто он такой.

— И что ты собираешься делать?

— Попытаюсь отыскать миссис Джейкоб, — проговорил он. — Его клиентку. Она меня ищет.

— Ты ее знаешь?

— Нет, но хочу найти.

— Зачем?

Ричер пожал плечами.

— Я должен знать, что происходит.

— Зачем? — снова спросила Кристал.

Ричер встал и посмотрел на нее в зеркало, висящее на стене. Неожиданно он почувствовал, что его охватывает беспокойство и он готов немедленно вернуться в реальную жизнь.

— Ты знаешь зачем, — ответил он. — Убили человека, и его смерть имеет какое-то отношение ко мне, значит, меня втянули в это дело, понимаешь?

Кристал вытянула голую ногу и положила на стул, с которого он встал. Она рассматривала его чувство причастности ко всему случившемуся как некое необычное хобби. Вполне законное, но странное, вроде народных танцев.

— И как ты собираешься это выяснить? — спросила она.

— Найду его офис, — ответил Ричер. — Может быть, у него есть секретарша. Наверняка имеются разные там бумаги и записи. Номера телефонов, адреса, договора с клиентами. Миссис Джейкоб, скорее всего, была его последней клиенткой. Значит, папка с ее делом лежит на самом верху.

— И где же находится его офис?

— Не знаю, — сказал он. — Судя по его акценту, где-то в Нью-Йорке. Я знаю его имя, мне известно, что он бывший полицейский. Бывший полицейский Костелло, примерно шестидесяти лет. Найти его будет не слишком трудно.

— Он был полицейским? — спросила она. — С чего ты взял?

— Как правило, частными сыщиками становятся полицейские, ушедшие на пенсию. Они рано уходят в отставку, денег у них не много, поэтому они открывают собственное агентство из одного человека, которое занимается всем подряд: разводами, поиском пропавших людей и тому подобное. Кроме того, у него была информация из моего банка. Очень подробная. Получить ее он мог, только попросив об услуге старого приятеля, еще работающего в полиции.

Кристал улыбнулась, и Ричер увидел, что ей стало интересно. Она встала и подошла к стойке бара, остановившись рядом с ним так, что их бедра соприкасались.

— Откуда ты знаешь про все эти запутанные штуки?

Ричер несколько мгновений слушал шорох кондиционера, потом сказал:

— Я сам был следователем. Военная полиция. Тринадцать лет. И у меня неплохо получалось. Так что симпатичная мордашка не единственное мое достоинство.

— Не льсти себе насчет мордашки, в ней нет ничего особенного, — засмеялась Кристал. — Когда отправляешься?

Он огляделся по сторонам.

— Думаю, прямо сейчас. Из Майами наверняка есть какой-нибудь ранний рейс.

Кристал снова улыбнулась, на этот раз осторожно.

— А как ты собираешься попасть в Майами? — спросила она. — Уже ночь.

Ричер уверенно улыбнулся ей в ответ.

— Ты меня отвезешь, — сказал он.

— А время одеться у меня есть?

— Только туфли.

Они прошли в гараж, где стоял ее старый «порше», открыли дверь, она скользнула в машину и завела двигатель. Они проехали полмили на север до его мотеля.

Кристал вела машину медленно, чтобы масло прогрелось. Большие колеса то и дело натыкались на ямы и неровности старой дороги. Кристал остановилась около неоновой вывески над входом в мотель и осталась сидеть за рулем, не выключая двигателя, чтобы он не заглох. Ричер открыл дверь, но тут же осторожно ее прикрыл.

— Поехали, — сказал он. — Там нет ничего такого, что я хотел бы забрать.

В свете, падающем от приборной доски, он видел, как она кивнула.

— Ладно, тогда пристегнись, — велела она ему.

Они медленно проехали по городу, потом по Северной Рузвельт-драйв, затем Кристал проверила показания приборов и повернула налево, на

шоссе. Включила радар, вжала педаль в коврик, и Ричера придавило к кожаному сиденью, словно он покидал Ки-Уэст на борту боевого истребителя.

Всю дорогу на север до Ки-Ларго спидометр показывал трехзначную цифру, и Ричер получал настоящее удовольствие от езды. Кристал отлично управлялась со своей машиной. Ловкими, экономными движениями она переключала скорости, заставляя мотор ровно урчать, удерживая крошечную машинку посередине полосы и умело используя силу, возникающую при повороте. Она улыбалась, и свет от приборной доски озарял ее безупречное лицо. Управлять «порше» на большой скорости не просто. Тяжелый двигатель находится у задней оси и в любой момент может превратиться в обезумевший маятник, захватив врасплох зазевавшегося водителя. Но Кристал делала все правильно, и они мчались вперед, точно на сверхзвуковом самолете.

Потом запищал радар, и примерно в миле впереди появились огни Ки-Ларго. Кристал резко сбросила скорость, проскочила город, снова вжала педаль акселератора в пол, и они понеслись дальше сквозь ночь. Уверенный поворот налево, через мост, и на север в сторону городка под названием Хоумстед, пристроившегося на ровной плоской дороге, проложенной на болоте. Потом новый поворот, направо, и вот они уже мчатся по шоссе на огромной скорости, радар установлен на максимум. Они прибыли в аэропорт Майами около пяти часов утра. Кристал остановилась на парковке и, не выключая двигателя, стала ждать, что будет дальше.

— Спасибо, что подвезла, — сказал Ричер.

Она улыбнулась.

— Я получила удовольствие, — ответила она. — Можешь мне поверить.

Он открыл дверцу, но остался сидеть, глядя куда-то вперед.

— Ладно, думаю, мы еще увидимся, — проговорил он.

Кристал тряхнула головой.

— Нет, не увидимся, — сказала она. — Парни вроде тебя никогда не возвращаются. Ты уедешь и не вернешься.

Ричер некоторое время сидел в уютном тепле ее машины. Двигатель тихонько ворчал, глушитель равномерно стучал, охлаждаясь. Кристал наклонилась к Ричеру, отпустила сцепление и поставила машину на первую передачу, чтобы было удобнее, затем просунула руку ему под голову и крепко поцеловала в губы.

— До свидания, Ричер, — сказала она. — Я рада, что мне наконец удалось узнать твое имя.

Он поцеловал ее в ответ, так же крепко, долгим поцелуем.

— А тебя как зовут? — спросил он.

— Кристал, — ответила она и рассмеялась.

Он засмеялся вместе с ней и вышел из машины. Кристал потянулась к дверце с его стороны, закрыла ее и умчалась прочь. Ричер стоял на тротуаре и смотрел ей вслед. Она повернула перед автобусом, который принадлежал отелю, и скрылась из виду. Вместе с ней, словно след выхлопа ее машины, исчезли три месяца его жизни.

В пять часов утра исполнительный директор лежал на своей кровати без сна и смотрел в потолок. Его совсем недавно покрасили, как и весь дом, находившийся в пятидесяти милях к северу от Нью-Йорка. Исполнительный директор заплатил художникам по интерьеру больше, чем его служащие зарабатывали за целый год. На самом деле он им не платил. Он провел счета через свой офис, и их оплатила компания. Этот расход значился в секретных электронных таблицах и являлся частью семизначной суммы, которая шла на содержание дома. Семизначная цифра в графе «дебет» тянула его бизнес на дно, как тяжелый груз корабль. Как последняя капля воды, переполняющая чашу.

Его звали Честер Стоун. Его отец и дед тоже носили имя Честер Стоун. Это дело основал его дед в те времена, когда электронные таблицы назывались бухгалтерскими книгами и их писали от руки самой обычной ручкой. Правая сторона бухгалтерских книг его деда, та, где значился кредит, производила впечатление. Его дед был часовщиком, который почти сразу понял, какой популярностью будет пользоваться кино. Благодаря своему знанию шестеренок и сложных маленьких механизмов он построил проектор. Первый Честер Стоун взял в партнеры человека, который смог организовать поставки оптики из Германии. Вместе они подмяли под себя рынок и сделали огромные состояния. Его партнер умер молодым и не оставил наследников. В Америке начался настоящий бум кино. Появились сотни кинотеатров. Сотни проекторов. Потом десятки тысяч. Затем звук. «Синемаскоп» [2]. И громадные суммы в графе кредит.

Потом появилось телевидение. Кинотеатры начали закрываться, а те, что продолжали работать, цеплялись за старое оборудование, пока не умирали. Его отец, Честер Стоун II, встал во главе компании. Начал расширять ее возможности. Сообразил, что пришло время любительского кино и восьмимиллиметровых проекторов. Яркая эра «Кодахрома». Запрудер [3]. Новый завод-изготовитель. Огромные

прибыли, сделанные на медленной широкой ленте первых компьютеров «Ай-би-эм».

А потом вернулось кино. Его отец умер, и Честер Стоун III встал у руля, когда повсюду появились мультиплексы. Четыре проектора, шесть, двенадцать, шестнадцать, пятидорожечные ленты, система Долби, цифровое Долби. Богатство и успех. Брак. Переезд в особняк. Машины.

Дальше возникло видео. Любительские восьмимиллиметровые фильмы ушли в небытие. Возникла ожесточенная ценовая конкуренция со стороны новых предприятий в Германии, Японии, Корее и Тайване, поставивших перед собой цель отобрать у него бизнес. Отчаянные поиски чего-то, что можно изготавливать из листового металла на прецизионных станках. Хотя бы чего-нибудь. Жуткое осознание того, что механические приспособления — это вчерашний день. Бурный рост рынка транзисторных микрочипов, запоминающих устройств, игровых консолей. Огромные прибыли от устройств, о производстве которых Стоун не имел ни малейшего представления. Растущий дефицит в таблицах, хранящихся в его компьютере.

Рядом с ним пошевелилась во сне жена, потом заморгала и открыла глаза, повертела головой, сначала взглянула на часы, затем на мужа. Увидела, что он уставился в потолок.

— Не спишь? — тихо спросила она.

Он не ответил, и она отвернулась. Ее звали Мэрилин. Мэрилин Стоун. Они были женаты уже давно. Настолько давно, что она не нуждалась в словах. Она все знала.

Ей не требовались детали и доказательства, не нужно было принимать участие в обсуждении происходящего, она и без того все понимала. Каким образом? У нее были глаза и голова. С тех пор как она видела продукцию предприятий своего мужа, горделиво красующуюся на полках магазинов, прошло много времени. И очень много времени прошло с тех пор, как кто-нибудь из владельцев мультиплекса приглашал их на обед, чтобы отпраздновать новый большой заказ. И много времени с тех пор, как Честер спал целую ночь, с вечера до утра. Вот почему она все знала.

Но ей было все равно. В бедности и богатстве, так она говорила, и не просто говорила, а искренне имела это в виду. Богатым быть хорошо, но бедность тоже не обязательно должна стать катастрофой. Впрочем, они никогда не будут по-настоящему бедны, как некоторые люди. Можно продать проклятый дом, ликвидировать бизнес, и их жизнь все равно останется намного комфортабельнее, чем она когда-либо могла мечтать. Они еще молоды. Ну, не молоды, но и не совсем старики. Здоровы. У них полно разных интересов. И они принадлежат друг другу. А Честера

стоило иметь в качестве мужа. Седой, но стройный, сильный и энергичный. Она любила его. Он любил ее. Ее тоже стоило иметь в качестве жены. Сорок с небольшим, но в душе ей двадцать девять. По-прежнему изящная, натуральная блондинка, по-прежнему возбуждающая. Она обожала приключения. Ее стоило иметь — во всех смыслах этой фразы. Все будет хорошо. Мэрилин вздохнула и повернулась на другой бок, устроилась поудобнее и уснула в половине шестого утра, а ее муж продолжал тихо лежать рядом с ней и молча смотреть в потолок.

Ричер стоял у выхода на посадку и вдыхал спертый воздух, а его великолепный загар отсвечивал желтым в искусственном свете. Он прислушивался к десяткам разговоров на испанском и поглядывал на телевизионный монитор. Нью-Йорк стоял в списке первым, как он и предполагал. Первый рейс, «Дельта», в аэропорт Ла Гуардиа через Атланту, отправлялся через полчаса. Второй, «Мексикана», — на юг. Третий, «Юнайтед», тоже в Ла Гуардиа, прямой рейс, через час. Ричер выбрал его и подошел к стойке, где продавали билеты. Спросил, сколько стоит билет в одну сторону. Кивнул и отошел.

Затем он отправился в туалет и остановился перед зеркалом, вытащил из кармана свернутые в трубочку деньги и набрал стоимость билета самыми мелкими купюрами. Застегнул рубашку до самого верха и пригладил ладонью волосы. Вышел и направился к стойке «Дельты».

Билет стоил столько же, сколько и в «Юнайтед». Он знал, что так и будет. Так всегда бывает. Он отсчитал деньги, однодолларовые купюры, десятки и пятерки, и девушка взяла их, разгладила и разложила по порядку в ящички кассы.

— Ваше имя, сэр? — спросила она.

— Трумэн, — сказал Ричер. — Как у президента.

Девушка никак на это не отреагировала. Видимо, родилась за границей во время последних лет правления Никсона или в первые годы Картера. Ричеру было все равно. Он родился за границей, когда президентом стал Кеннеди. И не собирался ничего говорить. Для него Трумэн тоже был древней историей. Девушка напечатала имя, и сразу появился билет. Она положила его в конверт с изображением красно-голубого глобуса, но тут же вытащила.

— Я могу вас зарегистрировать прямо сейчас, — сказала она.

Ричер кивнул. Оплата авиабилета наличными, в особенности в международном аэропорту Майами, могла стать проблемой из-за борьбы с наркотиками. Если бы Ричер подошел к стойке и достал из кармана пачку сотенных бумажек, девушка нажала бы на маленькую

секретную кнопку на полу. Затем она принялась бы возиться с оформлением билета до тех пор, пока не появилась бы полиция. Копы, увидев высокого крупного парня с роскошным загаром и пачкой наличных, мгновенно приняли бы его за курьера. Их главная задача, естественно, состоит в том, чтобы отслеживать передвижение наркотиков, но и денег тоже. Они не позволили бы положить эти деньги в банк, не позволили бы беспрепятственно тратить их. По их представлениям, нормальный гражданин должен пользоваться пластиковой карточкой, если хочет сделать серьезную покупку. Или путешествовать. А уж в аэропорту за двадцать минут до отлета без карточки просто не обойтись. Такие установки привели бы к задержке, препирательствам и необходимости заполнять кучу бумаг — трем вещам, которых Ричер всегда старался избегать. Поэтому он решил соблюдать осторожность. Он изображал из себя парня, который не может завести себе кредитную карту, даже если очень хочет, этакого простого рабочего с кучей долгов и проблем. Наглухо застегнутая рубашка и то, как он осторожно перебирал купюры, сделали свое дело. Он выглядел смущенным и растерянным. И служащие за стойкой тут же встали на его сторону. Они получали гроши и вели собственную войну с кредитными карточками. Они видели перед собой человека, оказавшегося даже в худшем, чем они, положении, и их инстинктивной реакцией стало сочувствие, а не подозрительность.

— Выход B-шесть, сэр, — сказала девушка. — Я дала вам место у окна.

— Спасибо, — поблагодарил ее Ричер.

Он подошел к выходу и через пятнадцать минут сидел в самолете, мчавшемся по взлетной полосе, и испытывал почти то же самое, что пережил в «порше» Кристал, если не считать того, что ему некуда было вытянуть ноги, а место рядом пустовало.

Честер Стоун сдался в шесть часов. Он отключил будильник на полчаса раньше и осторожно выбрался из кровати, чтобы не разбудить Мэрилин. Сняв халат с крючка в ванной, он спустился на кухню. Завтракать ему не хотелось, и он выпил кофе, а потом отправился в душ в гостевую комнату, где мог шуметь сколько угодно. Он хотел, чтобы Мэрилин спала и чтобы не знала, что он спать не может. Она просыпалась каждую ночь, спрашивала, почему он не спит, но потом больше об этом не говорила, и он решил, что утром она просто ничего не помнит или думает, что ему приснился плохой сон. Он был совершенно уверен, что Мэрилин ничего не знает. И его это радовало, потому что он не хотел, чтобы жена разделяла его беспокойство и тревогу.

Он побрился, встал под душ и принялся размышлять о том, что наденет и как следует себя вести. Правда заключалась в том, что ему придется буквально встать на колени перед этим типом. Перед тем, кто даст ему

последнюю надежду. И шанс на спасение. Этот человек держал его будущее в своих руках. И как же с ним разговаривать? Только не на коленях. Так дела не делают. Если ты не скрываешь, что тебе отчаянно необходим заем, ты его никогда не получишь. А вот если ведешь себя так, будто он тебе не слишком-то и нужен, тогда тебе его преподнесут на блюдечке. Словно для тебя это не имеет особого значения, словно ты еще не решил окончательно, стоит ли позволить заимодавцу встать на одну с тобой доску и получить маленькую долю огромных, восхитительных прибылей, которые приносит твое предприятие. Словно главная твоя проблема состоит в том, чтобы решить, чье предложение принять к рассмотрению.

Конечно же, белая рубашка и не слишком яркий галстук. Но какой костюм? Итальянский, наверное, будет слишком кричаще. Не «Армани». Он должен выглядеть как солидный человек. Достаточно богатый, чтобы купить себе дюжину «Армани», но слишком серьезный, чтобы даже подумать об этом. Слишком серьезный и слишком занятый решением важных проблем, чтобы тратить время на магазины на Мэдисон-авеню. Честер Стоун решил, что в данном случае ключевым словом будет «наследственность». Три поколения успешных бизнесменов и династический подход к одежде. Ну, как будто его дед отвел отца к своему портному и познакомил его с ним, затем отец отвел к нему его самого. Он вспомнил о своем костюме от «Брукс бразерс». Старый, но выглядит великолепно, в приглушенную клетку, немного слишком теплый для июня. Подойдет ли «Брукс бразерс» для умного двойного блефа, который он задумал? Вроде как хочет сказать своему собеседнику: «Я богат и успешен, и мне совершенно все равно, что носить». Или он будет выглядеть в нем как человек, у которого серьезные проблемы?

Честер Стоун снял костюм с вешалки и приложил к себе. Классический, но немодный. Да, Стоун будет выглядеть в нем как человек, у которого очень серьезные проблемы. Он убрал костюм обратно в шкаф. Попробовал элегантный серый костюм из Лондона. Отлично. Из зеркала на него смотрел состоятельный джентльмен, мудрый, обладающий вкусом, абсолютно надежный. Он выбрал галстук с легким намеком на рисунок и пару великолепных черных ботинок. Надел все это и принялся изучать свое отражение в зеркале. Лучше не придумаешь. С такой внешностью он почти мог бы себе доверять. Стоун допил кофе, промокнул губы и тихонько прошел в гараж. Сел в свой «бенц» и в шесть сорок пять уже мчался по пустой Меррит-паркуэй.

Ричер провел на земле Атланты пятьдесят минут, затем его самолет снова взлетел и направился на северо-восток, в сторону Нью-Йорка. Над Атлантикой сияло солнце, оно заглядывало в окна по правому борту, заливая салон холодным сиянием рассвета на большой высоте. Ричер

пил кофе. Стюардесса предложила ему воду, но он попросил кофе. Напиток оказался густым и черным, и Ричер не стал добавлять в него молоко. Кофе был ему нужен, чтобы подпитать мозг и попытаться вспомнить, кто такая, черт подери, эта миссис Джейкоб. И почему она наняла Костелло искать его по всей стране.

Вскоре они подлетели к аэропорту Ла Гуардиа, и Ричеру понравилась картина, представшая его глазам. Медленные, ленивые круги над Манхэттеном, залитым ярким утренним солнцем. Как в миллионе фильмов, которые ему довелось видеть, только без музыки. Самолет начал снижаться, под ним проносились высокие здания, окрашенные солнцем в золотистые тона. Башни-близнецы Всемирного торгового центра. Эмпайр-стейт-билдинг. Его любимый Крайслер-билдинг. Здание корпорации «Ситигруп». А потом они сделали круг и направились к северному берегу Куинса и на посадку. Здания Мидтауна на противоположном берегу реки пронеслись мимо окон, когда они свернули и покатили по терминалу.

Встреча была назначена на девять часов. Честера Стоуна это раздражало. Не само время. Девять часов — разгар рабочего дня для большинства компаний, расположенных на Манхэттене. Его раздражал и выводил из равновесия сам факт встречи. Честеру Стоуну уже много лет никто не назначал никаких встреч. Он вообще не мог вспомнить, случалось ли с ним когда-нибудь такое. Возможно, его деду в первые годы существования компании и приходилось ходить на деловые встречи. Но с тех пор все изменилось. У каждого из трех Честеров Стоунов был секретарь, который записывал посетителей на прием в удобное для босса время. Зачастую посетителям приходилось ждать по нескольку дней, прежде чем в чрезвычайно плотном графике появлялось окошко, но и в этом случае они проводили в приемной не один час. А сейчас все обстояло иначе. И это ужасно злило Честера Стоуна.

Он приехал раньше, потому что очень нервничал. Он провел в своем кабинете сорок минут, прокручивая разные варианты. Их не осталось. Как ни крути, от успеха его отделяли один миллион сто тысяч долларов и шесть недель. И это просто душило его. Потому что это был не эффектный крах и не полная катастрофа, а взвешенный и реалистичный ответ на состояние дел, которое было почти в порядке. Почти, но не совсем. Вроде почти удачного удара по мячу в гольфе, когда мяч не докатывается до лунки всего на дюйм. Очень близко, но все же недостаточно близко.

В девять часов утра Всемирный торговый центр представляет собой шестой по величине город штата Нью-Йорк. Он больше Олбани. Всего шестнадцать акров земли, но днем его «население» составляет сто тридцать тысяч человек. Пока Честер стоял на площади, людской поток

обтекал его со всех сторон — так, наверное, его дед мог стоять по колено в реке Гудзон. Из окна своего кабинета Честер был свидетелем того, как земляная насыпь отвоевала территорию у воды и громадные башни вознеслись к самым небесам, прочно устроившись на осушенном дне реки.

Он посмотрел на часы и вошел внутрь. Поднялся на лифте на восемьдесят восьмой этаж и шагнул в тихий пустой коридор. Узкий, с низким потолком. Закрытые двери офисов с маленькими прямоугольными окошками из армированного стекла. Он нашел нужную дверь, заглянул в окошко и нажал на кнопку звонка. Щелкнул замок, и он оказался в приемной, самой обычной, на удивление простой. За отделанной бронзовыми пластинами деревянной конторкой — намек на богатство хозяина кабинета — сидел секретарь. Честер Стоун выпрямил спину и направился прямо к нему.

— Честер Стоун, — твердым голосом представился он. — У меня на девять часов назначена встреча с мистером Хоби.

Секретарь-мужчина стал для него первым сюрпризом. Он ожидал увидеть женщину. Но на этом сюрпризы не закончились. Его сразу же провели в кабинет, не заставив ждать в приемной. Он думал, что ему придется долго сидеть на неудобном стуле перед дверью. Сам он поступил бы именно так. Если бы к нему явился человек, оказавшийся в отчаянном положении и рассчитывающий получить заем, он заставил бы его помучиться перед своим кабинетом хотя бы минут двадцать. Это же чистой воды психология.

Кабинет оказался очень большим, и Честер сразу понял, что часть стен просто убрали. Внутри было темно. Одна стена представляла собой громадное окно, закрытое вертикальными жалюзи с узкими щелями. Большой рабочий стол, напротив него три дивана, составляющие прямоугольник. По краям диванов торшеры. Посередине на ковре огромный кофейный стол из стекла и бронзы. Все вместе очень похоже на гостиную в витрине мебельного магазина.

За столом сидел мужчина. Честер отправился в долгий путь к нему. Прошел между диванами, обогнул кофейный стол, остановился перед письменным столом и протянул правую руку.

— Мистер Хоби? Я Честер Стоун, — сказал он.

Человек, сидевший за столом, сильно обгорел, и все его лицо с одной стороны было покрыто шрамами. Оно было чешуйчатым, как кожа рептилии. Стоун в ужасе отвернулся, но все равно видел его краем глаза. Оно напоминало обгоревшую куриную лапу, неестественно розовую. Там, где заканчивался лоб и начиналась линия волос, никаких волос не было, дальше шли какие-то жесткие клочья, которые постепенно

превращались в нормальные волосы. Правда, седые. Шрамы были жесткими и выпуклыми, но на здоровой стороне лица кожа осталась мягкой и морщинистой. Честер решил, что ему лет пятьдесят или пятьдесят пять. Хоби сидел на плотно придвинутом к столу стуле, положив руки на колени. Стоун стоял, усилием воли заставив себя смотреть на диковинного человека, его правая рука нависла над столом.

Очень неприятный момент. Нет ничего более унизительного, чем стоять с протянутой рукой, когда твой жест игнорируют. Довольно глупо продолжать так стоять, но еще хуже — убрать руку. Поэтому он решил ждать, когда мистер Хоби ответит на его рукопожатие. Неожиданно тот пошевелился, оттолкнулся от стола левой рукой и вытащил правую, чтобы поздороваться со Стоуном. Только это была не рука, а металлический крюк, который торчал из манжета. Не искусственная рука или сложный протез, а самый обычный крюк в форме заглавной буквы J, сделанный из сверкающей нержавеющей стали и отполированный до блеска. Стоун собрался было его пожать, но тут же убрал руку и замер на месте. По здоровой стороне лица мистера Хоби промелькнула мягкая улыбка, словно его совсем не обидело поведение Стоуна.

— Меня называют Крюк Хоби, — сказал он и сел со строгим выражением на лице, подняв свой крюк вверх, словно экспонат для изучения.

Стоун сглотнул и попытался успокоиться. На мгновение у него мелькнула мысль предложить для рукопожатия левую руку. Он знал, что некоторые люди так поступают. У его дяди был удар, и последние десять лет своей жизни он всегда протягивал левую руку для рукопожатия.

— Присаживайтесь, — предложил Крюк Хоби.

Стоун с благодарностью кивнул и, сделав несколько шагов назад, уселся на край дивана. Он оказался боком к столу, но радовался уже тому, что можно чем-то заняться. Хоби посмотрел на него и положил руку на стол. Крюк ударил о деревянную поверхность с глухим металлическим стуком.

— Вы хотите взять взаймы, — сказал Хоби.

Обожженная сторона его лица не двигалась, она была толстой и жесткой, как спина крокодила. Внутри у Стоуна все сжалось, и он посмотрел на кофейный столик. Затем кивнул и принялся разглаживать брюки на коленях. Снова кивнул и попытался вспомнить свой план действий.

— Мне нужно залатать дыры, — сказал он. — Шесть недель, один миллион сто тысяч долларов.

— Банк? — спросил Хоби.

Стоун уставился в пол. Столешница была из стекла, а под ней лежал ковер с великолепным узором. Стоун с умным видом пожал плечами, словно хотел вместить в этот простой жест целых сто пунктов тайной стратегии бизнесмена, имеющего дело с человеком, которого он даже подумать не может оскорбить предположением, будто тот о них не знает.

— Я предпочитаю к ним не обращаться, — сказал он. — Разумеется, у нас есть заемное соглашение, но я получил выгодный процент на основании того, что это фиксированная сумма и фиксированный срок, без дополнительных условий. Надеюсь, вы понимаете, что мне не хочется нарушать нашу договоренность из-за такой небольшой суммы.

Хоби пошевелил правой рукой, и крюк заскрежетал по дереву.

— Все это ерунда, мистер Стоун, — тихо сказал он.

Стоун ничего не ответил, он прислушивался к скрежету крюка.

— Вы служили? — спросил его Хоби.

— Что, простите?

— В армии были? Во Вьетнаме?

Стоун с трудом сглотнул. Вот откуда ожоги и крюк.

— Нет, — сказал он. — У меня была отсрочка из-за колледжа. Я очень хотел туда попасть, разумеется, но к тому моменту, когда я получил диплом, война закончилась.

Хоби едва заметно кивнул.

— Я там был, — сообщил он. — И один из уроков, которые я там получил, заключается в важности сбора сведений. Я применяю его в своем бизнесе.

В темном офисе повисло молчание. Стоун кивнул, повернул голову и посмотрел на край стола. Изменил свой первоначальный план.

— Ладно, — сказал он. — Надеюсь, вы не станете винить меня за то, что я попытался сделать вид, будто у нас все не так уж плохо.

— Вы практически по уши в дерьме, — сказал Хоби. — На самом деле вы платите своему банку самый высокий процент, и новый заем вам ни за что не дадут. Однако вы неплохо справляетесь, пытаясь выбраться из ситуации, в которой оказались. Вам это почти удалось.

— Почти, — согласился с ним Стоун. — Нам нужно шесть недель и один миллион сто тысяч долларов.

— Как и все люди, я специализируюсь на определенных делах, — проговорил Хоби. — На делах вроде вашего. Когда у солидных предприятий возникают временные и ограниченные проблемы дефицита. Проблемы, которые не могут решить банки, потому что они специализируются в других областях, иными словами, лишены воображения и отличаются невероятной тупостью.

Он снова пошевелил крюком, и тот заскрежетал по поверхности дубового стола.

— У меня вполне разумные цены, — продолжал он. — Я не ростовщик. Речь не идет о ста процентах. Думаю, я смогу одолжить вам требуемую сумму под шесть процентов на шесть недель.

Стоун снова провел ладонями по коленям брюк. Шесть процентов на шесть недель? Сколько это в год? Почти пятьдесят два. Он возьмет один миллион сто тысяч сейчас, а через шесть недель полностью его вернет плюс шестьдесят шесть тысяч долларов. Одиннадцать тысяч в неделю. Да, не ростовщические условия. Однако близко к тому. Но, по крайней мере, Хоби не отказал в займе.

— А как насчет гарантий? — спросил Стоун.

— Я возьму акциями, — ответил Хоби.

Стоун заставил себя поднять голову и посмотреть на него. Видимо, это своего рода проверка? Он с трудом сглотнул и решил, что сейчас, когда дело уже почти сделано, нужно быть честным.

— Акции ничего не стоят, — тихо проговорил он.

Хоби кивнул своей ужасной головой, как будто ответ Стоуна доставил ему удовольствие.

— Сейчас не стоят, — сказал он. — Но ведь скоро положение изменится, не так ли?

— Только после того, как ваш риск закончится, — ответил Стоун. — Таков парадокс. Акции поднимутся в цене, когда я верну вам долг и ситуация стабилизируется.

— Вот тогда я и получу прибыль, — сказал Хоби. — Я ведь не говорю о временной передаче акций. Я намерен получить и сохранить ваши акции.

— Сохранить? — переспросил Стоун, который не смог скрыть удивления.

Пятьдесят два процента прибыли и еще акции в подарок?

— Я всегда так поступаю, — пояснил Хоби. — Отнесите это на счет моей сентиментальности. Мне нравится владеть частью бизнеса, которому я помогаю. Многие с радостью соглашаются на такое условие.

Стоун сглотнул, отвернулся, задумался над вариантами, которые у него имелись. Пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. — Думаю, мы договоримся.

Хоби открыл левый ящик стола и достал оттуда печатный бланк, который подтолкнул в сторону Стоуна.

— Я подготовил договор, — сказал он.

Стоун дотянулся со своего дивана и взял бумагу. Это было соглашение о займе в один миллион сто тысяч долларов на шесть недель под шесть процентов и стандартный договор о передаче пакета акций. Пакета, который недавно стоил миллион долларов и, возможно, будет стоить столько же в ближайшем времени. Стоун удивленно заморгал.

— Иначе никак нельзя, — заявил Хоби. — Я же говорил вам, что специализируюсь на делах, подобных вашему. А правда состоит в том, что вы больше нигде ничего не получите.

Хоби сидел в шести футах от него за своим столом, но у Стоуна вдруг возникло ощущение, будто он оказался рядом с ним на диване, его ужасное лицо находится всего в нескольких дюймах от его собственного лица, а сверкающий крюк вгрызается в его внутренности. Он кивнул, сделав едва заметное движение головой, и стал искать в пиджаке свою толстую перьевую ручку «Монблан». Затем наклонился и поставил в двух местах свою подпись, ощущая под бумагой холодную стеклянную поверхность кофейного столика. Хоби не сводил с него глаз.

— Полагаю, вы хотите, чтобы деньги поступили на ваш операционный счет? — спросил он. — Чтобы их не видели другие банки?

Стоун кивнул словно в забытьи.

— Это было бы очень хорошо, — сказал он.

Хоби сделал у себя пометку.

— Они поступят на ваш счет через час.

— Спасибо, — сказал Стоун, чувствуя, что так будет правильно.

— Вот теперь я действительно рискую, — заметил Хоби. — Шесть недель, и никаких реальных гарантий. Очень неприятное чувство.

— Проблем не будет, — сказал Стоун, глядя в пол.

Хоби кивнул:

— Уверен, что не будет.

Он наклонился вперед и нажал на кнопку интеркома, которая находилась перед ним. Стоун услышал, как в приемной едва слышно прозвучал сигнал.

— Досье Стоуна, пожалуйста, — сказал Хоби в микрофон.

На мгновение воцарилась тишина, затем дверь открылась и к столу Хоби подошел секретарь. Он наклонился и положил перед Хоби тонкую зеленую папку, которую держал в руках. После этого вышел и тихо прикрыл за собой дверь. Хоби при помощи крюка подтолкнул папку к краю стола.

— Посмотрите, — предложил он.

Стоун взял папку, открыл ее и увидел фотографии. Несколько больших черно-белых фотографий, восемь на десять дюймов, на глянцевой бумаге. На первом снимке, явно сделанном из машины, стоявшей в конце его подъездной дороги, был изображен его дом. На втором, снятом при помощи длиннофокусного объектива, — его жена Мэрилин в саду. На третьем — Мэрилин, выходящая из салона красоты, в котором регулярно бывала. Зернистая картинка, длиннофокусный объектив. Явно из какого-то укрытия, тайно. На четвертой фотографии — крупным планом номер ее БМВ.

На пятом снимке тоже Мэрилин, ее сфотографировали ночью, через окно их спальни. Она в халате, волосы распущены, похоже, что они влажные. Стоун не сводил с нее глаз. Чтобы сделать такую фотографию, нужно было стоять на лужайке за домом. Перед глазами у него все поплыло, в ушах звенело от наступившей тишины. Затем он собрал снимки и закрыл папку. Медленно положил на стол. Хоби наклонился вперед, прижал кончик крюка к толстой зеленой бумаге и потянул к себе. Крюк громко скрипел по столу.

— Вот мои гарантии, мистер Стоун, — сказал Хоби. — Но как вы уже сказали, проблем наверняка не будет.

Честер Стоун ничего не ответил. Он встал и, обходя мебель, подошел к двери. Миновал приемную, оказался в коридоре, потом в лифте. Спустился на восемьдесят восемь этажей, и яркое утреннее солнце ударило его по лицу, точно звонкая пощечина.

Глава 3

То же самое солнце припекало шею Ричера, когда он ехал на Манхэттен на заднем сиденье такси, за рулем которого сидел цыган. Ричер

предпочитал пользоваться услугами нелицензированных водителей, из тех, кто не особенно капризничает при выборе пассажиров. Это отвечало его привычке держаться в тени. Вряд ли кто-нибудь станет отслеживать его передвижения и расспрашивать таксистов, но водитель, который не может признаться, что он таковым является, — самый надежный способ скрыться от наблюдения. А кроме того, он мог поторговаться насчет платы за проезд. Со счетчиком в желтом такси не поспоришь.

Они проехали по мосту Трайборо и попали на Манхэттен со стороны Сто двадцать пятой улицы, потом дальше на запад по довольно оживленным улицам к площади Рузвельта. Здесь Ричер попросил шофера остановиться, а сам молча сидел, обдумывая ситуацию и оглядываясь по сторонам. Он думал о дешевом отеле, но таком, в котором работают телефоны. И имеются целые телефонные книги, без вырванных страниц. Он решил, что в этом районе все три требования вряд ли будут удовлетворены. Но все равно вышел из машины и заплатил парню. Последнюю часть пути он решил пройти пешком. Без посторонних глаз. Это тоже соответствовало его привычкам.

Два молодых человека в мятых костюмах за тысячу долларов подождали, пока Честер Стоун скроется из виду. Затем вошли во внутренний офис и, ловко маневрируя между мебелью, встали перед столом. Хоби посмотрел на них, открыл ящик стола, убрал подписанные договора и фотографии и достал новый блокнот с желтыми листками. После этого он положил свой крюк на стол и повернулся на стуле так, чтобы свет из окна падал на здоровую часть его лица.

— Ну?

— Мы только что вернулись, — сказал один.

— Вы собрали информацию, за которой я вас посылал?

Другой кивнул и сел на диван.

— Он искал человека по имени Ричер.

Хоби сделал запись в своем блокноте.

— Кто он такой?

Наступило короткое молчание.

— Мы не знаем, — сказал первый.

Хоби медленно кивнул.

— Кто был клиентом Костелло?

Новое молчание.

— Мы не знаем.

— Это очень важные вопросы, — проговорил Хоби.

Первый тип в костюме за тысячу долларов молча смотрел на Хоби, но ему явно было не по себе.

— Вам не пришло в голову задать ему столь важные вопросы?

Второй кивнул.

— Мы их задавали. Без конца, как полоумные.

— Но Костелло не захотел ответить?

— Он собирался, — сказал первый тип.

— Но?

— Умер, — сказал второй. — Просто взял и умер. Он был старым и толстым. Может быть, сердце не выдержало. Мне очень жаль, сэр. Нам обоим жаль.

Хоби снова кивнул, и снова очень медленно.

— Как насчет идентификации?

— Никак, — сказал первый. — Это невозможно сделать.

Хоби посмотрел на подушечки своей левой руки.

— Где нож?

— В море, — ответил второй.

Хоби пошевелил рукой и принялся концом крюка отбивать на столе дробь. Некоторое время он думал, потом решительно кивнул.

— Хорошо, будем считать, что вы не виноваты. Слабое сердце, что вы могли сделать?

Первый расслабился и сел рядом со своим партнером на диван. Они сорвались с крючка, а здесь это выражение имело особое значение.

— Мы должны найти заказчика, — сказал Хоби, обращаясь к тишине.

Оба типа закивали и стали ждать дальнейших распоряжений.

— У Костелло наверняка имелась секретарша, верно? — сказал Хоби. — Она должна знать имя клиента. Привезите ее ко мне.

Оба типа остались сидеть на диване.

— Что?

— Джек Ричер, — начал первый. — Предположительно крупный парень, который вот уже три месяца живет в Ки-Уэсте. Костелло признался нам, что ему рассказывали про крупного парня, три месяца в Ки-Уэсте, работает в ночном баре. Мы туда сходили. Там действительно работает крупный, серьезный парень, но он заявил, что он не Джек Ричер.

— И что?

— Аэропорт Майами, — вмешался второй. — Мы летели на «Юнайтед», потому что рейс прямой. Но чуть раньше в Нью-Йорк вылетала «Дельта», через Атланту.

— И что?

— Крупный парень из бара. Мы видели, как он шел на посадку.

— Уверены?

Первый кивнул.

— На девяносто девять процентов. Он был довольно далеко впереди, но он по-настоящему большой, пропустить его трудно.

Хоби снова принялся постукивать крюком по столу. Погрузился в размышления.

— Ладно, он Ричер, — сказал он. — Должен быть, так? Костелло про него расспрашивал, потом в тот же самый день появились вы и тоже стали задавать вопросы, это его испугало, и он решил сбежать. Но куда? Сюда?

Второй тип кивнул.

— Если он не сошел в Атланте, он здесь.

— Но почему? — спросил Хоби. — И кто он такой, черт его побери?

Он на пару минут задумался и ответил на собственный вопрос:

— Секретарша расскажет мне, кто был клиентом Костелло, верно?

Затем он улыбнулся.

— А клиент сообщит мне, кто такой этот Ричер.

Два типа в дорогих костюмах закивали головами и встали. Старательно обошли мебель и покинули кабинет.

Ричер шел по Центральному парку и пытался оценить размеры задачи, которую перед собой поставил. Он был уверен, что прилетел в нужный город. Произношение всех троих определенно указывало на Нью-Йорк. Однако здесь живет семь с половиной миллионов человек в пяти районах, а с пригородами получится все восемнадцать. Восемнадцать

миллионов человек, не склонных разбалтывать свои секреты, когда у них возникает нужда в опытном и действующем быстро частном детективе. Интуиция подсказывала ему, что офис Костелло может находиться на Манхэттене, но миссис Джейкоб вполне могла жить и в пригороде. Если ты женщина, живущая в пригороде, и тебе нужен частный сыщик, где ты станешь его искать? Естественно, не около супермаркета или проката видеокассет. И не в большом универмаге рядом с магазинами, где продают одежду. Ты берешь «Желтые страницы» ближайшего большого города и начинаешь звонить по телефону. Ты разговариваешь с частным детективом, и он к тебе приезжает, либо ты садишься на поезд и едешь к нему. Из любого места в густо населенном районе, протянувшемся на сотни квадратных миль.

Ричер решил не снимать номер в отеле. Вполне возможно, что он справится за час. Кроме того, ему требовалась информация, которой отель не мог его обеспечить. Ему требовались телефонные книги всех пяти районов Нью-Йорка с пригородами. Вряд ли они найдутся в отеле. К тому же за телефонные разговоры из отеля придется заплатить сумму, не входившую в его планы. Работа на строительстве бассейнов не сделала его богатым.

Поэтому он отправился в публичную библиотеку на пересечении Сорок пятой и Пятой улиц. Ему казалось, что она самая большая в мире, но наверняка он не помнил. Может, и нет. Но в любом случае достаточно большая, чтобы он смог найти все телефонные книги, какие ему нужны, а также широкие столы и удобные стулья. Четыре мили от площади Рузвельта, час быстрым шагом с остановками на пересечениях улиц и заходом в канцелярский магазин, чтобы купить блокнот и карандаш.

Следующим в кабинет Хоби вошел секретарь и запер за собой дверь. Пересек комнату и уселся на диван, ближайший к столу. Молча посмотрел на Хоби долгим суровым взглядом.

— Что? — спросил Хоби, хотя знал ответ на свой вопрос.

— Вам нужно убираться отсюда, — сказал секретарь. — Здесь становится опасно.

Хоби не ответил ему, взял левой рукой свой крюк и провел по его жуткой поверхности пальцами.

— Вы все спланировали, — сказал секретарь. — Вы обещали. Какой смысл планировать и давать обещания, если вы не собираетесь делать то, что должны?

Хоби пожал плечами и ничего не ответил.

— Мы получили сигнал с Гавайев, так? — напирал секретарь. — Вы планировали уехать отсюда, как только поступит сигнал.

— Костелло не был на Гавайях, — сказал Хоби. — Мы проверили.

— Еще хуже. Кто-то другой там побывал. Кто-то, кого мы не знаем.

— Рутина, — сказал Хоби. — Иначе и быть не может. Сам подумай, зачем кому-то отправляться на Гавайи, пока к нам не поступил сигнал с другой стороны? Ты же знаешь, что это последовательность. Сначала приходит первый сигнал, потом сигнал с Гавайев. Все по порядку, и тогда пора бежать. Только тогда, и не раньше.

— Вы обещали, — повторил секретарь.

— Еще рано, — возразил ему Хоби. — Это нелогично. Ну подумай хорошенько. Если ты увидишь, как кто-то покупает пистолет и коробку с пулями, а потом наставляет его на тебя, ты испугаешься?

— Конечно.

— А я нет, — заявил Хоби. — Потому что он не зарядил пистолет. Первый шаг — это купить пистолет и пули, второй шаг — его зарядить. Пока мы ничего не услышали из другого места, Гавайи будут оставаться незаряженным пистолетом.

Секретарь откинул голову на спинку дивана и посмотрел в потолок.

— Почему вы это делаете?

Хоби выдвинул ящик стола и достал досье Стоуна. Вынул из него подписанный договор. Повернул бумагу так, чтобы на подписи, сделанные ярко-синими чернилами, падал тусклый свет из окна.

— Шесть недель, — сказал он. — Может быть, меньше. Это все, что мне нужно.

Секретарь вытянул вперед голову и прищурился.

— Ради чего?

— Ради самого большого куска, который мне удалось урвать, — ответил Хоби. Он расправил договор на столе и постучал по нему крюком. — Стоун только что отдал мне свою компанию. Три поколения тяжелого труда, а этот придурок преподнес мне их на тарелочке.

— Нет, он преподнес вам на тарелочке кусок дерьма. Вы заплатили один миллион сто тысяч долларов за бумажку, которая ничего не стоит.

Хоби улыбнулся.

— Расслабься и позволь думать мне, ладно? У меня это неплохо получается, согласен?

— Хорошо, и как вы намерены прибрать его к рукам? — спросил секретарь.

— Ты знаешь, что ему принадлежит? Большой завод на Лонг-Айленде и огромный особняк в Паунд-Ридже. Пятьсот домов вокруг завода. Всего получается примерно три тысячи акров, недвижимость близ побережья на Лонг-Айленде, которая просто умоляет, чтобы кто-нибудь начал ее развивать.

— Дома ему не принадлежат, — возразил секретарь.

— Не принадлежат, — не стал спорить с ним Хоби, — по большей части они заложены в маленьком банке в Бруклине.

— Так что вы собираетесь делать? — снова спросил секретарь.

— А ты подумай, — сказал Хоби. — Предположим, я выставлю акции на рынок.

— И ничего, кроме дерьма, за них не получите, — заявил секретарь. — Они ничего не стоят.

— Верно, ничего. Но банкиры, с которыми он имеет дело, этого пока не знают. Он им наврал. Не рассказал о своих проблемах. Иначе почему он пришел ко мне? Банкиры попытаются выяснить, сколько стоят акции, и запросят оценку на бирже. Им скажут, что акции стоят меньше дерьма. Что будет дальше?

— Они запаникуют, — ответил секретарь.

— Правильно, — сказал Хоби. — Они запаникуют, сообразив, что у них на руках дефицит, причем без всякого обеспечения, и наделают полные штаны. И вот тут появится Крюк Хоби, который предложит им двадцать центов за каждый доллар долга Стоуна.

— Они на это пойдут? Двадцать центов за доллар?

Хоби улыбнулся, и его шрамы пришли в движение.

— Пойдут, — ответил он. — Они с радостью отгрызут мне здоровую руку, чтобы получить то, что я им предложу. И добавят к нашей сделке все свои акции.

— Хорошо, и что дальше? Как насчет домов?

— То же самое, — сказал Хоби. — Я владею акциями, значит, завод тоже принадлежит мне. Я его закрою. Рабочие лишатся своих мест, отсюда непогашенные в срок закладные. Бруклинский банк будет в ужасе. Я выкуплю закладные по десять центов за доллар, лишу всех права выкупа и выброшу их вон. Затем найму пару бульдозеров и получу три тысячи

акров первоклассной недвижимости на Лонг-Айленде. Плюс большой особняк в Паунд-Ридже. По моим прикидкам получается восемь миллионов сто тысяч долларов. Один особняк стоит два миллиона. Значит, у меня останется пакет стоимостью в шесть миллионов сто тысяч долларов, за который я смогу получить на рынке сто миллионов, если все сделаю правильно.

Секретарь молча уставился на него.

— Вот зачем мне нужны шесть недель, — пояснил Хоби.

И тут секретарь покачал головой.

— Не выйдет, — сказал он. — Это старый семейный бизнес. Стоун владеет контрольным пакетом акций. Они не все продаются. Его банку принадлежит только часть. Он не позволит вам все это провернуть.

Хоби тоже покачал головой.

— Он мне их продаст. Все до одной.

— Не продаст.

— Вот увидишь, продаст.

В публичной библиотеке Ричер узнал плохую и хорошую новости. На Манхэттене, в Бронксе, Бруклине, Куинсе, на Стейтен-Айленде, Лонг-Айленде, в Уэстчестере, на побережье Джерси и в Коннектикуте проживало огромное количество людей по фамилии Джейкоб. Ричер решил взять территорию в радиусе одного часа от города. Когда людям, живущим в часе езды от большого города, что-то нужно, они инстинктивно отправляются именно туда. Если же они живут дальше, то, наверное, не всегда. Он делал пометки карандашом в своем блокноте и насчитал сто двадцать девять потенциальных кандидатов на роль миссис Джейкоб, у которой возникла какая-то проблема.

Однако в «Желтых страницах» не нашлось частного сыскного агентства Костелло. Множество Костелло на белых страницах, и ни одного официально зарегистрированного под этим именем. Ричер вздохнул. Он был разочарован, но не удивлен. Вряд ли ему могло настолько повезти, что он открыл бы справочник и на первой странице увидел бы: «Детективное агентство Костелло. Мы специализируемся на поиске отставных военных полицейских в Ки-Уэсте».

Множество агентств имели родовые имена, и они соревновались друг с другом за первое место в списке, взяв в свое название заглавную букву А. Например, «А-Один» или «АА-детективы» и тому подобное. Другие взяли географические названия вроде «Манхэттен» или «Бронкс». Кое-кто вышел на рынок, напечатав рядом со своим названием:

«паралегальные услуги». Одно агентство заявляло в качестве рекламы, что у них наследственный бизнес, который с незапамятных времен носит название «Галоша». В двух работали только женщины и только для женщин.

Ричер вернулся к белым страницам, взял в руки блокнот и переписал пятнадцать номеров Департамента полиции Нью-Йорка. Затем некоторое время сидел, раздумывая, что делать дальше. Вышел из библиотеки, миновал гигантских сидящих львов и направился к телефону-автомату. Положив блокнот на телефон вместе с кучкой четвертаков, которые нашел у себя в кармане, он начал набирать номера участков. Всякий раз он спрашивал администрацию, надеясь, что ему ответит какой-нибудь старый сержант, просидевший на этой работе много лет и знающий все, что стоит знать.

Он попал в яблочко на четвертом звонке. В первых трех участках ему не смогли помочь, но ему не показалось, что их это огорчило. Четвертый звонок поначалу ничем не отличался от предыдущих: быстрый вопрос, длинная пауза, затем гнусавый голос, раздающийся откуда-то из самых недр заваленного бумагами архива.

— Я ищу человека по имени Костелло, — сказал Ричер. — Он ушел в отставку и начал работать частным детективом, возможно, на себя или на кого-то еще. Ему лет шестьдесят.

— Угу, а вы кто? — спросили его на том конце провода.

Акцент такой же, как у Костелло. Словно это он сам говорит.

— Меня зовут Картер, — сказал Ричер. — Как президента.

— А зачем вам нужен Костелло, мистер Картер?

— У меня для него кое-что есть, но я потерял его визитку, — сказал Ричер. — И не могу найти его номер в справочнике.

— Потому что его там нет. Он работает только на адвокатов. На других клиентов он не работает.

— Значит, вы его знаете?

— Знаю ли я его? Конечно знаю. Он пятнадцать лет проработал в этом здании детективом. Неудивительно, что я его знаю.

— А знаете, где находится его офис?

— Где-то в Виллидже, — прозвучал ответ, и голос замолчал.

Ричер отодвинул трубку в сторону и тихо вздохнул. Все равно что зуб вырывать.

— Где в Виллидже?

— Гринвич-авеню, если я не ошибаюсь.

— А номер дома?

— Не знаю.

— Номер телефона?

— Нет.

— Вы случайно не знаете женщину по имени Джейкоб?

— А я должен?

— Просто выстрел наугад, — ответил Ричер. — Она была его клиенткой.

— Никогда о такой не слышал.

— Ладно, спасибо за помощь, — сказал Ричер.

— Угу, — ответил голос.

Ричер повесил трубку и снова вернулся в библиотеку. Еще раз проверил белые страницы Манхэттена в поисках Костелло на Гринвич-авеню. Ничего. Он вернул справочник на полку, вышел на залитую солнцем улицу и зашагал прочь.

Гринвич-авеню — длинная прямая улица, которая по диагонали уходит на юго-восток от пересечения Четырнадцатой и Восьмой улиц к пересечению Восьмой и Шестой. По обе стороны расположены невысокие, очень характерные для этого района дома, первые этажи которых по большей части заняты маленькими магазинчиками и галереями. Ричер прошел сначала по северной стороне, но не нашел там того, что искал. В конце улицы, рискуя попасть под машину, перебрался на другую сторону и двинулся в обратном направлении. Где-то посередине он обнаружил маленькую медную табличку, прикрепленную к каменному косяку двери. Табличка, одна из нескольких висящих там, представляла собой тщательно отполированный прямоугольник, и на ней было написано: «Костелло».

Черная дверь была открыта. Войдя внутрь, Ричер обнаружил крошечный вестибюль с доской, затянутой вельветом, на котором были вдавлены белые пластмассовые буквы, указывавшие на то, что здание поделено на десять маленьких квартир-офисов. Под номером «пять» значился Костелло. Из вестибюля вела застекленная дверь, она была заперта. Ричер нажал на звонок под номером «пять». Никакого ответа. Тогда он принялся стучать изо всех сил, но и это не помогло. Он позвонил в шестой офис. Ему ответил не слишком внятный голос:

— Да?

— Единая посылочная служба, — сказал он.

Дверь зажужжала и со щелчком открылась.

Дом был трехэтажным, а если считать отдельный подвал, то четырехэтажным. На первом этаже располагались офисы под номерами один, два и три. Ричер поднялся по лестнице и обнаружил офис номер четыре слева, номер шесть — справа и номер пять — в задней части, причем дверь в него находилась под углом к лестнице, ведущей на третий этаж.

Дверь из гладко отполированного красного дерева была открыта. Не распахнута настежь, лишь слегка приоткрыта. Ричер толкнул ее носком ботинка и увидел маленькую тихую приемную размером с номер мотеля. Стены выкрашены в пастельные тона — что-то среднее между светло-серым и светло-голубым. На полу толстый ковер. Секретарский стол в форме буквы L с навороченным телефоном и компьютер. Шкаф для документов и диван. Окно с матовым стеклом и еще одна дверь, ведущая в сам кабинет.

В приемной, где царила невероятная тишина, никого не оказалось. Ричер шагнул внутрь и закрыл ногой дверь. Все здесь выглядело так, будто офис открыли для очередного рабочего дня. Он прошел по ковру к двери, ведущей в кабинет. Обернув руку полой рубашки, нажал на ручку и попал во вторую комнату такого же размера, что и первая. Кабинет Костелло. На стенах черно-белые фотографии в рамках — более молодая версия человека, которого он встретил в Ки-Уэсте, с комиссарами полиции, капитанами, местными политиками, чьи лица были Ричеру незнакомы.

Много лет назад Костелло был худым, но фотографии отображали, как он постепенно старел и становился толще, словно реклама диетической еды, пущенная наоборот. Стену справа от стола украшали фотографии. На столе — промокашка, старомодная чернильница и телефон, рядом кожаное кресло, не раз принимавшее в свои объятия очень тяжелого человека. На левой стене — окно с таким же матовым стеклом и ряд запертых шкафов. Перед столом пара стульев для клиентов, поставленных симметрично и под удобным углом.

Ричер вернулся в приемную и почувствовал, что в воздухе пахнет духами. Обойдя стол секретаря, он обнаружил раскрытую женскую сумочку, аккуратно стоящую около маленького зеркала слева от стула. Внутри Ричер заметил бумажник из мягкой кожи и пластиковую коробку с бумажными платками. Он достал из кармана карандаш и концом с резинкой сдвинул платки в сторону. Под ними обнаружился набор косметики, ключи и аромат дорогих духов.

На мониторе компьютера резвились водянистые линии. Ричер карандашом подтолкнул мышку. Экран фыркнул, засветился и открыл его глазам незаконченное письмо. Курсор терпеливо моргал на середине недописанного слова. Под заголовком стояло сегодняшнее число. Ричер подумал про тело Костелло, лежащее на тротуаре рядом с кладбищем в Ки-Уэсте, посмотрел на аккуратную сумочку отсутствующей женщины, на открытую дверь, недописанное слово, и по спине у него пробежали мурашки.

При помощи карандаша он вышел из письма, и открылось окно с вопросом, хочет ли он внести изменения в письмо. Он подумал и ответил «нет». Открыл экран диспетчера файлов и проверил директории. Он искал счет. По виду офиса Костелло Ричер успел понять, что тот очень аккуратно вел свои дела. Настолько аккуратно, что внес данные о полученном авансе, прежде чем отправился на поиски Джека Ричера. Но когда это произошло? Судя по всему, здесь имелась четкая последовательность. Сначала — инструкции миссис Джейкоб: ничего, кроме имени, приблизительного роста и не слишком подробного описания его службы в армии. Затем Костелло, видимо, связался с военным архивом в старательно охраняемом комплексе в Сент-Луисе, в котором хранятся все бумаги, касающиеся мужчин и женщин, когда-либо носивших военную форму. Комплекс тщательно охраняется физически, при помощи ворот и проволоки, и бюрократически, огромным количеством самых разнообразных препятствий, целью которых является не допустить туда людей с несерьезными намерениями. После терпеливых расспросов Костелло, скорее всего, узнал про почетную отставку. И дальше с удивлением обнаружил, что оказался в тупике. Затем он решил проверить банковские счета. Позвонил какому-нибудь старому приятелю, попросил об услуге, и тот потянул за нужные веревочки. Возможно, ему прислали из Виргинии не слишком качественный факс или сообщили о положении банковского счета Ричера по телефону. После этого Костелло сел на самолет и поспешил на юг, разгуливал по улице Дюваль и задавал свои вопросы. Потом два типа, кулаки, нож для резки линолеума.

Довольно короткая последовательность, но Сент-Луис и Виргиния должны были отнять у него некоторое время. По подсчетам Ричера, человеку вроде Костелло потребовалось бы три или четыре дня, чтобы получить необходимую информацию из архива. Банк в Виргинии вряд ли выдал нужные ему сведения быстрее. Услуги не всегда оказываются мгновенно. Да, наверное, он все правильно подсчитал. Скажем, семь дней на бюрократическую рутину, день на размышления, день на старт и день на финиш. Наверное, с тех пор, как миссис Джейкоб запустила машину, прошло дней десять.

Ричер открыл подкаталог под названием «Счета». В правой части экрана появилась длинная колонка названий файлов, расположенных по алфавиту. Он провел курсор вниз по списку, а затем снизу вверх. На букву «Д» не было имени Джейкоб. Как правило, здесь стояли только инициалы, длинные акронимы, возможно обозначающие названия адвокатских фирм. Ричер проверил даты. Десять дней назад — ничего. Но он обнаружил запись, сделанную девять дней назад: «СГРиТ-09». Либо Костелло работал быстрее, чем думалось Ричеру, либо его секретарша — медленнее. Ричер нажал на кнопку мыши, жесткий диск заурчал, и на экране появился счет на тысячу долларов, выданный за поиски пропавшего человека фирмой «Спенсер, Гутман, Риккер и Талбот», находящейся на Уолл-стрит. Там имелся адрес, но телефона не было.

Ричер закрыл файл и вошел в базу данных, решив поискать СГРиТ-09, и вскоре обнаружил страницу с тем же адресом, но на сей раз с номерами телефона, факса, телекса и электронным адресом. Он наклонился и осторожно вытащил несколько бумажных платков из сумки секретарши. Одним платком обернул телефонную трубку, а другой развернул и положил на кнопки. Набрал номер, нажимая на платок. Ему ответили после первого сигнала.

— Спенсер и Гутман, — услышал он веселый голос. — Чем мы можем вам помочь?

— Позовите, пожалуйста, миссис Джейкоб, — деловым тоном попросил Ричер.

— Минутку, — ответили ему.

Зазвучала тихая музыка, а потом он услышал другой мужской голос, он говорил быстро, но уважительно. Наверное, секретарь.

— Миссис Джейкоб, пожалуйста, — повторил Ричер.

Голос секретаря звучал взволнованно.

— Она уже уехала в Гаррисон, и, боюсь, я не знаю, когда она вернется в офис.

— У вас есть ее адрес в Гаррисоне?

— Ее? — удивленно спросил молодой человек. — Или его?

Ричер помолчал, вслушиваясь в удивление, прозвучавшее в голосе, и решил рискнуть.

— Его, конечно. Мне кажется, я потерял адрес.

— И хорошо, что потеряли, — сказали ему. — Боюсь, там была опечатка. Я сегодня объяснил это, наверное, не меньше пятидесяти раз.

Он продиктовал адрес, судя по всему по памяти. Гаррисон, штат Нью-Йорк. Маленький городок примерно в шестидесяти милях вверх по реке Гудзон, почти напротив Уэст-Пойнта [4], где Ричер провел четыре долгих года.

— Думаю, вам нужно поспешить, — сказал молодой человек.

— Непременно, — ответил Ричер и, ничего не понимая, повесил трубку.

Он закрыл базу данных и оставил экран пустым. Затем бросил последний взгляд на раскрытую сумку пропавшей секретарши, еще раз вдохнул аромат ее духов и вышел из приемной.

Секретарша умерла через пять минут после того, как рассказала, кто такая миссис Джейкоб, то есть через пять минут после того, как Хоби воспользовался своим крюком, чтобы заставить ее говорить. Они находились в директорской ванной комнате в его офисе на восемьдесят восьмом этаже. Идеальное место. Просторное, площадью шестнадцать квадратных футов, — слишком большое помещение для ванной. Дорогой художник по интерьерам отделал все шесть поверхностей — пол, стены и потолок — блестящими серыми плитками из гранита. Здесь имелась большая душевая кабина с прозрачной пластиковой занавеской на стальной перекладине. Перекладина была итальянской и явно предназначалась не только для того, чтобы выдерживать прозрачную пластиковую занавеску. Хоби опытным путем выяснил, что она в состоянии выдерживать вес потерявшего сознание человека, прикованного к ней наручниками. Время от времени на ней висели люди более тяжелые, чем эта секретарша, а он задавал им вопросы или убеждал в мудрости того или иного решения, которое они должны были принять.

Единственной проблемой являлась звукоизоляция. Впрочем, Хоби не сомневался, что с этим все в порядке. Здание было надежным, ведь каждая из башен-близнецов весила более полумиллиона тонн. Огромное количество стали и цемента, отличные толстые стены. Кроме того, у него не было любопытных соседей. Почти все помещения на восемьдесят восьмом этаже снимали торговые представительства каких-то мелких стран, а их служащие большую часть времени проводили в ООН. Точно так же обстояло дело с восемьдесят седьмым и восемьдесят девятым этажами. Именно по этой причине он устроил здесь свой офис. Однако Хоби предпочитал не рисковать, если в этом не было необходимости. Поэтому он пользовался липкой пленкой. Прежде чем начать, он всегда прикреплял к потолку полоски липкой ленты шириной в шесть дюймов. Одна из них предназначалась для рта. Когда у его жертвы начинали вылезать глаза из орбит и она принималась

кивать, он срывал пленку и ждал ответа. Если жертвы пытались кричать, он снова залеплял им рот и продолжал заниматься своим делом. Как правило, он получал ответ после того, как срывал вторую полоску.

Выложенный плиткой пол отлично подходил для его целей. Включить на полную мощность душ, вылить пару ведер воды, немного поработать шваброй — и, как только вода уйдет вниз по трубам через восемьдесят восемь этажей в городскую канализацию, здесь снова царят чистота и порядок. Правда, Хоби никогда сам не занимался уборкой. Чтобы работать шваброй, нужны две руки. Это входило в обязанности второго молодого человека, который закатывал до колен свои дорогие брюки и снимал носки и ботинки. Хоби сидел за своим столом и разговаривал с первым молодым человеком.

— Как только я узнаю адрес миссис Джейкоб, ты привезешь ее ко мне, понял?

— Конечно, — ответил тот. — А с этой что?

Он кивком показал на дверь ванной комнаты, и Хоби проследил за его взглядом.

— Подожди до вечера, — сказал он. — Надень на нее часть одежды и отнеси на яхту. Выбросишь тело где-нибудь в заливе в паре миль от берега.

— Она, скорее всего, приплывет назад, — сказал первый молодой человек. — Через несколько дней.

Хоби пожал плечами.

— Мне все равно, — сказал он. — Через несколько дней она распухнет, и копы решат, что она свалилась с моторной лодки. А ее раны объяснят тем, что она попала под лопасти мотора.

Привычка жить тихо и скрывать от остальных людей, кто ты такой, имеет свои преимущества, но и свои недостатки. Чтобы быстрее добраться до Гаррисона, лучше всего было бы взять напрокат машину и сразу отправиться туда. Но для человека, который предпочитает не пользоваться кредитными карточками и не носит с собой водительские права, данная возможность закрыта. Поэтому Ричер взял такси и поспешил на Центральный железнодорожный вокзал. Он был совершенно уверен, что в Гаррисон ходят поезда по железнодорожной линии «Гудзон». Если нет, возможно, там останавливаются поезда «Амтрака» [5], идущие в Олбани и Канаду.

Он заплатил шоферу, пробрался сквозь толпу к двери, прошел по длинному пандусу и оказался в громадном зале. Ричер принялся оглядываться по сторонам, пытаясь увидеть табло с расписанием

отправления поездов. Попробовал вспомнить географию. Поезда, идущие в Кротон-Хармон, ему явно не годились. Они шли на юг. Ричеру по меньшей мере требовался Покипси. Он начал внимательно читать список. Ничего. В течение ближайших полутора часов ни одного поезда, на котором он мог бы добраться до Гаррисона.

Они проделали все так же, как множество раз до этого. Один из них спустился на лифте на девяносто этажей вниз, на подземную погрузочную площадку, и нашел в куче мусора пустую картонную коробку. Лучше всего подходили коробки от холодильников или автоматов по продаже содовой, но однажды ему пришлось довольствоваться коробкой из-под телевизора с экраном в тридцать пять дюймов. На сей раз удалось отыскать коробку от картотечного шкафа. Он воспользовался служебным лифтом на погрузочной площадке и вкатил ее в грузовой лифт. А затем поднялся на восемьдесят восьмой этаж.

Его напарник в ванне застегивал молнию на большом мешке, в которое засунул тело. Они затолкали его в коробку и с помощью липкой пленки заклеили ее, чтобы она не открылась. Затем погрузили на тележку и снова направились к лифту. Но на этот раз они поехали в гараж и подкатили тележку к черному «сабурбану», на счет «три» перегрузили коробку в багажник, затем закрыли его и щелкнули замком. Отошли на несколько шагов и огляделись по сторонам. Окна тонированные, в гараже темно, никаких проблем.

— Знаешь что? — спросил первый. — Если сложим сиденье, то сможем засунуть туда и миссис Джейкоб. И сделаем все за один раз — сегодня ночью. Не люблю я болтаться на яхте больше, чем нужно.

— Давай, — согласился с ним его напарник. — А там есть еще коробки?

— Эта была самая лучшая. Все зависит от того, большая миссис Джейкоб или маленькая.

— Все зависит от того, прикончит ли он ее к сегодняшнему вечеру.

— А у тебя что, есть сомнения? Учитывая, в каком он настроении?

Они вместе подошли к другой стоянке и открыли дверцу черного «шевроле тахо», маленького по сравнению с «сабурбаном», но все равно довольно большого.

— Ну, и где она? — спросил второй.

— В городе, который называется Гаррисон, — ответил его напарник. — Выше по течению Гудзона, за «Синг-Сингом». Примерно час или полтора.

«Тахо» выехал задом со своего места, выскочил из гаража на солнечный свет и помчался в сторону Уэст-стрит, где повернул направо и на огромной скорости полетел на север.

Глава 4

Уэст-стрит превращается в Одиннадцатую авеню сразу напротив 56-й пристани, где направляющиеся на запад машины выезжают с Четырнадцатой улицы и поворачивают на север. Большой черный «тахо» застрял в пробке, и его вопль присоединился к возмущенным крикам других машин, которые отражались от высоких зданий и эхом разносились над рекой. Он медленно прополз девять кварталов и свернул налево на Двадцать третьей улице, затем на Двенадцатой снова поехал на север. Он продвигался вперед со скоростью пешехода, пока не миновал Центр Джевитса, потом снова застрял в пробке, возникшей из-за транспорта, который выезжал с Западной Сорок второй улицы. Двенадцатая превратилась в Миллер-хайвей, по-прежнему запруженный машинами вплоть до громадной территории старой железнодорожной станции. Миллер вывел их на Генри-Гудзон паркуэй, и они продолжали медленно продвигаться вперед.
Генри-Гудзон-паркуэй формально являлась шоссе 9А, которое в Кротонвилле становилось 9-м шоссе и должно было привести их в Гаррисон. Прямая дорога, никаких поворотов, но они все еще находились на Манхэттене, на Риверсайд-Парк, хотя прошло уже полчаса с тех пор, как они выехали из гаража.

Ричер понимал, что курсор, мигающий в середине слова, имеет огромное значение. Открытая дверь и брошенная сумка тоже наводили на размышления, но не являлись критическим фактором. Служащие офисов обычно забирают свои вещи и закрывают двери, но не всегда. Секретарша могла выйти в коридор, там ее отвлекли поиски бумаги или чья-нибудь просьба помочь разобраться с копировальной машиной, а дальше чашечка кофе и история о вчерашнем свидании с кучей подробностей. Человек, который выходит на пару минут, оставив сумку и дверь открытой, вполне может вернуться через полчаса. Но никто не бросает несохраненный текст на компьютере. Даже на минуту. А эта женщина оставила. Компьютер спросил Ричера, хочет ли он сохранить изменения, внесенные в текст. Значит, она встала из-за стола, не успев нажать на иконку «Сохранить», что является такой же привычкой для людей, каждый день имеющих дело с компьютерами, как необходимость дышать.

Этот факт придавал данному делу весьма неприятный оттенок. Ричер прошел в другой зал вокзала, держа в руке чашку черного кофе на двадцать унций, которую купил по дороге в киоске. Он плотно закрыл крышку и сжал свернутые в трубочку деньги, лежащие в кармане. Трубочка была достаточно толстой для того, что он собирался сделать.

Он побежал назад, к путям, где готовился к отправке очередной поезд на Кротон.

Генри-Гудзон-паркуэй в районе Сто семидесятой улицы превращается в переплетение извивающихся съездов с главной дороги, и все дороги, ведущие на север, получили название Риверсайд-драйв. Та же дорога, то же направление, никаких поворотов, но сложная динамика напряженного движения означает, что, если один водитель сбрасывает скорость больше чем до средней, возникает что-то вроде пробки и за ним выстраивается очередь в сотню машин, и все потому, что какой-то деревенский парень неожиданно засомневался, что ему следует делать. Большой черный «тахо» практически остановился напротив Форт-Вашингтон, а потом медленно пополз вперед под мостом Вашингтона. Дальше Риверсайд-драйв расширяется, и «тахо» включил третью передачу, но, когда указатели сообщили, что они снова выбрались на Генри-Гудзон, движение в очередной раз замерло у площадки контрольного пункта. «Тахо» остановился, дожидаясь своей очереди заплатить деньги, покинуть Манхэттен и направиться на север через Бронкс.

Вдоль реки Гудзон между Центральным вокзалом и Кротон-Хармон ходят два типа поездов: местные и экспрессы. Экспрессы идут с той же скоростью, что и местные, но делают меньше остановок. Вся дорога занимает у них от сорока девяти до пятидесяти двух минут. Местные поезда останавливаются везде, они тормозят, стоят на станциях, потом снова набирают скорость. В результате на весь путь уходит от шестидесяти пяти до семидесяти трех минут. Получается, что экспресс экономит вам около двадцати четырех минут.

Ричер сел на местный поезд. Он заплатил кондуктору пять с половиной баксов за билет в одну сторону и уселся боком на пустую скамейку, чувствуя, что перебрал кофе. Прислонив голову к оконному стеклу, он спрашивал себя, куда, черт подери, он едет и зачем и что предпримет, когда доберется до места. И успеет ли вовремя, чтобы сделать то, что нужно, — что бы это ни было.

Шоссе 9А превратилось в 9-е и, грациозно извиваясь, понеслось прочь от реки, чтобы обогнуть Кемп-Смит. В Уэстчестере они ехали довольно быстро, хотя, конечно, не как на гонках, потому что дорога оказалась не в самом лучшем состоянии для поддержания большой скорости, но зато она была пустой, эта бегущая через лес лента, где участки старого асфальта чередовались с участками нового. Время от времени возникали свежевыкрашенные жилые дома за высокими деревянными заборами, с жизнерадостными названиями, вырезанными на больших камнях, установленных у ворот. «Тахо» мчался вперед, один из его пассажиров сидел за рулем, другой держал на коленях карту.

Миновав Пикскилл, они начали искать левый поворот, нашли его и помчались к реке, чувствуя, что она должна быть где-то впереди. Они въехали в Гаррисон и стали искать адрес, который запомнили наизусть. Оказалось, что это совсем не просто. Жилые районы были разбросаны и располагались на приличном расстоянии друг от друга. У вашего телефона мог быть код Гаррисона, даже если ваш дом находился довольно далеко от него. Однако им удалось найти нужную дорогу, они сделали все нужные повороты и отыскали нужную им улицу. Тогда они сбросили скорость и, изучая почтовые ящики, медленно покатили по дороге в редком лесу над рекой. Дорога неожиданно свернула и стала шире, но они продолжали ехать дальше. Наконец они увидели дом, который искали, резко затормозили и остановились у обочины.

Ричер вышел из поезда в Кротоне через семьдесят одну минуту после того, как вошел в него. Он взбежал вверх по лестнице, перешел на другую сторону и спустился на стоянку такси. Носом к входу на станцию стояли четыре машины, все до одного старые модели фургонов «каприз» с фальшивыми деревянными боками. Первой его заметила приземистая женщина, которая наклонила голову набок, словно приготовилась выслушать его указания.

— Вы знаете Гаррисон? — спросил у нее Ричер.

— Гаррисон? — переспросила она. — Это далеко, мистер. Двадцать миль.

— Я знаю, где это, — сказал он.

— Сорок баксов, не меньше.

— Я дам вам пятьдесят, — сказал он. — Но мне нужно быть там как можно быстрее.

Ричер сел на переднее сиденье рядом с ней. В машине пахло, как пахнет в старых такси: приторно-сладким освежителем воздуха и чистящим средством для обивки сидений. На счетчике было миллион миль, и машина раскачивалась, как лодка на волнах, когда женщина промчалась по парковке, выскочила на шоссе и повернула на север.

— У вас адрес есть? — спросила она, не сводя глаз с дороги.

Ричер назвал адрес, продиктованный ему секретарем из адвокатской конторы. Женщина кивнула и приготовилась к скоростной гонке.

— Это около реки, — сказала она.

Через пятнадцать минут они проехали Пикскилл и сбросили скорость, чтобы не пропустить нужный поворот налево. Затем женщина резко развернула свое огромное судно и полетела на запад. Ричер почувствовал, что впереди река в милю шириной, бегущая сквозь лес.

Женщина прекрасно знала, куда им нужно, и почти у самой реки свернула на север на местную дорогу. Между ними и водой шли железнодорожные рельсы. Но поездов на них не было. Местность начала понижаться, и Ричер увидел на другом берегу реки, примерно в миле впереди и слева, Уэст-Пойнт.

— Где-то здесь, — сказала женщина.

Они ехали по узкой проселочной дороге, облагороженной заборами из грубого дерева, полянками со скошенной травой и сельскохозяйственными культурами. Почтовые ящики встречались на расстоянии ста ярдов друг от друга, тут и там торчали столбы с протянутыми среди ветвей проводами.

— Ого! — удивленно вскрикнула женщина. — Похоже, это то, что нам нужно.

Дорога и без того была узкой, а теперь стала почти непроходимой. На обочине выстроилось около сорока машин, по большей части черных или темно-синих. Все до одного аккуратные седаны последних моделей или роскошные спортивные автомобили. Таксистка въехала на подъездную дорожку, но плотный строй машин тянулся до самого дома. Еще десять или двенадцать машин стояли на площадке перед гаражом. Два из них — простые седаны с детройтскими номерами, зеленого цвета. Военные. Ричер мог за милю отличить их от всех остальных.

— То, что надо? — спросила женщина.

— Наверное, — осторожно ответил Ричер.

Он достал из пачки бумажку в пятьдесят долларов и протянул ей. Выбрался из машины и остановился на дороге, не зная, что делать дальше. Он слышал, как с ревом развернулось такси, прошел немного назад, взглянул на длинный строй машин, потом на почтовый ящик. На верхней его части алюминиевыми буквами было написано имя: Гарбер. Это имя он знал так же хорошо, как свое собственное.

Дом стоял на большом участке, не слишком ухоженном, представлявшем нечто среднее между отпущенной на свободу природой и запустением. Сам дом оказался низким и вытянутым, из темного кедра, с темными сетками на окнах и большой каменной трубой — скромный и уютный загородный дом. Вокруг царила тишина. В воздухе пахло жарой, сыростью и землей. Ричер слышал стрекот насекомых в траве и чувствовал присутствие реки за домом, уносившей на юг попавшие в ее сети звуки.

Он подошел ближе и услышал, что из-за дома доносятся приглушенные голоса. Похоже было, что там собралось много народа. Ричер двинулся на звук, обогнул гараж и оказался на верхней площадке цементной

лестницы, которая выходила на запад, на задний двор и реку, ослепительно голубую в лучах солнца. Примерно в миле к северо-западу, чуть справа, терялся в дымке Уэст-Пойнт, приземистый и серый из-за разделявшего их расстояния.

Задний двор представлял собой поляну, отвоеванную у леса, растущего на вершине обрыва. На этой поляне, заросшей коротко подстриженной травой, собралась внушительная толпа, человек сто, все в черном, мужчины и женщины, черные костюмы и галстуки, блузки и туфли, если не считать полудюжины армейских офицеров в парадной форме. Они тихо разговаривали, держа в руках бумажные тарелки и стаканы с вином. Настроение у всех было пасмурное.

Похороны. Он без приглашения заявился на похороны. Ричер замер в смущении, вырисовываясь на фоне неба в одежде, которую он надел вчера в Ки-Уэсте: выцветшие хлопчатобумажные штаны, мятая желтая рубашка, старые ботинки на босу ногу, выгоревшие на солнце волосы торчат в разные стороны, на лице дневная щетина. Он посмотрел вниз, на собравшихся там людей, и они дружно замолчали и подняли головы, словно он внезапно хлопнул в ладоши. Ричер не шевелился. Все молча смотрели на него, а он — на них. На площадке воцарилась тишина и неподвижность. Потом какая-то женщина отдала свою тарелку и стакан человеку, стоявшему рядом, и вышла вперед.

Она была молодой, может, лет тридцати, в строгом черном костюме, как и все остальные. Бледная, напряженная и невероятно красивая. До боли красивая. Очень стройная и высокая в своих туфлях на каблуках, длинные ноги в черных прозрачных чулках. Роскошные светлые волосы, распущенные по плечам, голубые глаза, изящное тело. Она грациозно прошла по лужайке и остановилась у подножия лестницы, как будто ждала, что он к ней спустится.

— Привет, Ричер, — тихо проговорила она.

Он посмотрел на нее сверху вниз. Она знала, кто он. А он знал, кто она. Это знание пришло к нему неожиданно, словно кинопленку прокрутили на пятнадцать лет назад за одно короткое мгновение. Девочка-подросток выросла и превратилась в красивую женщину, которая стояла перед ним. Гарбер, имя на почтовом ящике. Леон Гарбер был его командиром в течение многих лет. Ричер вспомнил, как они познакомились, потом начали узнавать друг друга на барбекю, которые устраивали на задних дворах жаркими влажными вечерами на Филиппинах. Стройная девочка, скользившая в тени неуютного, жалкого дома на базе, уже женственная в свои пятнадцать, но все еще ребенок — невероятное искушение и одновременно запретный плод. Джоди, дочь Гарбера. Его единственный ребенок. Единственная радость всей его жизни. Перед ним стояла Джоди Гарбер, только пятнадцать лет

спустя, повзрослевшая и ослепительно красивая. Она стояла и ждала его внизу цементной лестницы.

Он обвел взглядом толпу и спустился на лужайку.

— Привет, Ричер, — повторила Джоди.

Ее голос звучал тихо и напряженно. Грустно, как и окружавшая ее сцена.

— Привет, Джоди, — ответил Ричер.

Он хотел спросить: «Кто умер?» Но не смог подобрать слов, чтобы вопрос не прозвучал грубо или по-дурацки. Она поняла его и кивнула.

— Папа, — просто сказала она.

— Когда? — спросил он.

— Пять дней назад, — ответила Джоди. — Он болел последние несколько месяцев, но произошло все внезапно… Мы не ожидали.

Ричер медленно кивнул.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Он посмотрел на реку, и лица собравшихся на лужайке людей неожиданно превратились в лицо Леона Гарбера, приземистого крепкого мужчины. Широкая улыбка никогда не сходила с его лица, независимо от того, был ли он счастлив, раздражен или ему грозила опасность. Храбрый человек во всех отношениях. Великий командир. Кристально честный, справедливый и проницательный. Человек, которому Ричер подражал в те годы, когда формировался его характер. Его наставник и крестный отец. Его защитник. Он использовал все свое влияние, чтобы дважды за восемнадцать месяцев Ричер получил повышение и стал самым молодым майором мирного времени, а Леон развел руками, улыбнулся и заявил, что он тут совершенно ни при чем.

— Мне очень жаль, Джоди, — повторил Ричер.

Она молча кивнула.

— Поверить не могу, — проговорил он. — В это невозможно поверить. Я видел его меньше года назад. Он был тогда в отличной форме. Он заболел?

Она снова кивнула.

— Но он всегда был таким крепким, — сказал Ричер.

Джоди грустно ответила:

— Да, был. Всегда был таким крепким.

— И не старым, — добавил он.

— Шестьдесят четыре.

— Что же произошло?

— Сердце, — ответила Джоди. — Оно все-таки подвело его. Помнишь, как он всегда делал вид, что у него нет сердца?

Ричер покачал головой.

— Такого доброго сердца я не встречал ни у кого.

— Я узнала это, когда умерла мама. Мы с ним стали лучшими друзьями на целых десять лет. Я его очень любила.

— Я тоже его любил, — сказал Ричер. — Как будто он был моим отцом, а не твоим.

— Он постоянно тебя вспоминал, — кивнула Джоди.

Ричер отвернулся и посмотрел на окутанные дымкой серые очертания домов Уэст-Пойнта. Ему казалось, что все тело у него онемело. Он находился в такой временной зоне, когда начали умирать люди, которых он знал. Умерли его родители, умер брат, а теперь вот человек, ставший для него родным.

— Полгода назад у него случился сердечный приступ, — сказала Джоди. В глазах у нее появились слезы, и она убрала прядь длинных волос за ухо. — Он вроде бы поправился, выглядел совсем неплохо, но на самом деле очень быстро сдавал. Врачи говорили о возможности шунтирования, но ему стало хуже. Он бы не пережил операцию.

— Мне очень жаль, — в третий раз сказал Ричер.

Джоди взяла его под руку и пошла рядом с ним.

— Не стоит жалеть. Он всегда радовался жизни. Хорошо, что он умер быстро. Я не могу себе представить, чтобы он медленно угасал и при этом оставался счастливым и всем довольным.

Перед глазами Ричера возник Гарбер, вечно куда-то спешащий, яростно кого-то отчитывающий, настоящий сгусток энергии, и он понял, в каком отчаянии пребывал бы его командир, став инвалидом. А еще он понял, что старое, столько бравшее на себя сердце в конце концов сдалось и перестало сражаться.

— Иди поздоровайся с теми, кто к нам пришел, — сказала Джоди. — Может, ты кого-нибудь из них знаешь.

— Я одет неподходящим образом, — возразил Ричер. — И мне неудобно. Пожалуй, мне лучше уйти.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Неужели ты думаешь, что папе было бы не все равно?

Он представил себе Гарбера в старой, мятой форме и потрепанной шляпе. Гарбер был самым плохо одетым офицером в американской армии все тринадцать лет, что Ричер служил под его началом. Ричер слабо улыбнулся.

— Думаю, он не стал бы возражать.

Джоди провела его на лужайку. Из сотни собравшихся почтить память Гарбера он знал человек шесть. Двое ребят в форме показались ему знакомыми. С несколькими людьми в черных костюмах он работал в разных местах в той, другой, жизни. Он пожал руки, наверное, дюжине человек и попытался услышать их имена, но они ускользали, влетая в одно ухо и тут же вылетая из другого. Постепенно тихие разговоры возобновились, толпа сомкнулась вокруг него, и ощущение не слишком удачного появления отступило. Джоди продолжала держать его руку, и он чувствовал, какая у нее холодная ладонь.

— Я кое-кого ищу, — сообщил Ричер. — Именно за этим я сюда приехал.

— Я знаю, — сказала она. — Ты ищешь миссис Джейкоб, верно?

Он кивнул и спросил:

— Она здесь?

— Миссис Джейкоб — это я.

Два типа в черном «тахо» выбрались из строя машин и постарались оказаться подальше от линии электропередач, которая создавала помехи для телефона. Тот, что сидел за рулем, набрал номер, и сигнал вызова наполнил тишину машины. Через некоторое время на восемьдесят восьмом этаже в шестидесяти милях от этого места сняли трубку.

— У нас проблема, босс, — сказал водитель. — Тут какое-то сборище, похороны, что ли. Собралось человек сто. Мы не смогли захватить миссис Джейкоб. Мы даже не знаем, кто она. Здесь куча женщин, и она может оказаться любой из них.

Из микрофона донеслось ворчание.

— Что дальше?

— Помните того парня из бара в Ки-Уэсте? Он только что приехал на такси. Примерно через десять минут после нас. И вошел внутрь.

В трубке что-то защелкало, и они не смогли разобрать ответ.

— Так что нам делать? — спросил водитель.

— Оставайтесь на месте, — сказал Хоби. — Может быть, стоит спрятать машину и где-нибудь залечь. Дождитесь, когда все уйдут. Насколько я понимаю, дом ее. Может, там живет ее семья или это загородный дом. Рано или поздно все уедут, а она останется. Без нее не возвращайтесь, поняли?

— А как насчет того парня?

— Если он уедет, пусть уезжает. Если останется, прикончите его. Но женщину привезите ко мне.

— Ты миссис Джейкоб? — спросил Ричер.

Джоди Гарбер кивнула.

— Была, — сказала она. — Я разведена, но фамилию оставила, для работы.

— А кем он был? Она пожала плечами.

— Адвокатом, как и я. Тогда мне казалось, что это хорошая идея.

— Как долго?

— Три года, от самого начала до самого конца. Мы познакомились в юридической школе, поженились, когда получили работу. Я осталась на Уолл-стрит, а он пару лет назад стал работать на фирму в округе Колумбия. Брак оказался не для него, и все закончилось само собой. А прошлой осенью он прислал мне бумаги на развод. Сейчас я вообще с трудом его вспоминаю. Всего лишь имя. Алан Джейкоб.

Ричер стоял на залитой солнцем лужайке и смотрел на Джоди. Неожиданно он понял, что его огорчило ее замужество, пусть и бывшее. В пятнадцать лет, еще совсем ребенок, она уже была великолепна, уверенная в себе, невинная и немного робкая одновременно. Он наблюдал за тем, как робость сражается в ней с любопытством, когда она сидела рядом и, набравшись храбрости, разговаривала с ним о смерти и жизни, о добре и зле. Потом, еще больше смущаясь, подбирала под себя колени и спрашивала о любви, сексе, женщинах и мужчинах, краснела и убегала. Он оставался в одиночестве, чувствуя, как холодеет все внутри, восхищаясь ею и ругая себя за это. Через несколько дней он встречал ее где-нибудь на территории базы, и она снова отчаянно краснела. И вот прошло пятнадцать лет, она превратилась во взрослую женщину,

закончила колледж и юридическую школу, побывала замужем и развелась, красивая, сдержанная, элегантная, она стоит во дворе дома своего умершего отца и держит его под руку.

— Ты женат? — спросила она.

Ричер покачал головой.

— Нет.

— Но ты счастлив?

— Я всегда счастлив, — ответил он. — Всегда был и всегда буду.

— И чем ты занимаешься? Он пожал плечами.

— Ничем особенным.

Поверх ее головы он обвел взглядом лица людей, собравшихся на лужайке. Тихо переговаривающиеся деловые люди, солидная жизнь, отличная карьера, упорное продвижение вперед по общественной лестнице. Он смотрел на них и спрашивал себя, кто дурак — он или они. И вдруг вспомнил выражение лица Костелло.

— Я был в Ки-Уэсте, — сказал он. — Копал ямы для бассейнов.

На лице Джоди ничего не отразилось. Она попыталась сжать рукой его предплечье, но ладонь у нее оказалась слишком маленькой, и он почувствовал лишь легкое прикосновение.

— Там Костелло тебя и нашел? — спросила она.

«Он нашел меня не для того, чтобы пригласить на похороны», — подумал Ричер.

— Нам нужно поговорить про Костелло, — сказал он.

— Он мастер своего дела, верно?

«Не так чтобы очень», — подумал Ричер.

Джоди отошла к гостям. Ее ждали, чтобы высказать свои соболезнования. Вино делало свое дело, разговоры стали громче и сентиментальнее. Ричер направился к патио, где на большом столе, накрытом белой скатертью, стояла еда. Он положил на бумажную тарелку кусок холодного цыпленка и немного риса и взял стакан воды. Старая дачная мебель не пользовалась у гостей популярностью, потому что была испачкана соком деревьев. Большой зонтик, защищавший от солнца, давно выцвел. Ричер шагнул под него, выбрал грязный стул и уселся на него в полном одиночестве.

Он наблюдал за людьми, пришедшими почтить память его бывшего командира, и ел. Ему казалось, что любовь, которую все испытывали к Гарберу, можно потрогать руками. Человек вроде него всегда вызывает в других любовь, иногда такую сильную, что ее неловко высказать вслух, поэтому она вырывается на поверхность, когда он умирает. Джоди ходила между гостями, кивала, пожимала руки, грустно улыбалась. Каждый хотел рассказать ей свою историю о том, какое золотое сердце было у внешне сурового и вспыльчивого человека. Ричер и сам мог бы кое-что добавить к этим историям, но понимал, что не станет, потому что Джоди не нужно объяснять, каким замечательным был ее отец. Она и так все знала. Она всю жизнь любила отца, а он любил ее. Они все рассказывали друг другу, никогда ничего не скрывая. Люди живут, а потом умирают, но, если они делают и то и другое правильно, им не о чем жалеть.

Они нашли на той же дороге дачный домик, закрытый и пустой, и заехали за гараж, где «тахо» не был виден с улицы, но откуда он мог в любой момент рвануть в погоню. Они достали из бардачка девятимиллиметровые пистолеты и положили их в карманы пиджаков. Прошли назад по дороге и спрятались в кустах.

Им пришлось несладко. Они находились всего в шестидесяти милях от Нью-Йорка, но это вполне могли быть джунгли Борнео. Ветви ползучих растений цеплялись за одежду, путались под ногами, то и дело лезли в лицо и хватали за руки. Здесь в основном рос одичавший широколистный табак, ветви которого торчали под самыми немыслимыми углами. В конце концов они развернулись и пошли спиной вперед, с трудом пробиваясь сквозь густые заросли. Наконец они добрались до дома Гарбера, тяжело дыша, перепачкавшись во мху и зеленой пыльце. Они осторожно проскользнули на территорию и нашли небольшую ямку, где и спрятались, устроившись так, чтобы видеть дорожку, ведущую от заднего двора к воротам. Гости уже начали расходиться.

Вскоре им удалось определить, кто из них миссис Джейкоб. Если Хоби не ошибся и она действительно хозяйка дома, тогда это была та стройная блондинка, что пожимала руки и прощалась с расходившимися гостями. Они уезжали, а она оставалась. Она — миссис Джейкоб. Она была центром всеобщего внимания, мужественно улыбалась, иногда с кем-то обнималась, махала рукой. Гости выходили на подъездную дорожку по одному, по двое, затем большими группами. Заработали двигатели, и в воздухе поплыли голубые облака выхлопа. Машины, выезжавшие из плотного строя, зашуршали шинами и умчались прочь по пустой дороге. Да, это будет легко. Очень скоро она останется одна, наедине со своим горем. И тогда к ней придут еще два гостя. Может быть, она увидит их издалека и подумает, что кто-то еще

решил выразить ей свои соболезнования. В конце концов, они ведь в черных костюмах и галстуках. Костюм, подходящий для делового Манхэттена, вполне сойдет для похорон.

Ричер поднялся по цементной лестнице и прошел за ворота вместе с двумя последними гостями — полковником и генерал-майором в безупречной парадной форме. Он и не ожидал ничего другого. Военные всегда последними покидают места, где подают бесплатную еду и выпивку. Он не знал полковника, но ему показалось, что генерала он видел раньше. Генерал, похоже, тоже его узнал, но они сделали вид, что незнакомы. Ни тому ни другому не хотелось вступать в длинные и сложные объяснения на тему «Чем ты теперь занимаешься?».

Военные с официальным видом пожали Джоди руки, встали по стойке «смирно» и отдали ей честь. Четкие движения, блестящие ботинки, глаза смотрят вперед примерно на тысячу ярдов — весьма необычное явление в зеленой тишине деревенской дороги. Они сели в последнюю оставшуюся перед гаражом машину, один из тускло-зеленых седанов, припаркованных рядом с домом. Они прибыли первыми, а уезжали последними. Мирное время, холодная война забыта, в свободный день нечего делать. Именно по этой причине Ричер с радостью принял свое увольнение из армии. Глядя вслед машине, выезжающей на дорогу, он подумал, что был совершенно прав.

Джоди подошла к нему и снова взяла под руку.

— Ну вот и все, — сказала она.

Шум удаляющейся машины стих, и вокруг них воцарилась тишина.

— Где его похоронили? — спросил Ричер.

— На городском кладбище, — ответила она. — Он мог бы покоиться на Арлингтонском, но не хотел. Пойдешь на кладбище?

Он покачал головой.

— Нет, я не по этим делам. Ему теперь все равно, верно? Он знал, что мне будет его не хватать, потому что я ему это сказал давным-давно.

Джоди кивнула, не выпуская его руки.

— Нам нужно поговорить про Костелло, — снова сказал Ричер.

— Почему? — спросила она. — Он передал тебе то, что я просила?

Ричер покачал головой.

— Нет, он меня нашел, но я не признался, что я Джек Ричер, потому что его появление показалось мне странным.

Джоди удивленно посмотрела на него.

— Почему?

— Думаю, привычка, — пожав плечами, ответил Ричер. — Я стараюсь никуда не впутываться. Имя Джейкоб показалось мне незнакомым, и я не стал с ним разговаривать. Меня вполне устраивала моя тихая жизнь.

Джоди не сводила с него глаз.

— Наверное, мне следовало воспользоваться своей девичьей фамилией, — сказала она. — В конце концов, это было папино дело, а не мое. Но я действовала через свою фирму и просто не подумала. Ты бы его выслушал, если бы он сказал, что тебя ищет Гарбер?

— Конечно, — ответил он.

— И тебе не о чем беспокоиться, потому что это не так чтобы очень серьезное дело.

— Мы можем войти в дом?

— Почему? — снова удивленно спросила Джоди.

— Потому что это очень серьезное дело.

Они видели, как миссис Джейкоб провела крупного парня в дом через переднюю дверь. Она отодвинула экран с сеткой от насекомых, и парень придерживал его, пока она поворачивала ручку и открывала дверь. Это была большая дверь из тускло-коричневого дерева. Они вошли внутрь, и дверь захлопнулась за ними. Через десять секунд в окне слева загорелся неяркий свет. Наверное, гостиная, решили они. Снаружи так буйно разрослись отпущенные на свободу растения, что даже днем приходилось зажигать свет. Они скорчились в своей сырой яме и стали ждать. В солнечных лучах резвились насекомые, а они поглядывали друг на друга и прислушивались к тому, что происходит в доме. Но оттуда не доносилось ни звука.

Они вылезли из ямы и поползли к подъездной дорожке. Потом, пригнувшись, промчались к углу гаража, прижались к стене и начали осторожно подбираться к дому. Дружно засунули руки в карманы пиджаков, чтобы достать оружие, и, наставив пистолеты в землю, по очереди, стараясь не шуметь, добежали до крыльца, перегруппировались и медленно двинулись вперед по старым скрипучим доскам. В конце концов они присели на пол по обе стороны от входной двери, прижавшись спинами к дому и выставив перед собой пистолеты, готовые в любой момент пустить их в ход. Она вошла в дом здесь. Значит, отсюда и выйдет. Просто нужно немного подождать.

— Кто-то его убил? — повторила Джоди.

— И его секретаршу, скорее всего, тоже, — сказал Ричер.

— Не могу поверить. Почему? — спросила она.

Джоди провела его через темный коридор в дальний конец дома. Крошечное окно, темные деревянные панели и тяжелая коричневая мебель из кожи придавали комнате мрачный вид. Джоди включила лампу на столе, и она тут же превратилась в уютную мужскую берлогу вроде довоенных баров, которые Ричеру довелось повидать в Европе. На двух полках стояли дешевые книги, купленные по подписке много лет назад. Потускневшие фотографии с потрепанными краями были прикреплены кнопками к краям полок. У стены стоял простой письменный стол — место, где пожилой человек на пенсии заполнял счета, совсем как когда-то на службе занимался разными официальными бумагами.

— Я не знаю почему, — ответил Ричер. — Я ничего не знаю. Мне даже неизвестно, почему ты отправила Костелло искать меня.

— Ты понадобился папе, — проговорила Джоди. — Он не сказал мне зачем. Я была очень занята, мне предстоял суд, чрезвычайно сложное дело, которое рассматривалось несколько месяцев. Мне известно только, что, когда он заболел, он пошел к кардиологу. Там он с кем-то встретился, и возникла какая-то проблема, очень его беспокоившая. Мне показалось, что он считал, будто у него появились серьезные обязательства. Потом, когда ему стало хуже и он понял, что не сможет довести дело до конца, он начал говорить, что должен разыскать тебя и попросить ему помочь, потому что ты именно тот человек, которому по силам с этим справиться. Он страшно волновался, а я беспокоилась за него и потому сказала, что попрошу Костелло тебя найти. Наша фирма часто пользуется его услугами, и я решила, что так будет правильно.

Ее объяснения звучали разумно, но Ричера мучил вопрос: «Почему я?» Ему было понятно, с какой проблемой столкнулся Гарбер. Он занимался каким-то делом, потом у него пошатнулось здоровье, он не хотел бросать начатое на полпути, и ему потребовалась помощь. Но человек вроде Гарбера мог получить ее где угодно. Манхэттенские «Желтые страницы» кишат объявлениями о частных детективных агентствах. А если дело было слишком личным или секретным для чужого человека, он мог взять телефонную трубку и к нему тут же примчалась бы дюжина его друзей из военной полиции. Две дюжины. Сотня. Все они были бы только рады отплатить ему за доброту и помощь, которую он им оказывал с первого дня их службы. Поэтому Ричер и спрашивал себя сейчас: «Почему именно я?»

— А с кем он встретился у кардиолога?

Джоди с несчастным видом пожала плечами.

— Я не знаю. Я была слишком занята. Мы с ним это не обсуждали.

— Костелло сюда приезжал? Разговаривал с ним здесь?

— Я ему позвонила и сказала, что мы ему заплатим через фирму, но он должен приехать сюда, чтобы получить подробные указания, — ответила Джоди. — Он перезвонил через пару дней, сказал, что поговорил с папой и они приняли решение искать тебя. Он попросил, чтобы я наняла его официально, поскольку могло так получиться, что это окажется дорого. Естественно, я так и сделала, потому что не хотела, чтобы папа беспокоился о деньгах.

— Вот почему он сказал мне, что его наняла миссис Джейкоб, а не Леон Гарбер, — проговорил Ричер. — И я не стал с ним разговаривать. И его из-за этого убили.

Джоди покачала головой и сердито посмотрела на него, словно на нового сотрудника, который плохо сделал порученную ему работу. Ее взгляд удивил Ричера. Он продолжал думать о ней как о пятнадцатилетней девочке, а не как о тридцатилетней адвокатессе, постоянно занимающейся длинными и сложными судебными процессами.

— Понятно, что произошло, — сказала она. — Папа что-то рассказал Костелло, тот попытался кое-что разузнать, прежде чем искать тебя, перевернул не тот камень и заставил кого-то насторожиться. Этот кто-то убил его, чтобы узнать, кого он искал и почему. Так что не имеет никакого значения, что сделал ты. Они все равно попытались бы выяснить, кто пустил его по следу. Получается, что это я виновата в его смерти.

Ричер покачал головой.

— Нет, это Леон. Через тебя.

Она тряхнула головой в ответ.

— Нет, это человек из кардиологической клиники. Через папу, а потом через меня.

— Мне нужно его найти, — сказал Ричер.

— А разве теперь это имеет значение?

— Думаю, имеет, — ответил Ричер. — Если Леона что-то беспокоило, значит, теперь это беспокоит меня. У нас с ним всегда так было.

Джоди молча кивнула, потом быстро встала и подошла к книжным полкам. Ногтем вытащила кнопку, сняла одну из фотографий, несколько мгновений смотрела на нее, а затем передала Ричеру.

— Помнишь? — спросила она.

Фотографии было лет пятнадцать, цвета потускнели, как это случается со старой пленкой «Кодак» под воздействием времени и солнца. Яркое небо Манилы, голый двор, земля под ногами. Слева стоит Леон Гарбер, ему лет пятьдесят, он в мятом рабочем комбинезоне оливкового цвета. Ричер справа, лейтенант, двадцать четыре года, на фут выше Гарбера, улыбается счастливой улыбкой молодости. А между ними пятнадцатилетняя Джоди в летнем платье, одна голая рука на плече отца, другой она обнимает Ричера за талию. Она щурится на солнце и тоже улыбается, прижимаясь к Ричеру всем своим стройным загорелым телом.

— Помнишь? Папа тогда только что купил «Никон» по почте. С таймером. Взял у кого-то треногу и не мог дождаться, чтобы его испробовать.

Ричер кивнул. Он помнил. Помнил запах ее волос в тот день, согретых горячим тихоокеанским солнцем. Чистых, юных волос. Он помнил ее тело рядом со своим. Помнил, что чувствовал, когда ее тонкая рука обхватила его за пояс. А еще он помнил, как кричал самому себе: «Остановись, приятель, ей всего пятнадцать, и она дочь твоего командира».

— Он называл этот снимок семейной фотографией, — сказала Джоди. — Всегда.

Ричер снова кивнул.

— Именно поэтому. У нас с ним всегда так было.

Джоди долго смотрела на снимок со странным выражением на лице.

— А еще секретарша, — напомнил ей Ричер. — Они спросили ее, кто клиент, и она наверняка им сказала. Но даже если и не сказала, они все равно узнают. Мне потребовалось тридцать секунд и один телефонный звонок. Так что теперь они придут к тебе, чтобы спросить, кто за всем этим стоит.

У нее сделался удивленный вид, и она положила фотографию на стол.

— Но я ничего не знаю.

— Ты думаешь, они тебе поверят?

Она едва заметно кивнула и посмотрела на окно.

— Хорошо, и что я должна делать?

— Убраться отсюда, — сказал он. — Это точно. Здесь слишком тихо и слишком уединенно. У тебя есть квартира в городе?

— Конечно, на Нижнем Бродвее, — ответила она.

— А машина есть?

— В гараже. Но я собиралась здесь переночевать. Мне нужно найти завещание, разобраться с бумагами, все закрыть. Я хотела уехать завтра рано утром.

— Сделай все сейчас, как можно быстрее, и уезжай. Я не шучу, Джоди. Я не знаю, кто эти люди, но они настроены серьезно.

Видимо, его лицо сказало ей больше, чем слова. Она кивнула и встала.

— Хорошо. Письменный стол. Ты можешь мне помочь.

От университетской службы подготовки офицеров резерва до демобилизации по состоянию здоровья — Леон Гарбер отдал военной службе почти пятьдесят лет жизни. И все они просматривались на его рабочем столе. В верхних ящиках лежали ручки, карандаши и линейки, сложенные аккуратными рядами. В нижних ящиках на специальных стержнях висели папки. На каждой папке имелась наклейка с четкой надписью. Налоги, телефон, электричество, отопление, работа в саду, паспорта на приборы. Одна из папок была подписана другим цветом и явно позже остальных: «Последняя воля и завещание». Джоди пролистала папки, а потом достала их из ящика. Ричер нашел в кладовке старый кожаный чемодан, и они сложили все туда. Захлопнули крышку и закрыли замки. Ричер взял со стола старую фотографию и еще раз на нее посмотрел.

— Тебя это раздражало? — спросил он. — То, что он относился ко мне как к члену семьи?

Джоди остановилась в дверях и кивнула.

— Безумно раздражало, — сказала она. — И как-нибудь я скажу тебе почему.

Он взглянул на нее, но она отвернулась и скрылась в коридоре.

— Я соберу свои вещи, — крикнула она. — Пять минут, ладно?

Ричер подошел к книжной полке и прикрепил старую фотографию на место. Затем выключил свет и вышел с чемоданом из комнаты. Остановился в тихом коридоре и стал оглядываться по сторонам. Очень хороший дом, в котором, наверное, приятно жить. На каком-то этапе своей истории дом увеличивался в размерах. Это было очевидно. К нескольким основным комнатам, расположенным вполне логично с

точки зрения планировки, впоследствии были пристроены еще комнаты, в которые можно было попасть из темного коридора, где он сейчас стоял. Ричер прошел в гостиную. Ее окна выходили во двор и на реку, а если встать у камина, можно было под определенным углом увидеть строения Уэст-Пойнта. В застоявшемся воздухе пахло старой мастикой для мебели. Обставлена комната была просто и, похоже, давно. Спокойного цвета деревянные полы, кремовые стены, тяжелая мебель. Старый телевизор, видеомагнитофона нет. Книги, картины, снова фотографии. Никаких гарнитуров, ничто ни с чем не сочетается. Милое, уютное место, в котором жили.

Гарбер, видимо, купил дом тридцать лет назад, когда мать Джоди забеременела. Это было обычным делом. Женатые офицеры часто покупали дома возле своей первой базы или возле какого-то места, которое, как им казалось, будет играть важную роль в их жизни, например Уэст-Пойнт. Они покупали дом, и он, как правило, пустовал, пока они служили за границей. Но им хотелось иметь что-то вроде якоря, места, куда они вернутся, когда все закончится. Или где смогут жить их семьи, если назначение за границу не позволит взять их с собой. Или когда потребуется учить детей.

Родители Ричера не пошли этой дорогой, и Ричер никогда не жил в собственном доме. Мрачные военные бунгало и армейские бараки, а позже дешевые мотели — вот где он жил. И был уверен, что ничего другого ему и не нужно. Он был совершенно уверен, что не хочет жить в своем доме. Это желание давно прошло. Его пугали связанные с этим трудности, они казались ему физически ощутимым грузом наподобие чемодана, который он держал в руке. Счета, налоги на собственность, страховки, договора, ремонт, содержание дома, принятие решений (новая крыша или новая плита, ковры или дорожки), бюджет. Работа в саду. Ричер шагнул к окну и посмотрел на лужайку. Работа в саду представлялась ему самым бесполезным занятием. Сначала ты тратишь кучу времени и денег, чтобы трава росла, а потом, почти сразу же, тратишь столько же денег и времени, подстригая ее. Ты проклинаешь несчастную траву за то, что она слишком сильно выросла, потом волнуешься, почему она такая короткая, все лето поливаешь ее дорогой водой, а осенью — дорогими химикатами.

Настоящее безумие. Но если бы какой-то дом и заставил его передумать, так это дом Гарбера. Он был простым и совсем не требовательным и выглядел так, словно процветал от милосердного небрежения. Ричер вполне мог представить себе, как он здесь живет. Да и вид из окон открывался великолепный. Мимо катила воды широкая река Гудзон, могучая и уверенная в собственных силах. Старая река будет вечно течь по своим делам, и ей все равно, что люди делают с домами и садами, которые выстроились вдоль ее берегов.

— Ну все, кажется, я готова, — сказала Джоди.

Она появилась в дверях гостиной, держа в руках кожаную сумку для одежды. Черный траурный костюм она сменила на выцветшие джинсы и светло-голубую трикотажную рубашку с маленьким логотипом, который Ричер не смог разобрать. Джоди причесалась, отчего волосы наэлектризовались и не желали хорошо лежать. Она пригладила их рукой и заправила непокорные пряди за ухо. Светло-голубая рубашка гармонировала с ее глазами и кожей цвета бледного меда. Прошедшие пятнадцать лет не сделали ее менее красивой.

Они прошли через кухню и заперли на задвижку дверь, ведущую в сад. Затем выключили все приборы и закрыли краны. Вернулись в прихожую и открыли переднюю дверь.

Глава 5

Ричер вышел из двери первым, и тому было несколько причин. При обычных обстоятельствах он бы пропустил Джоди вперед, потому что его поколение еще сохранило остатки хороших американских манер, но он взял за привычку не демонстрировать их до тех пор, пока не станет ясно, как к этому отнесется его спутница. Кроме того, он находился в ее доме, а не в своем, что в корне меняло ситуацию, ведь ей придется запирать дверь. Короче говоря, он первым шагнул на крыльцо, и два головореза, которые там прятались, увидели его первым.

«Прикончите парня и привезите ко мне миссис Джейкоб», — сказал им Хоби. Тот из них, что устроился слева, приготовился стрелять из сидячего положения. Он был напряжен и готов к действию, поэтому его мозгу потребовалось меньше секунды, чтобы обработать информацию, поступившую от оптического нерва. Он почувствовал, что открылась передняя дверь, увидел, что экран сдвинулся в сторону, увидел, как кто-то шагнул на крыльцо, увидел, что это крупный парень из бара, и выстрелил.

Его напарник оказался в невыгодном положении. Экран двери открылся прямо ему в лицо. Сам по себе экран не был препятствием — тонкая нейлоновая сетка, предназначенная для защиты от насекомых, не остановит пули, — но этот парень был правшой, и рама экрана двигалась прямо на пистолет, из которого он приготовился стрелять. Он на мгновение замешкался, затем вскочил и бросился вперед, чтобы обогнуть экран. Он схватил его левой рукой, прижал к себе и выставил из-за него правую руку.

Ричер действовал инстинктивно и подсознательно. Ему было почти тридцать девять лет, его память охватывала примерно тридцать пять из них, вплоть до неясных обрывочных детских воспоминаний, и была наполнена почти исключительно моментами военной службы — его

отца, друзей отца, его собственной и его друзей. Ричеру не довелось узнать, что такое постоянство, он ни разу не доучился ни в одной школе до конца года, не работал с девяти до пяти с понедельника по пятницу, никогда не полагался ни на что, кроме непредсказуемости и элемента неожиданности. Часть его мозга была развита в нарушение всех законов пропорции, совсем как слишком сильно тренированная мышца, и потому его нисколько не удивило, что, выйдя на крыльцо в тихом нью-йоркском пригороде, он увидел двух мужчин, с которыми совсем недавно встречался за две тысячи миль отсюда, в Ки-Уэсте, и что эти мужчины наставили на него пистолеты. Он не испытал ни потрясения, ни удивления, ни колебаний, ни парализующего страха, ни паники. Ричер не колебался ни единого мгновения. Он тут же отреагировал на чисто механическую проблему, представшую перед ним в виде геометрической задачи, в условия которой входят время, пространство, углы, пули и человеческая плоть.

В левой руке у него был тяжелый чемодан, который он выставил вперед, когда переступал через порог. Ричер сделал одновременно две вещи. Левой рукой продолжил движение чемодана вперед, а правой взмахнул назад и ударил Джоди в грудь, толкая ее обратно в прихожую. Она сделала шаг назад, и в этот момент движущийся чемодан поймал первую пулю. Ричер почувствовал, как он дернулся у него в руке, и толкнул чемодан еще дальше, вытянувшись над крыльцом, словно нерешительный пловец над бассейном с холодной водой. Чемодан угодил прямо в лицо левому головорезу, который в этот момент начал подниматься на ноги и находился в неустойчивом положении. От удара он перекувырнулся назад и свалился с крыльца.

Впрочем, Ричер не видел, как он упал, потому что его глаза были прикованы ко второму противнику, который выскочил из-за экрана и приготовился стрелять. Ричер воспользовался инерцией движения чемодана и бросился вперед. Он ослабил хватку на ручке чемодана и послал его в полет над крыльцом, придав ему дополнительное ускорение правой рукой. Пистолет развернулся и плашмя ударил его в грудь. Ричер услышал выстрел и почувствовал, как ему обожгло кожу. Пуля ушла в сторону под его поднятой левой рукой и попала в стенку гаража в тот момент, когда он правой ударил своего врага в лицо.

Локоть, движущийся на огромной скорости перед телом весом в двести пятьдесят фунтов, может причинить неприятелю серьезный урон. Он скользнул по раме экрана и угодил парню в подбородок. Ударная волна беспрепятственно прошла через челюсть внутрь головы и врезала по мозгам. Парень повалился на спину, и Ричер понял, что он на некоторое время вышел из игры. Затем со скрипом захлопнулся экран двери, и Ричер увидел, что тип, прятавшийся слева, бочком подбирается к своему пистолету, который откатился в сторону. Джоди стояла в дверях,

согнувшись и прижимая руки к груди, и пыталась отдышаться. Старый чемодан покатился на лужайку перед домом.

Сейчас главной проблемой Ричера была Джоди. Его отделяло от нее около восьми футов, но между ними находился противник. Если он доберется до пистолета и повернет его вправо, то сможет в нее выстрелить. Ричер отпихнул в сторону тело второго головореза, все еще не пришедшего в сознание, и метнулся к двери. Оттолкнул в сторону экран и ввалился внутрь. Затем он затащил Джоди примерно на ярд в прихожую и захлопнул входную дверь. Она трижды содрогнулась от выстрелов, и воздух наполнился пылью и кусочками дерева. Ричер защелкнул замок и потащил Джоди на кухню.

— Мы можем добраться до гаража?

— Через крытый проход, — ответила Джоди.

Стоял июнь, вторые рамы были сняты, и проход представлял собой широкий коридор с тонкими экранами от пола до потолка. Тип, что прятался слева, стрелял из девятимиллиметровой «беретты», у которой в магазине пятнадцать патронов. Он использовал четыре: один попал в чемодан, три других — в дверь. Осталось одиннадцать. Не слишком приятная мысль, когда тебя отделяет от него всего лишь тонкая нейлоновая сетка.

— Ключи от машины?

Джоди достала ключи из сумки. Ричер взял их и зажал в кулаке. Сквозь застекленную кухонную дверь был виден проход с такой же дверью в противоположном конце, которая вела в гараж.

— Та дверь заперта?

Джоди кивнула.

— Зеленый. От гаража, — с трудом переводя дух, сказала она.

Ричер посмотрел на связку ключей и увидел старый ключ от автоматического замка, помеченный зеленой краской. Он осторожно открыл кухонную дверь, опустился на колени и высунул голову ниже, чем мог ожидать неприятель. Никого. Тогда он выбрал зеленый ключ и выставил его перед собой, словно крошечную пику. Вскочил на ноги и бросился вперед. Проверил, все ли в порядке, вставил ключ в замок, повернул и тут же вытащил. Распахнул дверь и помахал Джоди рукой, чтобы она последовала за ним. Она влетела в гараж, и он тут же захлопнул за ней дверь. Запер ее и прислушался. Тихо.

Гараж оказался большим темным помещением с открытыми стропилами и каркасом, здесь пахло старым машинным маслом и

креозотом и было полно вещей, которые принято складывать в гараже: косилки, шланги, плетеные кресла, но все старое, принадлежавшее человеку, который лет двадцать назад перестал покупать новые инструменты и приспособления. Так что дверь открывалась вручную при помощи специальных роликов. Никаких механизмов или электрических приводов. Пол был цементный, старый и тщательно подметенный. Машина Джоди, новый «олдсмобиль бравада», темно-зеленый с золотыми деталями отделки кузова, стоял носом к дальней стене. Таблички на багажнике хвастливо сообщали, что у него привод на четыре колеса и шестицилиндровый V-образный двигатель. Четыре колеса — это хорошо, а вот от того, какую скорость развивает двигатель, зависело многое.

— Забирайся назад и ложись на пол, — прошептал Ричер. — Поняла?

Джоди забралась внутрь головой вперед и легла на пол. Ричер прошел по гаражу и нашел ключ от двери гаража. Открыл ее и выглянул наружу, прислушиваясь. Никакого движения и звуков. Тогда он вернулся к машине, вставил ключ и включил зажигание, так чтобы двигатель мог заработать на полную мощность.

— Я сейчас вернусь, — прошептал он.

Гарбер держал свои инструменты в таком же идеальном порядке, как и письменный стол, и Ричер обнаружил стойку восемь на четыре с полным набором всего необходимого для дома. Он выбрал тяжелый плотницкий молоток, вышел во двор и изо всех сил швырнул его в сторону дома, целясь в кусты, растущие перед ним. Он досчитал до пяти, давая возможность неприятелю услышать грохот, среагировать и броситься к нему из своего укрытия. Затем нырнул внутрь гаража, к машине. Постоял около открытой двери, вытянул руку и повернул ключ в зажигании. Двигатель сразу завелся. Ричер метнулся назад, быстро поднял гаражную дверь, бросился на водительское сиденье и нажал на педаль. Все четыре колеса громко взвыли, и машина задом вылетела из гаража. Довольно далеко слева от себя, на лужайке, Ричер успел заметить типа с «береттой», который медленно разворачивался в их сторону. Ричер выскочил на подъездную дорожку и задом выехал на дорогу. Затем ударил по тормозам, резко крутанул руль и скрылся в облаках синего дыма.

Он мчался вперед на огромной скорости примерно пятьдесят ярдов, затем притормозил и остановился около подъездной дороги соседнего дома. Снова развернулся и въехал задом в густые заросли кустов. Выпрямился и выключил двигатель. У него за спиной поднялась с пола Джоди.

— Что, черт подери, мы здесь делаем? — спросила она.

— Ждем.

— Чего?

— Когда они уберутся.

Она фыркнула то ли от удивления, то ли от возмущения.

— Мы не будем ждать, Ричер, мы немедленно едем в полицию.

Ричер снова вставил ключ в зажигание, чтобы открыть окно, и опустил стекло, прислушиваясь к доносящимся снаружи звукам.

— Я не могу пойти в полицию, — сказал он, не глядя на нее.

— Это еще почему?

— Потому что меня свяжут с Костелло.

— Ты не убивал Костелло.

— И ты думаешь, что мне с готовностью поверят?

— Им придется поверить, потому что не ты его убил. Все очень просто.

— Может так получиться, что полиции потребуется время, чтобы найти лучшего кандидата.

Джоди немного помолчала.

— И что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что я должен держаться подальше от полиции.

В зеркало он видел, как она тряхнула головой.

— Нет, Ричер, нам необходима полиция.

Он посмотрел ей в глаза, вернее, в их отражение в зеркале.

— Ты помнишь, что говорил в таких случаях Леон? Он говорил: «Проклятье, я и есть полиция».

— Да, он был полицейским. И ты был. Давно.

— Ну, не так давно для нас обоих.

Она замолчала. Пересела вперед. Повернулась к нему.

— Ты просто не хочешь обращаться в полицию, так ведь? Дело вовсе не в том, что ты не можешь. Ты не хочешь, черт тебя подери.

Ричер слегка повернулся на своем сиденье, чтобы взглянуть на нее, и увидел, что она смотрит на обожженное место на его рубашке. Черное

пятно в форме удлиненной капли, словно татуировка, сделанная порохом на ткани. Ричер расстегнул пуговицы и распахнул рубашку. Прищурившись, посмотрел вниз: та же длинная капля украшала его кожу, волосы на груди обгорели и скрутились. Он облизнул палец, приложил его к наливающемуся ожогу и поморщился.

— Они со мной связались, значит, они мне ответят.

Джоди несколько мгновений молча смотрела на него.

— Знаешь, в это невозможно поверить. Ты ничем не лучше моего отца. Одна компания. Мы должны обратиться в полицию, Ричер.

— Я не могу, — ответил он. — Меня посадят в тюрьму.

— Мы должны, — повторила она, но уже без прежней убежденности.

Ричер покачал головой и ничего не сказал. Только молча смотрел на нее. Она была адвокатом, но также и дочерью Леона, и она знала, как устроен мир. Джоди довольно долго ничего не говорила, затем беспомощно пожала плечами и положила руку себе на грудь, осторожно, как будто ей было больно.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Ты меня сильно толкнул, — ответила она.

«Я мог бы помочь тебе растереть это место», — подумал он.

— Кто эти люди? — спросила Джоди.

— Они убили Костелло.

Она кивнула, потом вздохнула и огляделась по сторонам.

— Так куда же мы поедем?

Ричер расслабился и улыбнулся.

— Знаешь место, где они ни за что не станут нас искать?

Джоди пожала плечами, убрала от груди руку и пригладила волосы.

— На Манхэттене, — сказала она.

— В доме, — огорошил ее Ричер. — Они видели, как мы уехали, и им не придет в голову, что мы можем вернуться.

— Ты знаешь, что ты сумасшедший?

— Нам нужен чемодан. Возможно, Леон оставил какие-то записи.

Джоди только тряхнула головой в ответ.

— Кроме того, дом нужно снова запереть. Нельзя же оставлять гараж открытым. Кончится тем, что там поселится стая енотов. Нет, несколько семейств с выводком детенышей.

В следующее мгновение он поднял руку и приложил палец к губам. Они услышали шум мощного двигателя где-то в ста ярдах от них. Завизжали большие колеса на подъездной дороге, машина набрала скорость, и мимо них пронеслась черная тень. Большой черный джип, хромированные колеса. «Юкон» или «тахо», в зависимости от того, что написано на багажнике — «Джи-эм-си» [6] или «Шевроле». Внутри два человека в темных костюмах, один за рулем, другой бессильно откинулся на сиденье. Ричер высунулся из окна и прислушивался к шуму двигателя, пока он не стих в направлении города.

Честер Стоун ждал в своем офисе больше часа, затем позвонил вниз и попросил финансового директора связаться с банком и проверить их операционный счет. Тот сообщил ему, что им перевели один миллион сто тысяч долларов из офиса на Каймановых островах, который принадлежал одному из Багамских трастовых фондов.

— Деньги поступили, — сказал финансовый директор. — У тебя получилось, шеф.

Стоун вцепился в телефонную трубку, спрашивая себя, что на самом деле у него получилось.

— Я спускаюсь, — сказал он. — Хочу посмотреть на цифры.

— Не волнуйся, цифры просто отличные, — заявил финансовый директор.

— Я все равно спускаюсь, — сказал Стоун.

Он спустился на лифте на два этажа и вошел в шикарный кабинет финансового директора. Ввел пароль в компьютер, и на экране появились секретные таблицы. Затем за дело взялся финансовый директор и впечатал в операционный счет новую сумму. Компьютер произвел подсчет и выдал результат, который ждал их через шесть недель.

— Видишь? — спросил финансовый директор. — В самый раз!

— А как насчет выплаты процентов? — спросил Стоун.

— Одиннадцать тысяч в неделю, шесть недель? Многовато, тебе не кажется?

— Мы сможем их выплатить?

Финансовый директор уверенно кивнул.

— Конечно сможем. Мы должны двум поставщикам семьдесят три тысячи. У нас они есть. Если мы потеряем инвойсы и придется их переоформлять, у нас высвободятся наличные — на время.

Он постучал по монитору, показывая на обеспечение полученных инвойсов.

— Семьдесят три тысячи минус одиннадцать в неделю в течение шести недель, остается семь тысяч. Сможем пару раз сходить пообедать.

— Проверь еще раз, — попросил Стоун.

Финансовый директор молча посмотрел на него, но проверил свои расчеты. Ввел один миллион сто тысяч красным цветом, убрал обеспечение инвойсов, вычел одиннадцать тысяч по шесть раз и получил результат — семь тысяч долларов.

— Едва-едва, — сказал он. — Но в нашу пользу.

— А как мы отдадим основной долг? — спросил Стоун. — В конце шести недель нам потребуется один миллион сто тысяч долларов.

— Никаких проблем, — ответил финансовый директор. — Я все рассчитал. У нас будут деньги, причем вовремя.

— Покажи мне, ладно?

— Пожалуйста, смотри. — Он показал на другую строчку на экране, где значились платежи, которые они должны были получить от своих клиентов. — Эти два оптовика должны нам один миллион сто семьдесят три тысячи, ровно то, что нам нужно, плюс убытки от инвойсов, как раз через шесть недель.

— А они заплатят вовремя?

Финансовый директор пожал плечами.

— До сих пор платили.

Стоун смотрел на экран, его глаза перебегали со строчки на строчку, вверх и вниз, справа налево.

— Проверь еще раз.

— Не волнуйся, шеф. Все в порядке.

— Проверь.

Финансовый директор кивнул. В конце концов, компания принадлежала Стоуну. Он снова все проверил, все расчеты от начала и до самого конца, и результат получился таким же. Один миллион сто тысяч долларов, полученных от Хоби, исчезали по мере погашения счетов, два

поставщика ничего не получали, потом поступал платеж от оптовиков, они возвращали Хоби его деньги, производили расчет с поставщиками и оставались с теми же семью тысячами в плюсе.

— Не волнуйся, все получится, — снова сказал финансовый директор.

Стоун смотрел на экран и думал о том, хватит ли этих семи тысяч, чтобы купить Мэрилин поездку в Европу. Скорее всего, нет. По крайней мере, на шесть недель этого недостаточно. И она начнет волноваться. Испугается. Станет спрашивать, почему он заставляет ее уехать. Ему придется сказать ей правду. Мэрилин достаточно умна, чтобы тем или иным способом заставить его расколоться. А потом она откажется ехать в Европу, и все закончится тем, что следующие шесть недель она тоже будет лежать без сна по ночам.

Чемодан по-прежнему лежал на лужайке перед домом. Только теперь на боку у него с одной стороны красовалась дырка от пули. Значит, пуля прошла сквозь кожу и жесткий каркас из фанеры и застряла в бумагах. Ричер улыбнулся и отнес его в гараж к Джоди.

Они оставили машину на заасфальтированной площадке и прошли сюда тем же путем, каким уехали. Закрыли дверь в гараж, осторожно приблизились к проходу на кухню. Заперли зеленым ключом внутреннюю дверь, миновали кухню. Закрыли на замок и эту дверь, обошли сумку с вещами Джоди, брошенную в прихожей, и направились с чемоданом в гостиную. Здесь было больше места и света, чем в кабинете Гарбера.

Ричер открыл чемодан и выложил на пол папки. Вместе с ними выпала пуля и покатилась по ковру. Стандартная девятимиллиметровая для парабеллума, в медной оболочке. Слегка приплюснутая спереди от столкновения со старой фанерой, но в остальном целая. Бумага замедлила ее полет, заставив остановиться в пространстве размером в восемнадцать дюймов. Ричер видел отверстие, которое она проделала в половине папок. Он взвесил пулю на ладони и тут увидел, что Джоди стоит около двери и наблюдает за ним. Он бросил ей пулю, и она поймала ее одной рукой.

— Сувенир на память, — сказал он.

Джоди швырнула пулю в камин, словно та была раскаленной и обожгла ей руку, затем опустилась рядом с Ричером на колени перед кучей бумаг, которые он вынул из чемодана. Ричер уловил запах ее духов, незнакомый запах, но очень тонкий и женственный. Бесформенная голубая рубашка была ей великовата, но каким-то непостижимым образом подчеркивала фигуру. Рукава доходили почти до пальцев. Джинсы, затянутые на тонкой талии ремнем, намекали на стройность ног. Джоди казалась хрупкой, но Ричер помнил, какие у нее сильные

руки. Худощавая, но выносливая. Джоди наклонилась, чтобы взглянуть на папки, волосы упали на лицо, и он уловил тот легкий аромат, который, как оказалось, помнил все прошедшие пятнадцать лет.

— А что мы ищем? — спросила она.

— Думаю, узнаем, когда найдем, — пожав плечами, ответил он.

Они очень старательно искали, но безрезультатно. В бумагах ничего не было. Никаких указаний на последние дела, ничего важного. Всего лишь куча самых обычных документов, которые неожиданно стали казаться старыми и жалкими, пустым отражением жизни, подошедшей к концу. Самым свежим оказалось завещание, лежавшее в отдельной папке и запечатанное в конверт с аккуратной надписью. Аккуратной, но сделанной дрожащей рукой человека, только что вернувшегося из больницы после первого сердечного приступа. Джоди взяла его и вышла в прихожую, чтобы положить в карман дорожной сумки.

— Есть какие-нибудь неоплаченные счета? — крикнула она из прихожей.

Ричер нашел папку с надписью «Срочно», но она оказалась пустой.

— Ничего такого не вижу, — крикнул он в ответ. — Но, думаю, пара счетов еще придет, так ведь? Они приходят ежемесячно?

Джоди посмотрела на него от двери и улыбнулась.

— Да, — сказала она. — Каждый месяц.

Ричер обнаружил папку с надписью «Медицина», распухшую от оплаченных счетов из госпиталя и клиники, и кучу писем от страховой компании.

— Господи, неужели это столько стоит? — удивленно сказал он, перебирая счета.

Джоди вернулась и наклонилась посмотреть.

— Конечно, — сказала она. — А у тебя есть страховка?

Он тупо на нее уставился.

— Думаю, Министерство по делам ветеранов могло оформить на меня страховку, по крайней мере на какой-то период.

— Ты должен проверить, чтобы знать наверняка.

Ричер пожал плечами.

— Я нормально себя чувствую.

— Папа тоже нормально себя чувствовал, — отрезала Джоди. — В течение шестидесяти трех с половиной лет.

Она снова опустилась рядом с ним на колени. Ричер увидел, как у нее на глазах появились слезы, и взял ее за руку.

— Тяжелый выдался день, верно? — сказал он.

Она кивнула и сморгнула слезы. А потом грустно улыбнулась.

— Невероятно тяжелый. Я похоронила своего старика, в меня стреляла пара убийц, я нарушила закон, не сообщив в полицию о таком количестве преступлений, что и не сосчитать, и добровольно связалась с диким типом, который собирается выполнить сделку, заключенную моим отцом при жизни. Знаешь, что сказал бы мне папа?

— Что?

Она поджала губы и заговорила низким голосом, очень похожим на добродушное ворчание Гарбера.

— «И все за один день, девочка, за один денек». Вот что он сказал бы.

Ричер ухмыльнулся в ответ и снова сжал ее руку. Затем пролистал медицинские документы и выбрал фирменный бланк клиники.

— Поищем клинику, — сказал он.

Пассажиры «тахо» яростно обсуждали, имеет ли смысл возвращаться. Слово «неудача» было не самым популярным в словаре Хоби. Возможно, им стоило пуститься в бега и исчезнуть. Просто взять и исчезнуть. Очень соблазнительная перспектива. Впрочем, они не сомневались, что Хоби их все равно найдет. Возможно, не сразу, но обязательно найдет. А вот эта перспектива их совсем не привлекала.

Поэтому они решили обсудить ситуацию. Впрочем, они знали, как следует поступить. Они сделали несколько остановок и провели разумное количество времени в придорожном кафе. Так что к тому моменту, когда они, справившись с проблемами движения, въехали на южную окраину Манхэттена, у них была готова вполне достоверная история.

— Мы столкнулись с серьезной проблемой, — сказал первый. — Прождали несколько часов и поэтому вернулись так поздно. А проблема заключалась в том, что там оказалась целая куча военных, какая-то церемония, и все они были вооружены.

— Сколько? — спросил Хоби.

— Военных? — спросил второй. — По меньшей мере дюжина. Может быть, пятнадцать. Они постоянно перемещались, и сосчитать точно мы не смогли. Какой-то почетный караул.

— Она уехала с ними, — сообщил первый. — Судя по всему, они сопровождали ее от кладбища, а потом она отправилась с ними в какое-то другое место.

— Вам не пришло в голову последовать за ними?

— Мы не могли, — сказал второй. — Они ехали очень медленно, выстроившись длинным строем. Как в похоронной процессии. Они бы нас сразу заметили. Не могли же мы взять и пристроиться в хвосте похоронной процессии.

— А тот парень из Ки-Уэста?

— Он убрался раньше остальных, и мы не стали его трогать. Мы следили за миссис Джейкоб. К тому моменту мы ее уже вычислили. Сначала она была в доме, а потом уехала в окружении военных.

— И что вы сделали?

— Проверили дом, — сказал первый. — Он был намертво закрыт. Тогда мы поехали в город и выяснили, кому он принадлежит. В публичной библиотеке все есть. Дом записан на некоего Леона Гарбера. Мы спросили у библиотекаря, что она о нем знает, и она дала нам местную газету. На третьей странице имеется статья, посвященная ему. Он только что умер от сердечной болезни. Вдовец, единственным живым родственником является дочь Джоди, бывшая миссис Джейкоб, молодой, но очень талантливый финансовый адвокат, работает в «Спенсер, Гутман, Риккер и Талбот» на Уолл-стрит и живет на Нижнем Бродвее здесь, в Нью-Йорке.

Хоби едва заметно кивнул и принялся постукивать острым концом крюка по столу.

— И кто такой этот Леон Гарбер? С какой стати почетный караул и все такое?

— Военная полиция, — сказал первый.

Второй кивнул:

— Вышел в отставку с тремя звездами и таким количеством медалей, что и не сосчитать. Сорок лет на службе. Корея, Вьетнам и все такое.

Хоби перестал стучать по столу крюком и замер. Кровь отхлынула от его лица, и он смертельно побледнел, только в тусклом свете ярким пятном выделялись розовые шрамы.

— Военная полиция, — еле слышно повторил он.

Хоби долго сидел молча, уставившись в пространство, затем поднял крюк и принялся медленно вертеть его перед глазами, разглядывая, подставляя под тонкие лучи света, отражавшиеся от изгибов и поверхностей. Крюк дрожал, и Хоби схватил его левой рукой.

— Военная полиция, — снова проговорил он, не сводя глаз с крюка.

Затем перевел взгляд на двух мужчин, сидевших на диване.

— Выйди, — сказал он второму.

Тот бросил мимолетный взгляд на своего партнера, вышел и аккуратно закрыл за собой дверь. Хоби отодвинулся от стола и встал. Обошел стол и остановился за спиной первого, который сидел на диване, боясь пошевелиться и оглянуться на своего шефа.

Агент носил рубашки с воротниками шестнадцатого размера, то есть его шея в диаметре была чуть больше пяти дюймов, если считать, что человеческая шея — это своего рода цилиндр, — Хоби всегда с удовольствием представлял подобные вещи. Его крюк, простой стальной крючок в форме буквы J, был довольно внушительных размеров. Хоби резко выбросил крюк вперед и захватил воротник рубашки сидевшего на диване мужчины. Затем сделал шаг назад и изо всех сил потянул. Мужчина дернулся вверх и назад, отчаянно цепляясь пальцами за холодный металл, чтобы хоть чуть-чуть ослабить давление. Хоби улыбнулся и потянул сильнее. Крюк крепился к тяжелой кожаной чашке и чехлу такой же формы, чашка прикрывала остатки предплечья, а чехол плотно пристегивался к бицепсу над локтем. Чашка являлась стабилизатором, а верхний чехол, меньшего размера, чем локтевой сустав, принимал на себя всю нагрузку и удерживал крюк на обрубке. Хоби тянул на себя до тех пор, пока несчастный не начал задыхаться и синеть. Затем он немного ослабил хватку и наклонился к уху своего агента.

— У него на лице большой синяк. Откуда?

Несчастный тяжело дышал и размахивал руками. Хоби повернул крюк, ослабив давление на голосовые связки, но при этом наставил острый кончик в самое уязвимое место под ухом.

— Что там произошло? — спросил он.

Его агент понимал: крюк находится под таким углом, что любое, даже едва уловимое движение назад приведет к тому, что крюк разорвет кожу и вонзится в уязвимый треугольник под челюстью. Он не слишком разбирался в анатомии, но знал, что от смерти его отделяет всего дюйм.

— Я вам расскажу, — прохрипел он. — Я все расскажу.

Хоби продолжал держать крюк у него под ухом, слегка нажимая на него всякий раз, когда его жертва замолкала, так что вся история от начала до конца заняла примерно три минуты.

— Вы меня подвели, — сказал Хоби.

— Да, подвели, — выдохнул агент. — Но это его вина. Он застрял за дверью с экраном. Он оказался бесполезным.

Хоби надавил на крюк.

— Это в каком смысле? Вроде того, что он бесполезный, а ты очень даже полезный?

— Это он во всем виноват, — снова прохрипел агент. — А я очень полезный.

— Тебе придется это доказать.

— Как? — с трудом произнес агент. — Умоляю вас, скажите: как? Скажите же мне.

— Очень просто. Ты можешь кое-что для меня сделать.

— Да, конечно, все, что угодно, — не унимался агент.

— Привези ко мне миссис Джейкоб, — заорал Хоби.

— Да, — выкрикнул в ответ агент.

— И постарайся больше не испортить все дело, — завопил Хоби.

— Ни за что, мы никогда, я обещаю, — проверещал агент.

Хоби два раза надавил на крюк в такт своим словам.

— Не «мы». Только ты. Потому что ты можешь сделать для меня кое-что еще.

— Что? — прохрипел агент. — Я готов на все.

— Избавься от своего бесполезного партнера, — прошептал Хоби. — Сегодня, на яхте.

Его агент принялся рьяно кивать, насколько позволял ему крюк. Хоби наклонился вперед и убрал крюк. Агент повалился на бок, и его вырвало прямо на диван.

— И принеси мне его правую руку, — снова прошептал Хоби. — В качестве доказательства.

Они выяснили, что клиника, которую посещал Леон, была не отдельной самостоятельной больницей, а административной единицей, входящей в состав гигантского частного больничного комплекса, который обслуживал округ Патнам. В огромном парке стояло десятиэтажное белое здание, а вокруг него расположились всевозможные медицинские учреждения. Узкие извилистые дорожки вели по обустроенной со вкусом территории в маленькие тупички, где находились кабинеты врачей и дантистов. Если доктор не мог справиться с проблемой в своем кабинете, он отправлял пациента в главный корпус, в больницу, и занимался им там. Таким образом, кардиологическая клиника представляла собой довольно солидное заведение, в котором постоянно менялся контингент врачей и больных в зависимости от того, кто болен и насколько серьезно. Из бумаг Леона было ясно, что им занимались в нескольких местах: сначала в отделении интенсивной терапии, затем в послеоперационной палате, потом амбулаторно и снова в интенсивной терапии, когда он пришел сюда в последний раз.

Единственной постоянной величиной было имя лечащего врача, некоего доктора Макбаннермана, которого Ричер представлял себе добродушным седовласым стариком, опытным, знающим и сочувствующим, возможно с шотландскими корнями, пока Джоди не сказала ему, что встречалась с врачом несколько раз, что она из Балтимора и ей тридцать пять лет. Ричер вел машину Джоди по маленьким извивающимся дорожкам, а она поглядывала по сторонам в поисках нужного кабинета. В конце концов Джоди узнала низкое кирпичное строение, белое и очень аккуратное. Казалось, оно испускает антисептическое сияние, как и все медицинские заведения в мире. Снаружи стояло около полудюжины машин, и Ричер заехал задом на единственное пустовавшее место.

В приемной их встретила пожилая полная женщина, которая с сочувствием поздоровалась с Джоди. Она предложила им подождать во внутреннем кабинете доктора, за что они заслужили мрачные взгляды других пациентов. Здесь было тихо, стерильно и безлико, стоял обычный стол для осмотра пациентов, а на стене за столом висело большое изображение человеческого сердца в разрезе. Джоди смотрела на него с таким видом, словно задавала себе вопрос: «И какая же его часть в конце концов не выдержала?» Неожиданно Ричер почувствовал, как ровно бьется у него в груди его собственное сердце, огромное и сильное, как оно качает кровь и она пульсирует в запястьях и на шее.

Они прождали десять минут, затем внутренняя дверь открылась и вошла доктор Макбаннерман, темноволосая, неприметная женщина в белом халате, со стетоскопом, висящим на шее, словно офисный бейджик, и с беспокойством на лице.

— Джоди, — сказала она. — Примите мои соболезнования.

На девяносто девять процентов ее сочувствие было искренним, но Ричер уловил в ее голосе легкую тревогу. «Она боится обвинения во врачебной ошибке», — подумал Ричер. Дочь пациента, адвокат, пришла к ней сразу после похорон. Джоди тоже все поняла и кивнула, пытаясь ее успокоить.

— Я пришла, чтобы вас поблагодарить. Вы все отлично делали, с самого начала и до самого конца. Лучше с этой задачей не справился бы никто.

Макбаннерман немного расслабилась, и один процент беспокойства исчез. Она улыбнулась, и Джоди снова посмотрела на большое изображение сердца.

— Так что же в результате отказало? — спросила она.

Макбаннерман проследила за ее взглядом и едва уловимо пожала плечами.

— На самом деле отказало все. Сердце — это большая сложная мышца, она сокращается тридцать миллионов раз в год. Если ей удается выдержать двадцать семь миллиардов ударов, что равняется девяноста годам, мы называем это старостью. Если только восемнадцать миллиардов, то есть шестьдесят лет, мы говорим о ранней болезни сердца. И называем ее самой серьезной медицинской проблемой Америки, но на самом деле можем сказать только одно: рано или поздно сердце останавливается.

Она замолчала и посмотрела на Ричера. На мгновение ему показалось, что она увидела у него какие-то симптомы, но он тут же сообразил, что она ждет, чтобы его представили.

— Джек Ричер, — сказал он. — Я старый друг Леона.

Макбаннерман медленно кивнула, словно получила ответ на мучившую ее загадку.

— Знаменитый майор Ричер. Он много о вас говорил.

Она сидела и с откровенным интересом разглядывала Ричера. Изучила его лицо и перевела взгляд ниже, на грудь. То ли потому, что у нее такая профессия, то ли просто заметила ожог от выстрела.

— А он говорил еще о чем-нибудь? — спросила Джоди. — У меня сложилось впечатление, что его что-то беспокоило.

Макбаннерман повернулась к ней с озадаченным видом, словно хотела сказать: «Все мои пациенты обеспокоены, их беспокоит вопрос жизни и смерти».

— В каком смысле?

— Я не знаю точно, — ответила Джоди. — Может быть, кто-то из других пациентов втянул его в какое-то дело?

Доктор пожала плечами и уже собралась сказать, что ничего не знает, но тут вдруг вспомнила.

— Да, он кое-что говорил. Сказал, что у него появилось новое задание.

— А он сказал какое?

Макбаннерман покачала головой.

— Никаких деталей. Но я видела, что его это дело очень занимает и беспокоит. Сначала он не хотел о нем говорить. Ну, вроде как кто-то поставил перед ним простую и скучную задачу. Но позже очень заинтересовался и не мог скрыть беспокойства. Его кардиограммы стали значительно хуже, и мне это совсем не нравилось.

— Это дело было связано с кем-то из пациентов? — спросил Ричер.

— Не знаю. Но, думаю, это возможно. Они много времени проводят вместе в приемной. Разговаривают друг с другом. Пожилым людям часто бывает одиноко и скучно.

Ее слова прозвучали как выговор, и Джоди покраснела.

— А когда он впервые об этом заговорил? — быстро спросил Ричер.

— Кажется, в марте, — неуверенно ответила Макбаннерман. — Или, может, в апреле? Вскоре после того, как стал посещать нас амбулаторно. Незадолго до того, как отправился на Гавайи.

Джоди удивленно уставилась на нее.

— Он был на Гавайях? Я не знала.

Макбаннерман кивнула.

— Он пропустил очередной визит, и я спросила его, что случилось. Он ответил, что летал на несколько дней на Гавайи.

— Гавайи? Интересно, почему он туда отправился и ничего мне не сказал?

— Я не знаю, зачем он туда летал, — проговорила доктор.

— А состояние у него было приемлемое для такого путешествия? — спросил Ричер.

Доктор покачала головой.

— Нет, и я думаю, он понимал, что делает глупость. Может быть, именно по этой причине он ничего вам не сказал.

— Когда он перешел на амбулаторное лечение? — спросил Ричер.

— В начале марта, — ответила она.

— А на Гавайи когда летал?

— Думаю, в середине апреля.

— Хорошо, — сказал он. — Вы не могли бы дать нам список пациентов, посещавших вас в тот период времени? Март и апрель. Имена людей, с которыми он мог разговаривать.

Макбаннерман начала качать головой, не дослушав его до конца.

— Мне очень жаль, но я не могу. На самом деле не могу. Это конфиденциальная информация.

При этом она смотрела на Джоди, как бы взывая к ней: «Вы адвокат, а я врач, и мы обе женщины, вы же понимаете, какие у нас тут правила». Джоди с сочувствием кивнула.

— Не могли бы вы просто спросить у регистратора? Ну, понимаете, вдруг она видела, как папа с кем-то разговаривал, когда ждал приема. Это будет всего лишь вопрос к третьей стороне, и никакого нарушения закона о конфиденциальности. Естественно, по моему мнению.

Макбаннерман не пришлось дважды указывать на лазейку, которой она тут же воспользовалась: нажала на кнопку интеркома и пригласила женщину-регистратора. Той задали интересовавший Ричера и Джоди вопрос, она принялась кивать и заговорила прежде, чем доктор замолчала:

— Да, конечно, мистер Гарбер постоянно разговаривал с симпатичной пожилой парой, ну, с тем мужчиной, у которого клапан в левом верхнем желудочке. Он больше не может водить машину, и его каждый раз привозит жена. У них такая ужасная старая машина, помните? Мистер Гарбер что-то для них делал, я в этом совершенно уверена. Они все время показывали ему старые фотографии и какие-то бумаги.

— Хоби? — спросила ее Макбаннерман.

— Точно, они вели себя как самые настоящие заговорщики, эти трое: мистер Гарбер, старик Хоби и его жена.

Глава 6

Крюк Хоби сидел один в своем личном кабинете на восемьдесят восьмом этаже, прислушиваясь к тихим звукам, пронизывающим огромное

здание, обдумывая положение, меняя свое решение. Про него нельзя было сказать, что он негибкий человек. Он этим гордился. И восхищался тем, как умеет перекраивать свои планы, адаптироваться к ситуации, слушать и учиться. Он считал, что в этом его сила и уникальность.

Когда Хоби отправился во Вьетнам, он почти ничего не знал о своих способностях. Он вообще мало что знал, поскольку был молод. И не просто очень молод, а попал в армию из тихого пригорода, где просто невозможно приобрести какой бы то ни было опыт.

Вьетнам его изменил. Он мог его сломать. Он многих ломал. Крюк Хоби видел, как парни вокруг него разваливаются на части. Не только юноши вроде него, но и профессионалы, прослужившие в армии не один год. Вьетнам придавливал людей, и некоторые не выдерживали, но не все.

Хоби выдержал и не сломался. Он смотрел по сторонам, менялся и приспосабливался. Слушал и учился. Убивать было легко. До сих пор он не видел мертвецов, кроме разве что животных, попавших под машину, — бурундуков и кроликов да иногда вонючих скунсов, случайно оказавшихся на заросших дорожках около его дома. В свой первый день во Вьетнаме он увидел восемь трупов американцев. Это был патруль, буквально разорванный на куски минометным огнем. Восемь человек, двадцать девять кусков, некоторые очень большие. Момент, определивший его дальнейшую жизнь. Его товарищи затихли, кого-то тошнило, другие тихонько плакали, не в силах поверить своим глазам. Хоби это зрелище не тронуло.

Он начал с коммерческой деятельности. Всем что-то требовалось и чего-то не хватало. Все стонали и жаловались. Это было до абсурда легко. Прислушивайся к разговорам, и все. Один парень курит, но не пьет. Другой любит пиво, но не курит. Возьми у одного сигареты и обменяй на пиво, которое тебе даст другой. Получается типичная сделка. Маленький процент себе. Так просто и так очевидно, что Хоби не мог понять, почему они сами этого не делают. Он относился к своему предприятию не слишком серьезно, поскольку считал, что оно не может существовать долго, что они скоро сами сообразят, как нужно действовать, и им больше не понадобится посредник.

Но он ошибся. И это был первый урок, полученный им во Вьетнаме. Он может делать то, что не по силам другим. Он видит вещи, которых они не замечают. Он стал внимательнее прислушиваться. Чего еще они хотят? Очень многого. Девушки, еда, пенициллин, пластинки, служба в базовом лагере (кроме нарядов на уборку туалета). Сапоги, средство для отпугивания насекомых, хромированное оружие, высушенные уши трупов в качестве сувениров. Марихуана, аспирин, героин, чистые иглы, тепленькое местечко службы на последние сто дней похода. Он слушал, узнавал, искал и получал доход.

Потом Хоби совершил прорыв, концептуальный прыжок, которым страшно гордился. Он использовал эту же схему в своих дальнейших операциях. Она родилась в качестве ответа на несколько вставших перед ним проблем. Первая состояла в том, что добывать все необходимое было очень трудно и требовало невероятных усилий. Находить определенные вещи иногда оказывалось довольно сложно. Например, здоровых девушек, а девственниц и вовсе почти невозможно. Организация непрерывной доставки наркотиков была сопряжена с риском. Остальное было просто нудной работой. Необычное оружие, сувениры, даже приличные сапоги — все это требовало времени. Новые офицеры, прибывавшие по ротации, срывали дорогие его сердцу сделки в безопасных зонах, где не велось военных действий.

Второй проблемой стала конкуренция. Довольно скоро Хоби понял, что он не уникален, хотя таких, как он, мало. В игру вступили другие парни. Начал развиваться свободный рынок. Случалось так, что от сделок с ним отказывались. Клиенты уходили, заявив, что в другом месте цены лучше. Его это потрясло.

Меняться и приспосабливаться. Он хорошенько обдумал ситуацию, провел целый вечер в полном одиночестве, лежа на узкой койке в своем бараке. И придумал. Зачем охотиться за определенными вещами, которые трудно найти и будет становиться все труднее? Зачем выискивать какого-нибудь врача и спрашивать его, что он хочет получить за вываренный и очищенный череп вьетнамского солдата? Зачем потом добывать то, что он попросил, и нести ему в обмен на череп? Зачем тратить на это силы? Почему бы не заняться самой распространенной и доступной вещью во Вьетнаме?

Американские доллары! Он стал давать деньги в долг. Позже, в период выздоровления, когда у него было много времени на чтение, он только печально улыбался, вспоминая об этом. Его деятельность являлась классической демонстрацией законов прогресса. Примитивные общества начинают с обмена товарами, затем у них появляются деньги и настоящая экономика. Нет никаких сомнений в том, что американское присутствие во Вьетнаме начиналось как первобытное общество. Примитивное, лишенное удобств, дезорганизованное, ползающее по грязной земле этой ужасной страны. Время шло, и оно разрасталось, обустраивалось, становилось более зрелым. Оно взрослело, и Хоби стал его первым представителем, выросшим вместе с ним. Первым и на довольно долгое время единственным. Это стало источником его гордости за себя. Он оказался умнее, с более развитым воображением, лучше готов к переменам, умел приспособиться и благодаря всему этому получать прибыли.

Наличные деньги являлись ключом ко всему. Если ты хочешь получить новые сапоги, или героин, или девушку, которую какой-то бессовестный

врун выдает за девственницу двенадцати лет, одолжи денег у Хоби. Ты можешь удовлетворить свое желание сегодня, а заплатить за него через неделю, плюс несколько процентов для Хоби, который мог просто сидеть на месте, как жирный паук в своей паутине. Никакой беготни, никакой конкуренции. Он много об этом думал и довольно скоро понял, какой психологической властью обладают цифры. Маленькие цифры, например 9, кажутся ничего не значащими и дружелюбными. Девять процентов были его любимой ставкой. Почти ничего. Девять, крошечная закорючка на бумаге. Одна цифра. Меньше десяти. Действительно практически ничего. Так на это смотрели все остальные. Но девять процентов в неделю дают 468 процентов в год. Если должник не возвращал деньги через неделю, в дело вступал сложный процент. И 468 процентов быстро превращались в тысячу. Но никто ничего не замечал. Никто, кроме Хоби. Они все видели цифру 9, простую, маленькую и дружелюбную.

Первым его злостным должником стал здоровенный парень, дикий, злобный и не совсем нормальный. Хоби улыбнулся и простил ему долг, а взамен предложил отплатить за такую щедрость — стать его помощником и взять на себя обязанность выбивать долги из несговорчивых клиентов. После этого у Хоби закончились все проблемы. Найти метод устрашения оказалось совсем не просто. Ломать руки или ноги? Но тогда пострадавшего должника отправят за линию фронта, где он окажется в полной безопасности в окружении белых халатов, которые с легкостью поверят любой сочиненной им героической истории о том, как он получил свое «ранение». Серьезное увечье станет причиной инвалидности, вследствие чего человека уволят из армии и отправят в Штаты. Какое уж тут устрашение? Никакого.

Хоби и его помощник придумали использовать «пики панджи», изобретение вьетнамцев — маленькие острые спицы из дерева, смазанные дерьмом буйвола, которое само по себе ядовито. Вьетнамцы прятали их в неглубоких ямках, а американцы наступали на них, получали заражение и лишались ноги. Помощник Хоби целился в мошонку должников, и те, как правило, приходили к выводу, что длительное лечение и даже возможность возвращения домой не стоят тех денег, что они ему задолжали.

К тому времени, когда Хоби обгорел и лишился руки, он стал очень богатым человеком. Его следующей задачей было доставить свое состояние домой в целости и сохранности, причем так, чтобы никто о нем не узнал. Провернуть такое смог бы не каждый, в особенности учитывая обстоятельства, в которых находился Хоби. И успешное решение этого вопроса явилось еще одним доказательством его исключительности. Да и вся дальнейшая история. Хоби прибыл в Нью-Йорк после длительного кружного путешествия, став инвалидом и

уродом, и мгновенно почувствовал себя дома. Манхэттен представлялся ему джунглями, ничем не отличавшимися от джунглей Индокитая, и причин менять схему своего поведения он не видел. А также заводить другой бизнес. Только на сей раз он стартовал, имея серьезный начальный капитал.

Он занимался ростовщичеством много лет. Построил настоящую империю. У него был капитал и была репутация. Шрамы от ожогов и крюк играли огромную роль — для внешней стороны дела. У него появилась армия помощников. Он прикармливал бесконечные волны и поколения эмигрантов и бедняков. Сражался с итальянцами, чтобы остаться в своем бизнесе. Платил целым взводам копов и прокуроров, чтобы быть невидимым.

Затем Хоби совершил второй прорыв. Подобно первому, он стал результатом серьезных радикальных размышлений и ответом на возникшую проблему. Причем довольно дурацкую проблему. Хоби владел миллионами на улицах, но занимался грошовыми сделками. Тысячи разных предприятий, сотня баксов здесь, сто пятьдесят там, девять или десять процентов в неделю, пятьсот или тысяча процентов в год. Куча бумажной работы, бесконечные склоки, необходимость постоянно куда-то нестись. А потом Хоби сообразил, что малое может привести к большому. Эта мысль явилась ему как озарение. Пять процентов от корпорации, которая стоит миллион баксов, дадут ему в неделю больше, чем пятьсот процентов в год от какой-нибудь мелкой операции на улице. Хоби пришел в страшное возбуждение. Остановил все сделки и при помощи самых жестких методов заставил должников расплатиться. Он купил себе хорошие костюмы и снял помещение под офис. И на следующий день начал одалживать деньги корпорациям.

Это был гениальный шаг. Хоби сумел разглядеть невидимую область, лежащую чуть в стороне от традиционной коммерческой практики. Ему удалось получить армию клиентов, которые стояли на самом краю и с которыми банки отказывались иметь дело. Огромную армию людей, оказавшихся в отчаянном положении. А самое главное, они представляли собой легкую добычу. Мягкотелые, воспитанные мужчины в дорогих костюмах приходили к нему, чтобы получить миллион долларов, и в этом случае Хоби рисковал гораздо меньше, чем когда одалживал сто пятьдесят баксов бедняку, живущему с блохастой собакой в грязном многоквартирном доме. Мягкотелых, воспитанных людей легко напугать. Они не знали, что такое суровая реальность жизни. Хоби выпустил на поле боя своих головорезов, а сам сидел и наблюдал, как его клиентура сократилась до горстки, средние размеры займов увеличились в миллионы раз, проценты взлетели в стратосферу, а прибыли выросли настолько, что он даже представить себе такого не мог. Малое приводит к большому.

Это был замечательный бизнес, и Хоби отлично себя в нем чувствовал. Разумеется, время от времени у него возникали проблемы. Он поменял тактику устрашения. Его новые воспитанные должники были уязвимы благодаря своим семьям. Женам, дочерям, сыновьям. Как правило, хватало простых угроз. Иногда приходилось предпринимать действия. Часто он получал от этого удовольствие. С мягкотелыми, живущими в пригородах женами и дочерьми можно очень неплохо развлечься. Дополнительный бонус. Чудесный бизнес. И все благодаря его способности меняться и приспосабливаться. В глубине души Хоби знал, что главным его талантом является гибкость. Он обещал себе никогда об этом не забывать. Вот почему он сидел в полном одиночестве в своем кабинете, прислушивался к тихим звукам, пронизывающим огромное здание, думал и менял свое решение.

В пятидесяти милях к северу от него, в Паунд-Ридже, Мэрилин Стоун тоже приняла решение. Она была умной женщиной и поняла, что у Честера финансовые проблемы. Ничего другого просто не могло быть. Она точно знала, что дело не в любовнице. Когда мужья заводят на стороне интрижки, это можно увидеть по некоторым признакам. Ничего подобного Мэрилин не наблюдала. А других причин для беспокойства быть не могло. Значит, деньги.

Сначала Мэрилин решила подождать. Просто тихонько сидеть до тех пор, пока Честер не выдержит и не выложит ей все свои проблемы. Она планировала дождаться этого дня, а потом начать действовать. Мэрилин могла справиться с самой сложной ситуацией, как бы далеко она ни зашла, включая долги, неплатежеспособность, даже банкротство. Женщины отлично умеют управляться с трудными проблемами, намного лучше мужчин. Она могла предпринять практические шаги, предложить мужу утешение, проложить дорогу среди руин, не страдая от унизительного чувства беспомощности, которое обязательно охватит Честера.

Но ей пришлось изменить свое решение. Мэрилин больше не могла ждать. Беспокойство буквально убивало Честера. Поэтому она поняла, что должна действовать, зная, что разговаривать с ним бессмысленно. Инстинкт подсказывал ему, что он должен скрывать от нее свои неприятности. Честер не хотел ее расстраивать. Он станет все отрицать, а ситуация будет постоянно ухудшаться. Значит, ей придется спасать его и себя в одиночку.

Самым очевидным шагом было выставить дом на продажу, связавшись с какой-нибудь компанией недвижимости. Вне зависимости от серьезности проблемы, вставшей перед Честером, дом, скорее всего, придется продать. Мэрилин не знала, хватит ли вырученных за него денег. Они могут помочь, но, возможно, этого будет недостаточно. Но начинать следовало с дома.

Богатая женщина, живущая в Паунд-Ридже, такая как Мэрилин, имеет достаточное количество связей в мире недвижимости. Ступенькой ниже на общественной лестнице стоят женщины, чувствующие себя вполне уютно, не будучи очень богатыми, и работающие на компании по продаже недвижимости. Речь, естественно, не идет о полной занятости, они делают вид, что это хобби и что внутренняя отделка домов интересует их больше, чем собственно коммерция. Мэрилин с ходу назвала бы четырех подружек, к которым могла бы обратиться. Она положила руку на телефон, пытаясь решить, кого выбрать. В конце концов она остановилась на женщине по имени Шерил, которую знала хуже остальных, но подозревала, что она самая деловая из всех. Шерил серьезно относилась к своей работе, а именно это и требовалось Мэрилин. Она набрала номер.

— Мэрилин, как я рада, что ты позвонила, — сказала Шерил. — Я могу тебе чем-то помочь?

Мэрилин набрала в грудь воздуха.

— Возможно, мы будем продавать дом, — сказала она.

— И ты обратилась ко мне? Мэрилин, большое тебе спасибо. Но почему вы решили продавать дом? У вас такое замечательное место. Вы решили переехать из штата?

Мэрилин сделала еще один глубокий вдох.

— Мне кажется, Честеру грозит банкротство. Я не хотела бы об этом говорить, но мне представляется, что нам необходимо быть ко всему готовыми.

Никакой паузы. Ни колебаний, ни замешательства.

— Я думаю, ты поступаешь мудро, — сказала Шерил. — Многие слишком долго тянут, а потом продают свою собственность в страшной спешке и теряют деньги.

— Многие? Такое часто случается?

— Ты шутишь? Мы видим подобные ситуации постоянно. Нужно как можно раньше посмотреть правде в глаза и получить настоящую цену. Поверь мне, ты все делаешь правильно. Впрочем, для женщин это характерно, потому что мы разбираемся в подобных вещах лучше мужчин, так ведь?

Мэрилин выдохнула и улыбнулась телефонной трубке, чувствуя, что приняла верное решение и не ошиблась в выборе агента.

— Я внесу вас в список немедленно, — сказала Шерил. — Предлагаю назначить цену в два миллиона без двух долларов, чтобы получить

миллион девятьсот тысяч. Это возможно, и, думаю, желающие найдутся быстро.

— Насколько быстро?

— Учитывая сегодняшний рынок и место? — уточнила Шерил. — Шесть недель. Полагаю, мы можем гарантировать, что первое предложение поступит через шесть недель.

Доктора Макбаннерман по-прежнему очень беспокоил вопрос конфиденциальности, и хотя она дала им адрес мистера и миссис Хоби, но продиктовать номер телефона отказалась. Джоди не видела логики в ее действиях, но ей показалось, что доктору так легче, и потому она не стала настаивать. Пожав доктору руку, она вместе с Ричером вышла через приемную на улицу, к своей машине.

— Какое странное ощущение, — сказала она. — Ты видел людей в приемной?

— Видел, — ответил Ричер. — Старики, одной ногой в могиле.

— Папа тоже так выглядел в самом конце. Боюсь, старый мистер Хоби недалеко от него ушел. Как же так получилось, что дело, которое они затеяли, привело к гибели людей?

Они сели в машину, и Джоди потянулась за телефоном. Ричер завел мотор, а Джоди набрала номер справочной службы. Хоби жили к северу от Гаррисона, за Брайтоном, в следующем городке по железнодорожной ветке. Она записала телефонный номер карандашом на листке бумаги, вырванном из блокнота, и тут же его набрала. Довольно долго никто не брал трубку, наконец ей ответил слабый женский голос.

— Слушаю?

— Миссис Хоби? — спросила Джоди.

— Да? — прозвучало снова не слишком уверенно.

Джоди представила себе пожилую, немощную женщину, седую, очень худую, скорее всего в ярком халате, сидящую с телефонной трубкой в руке в старом темном доме, где витают застаревшие запахи еды и мастики для мебели.

— Миссис Хоби, я Джоди Гарбер, дочь Леона Гарбера.

— Да? — повторила женщина.

— К сожалению, он умер пять дней назад.

— Да, я знаю, — сказала женщина грустным голосом. — Нам сказала медсестра доктора Макбаннерман на вчерашнем приеме. Меня эта

новость очень огорчила. Он был так добр к нам. Он нам помогал. И рассказал о вас. Вы адвокат. Я сочувствую вашей утрате.

— Спасибо, — ответила Джоди. — Не могли бы вы рассказать, в чем он вам помогал?

— Ну, сейчас это уже не имеет значения, так ведь?

— Не имеет? Почему?

— Потому что ваш отец умер, — сказала женщина. — Понимаете, боюсь, он был нашей последней надеждой.

Она сказала это очень тихо и печально. А в конце предложения прозвучала нотка безнадежности и трагической беспомощности, словно ей пришлось отказаться от надежды, которую она долго лелеяла и об исполнении которой мечтала. Джоди живо представила ее: иссохшая рука прижимает телефонную трубку к уху, одна-единственная слезинка блестит на бледной, худой щеке.

— Возможно, это не так, — сказала она. — Возможно, я сумею вам помочь.

На другом конце воцарилась тишина, Джоди слышала только тихое шипение.

— Не думаю, — сказала наконец миссис Хоби. — Не уверена, что адвокат станет иметь дело с подобными вещами.

— С какими вещами?

— Сейчас это уже не имеет значения, — повторила миссис Хоби.

— А вы не могли бы мне объяснить?

— Нет, все кончено, — проговорила пожилая женщина так, словно у нее разрывалось сердце.

Затем снова наступила тишина, и Джоди посмотрела в окно на офис доктора Макбаннерман.

— Но как мой отец мог вам помочь? Он обладал какой-то информацией? Потому что служил в армии? В этом дело? Ваша проблема связана с армией?

— Да, была связана. Вот почему, будучи адвокатом, вы вряд ли сможете нам помочь. Понимаете, мы уже пытались обращаться к юристам. Думаю, нам нужен человек, связанный с армией. Но я благодарна вам за предложение помощи. Это очень великодушно с вашей стороны.

— Есть один человек, — сказала Джоди. — Он сидит рядом со мной. Он служил с моим отцом. И он с радостью вам поможет, если сумеет, конечно.

Миссис Хоби замолчала, в трубке снова слышалось шипение и ее тихое дыхание. Словно она думала. Словно ей требовалось время, чтобы примериться к новым обстоятельствам.

— Его зовут майор Ричер, — сказала Джоди, обращаясь к тишине. — Возможно, отец о нем говорил. Они довольно долго служили вместе. Отец послал за ним, когда понял, что не сможет довести ваше дело до конца.

— Он за ним послал? — переспросила миссис Хоби.

— Да. Видимо, он считал, что майор Ричер приедет и заменит его. И сумеет вам помочь.

— Он тоже служил в военной полиции?

— Да. А это важно?

— Я не уверена, — ответила миссис Хоби и снова замолчала, только дышала в телефонную трубку. — Он может к нам приехать? — спросила она неожиданно.

— Мы оба приедем, — ответила Джоди. — Вы хотите, чтобы мы приехали прямо сейчас?

Миссис Хоби снова замолчала, дышала, думала.

— Муж только что принял лекарство, — сказала она. — Сейчас он спит. Понимаете, он очень болен.

Джоди разжала и снова сжала кулак, с трудом сдерживая раздражение.

— Миссис Хоби, вы не могли бы нам сказать, в чем все-таки дело?

Молчание. Пожилая женщина тихонько дышала в трубку, думала.

— Муж должен вам все рассказать. Думаю, он объяснит лучше, чем я. Это длинная история, и я иногда путаюсь.

— Хорошо, а когда он проснется? — спросила Джоди. — Нам приехать попозже?

Миссис Хоби снова задумалась.

— Обычно, приняв лекарство, он спит до утра, — сказала она наконец. — На самом деле это настоящее благословение. Ваш друг не мог бы приехать завтра с утра?

Хоби нажал своим крюком на кнопку интеркома на столе, потом наклонился вперед и вызвал секретаря. Он назвал его по имени, что было совершенно для него не характерно и случалось только в минуты сильного напряжения.

— Тони, нам нужно поговорить, — сказал он.

Тони покинул свой отделанный бронзой дубовый стол в приемной, обошел кофейный стол и сел на диван.

— На Гавайи летал Гарбер, — сказал он.

— Ты уверен? — спросил его Хоби.

Тони кивнул.

— «Америкой». Из Уайт-Плейнса в Чикаго, потом в Гонолулу, пятнадцатого апреля. Вернулся на следующий день, шестнадцатого апреля, тем же маршрутом. Заплатил «Америкой экспресс». Все в их компьютере.

— И что он там делал? — спросил скорее у самого себя Хоби.

— Мы не знаем, — пробормотал Тони. — Но можем догадаться, так ведь?

В офисе повисло угрожающее молчание. Тони наблюдал за здоровой половиной лица Хоби, ждал ответа.

— Я получил сигнал из Ханоя, — сказал Хоби, нарушив тишину.

— Господи, когда?

— Десять минут назад.

— Боже праведный, Ханой! — сказал Тони. — Дерьмо, дерьмо, дерьмо!

— Тридцать лет, — проговорил Хоби. — И вот это случилось.

Тони встал и обошел стол сзади, раздвинул пальцами две полоски жалюзи, и внутрь ворвался яркий луч солнца.

— Значит, вам нужно немедленно уезжать. Прямо сейчас, потому что стало очень опасно.

Хоби ничего ему не ответил, молча сжимая свой крюк пальцами левой руки.

— Вы обещали, — напряженным голосом проговорил Тони. — Первый этап, второй... И вот все случилось. Оба этапа. Боже праведный!

— Им все равно потребуется некоторое время, — возразил Хоби. — Разве нет? В настоящий момент они ничего не знают.

Тони тряхнул головой.

— Гарбер был не дурак. Он что-то знал. Если он полетел на Гавайи, значит, у него имелась причина.

Хоби ухватился за крюк левой рукой и провел им по своему лицу, касаясь гладкой, холодной сталью грубых, уродливых шрамов. Иногда это помогало от зуда.

— А что Ричер? — спросил он. — Есть какие-нибудь новости?

Тони, прищурившись, выглянул сквозь щель в жалюзи на улицу, расположенную в восьмидесяти восьми этажах внизу.

— Я позвонил в Сент-Луис, — сказал он. — Ричер тоже служил в военной полиции, с Гарбером почти тринадцать лет. Такую же справку они выдали десять дней назад. Думаю, по запросу Костелло.

— Итак, зачем? — спросил Хоби. — Семья Гарбера платит Костелло, чтобы он нашел старого армейского дружка генерала. Зачем? С какой такой стати, черт подери?

— Понятия не имею, — ответил Тони. — Сейчас он бродяжничает. Там, где Костелло его нашел, он копал ямы для бассейнов.

Хоби едва заметно кивнул, продолжая думать.

— Военный полицейский, — пробормотал он себе под нос. — А теперь бродяга.

— Вам следует уехать, — повторил Тони.

— Мне не нравится военная полиция, — заявил Хоби.

— Я знаю, что вам она не нравится.

— Так что же здесь делает этот ублюдок, который очень некстати путается у нас под ногами?

— Вам следует уехать, — в третий раз сказал Тони.

Хоби кивнул.

— Я очень гибкий человек, — сказал он. — И ты это знаешь.

Тони вернул жалюзи на место, и в комнате стало совсем темно.

— Я не прошу вас проявлять гибкость. Я прошу следовать вашему собственному плану.

— Я изменил план. Я хочу получить Стоуна с потрохами.

Тони обошел стол и снова занял свое место на диване.

— Оставаться слишком рискованно. Мы получили оба сигнала. С Гавайев и из Вьетнама, боже праведный!

— Я знаю, поэтому я снова изменил план.

— Вернулись к первоначальному?

Хоби пожал плечами и покачал головой.

— Объединил оба плана. Можешь не сомневаться, мы отсюда уберемся, но только после того, как я приберу к рукам Стоуна.

Тони вздохнул и положил руки ладонями вверх на обивку.

— Шесть недель — это очень, очень много. Гарбер уже побывал на Гавайях, господи помилуй! Он был генералом, и не простым, а какой-то шишкой. И ясно, что он что-то знал, иначе зачем бы ему лететь на Гавайи?

Хоби слушал своего помощника и кивал. Его голова двигалась в тонком луче света, который запутался в жестких пучках волос.

— Да, согласен, он что-то знал. Но он заболел и умер. И все, что он знал, умерло вместе с ним. Иначе почему его дочь обратилась к бестолковому частному сыщику и безработному бродяге?

— И что вы хотите сказать?

Хоби опустил крюк под стол и обхватил подбородок здоровой рукой, прикрыв расставленными пальцами шрамы. Он подсознательно делал так всегда, когда хотел казаться мирным и совсем не опасным.

— Я не могу отказаться от дела Стоуна, — сказал он. — Ты же это понимаешь, верно? Он просто сидит у нас на пороге и умоляет, чтобы мы его слопали. Если я его брошу, я буду до конца жизни себя ругать. Это будет трусостью. Я согласен, сейчас самое мудрое — бежать, но пускаться в бега раньше, чем возникает необходимость, тоже трусость. А ты ведь знаешь, Тони, что я не трус.

— И что вы хотите сказать? — снова спросил Тони.

— Мы сделаем и то и другое, только в ускоренном темпе. Я с тобой согласен, шесть недель — это слишком долго. Нам нужно убраться отсюда раньше чем через шесть недель, однако мы не уедем без куска, который нам преподнесет Стоун, поэтому мы начнем прямо сейчас.

— Хорошо, но как?

— Сегодня я выставлю акции на продажу, — сказал Хоби. — За девяносто минут до финального звонка. Этого времени хватит, чтобы информация дошла до банков. Завтра утром Стоун явится сюда в праведном

негодовании. Но меня здесь не будет. Ты ему скажешь, чего мы хотим и что сделаем, если он будет плохо себя вести. За пару дней мы получим все. Я продам лонг-айлендские активы до открытия биржи, так что тут никакой задержки не будет. А ты тем временем свернешь дела здесь.

— Хорошо, но как? — снова спросил Тони.

Хоби оглядел темный кабинет.

— Мы просто отсюда уйдем. Потеряем шесть месяцев аренды, но на это плевать. Два придурка, которые изображают моих боевиков, проблемы не составят. Один из них должен прикончить другого сегодня вечером, ты будешь с ним рядом до тех пор, пока он не схватит миссис Джейкоб, а потом разберешься с ней и с ним. Продашь яхту, машины, и мы уберемся отсюда подальше, не оставив никаких следов и нерешенных проблем. На это уйдет, скажем, неделя. Всего неделя. Думаю, мы можем дать себе неделю, верно?

Тони кивнул и наклонился вперед, радуясь тому, что они начинают действовать.

— А как насчет Ричера? Он остается нерешенной проблемой.

Хоби пожал плечами.

— Для него у меня имеется отдельный план.

— Мы его не найдем, — сказал Тони. — Мы вдвоем — не найдем. Во всяком случае, за неделю. У нас нет времени, чтобы прочесывать окрестности.

— А нам и не потребуется.

Тони удивленно уставился на него.

— Потребуется, босс. Он же остается нерешенной проблемой, разве нет?

Хоби покачал головой, убрал от лица руку и вытащил из-под стола свой крюк.

— Я буду действовать максимально эффективно. Зачем тратить силы и искать его? Я позволю ему найти меня. И он найдет. Я знаю военных копов.

— И что потом?

Хоби улыбнулся.

— А затем его ждет долгая и счастливая жизнь, — ответил он. — По крайней мере, лет на тридцать.

— И что теперь? — спросил Ричер.

Они по-прежнему сидели в машине на парковке перед офисом Макбаннерман. Двигатель тихонько урчал, кондиционер сражался с горячим солнцем, обрушившим обжигающие лучи на темно-зеленую «браваду». Вентиляторы вертелись в разные стороны, и Ричер улавливал легкий аромат духов Джоди, смешанный с фреоном. В этот момент он был счастливым парнем, чьи фантазии претворились в жизнь. Множество раз в прошлом он представлял себе, что будет чувствовать, оказавшись рядом с ней, когда она станет взрослой. Он даже подумать не мог, что его фантазии станут реальностью. Он думал, что потеряет ее след и больше никогда ее не увидит. Думал, что его чувство к ней со временем умрет.

Но вот он сидит рядом, вдыхает запах ее духов, искоса поглядывает на длинные стройные ноги, вытянутые под рулем. Он никогда не сомневался, что она станет настоящей красавицей, но сейчас чувствовал смущение, потому что даже представить себе не мог, насколько красивой она станет. Ему просто не хватало воображения.

— У нас проблема, — сказала Джоди. — Я не могу поехать туда завтра. Не могу больше отпрашиваться. У нас сейчас очень много работы, и я обязана присутствовать на службе.

Пятнадцать лет. Много это или мало? Могут ли они изменить человека? Ричер думал, что мало. Он не чувствовал, что стал другим за прошедшие пятнадцать лет. Он остался тем же, думал так же, не растерял своих способностей. Он приобрел громадный опыт и повзрослел, но по сути не изменился. Однако ему казалось, что Джоди должна была стать другой. Ее пятнадцать лет представляли собой огромный прыжок и более серьезные перемены. Средняя школа, колледж, юридическая школа, замужество, развод, партнерство в фирме, работа.

У Ричера возникло ощущение, будто его корабль вошел в неисследованные воды. Он не знал, как себя вести, поскольку ему приходилось иметь дело с тремя реальностями, перепутавшимися у него в голове: Джоди такая, какой была пятнадцать лет назад, его представления о том, какой она станет, и то, какой Джоди стала на самом деле. Две реальности казались ему вполне понятными и не вызывали сомнений, а вот третья приводила в замешательство. Он помнил девочку Джоди. И картины, в которых рисовал ее взрослой женщиной. Но настоящая реальность оставалась для него тайной за семью печатями, и это лишало его уверенности, потому что он вдруг понял, что не хочет сделать в ее присутствии какую-нибудь глупость.

— Тебе придется поехать без меня, — сказала она. — Это ничего?

— Конечно, — ответил он. — Но меня беспокоит другое. Тебе нужно быть как можно осторожнее.

Джоди кивнула, засунула руки в рукава и обхватила себя. Ричер не понял почему.

— Думаю, со мной все будет в порядке, — сказала она.

— Где находится твой офис?

— Угол Уолл-стрит и Нижнего Бродвея.

— Ты ведь там живешь? На Нижнем Бродвее?

— В тринадцати кварталах. Обычно я хожу на работу пешком.

— Только не завтра, — сказал он. — Я тебя отвезу.

— Отвезешь? — удивленно спросила она.

— Вот именно, — заявил он. — Тринадцать кварталов пешком? Забудь об этом, Джоди. В доме ты будешь в относительной безопасности, а вот на улице тебя смогут схватить в любой момент. А твой офис? Он надежен с точки зрения безопасности?

Джоди кивнула.

— Туда никто не может войти, не договорившись предварительно о встрече и не показав документы.

— Хорошо, — сказал он. — Я проведу в твоей квартире всю ночь, а утром отвезу на работу. Затем я вернусь сюда и навещу стариков Хоби. Ты будешь оставаться в своем офисе до тех пор, пока я за тобой не приеду, чтобы забрать домой. Согласна?

Джоди молчала. Ричер прокрутил в памяти все, что он ей сказал.

— Надеюсь, у тебя есть свободная комната?

— Конечно есть, — ответила она.

— Итак, ты согласна?

Джоди молча кивнула.

— Ну, что будем делать? — спросил он ее.

Джоди повернулась на своем сиденье, порыв воздуха из вентилятора подхватил ее волосы и бросил ей в лицо. Она пригладила их рукой и убрала непослушную прядь за ухо. Затем оглядела Ричера с ног до головы и улыбнулась.

— Поедем в магазин, — сказала она.

— В магазин? Зачем? Что тебе там понадобилось?

— Мне ничего, — ответила она. — А вот тебе это необходимо.

Ричер с беспокойством посмотрел на нее, не понимая, что она имеет в виду.

— А что мне нужно?

— Одежда, — пояснила Джоди. — Ты не можешь прийти к этим людям, представляя собой нечто среднее между бродягой и дикарем с Борнео.

Затем она наклонилась и коснулась кончиком пальца дырки в его рубашке.

— И еще нам нужно заехать в аптеку и купить мазь, чтобы обработать ожог.

— Что, черт подери, ты вытворяешь? — заорал финансовый директор.

Он стоял на пороге офиса Честера Стоуна, расположенного двумя этажами выше его собственного кабинета, изо всех сил цепляясь обеими руками за дверь и тяжело дыша от возмущения и усилий, которые ему пришлось приложить, чтобы сюда подняться. Он не стал ждать лифта и примчался по пожарной лестнице. Стоун, ничего не понимая, смотрел на него.

— Идиот, я же тебе говорил, чтобы ты этого не делал! — завопил финансовый директор.

— Чего не делал? — спросил Стоун.

— Не выставлял акции на продажу! — завизжал финансовый директор. — Я тебе говорил, чтобы ты этого не делал!

— Да я ничего такого и не делал, — ответил Стоун. — Наших акций нет на рынке.

— А вот и есть, — возразил финансовый директор. — Большой сочный кусок, который сидит там и ничего не делает. А все шарахаются от него, словно он радиоактивный.

— Что?!

Финансовый директор перевел дыхание и посмотрел на своего работодателя. Он увидел маленького, помятого человечка в дурацком английском костюме, сидевшего за столом, который один стоил сейчас в сто раз больше, чем все чистые активы корпорации.

— Ты, задница, я же тебе говорил, что этого нельзя делать ни в коем случае. С таким же успехом ты мог бы абонировать целую страницу в «Уолл-стрит джорнал» и написать там: «Эй, ребятишки, моя компания стоит меньше кучки дерьма».

— О чем ты говоришь? — спросил Стоун.

— Представители банков обрывают мне телефон, — ответил финансовый директор. — Они следят за тиккером [7]. Наши акции появились час назад, и цены на них падают быстрее, чем успевает фиксировать компьютер. Их невозможно продать. Господи, ты поставил их в известность, что ты неплатежеспособен! Объявил, что должен им шестнадцать миллионов долларов, а твои гарантии не стоят и шестнадцати центов!

— Я не выставлял акции на рынок, — повторил Стоун.

Финансовый директор ехидно кивнул.

— И кто же это сделал? Зубная фея?

— Хоби, — сказал Стоун. — Больше некому. Боже милостивый, зачем он это сделал?

— Хоби? — удивился финансовый директор.

Стоун кивнул.

— Хоби? — недоверчиво повторил финансовый директор. — Дерьмо, ты что, дал ему акции?

— Мне пришлось, — ответил Стоун. — Иначе он не соглашался.

— Дерьмо, — снова сказал финансовый директор и начал задыхаться. — Видишь, что он вытворяет?

Стоун тупо посмотрел на него, затем испуганно кивнул.

— И что мы можем сделать?

Финансовый директор убрал руки от двери и повернулся к нему спиной.

— Забудь слово «мы». «Нас» больше нет. Я ухожу. Уношу отсюда ноги. Сам разбирайся.

— Но ведь это ты посоветовал мне к нему обратиться! — выкрикнул Стоун.

— Я не советовал тебе отдавать ему акции, кретин! — завопил в ответ финансовый директор. — Ты что, полный недоумок? Если я посоветую тебе сходить в аквариум и посмотреть на пиранью, ты сунешь в воду палец?

— Ты должен мне помочь, — сказал Стоун.

Финансовый директор покачал головой.

— Рассчитывай на себя. Я ухожу. Предлагаю тебе спуститься в мой кабинет и начать работать. На моем столе стоит целая куча телефонов, и они уже, наверное, раскалились от звонков. Начни с того, который трезвонит громче остальных.

— Подожди! — завопил Стоун. — Мне нужна твоя помощь.

— В сражении с Хоби? И не мечтай! — крикнул тот в ответ.

И ушел. Просто повернулся, миновал приемную секретарши и исчез. Стоун вышел из-за своего стола и, стоя в дверях, смотрел ему вслед. В офисе царила тишина. Секретарша тоже ушла. Раньше, чем следовало. Стоун шагнул в коридор. В отделе продаж справа никого не было. Отдел маркетинга, расположенный слева, пустовал. Копировальные машины молчали.

Он вызвал лифт, который оглушительно прогрохотал в тишине, и спустился вниз на два этажа. Кабинет финансового директора опустел, ящики стола были выдвинуты, личные вещи исчезли. Стоун прошелся по его кабинету. Горела настольная лампа, компьютер был выключен, телефонные трубки сняты и лежали на столе из розового дерева. Он взял одну из них.

— Алло? — сказал он. — Это Честер Стоун.

Он повторил это дважды, обращаясь к тишине. Затем он услышал женский голос, который попросил его подождать. В трубке раздавались щелчки и шипение, потом зазвучала приятная музыка.

— Мистер Стоун? — услышал он другой голос. — Это Отдел банкротств.

Стоун закрыл глаза и вцепился в трубку.

— Пожалуйста, подождите минуту, с вами будет говорить директор, — сказал голос.

Снова зазвучала музыка в стиле барокко, пронзительные и безжалостные скрипки.

— Мистер Стоун? — услышал он низкий голос. — С вами говорит директор.

— Здравствуйте, — произнес Стоун, не зная, что еще сказать.

— Мы вынуждены принять соответствующие меры, — сообщил ему голос. — Уверен, вы понимаете, что это входит в наши обязанности.

— Хорошо, — сказал Стоун, думая: «Какие шаги? Суд? Тюрьма?»

— Мы начинаем действовать завтра, — объявил голос.

— Как действовать?

— Естественно, мы продаем ваш долг.

— Продаете? — повторил Стоун. — Я не понимаю.

— Он нам больше не нужен, — заявил голос. — Я уверен, что вы все понимаете. Дело вышло за параметры, которые могли бы нас радовать. Поэтому мы продаем ваш долг. Так всегда делают, разве нет? Если у человека есть предмет, который ему больше не нужен, он его продает за максимально возможную цену.

— Кому вы его продаете? — спросил Стоун, который ничего не понимал.

— Трастовому фонду на Каймановых островах. Они сделали нам предложение.

— А как будут дальше развиваться наши отношения?

— Наши? — удивленно переспросил голос. — Никак. Ваши обязательства по отношению к нам аннулированы. «Нас» больше не существует. Наши отношения с вами закончены. Я советую вам не пытаться их восстановить. Мы отнесемся к такому предложению как к оскорбительному, учитывая тот факт, что мы по вашей милости понесли убытки.

— И кому же я теперь должен?

— Трастовому фонду на Каймановых островах, — терпеливо повторил голос. — Я уверен, что тот, кто им владеет, в скором времени с вами свяжется и выдвинет свои предложения по погашению долга.

Ричер вышел из машины, обогнул ее и уселся на пассажирское место. Джоди перебралась через центральную консоль, слегка придвинула кресло вперед и легко повела машину на юг мимо залитого солнцем Кротона в сторону Уайт-Плейнса. Ричер вертелся на своем сиденье, пытаясь понять, едет ли кто-нибудь за ними. Никого. Ничего подозрительного. Отличный июньский денек в пригороде. Ему пришлось дотронуться до ожога на груди, чтобы напомнить себе, что утренние события действительно произошли.

Джоди направилась к огромному торговому пассажу, внушительному зданию размером со стадион, с высокими башнями, в которых располагались офисы, окруженному сложным переплетением дорог. Она свернула налево, потом направо и спустилась вниз, в подземный гараж с пыльным, заляпанным маслом полом. Там было темно, лишь вдалеке виднелась стеклянная дверь, ведущая в торговые залы и испускающая белое сияние, точно луч надежды. Джоди нашла свободное место в пятидесяти ярдах от нее, припарковалась и вышла,

чтобы что-то сделать с машиной. Вскоре она вернулась и положила за стекло маленький билетик так, чтобы его можно было прочитать снаружи.

— Итак, куда пойдем первым делом? — спросила она.

Ричер пожал плечами. В этих вопросах он ничего не смыслил. За прошедшие два года он часто приобретал одежду, потому что предпочитал покупать новое вместо того, чтобы стирать старое. Эта привычка стала для него своего рода защитой от необходимости таскать с собой большие чемоданы, а также учиться стирать. Он знал про платные прачечные и химчистки, но смутно боялся, что окажется там один и не будет знать, что делать. А химчистка требовала того, чтобы он в определенное время вернулся в определенное место, и его это не устраивало. Поэтому самым простым решением вопроса было выбросить старую одежду и купить новую. Он покупал, но где конкретно, сказать не мог. Как правило, он видел то, что ему требовалось, в витрине, заходил, выбирал все необходимое и снова выходил, не заботясь о том, чтобы запомнить название магазина.

— В Чикаго я был в магазине с каким-то коротким названием, — сказал он. — «Хоул»? «Гэп»? [8] Что-то вроде этого. У них есть нужный мне размер.

Джоди рассмеялась и взяла его под руку.

— «Гэп», — сказала она. — Здесь такой имеется.

Стеклянная дверь вела прямо в магазин, в котором было прохладно и пахло мылом и какой-то парфюмерией. Они прошли через отдел косметики и оказались в большом зале, где стояли столы с летней одеждой в пастельных тонах. Затем выбрались в главный проход пассажа, овальный, похожий на беговую дорожку, с маленькими магазинчиками по обеим сторонам и точно такими же двумя этажами над ним. Дорожки были устелены коврами, играла музыка, спешили по своим делам покупатели.

— Мне кажется, «Гэп» наверху, — сказала Джоди.

Ричер почувствовал запах кофе и увидел впереди кофейный бар, отделанный в стиле итальянского кафе: внешние и внутренние стены одинакового цвета, черный потолок, создающий впечатление бездонного неба. Заведение в помещении, которое выглядит так, словно оно на улице, и сам пассаж, старающийся казаться торговой улицей, только устеленной коврами.

— Хочешь кофе? — спросил он.

Джоди улыбнулась и покачала головой.

— Сначала покупки, потом кофе, — заявила она и повела его к эскалатору.

Ричер улыбнулся в ответ, понимая, что она чувствует. Он чувствовал то же самое пятнадцать лет назад, когда ему нужно было по делу побывать в оранжерее и Джоди отправилась вместе с ним, смущаясь и жутко нервничая. Самый обычный визит для него, но новое и диковинное переживание для нее. Ричер испытал тогда удивительные ощущения — счастье и желание поделиться с ней своими знаниями, радость оттого, что она рядом. И вот теперь она испытывала то же самое. Эти мелочи не имели для нее никакого значения. Она уже давно приехала в Америку и всему научилась. А он был чужестранцем на ее территории.

— Зайдем сюда? — позвала она его.

Это был не «Гэп», а специализированный магазин, отделанный внутри старыми досками, словно видавший виды сарай. Одежда, которую здесь продавали, была сшита из плотного хлопка приглушенных тонов и искусно разложена на старых телегах с большими железными колесами.

— По-моему, тут нормально, — пожав плечами, ответил он.

Джоди взяла его за руку, и он почувствовал, какая у нее тонкая и холодная ладонь. Она завела его внутрь, убрала волосы за уши, наклонилась и начала перебирать образцы. Она делала это так, как делают все женщины на свете. Легкими движениями кисти она соединяла разные предметы. Пара штанов, которые она даже не стала разворачивать, легли на низ сложенной рубашки. Пиджак оказался немного сбоку, но поверх них, так что рубашка выглядывала сверху, а штаны — снизу. Джоди прищурилась, сжала губы, покачала головой. Взяла другую рубашку. Кивнула. Она подходила к процессу со всей серьезностью, на какую была способна.

— Ну, как тебе? — спросила наконец Джоди.

Она выбрала брюки цвета хаки, но темнее обычного, рубашку в неяркую клетку, зеленую с коричневым, и легкий коричневый пиджак, который идеально подходил ко всему остальному. Ричер кивнул.

— Мне нравится, — сказал он.

Цены были написаны от руки на маленьких бирках, привязанных к одежде веревочками. Он перевернул одну из них ногтем и сказал:

— Боже! Забудь об этом.

— Оно того стоит, — сказал она. — Эта одежда очень хорошего качества.

— Я не могу себе это позволить, Джоди.

Одна рубашка стоила в два раза больше, чем он обычно платил за полный набор одежды. Этот костюмчик обойдется ему в сумму, которую он получал за целый день работы, когда копал ямы для бассейнов. Десять часов, четыре тонны песка, камней и земли.

— Я заплачу, — сказала Джоди.

Он стоял, держа рубашку в руке, и не знал, на что решиться.

— Помнишь ожерелье? — спросила Джоди.

Ричер кивнул. Он помнил. Джоди ужасно нравилось одно ожерелье, которое продавалось в ювелирном магазине в Маниле. Золотое, но очень простое, с плетением, похожим на веревку, с египетскими мотивами. Не очень дорогое, но ей оно было не по карману. Леон учил ее тогда самодисциплине и ни за что не согласился бы купить ожерелье. Это сделал Ричер. Не на день рождения или какой-то праздник, а просто потому, что она ему нравилась, а ей нравилось ожерелье.

— Я была тогда так счастлива, — сказала она. — Мне казалось, я лопну от счастья. Знаешь, оно по-прежнему у меня. И я его ношу. Так что позволь мне отплатить тем же. Ну пожалуйста.

Ричер задумался, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

Она могла себе это позволить. Она была адвокатом и, наверное, зарабатывала кучу денег. Да и сделка получалась честная, если взглянуть на нее пропорционально доходам и учесть инфляцию за пятнадцать лет.

— Хорошо, — повторил он. — Спасибо, Джоди.

— Тебе ведь еще нужны носки и все такое?

Они выбрали пару носков цвета хаки и пару белых трусов. Джоди подошла к кассе и достала золотую карточку. А Ричер отнес все в примерочную, сорвал бирки с ценами и переоделся. Переложил деньги и бросил старую одежду в мусорное ведро. Новая была немного жесткой, но отлично гармонировала с его загаром. Он несколько минут разглядывал себя в зеркале, затем вышел.

— Отлично, — сказала Джоди. — Теперь аптека.

— А потом кофе, — напомнил ей Ричер.

Он купил бритву, флакон пены для бритья, зубную щетку и пасту. И маленький тюбик мази от ожогов. Сам за все заплатил и сложил в коричневый бумажный мешок. Аптека находилась рядом с

продуктовыми отделами, и Ричер увидел кафе, где подавали ребрышки и откуда отлично пахло.

— Давай пообедаем, — предложил он. — Кофе мало. Я угощаю.

— Давай, — ответила Джоди и снова взяла его под руку.

Обед на двоих стоил ему столько же, сколько новая рубашка, но его это совсем не возмутило. Они съели десерт, выпили кофе, а потом один из маленьких торговых центров закрылся.

— Ну хорошо, пора домой, — сказал Ричер. — И с этой минуты мы соблюдаем максимальную осторожность.

Они прошли через универмаг в обратную сторону, мимо витрин, столов с летней одеждой и сильных парфюмерных запахов. Ричер остановил Джоди около стеклянной двери и принялся внимательно изучать гараж, откуда в них ударила волна сырого теплого воздуха. Один шанс на миллион, что их будут тут поджидать, но его следовало учитывать. Никого подозрительного в гараже не оказалось, только люди, которые загружали сумки с покупками в багажники своих машин. Они вместе подошли к «браваде», и Джоди уселась на водительское место. Ричер устроился рядом с ней.

— Каким путем ты поехала бы при обычных обстоятельствах?

— Отсюда? По Рузвельт-драйв, наверное.

— Хорошо, — сказал Ричер. — Поезжай к Ла Гуардиа, а дальше через Бруклин и Бруклинский мост.

Она искоса посмотрела на него.

— Ты уверен? Если хочешь покататься, есть места и получше, чем Бронкс и Бруклин.

— Правило номер один, — сказал Ричер, — состоит в том, что предсказуемость опасна. Если существует маршрут, по которому ты обычно ездишь, сегодня мы выберем другой.

— Ты это серьезно?

— Можешь не сомневаться. Я зарабатывал на жизнь телохранителем у больших шишек.

— А я теперь большая шишка?

— Можешь не сомневаться, — повторил он.

Через час после того, как стемнеет, наступает самое лучшее время для Бруклинского моста, и Ричер почувствовал себя туристом, когда они

объехали вокруг пандуса, покатили по мосту и их глазам вдруг предстал Нижний Манхэттен, сияющий миллиардами ярких огней. Один из самых великолепных видов в мире, а Ричер много где успел в своей жизни побывать.

— Поезжай на север несколько кварталов, — велел он Джоди. — Мы подъедем к дому издалека. Они думают, что мы сразу направимся домой.

Она повернула направо и поехала на север по Лафайетт, затем свернула налево, еще раз налево и покатила на юг по Бродвею. Ричер внимательно смотрел вперед, вглядываясь в улицы, залитые неоновым сиянием.

— Три квартала, — сказала Джоди.

— Где ты паркуешься?

— В гараже под домом.

— Хорошо, сверни с дороги за один квартал, — сказал Ричер. — Я посмотрю, что там делается. Потом снова приедешь и заберешь меня. Если я не буду ждать тебя на тротуаре, отправляйся в полицию.

Джоди повернула направо на Томас и остановилась, чтобы его выпустить. Он легонько стукнул по крыше машины, и она сорвалась с места. Ричер зашел за угол и нашел дом, в котором она жила, большое квадратное здание с недавно отремонтированным вестибюлем, тяжелыми стеклянными дверями, большим замком и вертикальным рядом звонков с именами жильцов в маленьких пластиковых окошках. Рядом с номером двенадцать имелась табличка «Джейкоб/Гарбер», как будто в квартире жили два человека. На улице было полно людей, некоторые стояли группами, другие шли мимо, но никто не заинтересовал Ричера.

Вход в гараж находился чуть дальше по улице, представляя собой резкий спуск в темноту. Он вошел внутрь. В гараже было тихо и темно. Ричер обнаружил два ряда по восемь парковочных мест — пятнадцать внизу и одно на пандусе, ведущем на улицу. Внутри находилось одиннадцать машин. Он проверил весь гараж, но не обнаружил никого подозрительного, кто прятался бы в тени. Ричер вышел на улицу и бегом вернулся на Томас. Не обращая внимания на машины, перебрался на другую сторону улицы и стал ждать. Джоди появилась с южной стороны, увидела его, остановилась, и он уселся рядом с ней.

— Все чисто, — сказал он.

Она снова выехала на дорогу, свернула направо и покатила вниз, в гараж. Свет от фар метался в темном помещении, высвечивая детали

машин. Она остановилась в центральном проходе и задом заехала на свое место. Затем выключила двигатель и свет.

— Как мы поднимемся наверх? — спросил Ричер.

— Эта дверь ведет в вестибюль, — ответила Джоди, показав на дверь.

Металлические ступеньки вели к большой двери, обитой стальной пластиной. Она была заперта на солидный замок, такой же, как и дверь в вестибюль. Они вышли и закрыли машину, и Ричер взял сумку с вещами Джоди. Затем они поднялись по лестнице и подошли к двери. Джоди открыла замок и распахнула дверь. В вестибюле никого не было. Прямо перед ними находилась дверь лифта.

— Я живу на четвертом этаже, — сказала Джоди.

Ричер нажал на кнопку пятого этажа.

— Спустимся сверху. На всякий случай, — сказал он.

Они спустились на ее этаж по пожарной лестнице, Ричер заставил Джоди остановиться, а сам выглянул в пустой длинный коридор с высоким потолком. Слева квартира номер десять, одиннадцать — направо. Двенадцать — прямо впереди.

— Пошли, — сказал он.

Дверь в квартиру Джоди оказалась толстой и черной, глазок на уровне глаз, два замка. Она открыла ее, и они вошли. Затем Джоди заперла замки и опустила старую металлическую щеколду на петлях, которая шла через всю дверь. Ричер подергал ее и понял, что до тех пор, пока она на двери, сюда никто не войдет. Он поставил сумку Джоди около стены, а она зажгла свет, но осталась около двери, позволив Ричеру пройти вперед. Коридор, гостиная, кухня, спальня, ванная, спальня, ванная, кладовки. Большие комнаты, высокие потолки. И никого. Ричер вернулся в гостиную, сбросил новый пиджак и, расслабившись наконец, повернулся к Джоди.

Но он видел, что она совсем не расслабилась. Она старалась не смотреть на него и была напряжена так, как не была напряжена днем. Джоди стояла у двери в свою гостиную, опустив руки, которые прятались в слишком длинных рукавах рубашки, и явно нервничала. Ричер не понимал, что с ней происходит.

— Ты в порядке? — спросил он.

Она тряхнула головой, и волосы упали ей на спину.

— Думаю, я приму душ, — сказала она. — И спать.

— Трудный выдался денек, верно?

— Невероятно.

Она обошла его, стараясь держаться как можно дальше, смущенно помахала рукой — пальцы, точно испуганные зверьки, на мгновение выглянули из длинных рукавов и тут же спрятались.

— В какое время встаем? — спросил Ричер.

— В половине восьмого будет нормально, — ответила Джоди.

— Отлично, — проговорил он. — Спокойной ночи, Джоди.

Она кивнула и исчезла во внутреннем коридоре. Ричер услышал, как открылась и тут же закрылась дверь в спальню, и некоторое время удивленно смотрел ей вслед. Затем сел на диван и снял ботинки. Он был слишком возбужден, чтобы сразу заснуть, и потому решил устроить экскурсию по квартире.

Это было старое здание с высокими потолками. Скорее всего, прежде в нем располагалось какое-то промышленное предприятие. Внешние стены из обожженного кирпича, судя по всему, остались прежними, а внутренние были гладко оштукатурены. И громадные окна, наверное для того, чтобы на швейную машину — или что тут стояло сто лет назад — падало достаточно света.

Кирпичные стены были естественного теплого цвета, а все остальное — белое, кроме паркетного пола из светлого клена. Квартира выглядела холодной и бесцветной, словно галерея. Ничто не указывало на то, что Джоди жила здесь не одна. Никаких признаков состязания двух разных вкусов. Все выдержано в едином стиле. Белые диваны, белые стулья, полки, составляющие простые кубические секции и выкрашенные той же белой краской, что и стены. Толстые трубы и уродливые батареи парового отопления тоже белого цвета. Единственным ярким пятном на стене гостиной была копия в натуральную величину картины Мондриана, висевшая на стене над самым большим диваном. Отличная копия, сделанная маслом на холсте, в подлинном цвете. Ничего кричаще-красного, синего или желтого, точные, приглушенные тона с маленькими трещинками, указывающими на возраст картины, на белом фоне, который был ближе к серому. Ричер долго стоял перед картиной, совершенно потрясенный. Пит Мондриан был его любимым художником, а эта картина — самым любимым его произведением. Она называлась «Композиция с красным, желтым и голубым». Мондриан написал ее в 1930 году, и Ричер видел ее в Швейцарии, в Цюрихе.

Напротив самого маленького диванчика стоял высокий стеллаж, выкрашенный такой же белой краской, как и все остальное. Внутри разместились маленький телевизор, видеомагнитофон, кабельная

коробка, проигрыватель СД-дисков с подключенной к нему парой больших наушников и небольшой набор дисков, в основном джаз пятидесятых, который Ричер любил, но без фанатизма.

Окна выходили на Нижний Бродвей, с которого доносился несмолкаемый шум машин и вливался неоновый свет вывесок. Время от времени Ричер слышал громкий вой сирен, прорвавшихся сквозь открытые пространства между кварталами. Он чуть сдвинул в сторону прозрачные пластиковые полоски жалюзи и посмотрел вниз, на улицу. Те же группы людей, ничего, что могло бы заставить его волноваться. Он вернул жалюзи на место и закрыл их как можно плотнее.

Кухня оказалась очень большой, с высокими потолками. Все шкафчики были из дерева, выкрашенного белой краской, а кухонные приспособления — огромные, промышленных размеров, из нержавеющей стали, похожие на печи для пиццы. Ричеру доводилось жить в комнатах, которые были меньше холодильника Джоди. Открыв дверцу холодильника, он увидел дюжину бутылок своей любимой воды, той самой, что он пил в Ки-Уэсте. Он откупорил одну бутылку и взял с собой в гостевую комнату.

Спальня тоже была белой. Деревянная мебель, которая при рождении была другого оттенка, тоже стала белой, как и стены. Ричер поставил бутылку с водой на ночной столик и исследовал ванную. Белая плитка, белая раковина, белая ванна, кругом эмаль и плитка. Он закрыл шторы, разделся и сложил свою новую одежду на полку шкафа. Отбросил покрывало, забрался в кровать и погрузился в размышления.

Иллюзии и реальность. Что такое девять лет? Наверное, много, когда ей пятнадцать, а ему двадцать четыре. А сейчас? Ему тридцать восемь, ей, наверное, двадцать девять или тридцать. Так в чем проблема? Почему он ничего не предпринимает? Может быть, причина вовсе не в возрасте, а в Леоне. Она его дочь и для Ричера навсегда останется дочерью Леона. От этих мыслей у него возникло чувство вины, будто она нечто среднее между его младшей сестрой и племянницей. Очень неприятное чувство, но ведь это иллюзия, верно? Она родственница старого друга, и все. Старого друга, который умер.

В таком случае почему он так отвратительно себя чувствует, когда смотрит на нее и представляет, как снимает с нее слишком большую рубашку и расстегивает ремень джинсов? И почему он еще этого не делает? Почему, черт подери, он находится в гостевой комнате, а не в соседней, в постели вместе с ней? Словно не было в прошлом бесконечных ночей, которые вызывали у него стыд, а порой наполняли грустью.

Потому что, похоже, ее реальность опиралась на те же иллюзии. Для него она была младшей сестрой или племянницей, а он для нее, ну,

скажем, старшим братом или дядей. Конечно, любимым дядей, поскольку он знал, что нравится ей. И это только ухудшало ситуацию. Привязанность к любимому дяде — особенный тип привязанности. Любимые дядюшки нужны для особых вещей, например чтобы вместе ходить по магазинам или баловать своих обожаемых племянниц. Они не предназначены для того, чтобы к ним приставать. Такое поведение станет для дорогих племянниц чем-то вроде грома среди ясного неба или страшного предательства. Ужасного, непрошеного, попахивающего инцестом и психологически разрушительного.

Она за стеной. Но он ничего не мог изменить. Ничего. Это никогда не произойдет. Ричер знал, что мысли о ней сведут его с ума, и потому заставил себя их прогнать и думать о другом. О вещах, которые были реальностью, а не иллюзиями. О двух головорезах, пусть он и не знает, кто они такие. У них уже наверняка есть ее адрес. Существует миллион способов выяснить, где живет тот или иной человек, и сейчас они, вполне возможно, прячутся где-то поблизости. Он мысленно пробежался по всему зданию. Дверь в вестибюль — заперта. Дверь, ведущая из гаража, — заперта. Дверь в квартиру заперта на замок и щеколду. Все окна закрыты, шторы задвинуты. Так что сегодня они в полной безопасности. А вот завтрашнее утро будет опасным. Вероятно, очень опасным. Засыпая, Ричер постарался вспомнить тех двух типов. Их машину, костюмы, телосложение, лица.

Но в этот конкретный момент лицо имелось только у одного из них. Они вместе отплыли по темным водам нью-йоркской гавани на десять миль к югу от того места, где Ричер лежал в кровати. Вместе открыли молнию мешка, в котором принесли на яхту тело, и опустили труп секретарши в маслянистые волны Атлантического океана. Один из них повернулся к своему товарищу с какой-то дешевой шуткой, и тот выстрелил ему в лицо из «беретты» с глушителем. Потом еще раз и еще. Тело его начало медленно падать, пули попали в разные места, и лицо превратилось в одну смертельную рану, черную в темноте ночи. Одной рукой он успел ухватиться за поручень из красного дерева, а правая была отрублена у запястья мясницким ножом, украденным в ресторане. Потребовалось целых пять ударов. Грубая, грязная работа. Рука отправилась в полиэтиленовый мешок, а тело беззвучно скользнуло в воду меньше чем в двадцати ярдах от того места, где уже опускалась на дно секретарша.

Глава 7

Джоди проснулась рано утром, что было для нее совсем нехарактерно. Как правило, она спала до тех пор, пока не начинал надрываться будильник, и тогда она с огромным усилием заставляла себя встать и тащилась в ванную, сонная и едва живая. Но в это утро она открыла глаза на час раньше нужного, бодрая, энергичная, с ровно бьющимся в груди сердцем.

Ее спальня была белой, как и все остальные комнаты в доме, кровать — громадной и тоже белой и стояла напротив окна. Гостевая комната располагалась за стеной, симметрично ее спальне, только в зеркальном отображении, поскольку выходила на противоположную сторону. Таким образом, получалось, что голова Ричера находится примерно в восемнадцати дюймах от ее головы. Сразу за стеной.

Джоди знала, из чего сделаны стены, потому что купила квартиру еще до того, как ее достроили. Пока шли работы, она бывала здесь множество раз, наблюдая за преображением своего будущего жилища. Стена между двумя спальнями была оригинальной, очень старой, возведенной, наверное, лет сто назад. На полу крест-накрест лежали толстые балки, и кирпичная стена, которая шла до самого потолка, опиралась на них. Строители просто подлатали ее в тех местах, где кирпичи расшатались, а затем покрыли толстым слоем штукатурки, как принято делать в Европе. Архитектор считал, что так будет правильно. Штукатурка, с одной стороны, укрепит стены, а с другой — послужит звукоизоляцией и хорошей защитой от пожара. Таким образом, получилось, что от Ричера ее отделял целый фут штукатурки, кирпича и снова штукатурки.

Джоди твердо знала, что любит его. У нее не было на этот счет ни малейших сомнений. Она всегда его любила, с самого начала. Но хорошо ли это? Можно ли ей любить его так, как она любит? В прошлом она множество раз мучительно искала ответ на этот вопрос, лежала ночи напролет, не в силах заснуть и пытаясь разобраться в том, что происходит. Джоди стыдилась своих чувств. Разница в девять лет казалась ей настоящей непристойностью. Позором. Это она знала совершенно точно. Пятнадцатилетняя девочка не должна влюбляться в сослуживца своего отца. Внутренние законы армии превращали подобное поведение в нечто сродни инцесту. Все равно что испытывать нежные чувства к собственному дяде. Или даже к отцу. И тем не менее она твердо знала, что любит его.

Джоди старалась повсюду бывать с ним, разговаривала всякий раз, когда появлялась возможность, притрагивалась к нему, когда могла. У нее имелся собственный экземпляр той фотографии, сделанной в Маниле, где она обнимает его за пояс. Она продержала ее в книге пятнадцать лет. Смотрела на нее бессчетное количество раз. В течение многих лет помнила свое ощущение, когда обняла его перед камерой. Она до сих пор не забыла, что тогда пережила, не забыла его запах и ощущение его тела под своей рукой.

На самом деле ее чувства никуда не подевались. Джоди хотела, чтобы они ушли, хотела, чтобы ее влюбленность оказалась всего лишь сумасбродством девочки-подростка. Но она прекрасно понимала, что это не так, и знала, что продолжает его любить. Он исчез, она выросла и

переехала, но ее чувство к нему осталось, оно шло параллельным курсом с обычным течением ее жизни. Всегда с ней, всегда сильное и настоящее, даже если и не связанное с ее каждодневной реальностью. Вроде тех ее знакомых адвокатов и банкиров, которые в детстве мечтали стать танцорами или спортсменами. Мечта из прошлого, не имеющая связи с настоящим, но определяющая личность человека. Адвокат, мечтавший быть танцором. Банкир, который хотел стать спортсменом. Разведенная тридцатилетняя женщина, которая с самого начала хотела быть с Джеком Ричером.

Вчерашний день должен был стать самым худшим днем ее жизни. Она похоронила отца, последнего родного человека на земле. На нее напали какие-то головорезы с оружием в руках. Даже менее серьезные события, бывало, становились причиной психических болезней, и она знала таких людей. Ей следовало находиться в беспамятстве от потрясения и горя. Но ничего подобного. Вчерашний день стал для нее самым счастливым. Ричер появился на площадке лестницы за гаражом, точно видение, и солнце, стоявшее прямо у него над головой, заливало его своим сиянием. Сердце отчаянно забилось в груди Джоди, и ее охватили прежние чувства, сильные и яростные, словно наркотик, наполнивший кровь, словно раскаты грома в ясном небе.

Но Джоди знала, что все это напрасная трата времени. Знала и понимала, что должна смириться. Он смотрит на нее как на младшую сестру или племянницу. Словно разница в девять лет по-прежнему имеет значение. А она не имеет значения. Ни малейшего. Пара, которой пятнадцать и двадцать четыре, — это проблема. Но тридцать и тридцать девять — просто отлично. На свете множество супругов с еще большей разницей в возрасте. Миллионы. Семидесятилетние мужчины женятся на двадцатилетних девочках.

Однако для Ричера разница в их возрасте имеет существенное значение. Или он привык видеть в ней дочь Леона и относиться к ней как к племяннице. Как к дочери своего командира. Законы и протокол армейского общества ослепили его, и он просто не может смотреть на нее иначе. Ее всегда возмущало такое положение вещей. И продолжало возмущать сейчас. Привязанность к нему Леона и то, что он неоднократно называл Ричера членом своей семьи, в конце концов отняли его у нее. Их отношения с самого начала были невозможны.

Они проводили время, как брат и сестра, как дядя и племянница. Потом он вдруг становился очень серьезным, словно превращался в телохранителя, а она была его подопечной. Они отлично ладили, и он заботился о ее физической безопасности, но не больше. Между ними никогда ничего не будет. И она ничего не может с этим поделать. Ничего. Она приглашала мужчин на свидания. Все женщины ее возраста так делают. Это допустимо, приемлемо и даже считается нормальным.

Но что она может сказать ему? Что? Что может сказать сестра брату или племянница дяде, не вызвав у него возмущения, потрясения и отвращения? Так что между ними ничего не будет, и она не в силах что-либо изменить.

Джоди вытянулась на кровати и подняла над головой руки. Затем осторожно положила ладони на разделявшую их стену и долго так держала. По крайней мере, он у нее в квартире и она может мечтать.

К тому времени, когда оставшийся в одиночестве бандит Хоби привел яхту к пристани, запер ее на замок и вернулся домой, ему оставалось на сон всего три часа. Он встал в шесть утра, быстро принял душ и, не завтракая, вышел из дома в двадцать минут седьмого. Рука его напарника находилась в пластиковом пакете, завернутом во вчерашний «Пост», и лежала в мешке, который парень сохранил после своего последнего похода в продуктовый магазин «Забар», когда решил приготовить себе обед дома.

Он сел в черный «тахо» и сумел опередить все утренние доставки и развозки. Поставил машину в подземный гараж и поднялся на лифте на восемьдесят восьмой этаж. Секретарь Тони уже сидел в своем роскошном кабинете, обшитом дубом и отделанном бронзовыми пластинами. Но по тишине, царившей вокруг, парень понял, что больше никого нет. Он поднял мешок и помахал им в воздухе, словно трофеем.

— Я принес это для Крюка, — сказал он.

— Крюка сегодня не будет, — ответил Тони.

— Отлично, — с мрачным видом проворчал он.

— Засунь в холодильник, — посоветовал ему Тони.

В приемной имелась маленькая кухонька, тесная и грязная, как все кухни в офисах. Кофейные круги на столах, кружки с пятнами внутри. Крошечный холодильник был встроен под стойкой. Парень сдвинул в сторону молоко и упаковку пива и засунул свой мешок на освободившееся место.

— Сегодня наша цель — миссис Джейкоб, — сказал Тони, появившийся в дверях кухни. — Мы знаем, где она живет. На Нижнем Бродвее, к северу от здания городского совета. В восьми кварталах отсюда. Соседи говорят, что она всегда выходит из дома в восемь двадцать и идет на работу пешком.

— А это куда? — спросил его новый напарник.

— Угол Уолл-стрит и Бродвея, — ответил Тони. — Я буду за рулем, а ты ее схватишь.

Честер Стоун приехал домой в обычное время и ничего не сказал Мэрилин. Да он ничего и не мог ей сказать. Скорость, с какой произошла катастрофа, потрясла его. Весь его мир вывернулся наизнанку всего лишь за двадцать четыре часа. Он просто не понимал, как такое могло случиться. Честер Стоун решил забыть обо всем до утра, а затем сходить к Хоби и попытаться убелить его вести себя разумно. В глубине души он не верил в то, что не сможет себя спасти. Его корпорации было девяносто лет. Три поколения Нестеров Стоунов. Слишком много всего, чтобы рухнуть за один день. Поэтому он не стал ничего говорить жене и провел вечер словно в забытьи.

Мэрилин Стоун тоже ничего не сказала мужу. Ему еще рано было знать, что она взяла дело в свои руки. Для такого разговора нужны подходящие обстоятельства. Она должна была подумать о его эго. Она делала свои обычные вечерние дела, а потом попыталась уснуть, пока он лежал без сна, глядя в потолок.

Когда Джоди положила ладони на стену, отделявшую ее от Ричера, он был в душе. Он разработал три различные процедуры приема душа и каждое утро решал, какую выбрать. Первая представляла собой самый обычный душ и больше ничего. Вторая — бритье и душ. Это занимало одиннадцать минут. Третья — особое действие, которое он предпринимал крайне редко. Сначала он принимал душ, затем выходил и брился, а потом снова тщательно мылся. Уходило на все это полчаса, но зато имелось преимущество — глубокое увлажнение всего тела. Как-то одна девушка объяснила ему, что бриться лучше, когда кожа как следует увлажнена, а еще она сказала, что мыть голову два раза совсем не вредно.

Сегодня Ричер решил прибегнуть к третьей, особой процедуре. Душ, бритье и снова душ. Он получил огромное удовольствие. Ванная в гостевой комнате была большой, с высоким потолком и душем, расположенным так, что он смог встать под него в полный рост, что случалось не часто. Бутылочки с шампунем стояли ровными рядами, и Ричер решил, что Джоди их попробовала, они ей не понравились и она отправила их в гостевую ванну. Но ему было все равно. Он нашел ту, что предназначалась для сухих, поврежденных солнцем волос, посчитав, что это именно то, что нужно, вылил немного на ладонь и намылил голову. Затем вымыл тело каким-то желтым мылом и ополоснулся под душем. Бреясь у раковины, он залил водой весь пол, но он очень старался, начал чуть ли не от самых ключиц, потом под носом, потом на щеках. И снова в душ.

Целых пять минут чистил зубы новой зубной щеткой. Щетина оказалась жесткой, и ему понравилось, что она отлично потрудилась над его зубами. Затем он вытерся и встряхнул немного помявшуюся одежду. Надел штаны без рубашки и отправился на кухню в поисках еды.

Джоди уже была там. Она тоже только что вышла из душа, и мокрые волосы лежали на спине. Она надела слишком большую белую футболку, доходящую ей до колен, очень тонкую. Ричер видел, какие у нее длинные гладкие ноги. Она была босиком. И такая стройная там, где следует, и пухленькая в нужных местах. Ричер задохнулся.

— Доброе утро, Ричер, — сказала она.

— Доброе утро, Джоди, — ответил он.

Она смотрела на него и не отводила глаз, а он не мог понять, что случилось.

— Ожог, кажется, стал хуже, — сказала она.

Ричер, прищурившись, посмотрел на свою грудь.

Большой красный ожог слегка раздулся и увеличился в размерах.

— Ты мазь накладывал? — спросила Джоди.

— Забыл, — ответил Ричер.

— Принеси, — велела она.

Ричер отправился в спальню, нашел тюбик в коричневом пакете и вернулся с ним на кухню. Джоди взяла тюбик у него из рук, сняла крышку, проткнула пленку из фольги и выдавила на подушечку указательного пальца маленькую каплю мази. Она проделала все очень сосредоточенно, высунув язык и не глядя на Ричера. Затем она встала перед ним, подняла руку, мягко прикоснулась к ожогу и принялась втирать мазь. Ричер, боясь пошевелиться, смотрел в пространство у нее за головой. Она находилась всего в футе от него. Обнаженная под тонкой футболкой. Касалась его груди кончиком пальца. Ему отчаянно хотелось схватить ее на руки и прижать к себе. А потом нежно целовать, начиная с шеи, поднять ее лицо и поцеловать в губы. Джоди медленно, кругами втирала мазь в ожог. Он чувствовал аромат ее волос, мокрых и блестящих, запах кожи. Она провела пальцем вдоль всего ожога. Стоя в футе от него. Обнаженная под тонкой футболкой. Он охнул и сжал руки в кулаки. Джоди тут же отошла на шаг назад.

— Больно? — спросила она.

— Что?

— Я сделала тебе больно?

Ричер видел подушечку ее пальца, блестящую от жирной мази.

— Немного, — ответил он.

— Извини, но это нужно было сделать, — сказала она.

— Наверное, — согласился Ричер.

И трудный момент прошел. Джоди закрыла тюбик крышкой, и Ричер отошел только ради того, чтобы начать двигаться. Открыл дверцу холодильника, достал бутылку воды. Затем нашел в миске на стойке банан. Джоди положила тюбик с мазью на стол.

— Пойду оденусь, — сказала она. — Нам уже пора.

— Хорошо, я буду сейчас готов, — ответил он.

Она скрылась в своей спальне, а он выпил воды и съел банан. Вернулся в свою комнату, натянул рубашку и заправил в брюки. Вышел в гостиную, дожидаясь Джоди. Он поднял жалюзи и, открыв окно, высунулся наружу, чтобы рассмотреть улицу внизу.

Утром улица выглядела совсем не так, как вечером. Неоновое сияние исчезло, и солнце, заливавшее дома напротив, резвилось на тротуарах. Группки лениво прогуливающихся людей исчезли, вместо них по улице шагали деловые прохожие, которые с бумажными стаканчиками кофе и пончиками в салфетках направлялись на север и на юг. Машины спешили по своим делам, сердито рыча на светофоры, чтобы те поскорее переключались. Дул легкий ветерок, и Ричер уловил запах реки.

Дом, в котором жила Джоди, стоял на западной стороне Нижнего Бродвея. Движение здесь было односторонним, на юг, и машины под ее окнами направлялись слева направо. При обычных обстоятельствах Джоди из вестибюля своего дома повернула бы направо, следуя за движением машин. Она выбрала бы правую сторону улицы, наслаждаясь лучами утреннего солнца. Примерно через шесть или семь кварталов перешла бы на другую сторону, через пару кварталов свернула бы налево, двинулась на восток по Уолл-стрит и оказалась бы около своего офиса.

В таком случае как они попытаются ее схватить? Думай, как враг. Думай, как те два типа. Физически сильные, действующие без всяких там хитростей, предпочитающие прямой подход, опасные, отчаянно желающие получить свое, но не прошедшие никакого обучения и имеющие в своем распоряжении только голый энтузиазм. Не вызывает сомнений, что они станут делать. Примерно в трех кварталах к югу на одной из боковых улочек справа будет стоять четырехдверный автомобиль носом на восток, готовый в любой момент сорваться с места и свернуть направо, на Бродвей. Сидя рядом на переднем сиденье, они будут молча поджидать ее и смотреть в ветровое стекло на переход впереди, а также вертеть головами направо и налево. Они будут высматривать ее на переходе или когда она остановится перед

светофором. Подождав одно короткое мгновение, они покинут свое укрытие и повернут направо. Очень медленно. Затем поедут за ней, поравняются, обгонят. Потом тот, что сидит на пассажирском месте, выскочит из машины, схватит ее, затолкает на заднее сиденье и заберется вслед за ней. Одно короткое, резкое движение. Грубая тактика, ничего сложного. Почти стопроцентная гарантия успеха — в зависимости от мишени и степени ее понимания ситуации. Ричер проделывал такое множество раз с более сильными, крупными и понимающими, что происходит, противниками. Однажды за рулем сидел сам Леон.

Ричер наклонился и постарался как можно дальше высунуться из окна. Повернул голову направо и принялся изучать улицу. Внимательно вглядывался в углы в двух, трех и четырех кварталах к югу. Они будут прятаться за одним из них.

— Я готова, — крикнула Джоди.

Они вместе спустились на девяносто этажей в подземный гараж, повернули направо и вышли к парковочным местам, которые сдавались вместе с офисом Хоби.

— Нужно взять «сабурбан», — сказал спутник Тони. — Он больше.

— Хорошо, — не стал спорить с ним Тони, открыл машину и уселся за руль.

Его напарник тут же скользнул на пассажирское сиденье и мельком посмотрел на пустой багажник. Тони завел двигатель и поехал к пандусу, выходящему на улицу.

— Ну, и как мы все это проделаем? — спросил Тони.

Его напарник уверенно улыбнулся.

— Это легко. Она пойдет по Бродвею на юг. Мы подождем за каким-нибудь углом примерно в паре кварталов от ее дома, пока она не появится. Когда она перейдет на другую сторону, мы завернем за угол, поедем рядом — и все. Так?

— Нет, не так, — сказал Тони. — Мы сделаем по-другому.

— Почему? — удивленно взглянув на него, спросил напарник.

— Потому что с мозгами у тебя не так чтобы очень хорошо, — ответил Тони. — Если ты считаешь, что нужно сделать все так, как ты сказал, значит, должен быть другой способ, получше, верно? В Гаррисоне ты все испоганил. И здесь испоганишь. С ней, скорее всего, этот тип Ричер. Он справился с вами там, справится и тут. Поэтому мы не станем делать то, что ты предлагаешь.

— И что мы сделаем?

— Я постараюсь тебе объяснить, — сказал Тони. — Причем как можно проще.

Ричер опустил окно, закрыл замок и вернул на место штору. Джоди стояла около двери, с еще влажными после душа волосами, в простом льняном платье без рукавов, с голыми ногами и в простых туфлях. Платье было того же цвета, что влажные волосы, но станет темнее, когда они высохнут. В руках она держала сумочку и большой кожаный чемоданчик, он видел такие у пилотов коммерческих рейсов. Очень тяжелый. Джоди поставила его на пол и подошла к сумке с вещами, которые накануне Ричер положил у входа. Вытащив из кармана конверт с завещанием Леона, Джоди открыла крышку чемоданчика и убрала его внутрь.

— Хочешь, я понесу? — предложил Ричер.

Джоди улыбнулась и покачала головой.

— У нас тут большой город, — сказала она. — Телохранители не носят тяжести.

— На вид он очень тяжелый, — возразил Ричер.

— Я уже большая девочка, — заявила Джоди.

Ричер кивнул, снял железную щеколду, но оставил ее в верхнем положении, а Джоди, потянувшись через него, открыла замки. Ричер уловил тонкий женственный аромат тех же, что и вчера, духов. Ее плечи под тонкой тканью были стройными, почти худыми. Мышцы левой руки напряглись, удерживая тяжелый чемоданчик.

— Чем конкретно ты занимаешься? — спросил Ричер.

— Финансовое право, — ответила она.

Ричер медленно открыл дверь и выглянул наружу. В коридоре было пусто. Лампочка лифта показывала, что кто-то спускается вниз с третьего этажа.

— А какой раздел?

Они вышли из квартиры и вызвали лифт.

— В основном пересмотр сроков погашения задолженностей, — сказала Джоди. — На самом деле я больше специалист по переговорам, чем адвокат в чистом виде. Ну, что-то вроде советника или посредника. Понимаешь?

Он не очень понял. У него никогда не было долгов. Не из-за каких-то особых принципов, а просто потому, что не возникло такой возможности. Армия давала ему все необходимое, крышу над головой и еду. А привычки хотеть большего у него так и не появилось. Но он знал людей, у которых возникали подобные проблемы. Они брали ссуды на покупку домов под залог или машины в кредит, и иногда им не удавалось вовремя выплачивать необходимые суммы. Как правило, дело улаживал служащий компании. Он разговаривал с банком и устраивал все так, что у должника вычитали определенную сумму прямо из зарплаты. Но Ричер понимал, что это мелочи по сравнению с тем, чем занималась она.

— Миллионы долларов? — спросил он.

Прибыл лифт, и перед ними раскрылись двери.

— По меньшей мере, — ответила Джоди. — Как правило, десятки миллионов, иногда сотни.

В лифте никого не было, и они вошли внутрь.

— Тебе нравится твоя работа? — спросил Ричер.

— Конечно, — сказала Джоди. — Человеку нужна работа, а эта — лучшее, что я могу получить.

Лифт дернулся и начал опускаться вниз.

— У тебя хорошо получается?

— Да, — спокойно ответила она. — Я, несомненно, лучшая на Уолл-стрит.

Ричер улыбнулся. Истинная дочь своего отца.

Двери лифта открылись. В вестибюле никого не было, дверь на улицу закрыта, по ступенькам спускается полная женщина.

— Ключи от машины? — произнес Ричер.

Джоди держала ключи в руке. Большую связку на медном кольце.

— Подожди здесь, — сказал Ричер. — Я посмотрю, что на лестнице, вернусь через минуту.

Дверь из вестибюля в гараж открывалась изнутри, ее нужно было просто толкнуть. Ричер спустился по металлическим ступенькам, вглядываясь в полумрак. Никого. По крайней мере, никого не видно. Он уверенно подошел к чужой машине, большому темному «крайслеру», стоящему в двух машинах от машины Джоди, опустился на пол и посмотрел под припаркованными автомобилями. Ничего. На полу никто не прятался. Тогда он поднялся и протиснулся мимо капота «крайслера», потом

обошел соседнюю машину. Еще раз опустился на пол в узком пространстве между багажником «олдсмобиля» и стеной и принялся вертеть головой в поисках проводов там, где их не должно было быть. Все чисто. Никаких ловушек.

Ричер открыл дверцу машины и забрался внутрь. Завел двигатель и выехал в проход, а затем задом подкатил к лестнице в вестибюль. В тот момент, когда Джоди вышла из вестибюля, он открыл дверцу пассажирского сиденья. Джоди сбежала по лестнице и ловко уселась в машину — и все это одним уверенным движением. В следующее мгновение она захлопнула дверцу, и Ричер сорвался с места, повернул направо, на пандус, а затем — на улицу.

Утреннее солнце, висящее на востоке, на одну секунду ослепило его, но он промчался мимо его лучей и направился на юг. Первый угол находился в тридцати ярдах. Машины неспешно продвигались вперед, не стояли, но ехали очень медленно. Светофор на перекрестке переключился за три машины до них. Они находились на правой полосе, и Ричер не видел, что делается на выезде с поперечной улицы. Машины двигались по этой улице справа налево от Ричера, по-прежнему находившегося за три машины от светофора. Ричер заметил, что дальний поток на той улице замедлился, объезжая какое-то препятствие. Возможно, припаркованную машину. Или поджидающий своего часа четырехдверный автомобиль. Затем на Бродвее загорелся зеленый свет, и боковое движение остановилось.

Ричер проехал перекресток, повернув голову, глядя вперед и одновременно вправо. Ничего. Никакого припаркованного автомобиля. Препятствием оказались полосатые козлы, выставленные около открытого люка. В десяти ярдах дальше стоял грузовик электрической компании. На тротуаре столпились рабочие, которые пили содовую из жестяных банок. Машины катили вперед, потом остановились у следующего светофора.

Это была неправильная улица. Движение направлялось на запад, слева направо. Ричер отлично видел все, что происходит слева. Ничего. Не на этой улице. Значит, на следующей.

В идеале Ричер не стал бы просто проезжать мимо двух головорезов, поджидавших Джоди в своей машине. Он бы объехал квартал, чтобы оказаться сзади. Затем бросил бы джип в ста ярдах от них и подобрался с тыла. Они будут напряженно смотреть вперед, наблюдая за переходом через ветровое стекло. Со своей позиции он смог бы хорошенько их разглядеть, спокойно и не торопясь. Он даже мог бы сесть к ним в машину. Можно не сомневаться, что задние двери не закрыты. Он бы залез на заднее сиденье, схватил их за головы и ударил друг о друга, как

музыкант ударяет в тарелки. А потом еще раз и еще, столько, сколько потребуется, пока они не начнут отвечать на его вопросы.

Но он знал, что не станет делать ничего подобного. Ричер придерживался основного правила, которое гласило: «Сосредоточься на выполняемой работе». Сейчас главное было доставить Джоди в офис в целости и невредимости. Работа телохранителя — это защита. Смешивать с ней атаку нельзя, иначе ни то ни другое не удастся сделать как следует. Ричер уже говорил Джоди, что зарабатывал этим на жизнь. И прошел отличную подготовку. Подготовка и опыт очень много значат. Поэтому он сосредоточится на том, чтобы ее охранять, и посчитает своей победой, когда она войдет в дверь офиса. А еще он не станет ей говорить, насколько серьезны появившиеся у нее проблемы. В планы Ричера не входило пугать Джоди или волновать понапрасну. Он пока не знал, что затеял Леон, но она должна оставаться спокойной. Леон не хотел бы, чтобы было иначе. Он хотел бы, чтобы Ричер взял все на себя. Так он и поступит. Доставит ее к двери офиса без длинных объяснений и мрачных предупреждений.

Зажегся зеленый свет, первая машина сорвалась с места, за ней вторая, потом третья. Ричер поехал вперед. Проверил свободное пространство впереди, повернул голову направо. Там ли они? Улица была узкой. Две полосы, забитые машинами, ждущими зеленого света. Справа ни одной припаркованной машины. Никто их не поджидает. Здесь их тоже нет. Он медленно проехал широкий перекресток, повернув голову направо. Никого. Он выдохнул, расслабился и посмотрел вперед. Неожиданно раздался громкий металлический лязг. Кто-то врезался им в багажник с оглушительным грохотом, резкое ускорение толкнуло их вперед. Джип влетел в машину, ехавшую перед ними, и остановился. Выскочили подушки безопасности. Ричер видел, как Джоди потащило вперед, ремень безопасности натянулся, затем ее тело резко остановилось, но голова продолжала движение. Потом она отскочила от подушки безопасности и ударилась о подголовник. Ричер увидел, как ее лицо застыло в пространстве рядом с его лицом, в то время как все внутреннее помещение машины расплылось, завертелось и закрутилось у него перед глазами, потому что его голова проделала те же движения.

Двойной удар оторвал его руки от руля. Подушка безопасности начала сдуваться. Ричер посмотрел в зеркало заднего вида и увидел громадный черный капот, который врезался в их джип, помяв блестящую хромированную решетку. Огромный четырехколесный грузовик. Внутри, за темным стеклом, один человек. Незнакомец. Скопившиеся за ними машины отчаянно сигналили и сворачивали налево, чтобы объехать препятствие, водители с любопытством поглядывали на них. Откуда-то доносилось громкое шипение. Пар из радиатора или это у него в ушах шумит после оглушительных звуков? Из грузовика вылез

мужчина, поднял вверх руки, показывая, что сожалеет. На лице беспокойство и испуг. Он обошел свою дверь, не обращая внимания на медленно проезжающие мимо машины, и направился к окну Ричера, бросив на ходу взгляд на изуродованный багажник джипа.

Из седана, стоящего впереди, вышла женщина, слегка потрясенная и очень сердитая. Остальные машины объезжали их со всех сторон. Воздух разогрелся от работающих двигателей и громких воплей клаксонов. Джоди сидела очень прямо и ощупывала рукой шею.

— Ты в порядке? — спросил ее Ричер.

Она задумалась на мгновение и кивнула.

— Все нормально, — ответила она. — А ты?

— Отлично, — сказал Ричер.

Джоди с удивленным видом ткнула пальцем в сдувшуюся подушку.

— Знаешь, оказывается, они действительно работают.

— Я в первый раз испробовал их на себе, — признался Ричер.

— Я тоже.

Они услышали стук в окно Ричера и увидели, что тип из грузовика стоит около них и нетерпеливо стучит по стеклу костяшками пальцев. Ричер взглянул на него. Человек, жестикулируя, просил его опустить стекло, словно был чем-то очень озабочен.

— Дерьмо! — завопил Ричер.

Он нажал на педаль газа. Джип дернулся вперед, мимо покалеченного седана, проехал примерно ярд и со скрежетом повернул влево.

— Господи, что ты делаешь? — крикнула Джоди.

Тип, находившийся снаружи, одной рукой держался за ручку их двери, а другую руку засунул в карман.

— Пригнись, — приказал Ричер.

Он проехал назад на ярд и врезался в стоявший за ним грузовик. Этот маневр помог ему выиграть еще фут, он резко крутанул руль и свернул налево. Снова врезался в седан, во все стороны полетели осколки. Машины продолжали их объезжать. Ричер посмотрел направо и увидел, что один из типов, с которыми он встречался в Ки-Уэсте и Гаррисоне, ухватился за ручку двери Джоди. Он нажал на газ и, вцепившись в руль, еще раз толкнул джип назад. Типа, который держался за ручку дверцы, отбросило, и он упал. Ричер ударил задом джипа в грузовик, затем с

оглушительным ревом мотора метнулся вперед. Тип вскочил на ноги, продолжая одной рукой хвататься за ручку, размахивая свободной рукой и подпрыгивая на месте, словно он вдруг превратился в ковбоя, пытающегося вытащить молодого строптивого коня из ловушки. Ричер вдавил педаль в пол, направил джип вперед, вплотную к изуродованному седану, и прижал ковбоя к багажнику. Бампер машины ударил его под колени, он перевернулся в воздухе и влетел головой в заднее стекло. В зеркало Ричер видел, как он дико размахивал руками и ногами, когда его перебросило через крышу. Потом он исчез из виду, рухнув на тротуар.

— Осторожно! — крикнула Джоди.

Второй тип из грузовика по-прежнему держался за ручку дверцы. Ричеру удалось выехать на дорогу, но движение было медленным, и парень бежал рядом, пытаясь достать что-то из кармана. Ричер резко свернул влево и двинулся параллельно автофургону на следующей улице. Тип из грузовика продолжал скачками бежать рядом с машиной, цепляясь за ручку и вытаскивая что-то из кармана. Ричер снова взял влево и прижал его к грузовику. Раздался глухой звук, когда голова парня ударилась о металл, а потом он исчез. Водитель грузовика в ужасе остановился, а Ричер объехал его слева и оказался впереди.

По Бродвею несся нескончаемый поток машин. Впереди мерцали ослепительные металлические отблески, солнечный свет отражался от крыш седанов, сворачивающих налево и направо, ползущих вперед в облаках выхлопов под пронзительные вопли клаксонов. Ричер снова взял влево, свернул и проехал на красный свет, не обращая внимания на разбегающихся в разные стороны пешеходов. Джип дергался, подпрыгивал и клонился вправо. Указатель температуры зашкалило. Пар вырывался в отверстия помятого капота. Сдувшаяся подушка безопасности облепила колени Ричера. Он проехал вперед, потом снова свернул налево и оказался в переулке, заваленном отходами из ресторана: ящиками, пустыми банками из-под масла, грубыми деревянными подносами, на которых горой высились испортившиеся овощи. Машина въехала носом в груду картонных коробок, они рассыпались по капоту и отлетели от ветрового стекла. Ричер выключил двигатель и вытащил ключи.

Он остановился слишком близко к стене, и Джоди не могла открыть дверь. Ричер схватил ее чемоданчик и сумку и выбросил через свою дверь. С трудом протиснулся вслед за ними и повернулся к Джоди. Она перебиралась через сиденье за ним, и он успел заметить, что у нее задрался подол платья. Ричер схватил ее за талию, она прижалась головой к его плечу, и он вытащил ее в щель. Она уцепилась за него, обхватив за пояс голыми ногами. Он повернулся и пробежал с ней вместе шесть футов. Ему показалось, что она вообще ничего не весит.

Поставив ее на ноги, Ричер помчался назад за ее вещами. Когда он вернулся, Джоди, тяжело дыша, разглаживала платье на бедрах. Влажные волосы разметались по спине.

— Как ты догадался? — выдохнула она. — Ну, что это не обычная авария?

Он отдал ей сумочку, а себе оставил тяжелый чемоданчик и, взяв ее за руку, повел по переулку к улице, задыхаясь от адреналина, еще бушующего в крови.

— Будем говорить на ходу, — сказал он.

Они повернули налево и направились на восток в сторону Лафайетт. Утреннее солнце слепило глаза, ветерок с реки обдувал лица. У себя за спиной они слышали шум ревущих на Бродвее машин. Они прошли так пятьдесят ярдов, тяжело дыша и постепенно успокаиваясь.

— Как ты догадался?

— Статистика. Какова вероятность того, что мы попадем в аварию именно в то утро, когда на нас открыта охота? Миллион к одному.

Джоди кивнула, и по ее губам промелькнула улыбка. Потом она подняла голову и расправила плечи. Ричер подумал, что она быстро пришла в себя. Никакого шока или истерики. Настоящая дочь своего отца.

— Ты потрясающе себя вел, — сказала она. — Так быстро среагировал.

Ричер покачал головой.

— Нет, я вел себя дерьмово, — возразил он. — Глупее некуда. Одна ошибка за другой. Они поменяли действующих лиц. За операцию отвечал какой-то новый парень. Мне даже в голову не пришло, что такое может случиться. Я представил себе, как станут действовать те два придурка, и не подумал, что дело могут поручить кому-то поумнее. Я не знаю, кто он такой, но он совсем не дурак. Он придумал хороший план, который почти сработал. Я не сразу все понял. А когда началась заварушка, потратил кучу времени на разговоры про подушки безопасности.

— Не переживай, — сказала Джоди.

— Нет, я чувствую себя ужасно. У Леона было основное правило: делай все правильно. Слава богу, что он не видел, как я себя вел. Ему стало бы за меня стыдно.

Джоди помрачнела, и тут он понял, что сказал.

— Извини. Я никак не могу поверить, что он умер.

Они вышли на Лафайетт и остановились на тротуаре. Джоди поискала глазами такси.

— И все же он умер, — тихо проговорила она. — Думаю, мы привыкнем к этой мысли.

— Жаль твою машину. Мне следовало догадаться, что так будет.

Джоди пожала плечами.

— Она взята внаем. Я попрошу прислать мне другую такую же. Зато теперь я знаю, как она ведет себя при столкновении, верно? Наверное, возьму красную.

— Ты должна сообщить в полицию, что ее украли, — сказал Ричер. — Позвони копам и скажи, что ее не было в гараже, когда ты спустилась туда утром.

— Это мошенничество, — заявила Джоди.

— Нет, это умный поступок. Не забывай: я не могу допустить, чтобы копы начали меня расспрашивать. У меня даже нет водительских прав.

Джоди задумалась, потом улыбнулась. «Так улыбается младшая сестра, прощая старшего брата за плохой поступок», — подумал Ричер.

— Ладно, я позвоню из офиса, — сказала она.

— Из офиса? Ты не пойдешь в свой проклятый офис.

— Почему? — удивленно спросила Джоди.

Он махнул рукой в сторону Бродвея.

— После того, что случилось там? Я хочу, чтобы ты была в таком месте, где я смогу тебя видеть, Джоди.

— Мне нужно на работу, Ричер, — возразила она. — Подумай здраво. Офис не стал менее безопасным местом после того, что случилось на Бродвее. Это совершенно самостоятельное утверждение. Офис по-прежнему такое же безопасное место, каким был до сих пор. И ты хотел, чтобы я туда отправилась. Так что же изменилось?

Он взглянул на нее. Ему хотелось сказать: «Все изменилось». Потому что в дело, которое Леон затеял с парой пожилых людей в кардиологической клинике, теперь вмешались относительно компетентные профессионалы, которые чудом не добились своего сегодня утром. А еще он хотел бы сказать ей: «Я люблю тебя, тебе угрожает опасность, и я не хочу, чтобы ты находилась в таком месте, где я не сумею за тобой присмотреть». Но он не мог ей ничего этого сказать. Потому что дал себе слово скрывать от нее правду. Всю правду — о

любви и об опасности. Поэтому Ричер неохотно пожал плечами и сказал:

— Ты должна поехать вместе со мной.

— Зачем? Чтобы тебе помочь?

— Да, чтобы помочь мне со стариками. С тобой они будут разговаривать охотнее, потому что ты дочь Леона.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой, потому что я дочь Леона?

Ричер кивнул. В этот момент Джоди увидела такси и замахала рукой.

— Неправильный ответ, Ричер.

Он спорил с ней, пытаясь переубедить, но у него ничего не получилось. Джоди приняла решение и не желала его менять. Ему лишь удалось уговорить ее решить самую насущную его проблему и взять для него напрокат машину с помощью ее золотой карточки и ее прав. Они доехали до Мидтауна и нашли там офис «Херца». Ричер ждал на залитой солнцем улице четверть часа, затем из-за угла появилась Джоди в новеньком «таурусе», и он забрался внутрь. Они проехали через всю деловую часть Бродвея, мимо ее дома и места в трех кварталах к югу от него, где произошло столкновение. Пострадавшие машины были уже увезены. На дороге остались осколки стекла и масляные пятна, но больше ничто не указывало на происшествие. Джоди продолжала ехать на юг и припарковалась прямо напротив двери своего офиса. Оставила двигатель включенным и отодвинула назад сиденье, чтобы Ричер мог ее сменить.

— Ладно, — сказала она. — Заберешь меня отсюда где-нибудь в семь часов?

— Так поздно?

— Я поздно начинаю, — объяснила она. — Значит, придется поздно заканчивать.

— Никуда не выходи из здания, хорошо?

Ричер вышел из машины и проследил за ней взглядом, пока она не оказалась внутри. Перед входом была широкая заасфальтированная площадка, и Джоди пробежала по ней, мелькая обнаженными ножками. Затем она повернулась, улыбнулась ему, помахала рукой и толкнула вращающуюся дверь. Здание, в котором располагался ее офис, было высоким, этажей в шестьдесят. Скорее всего, здесь имелось множество помещений, занятых дюжиной фирм, а может быть, даже сотней. Так что тут, похоже, действительно было безопасно. Сразу за вращающейся дверью находилась длинная стойка, за ней сидели несколько

охранников, а у них за спинами от стены до стены и от пола до потолка шла толстая стеклянная стена с единственной дверью, которая открывалась при помощи кнопки под стойкой. За стеклянной стеной находились лифты. Войти внутрь никак нельзя, если только охранники не сочтут возможным вас впустить. Ричер кивнул своим мыслям. Возможно, тут и правда безопасно. Возможно. Все зависит от усердия охранников. Ричер видел, как Джоди поговорила с одним из них, наклонив голову так, что светлые волосы упали вперед и закрыли лицо. Затем она направилась к двери в стене, подождала немного, толкнула ее. Прошла к лифтам и нажала на кнопку. Дверь медленно открылась. Джоди вошла в лифт спиной вперед, обеими руками перетащила через порог тяжелый чемоданчик. Дверь закрылась.

Ричер около минуты ждал перед зданием, затем быстро прошел во вращающуюся дверь и направился к стойке с таким видом, будто делал это всю жизнь. Выбрал самого пожилого охранника, зная, что самые пожилые, как правило, менее серьезно относятся к своим обязанностям. Молодые еще рассчитывают на продвижение по службе.

— Меня ждут у Спенсера и Гутмана, — сказал он, взглянув на часы.

— Как вас зовут? — спросил охранник.

— Линкольн, — ответил Ричер.

Охранник был седым и уставшим, но сделал все, что полагалось. Взял из специальной ячейки большой блокнот и принялся его изучать.

— Вам назначено?

— Они только что вызвали меня по пейджеру, — ответил Ричер. — Кажется, у них там образовалось какое-то срочное дело.

— Линкольн как машина?

— Как президент, — поправил его Ричер.

Пожилой охранник кивнул и начал водить пальцем вдоль длинного списка имен.

— Вас нет в списке, — заявил он наконец. — Я не могу вас пропустить, раз вас там нет.

— Я работаю на Костелло, — сказал Ричер. — Я нужен наверху, причем срочно.

— Давайте я им позвоню, — предложил охранник. — Кто с вами связался?

Ричер пожал плечами.

— Наверное, мистер Спенсер. Обычно я с ним разговариваю.

У охранника сделался оскорбленный вид. Он убрал блокнот на место.

— Мистер Спенсер умер десять лет назад. Хотите войти — договоритесь о встрече как полагается.

Ричер кивнул. Здесь было достаточно безопасно. Он развернулся и направился назад, к машине.

Мэрилин Стоун дождалась, пока «мерседес» Честера скроется из виду, затем бегом вернулась в дом и принялась за дело. Она была серьезной женщиной и знала, что за шестинедельный срок между объявлением о продаже и непосредственным заключением сделки необходимо проделать большую работу.

Первым делом она позвонила в компанию, занимавшуюся уборкой помещений. В доме царил идеальный порядок, но она хотела вынести кое-какую мебель. Мэрилин считала, что, когда в доме мало мебели, создается впечатление свободного пространства и простора и он кажется больше, чем на самом деле. А кроме того, в этом случае потенциальный покупатель не попадется в ловушку навязанных ему представлений о том, что будет выглядеть здесь хорошо, а что нет. Например, итальянский жертвенник, стоявший в прихожей, идеально к ней подходил, но Мэрилин не хотела, чтобы покупатель считал, будто прихожую нельзя обставить иначе. Лучше пусть здесь будет пусто, чтобы покупатель имел возможность привлечь собственное воображение и заполнить пустоту на свое усмотрение, возможно чем-нибудь другим, — что имеется в доме.

Если она собирается выносить мебель, ей потребуется служба уборки, чтобы привести в порядок опустевшие комнаты. Некоторое отсутствие мебели создает ощущение свободного пространства, но очевидные пустоты — грустное. Затем Мэрилин позвонила в компанию, которая обеспечивала перевозку и хранение мебели, ведь нужно же куда-то сложить то, что будет вынесено из дома. После этого Мэрилин набрала номер службы, предоставлявшей услуги садовников и специалистов по уходу за бассейнами, и договорилась, что они будут приходить на час каждый день впредь до дальнейшего уведомления. Она хотела, чтобы территория вокруг дома выглядела идеально, поскольку понимала, что это имеет огромное значение.

Затем Мэрилин попыталась вспомнить все, что читала или слышала от других людей касательно ситуации, в которой оказалась. Разумеется, цветы в вазах — повсюду в доме. Она позвонила флористу.

Потом вспомнила, как кто-то говорил ей, будто налитое в блюдечки средство для мытья окон нейтрализует все запахи, так или иначе

возникающие в любом доме. Это было как-то связано с аммиаком. А еще Мэрилин читала, что несколько кофейных зерен в горячей духовке окутывают помещение приятным ароматом. Поэтому она положила в ящик стола новый пакет с кофе, решив, что будет класть горсть зерен в духовку всякий раз, когда Шерил позвонит, чтобы сказать, что она везет клиента.

Глава 8

День Честера Стоуна начался как всегда. Он отправился на работу в обычное время. Поездка на любимом «мерседесе» его успокоила. Солнце светило, как ему и полагалось в июне, а дорога в город была ничем не примечательной. Нормальное движение, не больше и не меньше. На площадях все те же продавцы роз и газет. Постепенно рассасывающаяся пробка на Манхэттене служила доказательством, что он верно рассчитал время — как обычно. Он припарковался на своем месте в подземном гараже и поднялся на лифте в офис. И тут его день перестал быть нормальным и обычным.

В кабинетах офиса никого не оказалось. Создавалось впечатление, что его компания всего за один день прекратила свое существование. Все служащие сбежали, словно крысы с тонущего корабля, руководствуясь своими инстинктами. На дальнем столе надрывался телефон, но ответить на него было некому. Все компьютеры были выключены, и их тускло-серые мониторы отражали свет, падающий с потолка. В личном кабинете Стоуна всегда царил покой, но сейчас его окутывало какое-то диковинное ощущение кладбищенского безмолвия. Тишину нарушали лишь его гулкие шаги.

— Я Честер Стоун, — громко произнес он.

Он сказал это лишь затем, чтобы нарушить жуткую тишину, но собственный голос показался ему хриплым и неестественным. Даже эхо ему не ответило, потому что толстые ковры и фибролит поглощали все звуки, как губка. Его голос просто растаял в пустоте.

— Дерьмо, — выругался Честер Стоун.

Он разозлился, и больше всего на свою секретаршу. Она давно с ним работала и принадлежала к числу служащих, которые, по его мнению, должны были продемонстрировать верность в трудную минуту. Он думал, что она, положив руку ему на плечо, с фанатичным блеском в глазах пообещает оставаться с ним рядом, что бы ни случилось. Но она поступила так же, как и все остальные. До нее дошли слухи из финансового отдела, что компания разорена и рассчитывать на очередной чек не приходится, поэтому она выбросила из картонной коробки старые папки, а вместо них сложила туда фотографии своих проклятых племянников в дешевых медных рамках, мерзкое, похожее

на паука растение, стоявшее у нее на столе, и всякое барахло из ящиков и отвезла все это на метро в свою аккуратную маленькую квартирку, где бы она там ни находилась. В аккуратную маленькую квартирку, обставленную на деньги, которые он ей платил, когда дела у него шли превосходно. Сейчас она, наверное, сидит в халате на кухне и пьет кофе, получив неожиданный выходной. И не собирается возвращаться к Честеру Стоуну. Скорее всего, она просматривает газету с объявлениями о вакансиях, выбирая свой следующий порт приписки.

— Дерьмо, — громко повторил Честер.

Затем он развернулся на каблуках и промчался через кабинет секретарши к лифтам. Спустился вниз, вышел на солнце, повернул на запад и, кипя от ярости, с громко бьющимся сердцем зашагал к громадным, сверкающим на солнце башням-близнецам, высившимся впереди. Он почти бегом миновал площадь и бросился к лифтам. Он отчаянно вспотел и начал дрожать, когда холодный воздух в вестибюле пробрался под пиджак. Честер Стоун быстро доехал до восемьдесят восьмого этажа, выскочил из лифта и по узкому коридору вошел в приемную перед офисом Хоби — во второй раз за двадцать четыре часа.

Секретарь сидел на своем месте за конторкой. В дальнем конце приемной, из двери кухни, появился приземистый мужчина в дорогом костюме. В руках он держал две кружки, и Стоун уловил запах кофе. Над чашками поднимался пар, а на поверхности резвилась коричневая пенка. Стоун посмотрел сначала на секретаря, потом на мужчину с чашками кофе.

— Мне нужно поговорить с Хоби, — сказал он.

Они не обратили на него ни малейшего внимания.

Приземистый мужчина подошел к конторке и поставил чашку с кофе перед секретарем. Затем он обошел Стоуна сзади и оказался между ним и дверью в коридор. Секретарь наклонился вперед и повернул чашку таким образом, чтобы ее было удобно взять в руку.

— Я хочу поговорить с Хоби, — повторил Стоун, глядя прямо перед собой.

— Меня зовут Тони, — представился секретарь.

Стоун повернулся и тупо уставился на него. Он заметил на лбу у секретаря красное пятно, похожее на свежий синяк. Волосы на виске были тщательно расчесаны, но видно было, что они влажные, как будто Тони прикладывал к голове мокрую тряпку.

— Я хочу поговорить с Хоби, — в третий раз заявил Стоун.

— Мистера Хоби сегодня нет в офисе, — ответил Тони. — Я займусь вашими делами в его отсутствие. Нам нужно кое-что обсудить, не так ли?

— Да, нужно, — сказал Стоун.

— Давайте зайдем в кабинет, — предложил Тони и встал.

Он кивнул приземистому мужчине, тот обогнул конторку и уселся на стул, а Тони подошел к двери в кабинет Хоби, придержал ее для Стоуна, и тот шагнул в полумрак, царивший здесь, как и вчера. Жалюзи были по-прежнему опущены. Уверенно ориентируясь в темноте, Тони прошел к письменному столу и сел на стул Хоби. Стоун последовал за ним, затем остановился и огляделся по сторонам, думая, куда ему лучше сесть.

— Вы останетесь стоять, — сказал Тони.

— Что? — спросил Стоун.

— Во время нашего разговора вы будете стоять.

— Что? — изумленно переспросил Стоун.

— Перед столом.

Стоун захлопнул рот и замер на месте.

— Руки по швам, — приказал Тони. — Спину выпрямить и не сутулиться.

Он произнес все это очень спокойно, даже равнодушно, неподвижно сидя на стуле Хоби. А потом наступила тишина, и только обычные слабые звуки, наполнявшие здание, отзывались в груди Стоуна. Постепенно его глаза привыкли к полумраку, и он увидел царапины на столе от крюка Хоби, грубые глубокие раны на гладкой поверхности дерева. Тишина нервировала его, и он не имел ни малейшего представления, как реагировать на происходящее. Краем глаза взглянул на диван слева. Стоять было унизительно. И вдвойне унизительно, когда тебе приказывает какой-то секретарь. Честер Стоун посмотрел на диван справа. Он знал, что должен сражаться. Должен сесть на один из диванов, сделать шаг вправо или влево и сесть. «Просто сделай это. Сядь и покажи ублюдку, кто здесь босс. Это как нанести победный ответный удар или показать, что у тебя на руках туз. Сядь, ради всех святых!» — говорил он себе. Но ноги не желали слушаться Честера Стоуна, словно его вдруг парализовало. Он неподвижно стоял в ярде от стола, с трудом справляясь с яростью и унижением. И страхом.

— Вы надели пиджак мистера Хоби, — сказал Тони. — Будьте любезны его снять.

Стоун в недоумении уставился на него. Затем посмотрел на свой пиджак. Тот самый, английский. Неожиданно он сообразил, что впервые в жизни случайно надел одну и ту же вещь два дня подряд.

— Это мой пиджак, — возразил он.

— Нет, мистера Хоби.

Стоун покачал головой.

— Я купил его в Лондоне. И он определенно принадлежит мне.

Тони улыбнулся в темноте.

— Вы не понимаете, не так ли? — проговорил он.

— Чего не понимаю? — спросил Стоун, действительно ничего не понимая.

— Что теперь вы принадлежите мистеру Хоби. Вы его собственность. И все, что у вас есть, тоже.

Стоун смотрел на него, лишившись дара речи. В комнате повисла тишина.

— Так что снимите пиджак мистера Хоби, — тихо приказал ему Тони.

Стоун продолжал смотреть на него, открывая и закрывая рот, но не в силах произнести ни звука.

— Снимайте, — повторил Тони. — Это не ваша собственность. Вы не должны стоять передо мной в чужом пиджаке.

Он говорил очень тихо и спокойно, но в его голосе Стоун услышал угрозу. У него напряглось лицо от потрясения, и вдруг руки начали двигаться, словно не подчинялись мозгу. Он снял пиджак и протянул его Тони за воротник, как будто зашел в магазин мужской одежды, примерил пиджак и тот ему не подошел.

— Положите его, пожалуйста, на стол, — велел Тони.

Стоун положил пиджак на стол, расправил и почувствовал, как мягкая шерсть зацепилась за неровную поверхность. Тони притянул его к себе и начал проверять карманы. Затем сложил свою добычу в маленькую кучку перед собой. Скомкал пиджак и равнодушно швырнул на диван, стоящий слева.

Он взял ручку «Монблан», оценивающе ухмыльнулся и спрятал в карман. Затем выбрал связку ключей и, разложив их веером на столе, начал перебирать один за другим. Зажал ключ от машины между указательным и большим пальцами и поднял его вверх.

— «Мерседес»?

Стоун тупо кивнул.

— Модель?

— «SEL» пятьсот, — пробормотал Стоун.

— Новый?

— Ему год.

— Цвет?

— Темно-синий.

— Где?

— Возле моего офиса, — пролепетал Стоун. — На стоянке.

— Мы заберем его позже, — сказал Тони, открыл ящик стола и бросил в него ключи.

Затем задвинул ящик и занялся бумажником. Поднял его вверх, вытряхнул содержимое, а то, что застряло, вытащил пальцем. Пустой бумажник был зашвырнут под стол, и Стоун услышал, как он шлепнулся в мусорную корзину. Мельком взглянув на фотографию Мэрилин, Тони отправил ее вслед за бумажником. Стоун услышал более тихий звук, когда жесткая бумага ударилась о металл. Тони сложил стопкой кредитные карточки, выровнял их, зажав между тремя пальцами, и, как крупье, рассыпал по столу.

— У нас есть один знакомый, который даст нам за них сотню баксов, — сообщил он Стоуну.

После этого он собрал купюры и разложил по достоинству. Сосчитал и скрепил скрепкой. Бросил в тот же ящик, что и ключи.

— Чего вы хотите? — спросил Стоун.

Тони взглянул на него.

— Я хочу, чтобы вы сняли галстук мистера Хоби, — сказал он.

Стоун беспомощно пожал плечами.

— Нет, я серьезно. Чего вы, ребята, от меня хотите?

— Семнадцать миллионов сто тысяч долларов. Именно столько вы нам должны.

Стоун кивнул.

— Я знаю. И я вам все отдам.

— Когда? — поинтересовался Тони.

— Ну, мне нужно немного времени, — сказал Стоун.

— Хорошо, у вас есть час, — заявил Тони.

Стоун вытаращил на него глаза.

— Нет, мне нужно больше часа.

— Больше часа вы не получите.

— Я не смогу сделать все, что нужно, за час.

— Знаю, что не сможете, — не стал спорить Тони. — Не сможете ни за час, ни за день, ни за неделю, ни за месяц и даже за год не сможете, потому что вы бесполезный кусок дерьма, который ни на что не способен, верно?

— Что?

— Вы опозорили свою семью, Стоун. Вы получили бизнес, который потом и кровью создал ваш дед, а отец расширил, но вы спустили его в сортир, потому что вы тупица, не так ли?

Стоун пожал плечами и с трудом сглотнул.

— Ладно, допустим, у меня возникли проблемы, — сказал он. — Но что я мог сделать?

— Снимай галстук! — неожиданно заорал Тони. Стоун подпрыгнул, вскинул руки и принялся возиться с узлом галстука.

— Снимай галстук, кусок дерьма! — вопил Тони.

Стоун сорвал галстук и уронил на стол, где он остался лежать жалкой кучкой.

— Спасибо, мистер Стоун, — тихо проговорил Тони.

— Чего вы, ребята, хотите? — прошептал Стоун.

Тони открыл другой ящик стола и достал желтый листок бумаги, густо исписанный от руки неровным почерком. Какой-то список с подведенным внизу итогом.

— На сегодняшний момент мы владеем тридцатью девятью процентами вашей корпорации, — сказал он. — Нам нужно еще двенадцать процентов.

Стоун смотрел на него и считал в уме.

— Контрольный пакет?

— Точно, — подтвердил Тони. — У нас есть тридцать девять процентов, плюс еще двенадцать получится пятьдесят один, иными словами, контрольный пакет.

Стоун снова с трудом сглотнул и покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Нет, я никогда этого не сделаю.

— Хорошо, тогда мы хотим в течение часа получить семнадцать миллионов сто тысяч долларов.

Стоун словно прирос к месту, он не мог пошевелиться, только дико озирался по сторонам. У него за спиной бесшумно открылась дверь. Приземистый мужчина в дорогом костюме беззвучно прошел по толстому ковру и встал за спиной Тони, сложив на груди руки.

— Часы, пожалуйста, — сказал Тони.

Стоун взглянул на свое левое запястье. Часы «Ролекс» выглядели будто стальные, но на самом деле это была платина. Он купил их в Женеве. Он снял часы и протянул Тони. Тот кивнул и бросил их в другой ящик стола.

— А теперь снимите рубашку мистера Хоби.

— Вы не можете заставить меня отдать вам акции, — сказал Стоун.

— Думаю, можем. Снимайте рубашку.

— Послушайте, вам меня не запугать, — заявил Стоун, постаравшись, чтобы его голос прозвучал как можно увереннее.

— Да мы вас уже запугали, — ответил Тони. — Разве нет? Вы вот-вот наделаете в штаны мистера Хоби. А это будет ошибкой, потому что мы заставим вас стирать их.

Стоун промолчал, глядя в пространство между двумя мужчинами.

— Двенадцать процентов, — мягко проговорил Тони. — Почему бы и нет? Акции все равно ничего не стоят. А у вас останется сорок девять процентов.

— Я должен поговорить со своими адвокатами, — пролепетал Стоун.

— Валяйте.

Стоун в отчаянии огляделся по сторонам.

— А где телефон?

— Здесь нет телефона, — сообщил ему Тони. — Мистер Хоби не любит телефоны.

— И как же я поговорю с адвокатами?

— Кричите, — посоветовал ему Тони. — Как можно громче. Может, они вас услышат.

— Что?

— Кричите, — повторил Тони. — А вы и правда медленно соображаете, мистер Стоун. Сложите два и два и получите ответ. Здесь нет телефона, вы не можете выйти из комнаты, и вы хотите поговорить со своими адвокатами. Другого выхода нет — придется кричать.

Стоун тупо уставился в пространство.

— Кричи, бесполезный кусок дерьма! — завопил на него Тони.

— Нет, я не могу, — беспомощно пробормотал Стоун. — Я вас не понимаю.

— Снимай рубашку, — выкрикнул Тони.

Стоуна начало отчаянно трясти. Он поднял руки и замер.

— Снимай рубашку, кусок дерьма! — взвизгнул Тони.

Руки Стоуна взлетели вверх, расстегнули пуговицы, он быстро стащил рубашку и остался стоять в майке, держа рубашку в руке и дрожа от ужаса.

— Пожалуйста, сложите ее аккуратно, — приказал Тони. — Мистер Хоби любит порядок.

Стоун старался изо всех сил. Встряхнул рубашку за воротник, сложил пополам, потом еще раз пополам. Наклонился и осторожно пристроил ее на пиджак, лежащий на диване.

— Отдайте нам двенадцать процентов, — проговорил Тони.

— Нет, — ответил Стоун и сжал кулаки.

В комнате воцарилась тишина. Тишина и темнота.

— Деловые качества, — тихо сказал Тони. — Вот что мы здесь ценим превыше всего. Вам следовало больше внимания уделять своим деловым качествам. Тогда, возможно, ваш бизнес не отправился бы в сортир. Итак, как мы можем эффективнее всего добиться желаемого результата?

Стоун беспомощно пожал плечами.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— В таком случае я объясню, — сказал Тони. — Мы хотим, чтобы вы пошли нам навстречу. Нам нужна ваша подпись на листке бумаги. Как мы ее получим?

— Ты, ублюдок, ее никогда не получишь, — сказал Стоун. — Сначала я объявлю себя банкротом. Вы от меня ничего не получите, ничего. А на судебные разбирательства потратите лет пять как минимум.

Тони терпеливо покачал головой, словно школьный учитель, который услышал неправильный ответ в сотый раз за свою преподавательскую карьеру.

— Можете делать все, что угодно, — заявил Стоун. — Я не отдам вам мою компанию.

— Мы можем сделать вам больно, — сказал Тони.

Стоун опустил глаза и посмотрел на стол, где на грубых следах, оставленных крюком, все еще лежал его галстук.

— Снимай брюки мистера Хоби! — закричал Тони.

— Не стану, и будьте вы прокляты! — завопил в ответ Стоун.

Мужчина, стоявший за спиной Тони, засунул руку под мышку. Стоун услышал скрежет кожи и с изумлением увидел маленький черный пистолет. Мужчина выставил вперед руку и, держа пистолет перед собой на уровне глаз, навел его на Стоуна. Затем обошел стол и направился к Стоуну. Он подходил все ближе и ближе. Стоун в ужасе уставился на пистолет, нацеленный ему в лицо. Его начало трясти, по спине побежали струйки пота. Мужчина двигался очень тихо, пистолет приближался, и Стоун не мог оторвать от него взгляда. Дуло пистолета уперлось в лоб Стоуна, и мужчина нажал на него. Дуло было жестким и холодным. Стоуна отчаянно трясло. Он отшатнулся и покачнулся, стараясь не выпускать из виду черное пятно пистолета. Он не заметил, как мужчина сжал другую руку в кулак, не заметил, как тот размахнулся для удара. Кулак врезался ему в живот, и Стоун повалился на пол, точно мешок с картошкой. Ноги у него подогнулись, он извивался и кашлял, пытаясь сделать вдох.

— Снимай штаны, кусок дерьма! — выкрикнул Тони.

Другой мужчина сильно лягнул Стоуна ногой, тот всхлипнул и завертелся на спине, точно черепаха, дергая за ремень брюк, задыхаясь и повизгивая от ужаса. Ему удалось расстегнуть ремень, затем он нащупал пуговицы и молнию. Сдернул брюки вниз, и они собрались вокруг его ботинок. Тогда он поспешно стянул их, вывернув наизнанку.

— Встаньте, мистер Стоун, — тихо проговорил Тони.

Стоун с трудом поднялся на ноги. Он стоял, покачиваясь, наклонившись вперед и опустив голову, и тяжело дышал, опираясь руками в колени. Живот его поднимался и опадал, из трусов торчали тощие, белые, безволосые ноги в дурацких темных носках и ботинках.

— Мы могли бы сделать вам очень больно, — сказал Тони. — Надеюсь, теперь вы это понимаете.

Стоун кивнул и с трудом сделал вдох. Он прижимал обе руки к животу, пытаясь отдышаться, но у него не очень получалось.

— Вы это понимаете? — повторил Тони. — Скажите, что мы можем сделать вам больно.

— Вы можете сделать мне больно, — выдавил из себя Стоун.

— Но мы не станем. Потому что мистер Хоби предпочитает действовать по-другому.

Стоун вытер слезы и с надеждой посмотрел на него.

— Мистер Хоби предпочитает делать больно женам, — сообщил ему Тони. — Понимаете, это и есть та самая эффективность, о которой я говорил. Таким способом можно гораздо быстрее добиться желаемого результата. Иными словами, сейчас вам стоит подумать о Мэрилин.

Взятый напрокат «таурус» оказался быстрее «бравады». На сухих июньских дорогах ему не было равных. Возможно, во время январских снегопадов или февральского гололеда Ричер оценил бы все преимущества привода на четыре колеса, но для поездки по берегу реки Гудзон в июне самый обычный седан мог дать сто очков форы джипу. Невысокий, надежный, отлично удерживающий дорогу, «таурус» легко справлялся с поворотами, да к тому же двигатель почти не шумел. Ричер нашел какую-то городскую станцию и услышал, как певица Вайнона Джадд спрашивает: «Почему не я?» Ричер подумал, что она совсем не должна ему нравиться, потому что, если бы кто-нибудь спросил его, хочет ли он послушать жалобную песню в стиле кантри про любовь, он, скорее всего, отказался бы, поскольку у него были совсем другие предпочтения. Но его поразил голос певицы и потрясающее гитарное сопровождение, а стихи взяли за душу, когда он представил себе, что это поет не Вайнона Джадд, а Джоди. «Почему не я, когда ты постареешь? Почему не я?» Он начал подпевать, его грубый бас сплелся с парящим контральто, и к тому времени, когда песня закончилась и началась реклама, Ричер решил, что, если когда-нибудь у него будет собственный дом и стереосистема, как у всех остальных людей, он обязательно купит пластинку с этой песней. «Почему не я?»

Он направлялся на север по 9-му шоссе. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, лежала отличная карта, выданная вместе с машиной. Судя по ней, Брайтон был расположен на западе, на полпути между Пикскиллом и Покипси и прямо на реке Гудзон. Тут же пристроился адрес пожилой пары, написанный на листке, вырванном из блокнота Макбаннерман. Ричер старался ехать со скоростью шестьдесят пять миль в час, достаточно быстро, чтобы поскорее добраться до места, но не нарушая правил, чтобы не привлечь внимания дорожных копов, которые могли прятаться за каждым кустом со своими хитрыми приборчиками и квитанциями на штраф, дожидаясь подходящего момента, чтобы пополнить муниципальную казну.

Примерно через час Ричер добрался до Гаррисона и прикинул, что отсюда должен следовать на север до большого шоссе, которое, насколько он помнил, шло на запад, через реку и в сторону Ньюберга. Затем около реки он покинет шоссе и въедет в город с севера. А дальше останется только найти нужный адрес, что может оказаться совсем не простым делом.

Но это оказалось проще, чем он думал, потому что дорога, которая вывела его в Брайтон с шоссе, имела то же название, что стояло во второй строчке адреса стариков. Ричер поехал на юг, внимательно вглядываясь в надписи на почтовых ящиках и номера домов. И вот тут начались проблемы. Почтовые ящики были сгруппированы по шесть штук и расположены в сотнях ярдов друг от друга, причем они стояли на открытых пространствах, и понять, к каким домам они относятся, было невозможно. Да и вообще Ричер видел очень мало домов. Складывалось впечатление, что по большей части они стоят в конце узких сельских дорог, покрытых гравием или залатанным асфальтом, уходящих в лес влево и вправо, словно туннели.

Наконец Ричер нашел нужный почтовый ящик. Он был прикреплен к деревянному столбику, потрепанному непогодой и наклонившемуся вперед. Его оплетали буйно разросшиеся ползучие растения с колючками. Ящик был большой, темно-зеленый, с номером дома, аккуратно написанным от руки на боку белой краской. Дверца свободно болталась на петлях, потому что ящик был переполнен почтой. Ричер вынул все и положил на пассажирское сиденье рядом с собой. Затем закрыл дверцу ящика и увидел на ней имя, выведенное тем же аккуратным почерком: «Хоби».

Почтовые ящики стояли по правую сторону дороги для удобства почтальона, но узкие проселочные дороги расходились от них в обе стороны. С того места, где он остановился, Ричер разглядел четыре дороги — две налево и две направо. Он пожал плечами и поехал по первой, той, что вела направо, в сторону реки.

И ошибся. Он обнаружил два дома, один с северной стороны, другой — с южной. На воротах одного из них имелась табличка «Козински». Около другого, под баскетбольным кольцом, прикрепленным к крыше гаража, стоял красный «понтиак файерберд». На лужайке валялись детские велосипеды. Ничто не указывало на то, что здесь живут пожилые больные люди.

Первая дорожка налево тоже оказалась не той. Нужный дом Ричер обнаружил на второй дороге, которая сворачивала направо и шла вдоль реки, густо заросшая травой. У ворот он увидел ржавый почтовый ящик, оставшийся с тех времен, когда почтальоны не ленились подходить к дому. Он был того же тусклого зеленого цвета, только еще более поблекшего от времени и непогоды. Тот же аккуратный почерк, едва различимые, точно тающее у вас на глазах привидение, буквы: «Хоби». Среди вьющихся растений, висящих точно густой занавес, Ричер разглядел телефонный кабель и силовые провода. Он проехал по подъездной дорожке, с обеих сторон ощетинившейся зарослями деревьев и кустов, и остановился позади старого седана «шевроле», припаркованного под углом под навесом для автомобиля. Огромная старая машина, с капотом и багажником размерами с кабину самолета, от времени стала такой же тускло-коричневой, как и все старые машины.

Ричер выключил двигатель и вышел из машины в мгновенно наступившую тишину. Затем нырнул внутрь, забрал почту с сиденья и остался стоять, держа ее в руке. Низкий одноэтажный дом вытянулся на запад, в сторону реки. Обитый старыми досками и покрытый кровельной дранкой, он был такого же тускло-коричневого цвета, что и машина. Во дворе царил ужасающий беспорядок. Таким становится ухоженный сад через пятнадцать сырых весен и жарких лет. От навеса для машин к двери дома когда-то вела широкая дорожка, но она превратилась в узкую тропинку, заросшую густыми кустами. Оглядевшись по сторонам, Ричер пришел к выводу, что взвод, вооруженный огнеметами, был бы здесь полезнее, чем отряд садовников.

Он добрался до двери, сражаясь с торчащими во все стороны ветвями кустов, которые норовили схватить его за ноги. На двери имелся звонок, но он проржавел и давно не работал. Наклонившись вперед, Ричер постучал в деревянную дверь костяшками пальцев и стал ждать. Никакого ответа. Он снова постучал. У него за спиной жили своей жизнью джунгли, жужжали насекомые, остывал двигатель «тауруса», стоящего неподалеку. Ричер снова постучал. Подождал немного и услышал в доме скрип половиц, который опережал чьи-то шаги. Потом шаги остановились по другую сторону двери, и до него донесся женский голос, тонкий и приглушенный толстым деревом двери:

— Кто там?

— Ричер, — ответил он. — Друг генерала Гарбера.

Его голос прозвучал громко, и у него за спиной кто-то промчался сквозь кусты, спасаясь бегством. Какое-то животное. Он услышал, как открывается старый замок, а вслед за ним щеколда. Дверь со скрипом распахнулась, и Ричер, шагнув в темноту, увидел перед собой пожилую женщину лет восьмидесяти, очень худую, седовласую, сутулую, в блеклом цветастом платье с широкой юбкой. Такие платья женщины носили на приемах на открытом воздухе в пятидесятые или шестидесятые годы. К ним обычно прилагались белые перчатки, широкополые шляпы и спокойные улыбки. Ричер видел их на фотографиях.

— Мы вас ждем, — сказала женщина, повернулась и шагнула в сторону.

Ричер кивнул и прошел в дом. У нее была такая широкая юбка, что, проходя мимо, Ричер услышал громкий шелест нейлона.

— Я принес вашу почту, — сказал он. — Ящик был переполнен.

Он протянул ей толстую пачку мятых конвертов и стал ждать.

— Спасибо, вы очень любезны, — сказала она. — Идти до ящика далеко, а мы не любим останавливать там машину, чтобы кто-нибудь не въехал в нас сзади. На дороге ужасное движение, а люди ездят так быстро. Быстрее, чем следует.

Ричер кивнул, подумав, что ему редко доводилось видеть дорогу, которая была бы тише и пустыннее этой. Если бы кому-нибудь вздумалось лечь спать прямо на желтой линии, у него имелись бы все шансы дожить до утра. Он продолжал держать в руках почту, которая совершенно не заинтересовала пожилую леди.

— Куда положить? — спросил Ричер.

— На кухню, пожалуйста.

В коридоре, отделанном мрачными деревянными панелями, было темно. В кухне, где имелось крошечное окошко с желтым ребристым стеклом, оказалось еще хуже. Там стояла разномастная мебель, облицованная потемневшей от времени фанерой, и имелось несколько забавных старинных эмалированных кухонных приспособлений в серую и зеленую крапинку, на коротких ножках. Здесь витали застаревшие запахи еды и нагретой духовки, но было чисто. На полу из линолеума тряпичный коврик, в кружке с отбитым краем пара очков. Ричер положил почту рядом с кружкой. Когда гость уйдет, хозяйка снимет

нарядное платье, уберет его в шкаф с шариками от моли, наденет очки и прочтет почту.

— Могу я предложить вам кусочек кекса? — спросила она.

Ричер посмотрел на плиту и увидел фарфоровую тарелку, накрытую видавшей виды льняной салфеткой. Она что-то для него испекла.

— И кофе?

Рядом с плитой стояла древняя кофеварка из ярко-зеленой эмали со стеклянной шишечкой наверху. От нее к розетке шел шнур с потрепанной оплеткой из ткани.

— Я люблю кофе с кексом, — сказал Ричер.

Хозяйка кивнула с довольным видом, сделала шаг вперед, задев своими шуршащими юбками дверцу духовки, и тонким дрожащим пальцем нажала на кнопку кофеварки. Все было приготовлено заранее.

— Всего пара минут, и кофе готов, — сказала она, затем замолчала и прислушалась.

Старая кофеварка начала громко булькать.

— Идемте, я познакомлю вас с мистером Хоби. Он проснулся и очень хочет вас видеть. Пока варится кофе.

Она провела его по коридору в заднюю часть дома и маленькую гостиную, наверное, двенадцать на двенадцать футов, заставленную креслами, диванами и высокими застекленными шкафами с фарфором. В одном из кресел сидел старик в строгом костюме из голубой саржи, сильно поношенном и потертом, по крайней мере на три размера больше, чем требовалось его усохшему телу. Ворот рубашки болтался на худой шее. Редкие шелковистые пучки — вот все, что осталось от его волос. Тонкие, костлявые руки, лежавшие на подлокотниках кресла, выглядывали из рукавов, точно два карандаша. Из носа торчали прозрачные трубки, закрепленные за ушами. На столике с колесами рядом с ним стоял баллон с кислородом. Старик поднял голову и сделал глубокий вдох, чтобы набраться сил и поднять руку.

— Майор Ричер, я очень рад с вами познакомиться, — сказал он.

Ричер сделал шаг вперед, взял руку и пожал. Она оказалась сухой и холодной, похожей на руку скелета, обернутую фланелью. Старик замолчал, вдохнул кислорода и сказал:

— Меня зовут Том Хоби, майор. А эта симпатичная дама — моя жена Мэри.

— Я рад с вами познакомиться, — сказал Ричер. — Но я больше не майор.

Старик кивнул и вдохнул новую порцию кислорода.

— Однако вы служили в армии, — проговорил он. — И я считаю, что вы имеете полное право на свое звание.

В нижней части одной из стен был вделан камин из плитняка, на его полке стояло множество фотографий в красивых серебристых рамках. По большей части цветные снимки молодого человека в форме оливкового цвета, в разных позах и местах. Среди них Ричер разглядел одну старую черно-белую фотографию с изображением мужчины в форме, высокого, с прямой спиной, улыбающегося, явно принадлежавшего к другому поколению военных. Возможно, это был сам мистер Хоби до того, как сердце начало потихоньку убивать его изнутри, хотя наверняка Ричер сказать бы не мог. Они совсем не были похожи.

— Это я, — подтвердил Хоби, проследив за его взглядом.

— Вторая мировая? — спросил Ричер.

Старик кивнул, и в его глазах появилось грустное выражение.

— Я так и не попал на фронт, — сказал он. — Я пошел добровольцем задолго до набора, но у меня уже тогда было слабое сердце. Меня не пустили. Так что я служил на складе в Нью-Джерси.

Ричер заметил, что Хоби потянулся к баллону, видимо чтобы увеличить подачу кислорода.

— Я принесу кофе, — сказала его жена. — И кекс.

— Вам помочь? — предложил Ричер.

— Нет, я справлюсь, — ответила она и медленно вышла из комнаты, сопровождаемая шелестом юбок.

— Садитесь, пожалуйста, майор, — сказал Том Хоби.

В наступившей тишине Ричер сел в маленькое кресло, стоявшее неподалеку от кресла старика, чтобы слышать его слабый голос. Но кроме тяжелого дыхания, шипения кислорода и звона посуды, доносившегося с кухни, ничто не нарушало молчания. Привычные домашние звуки. Окно закрывали жалюзи из ярко-зеленой пластмассы, опущенные, чтобы в комнату не проникал свет. Где-то вдалеке, за заросшим садом, примерно в тридцати милях от дома Леона Гарбера, текла река.

— А вот и я, — крикнула из коридора миссис Хоби.

Она вернулась в комнату со столиком на колесах, на котором стоял фарфоровый сервиз: одинаковые чашки, блюдца и тарелки, а также маленький молочник и сахарница. Льняная салфетка, видимо, осталась на кухне, и Ричер увидел большой кекс, украшенный чем-то желтым. Может быть, кусочками лимона. Старая кофеварка стояла тут же, и ее окутывал аромат кофе.

— Как вы пьете кофе?

— Без молока и сахара, — ответил Ричер.

Дрожащей рукой она налила в чашку кофе и передала ее Ричеру; по пути чашка несколько раз звякнула о блюдце. Следом была протянута тарелка с куском кекса. Тарелка тоже дрожала. Кислород шипел. Старик обдумывал свой рассказ, делил его на части, подпитывая себя кислородом, чтобы довести его до конца.

— Я был печатником, — сказал он неожиданно. — Владел собственной типографией. Мэри работала на одного моего крупного клиента. Мы встретились и поженились весной сорок седьмого года. Наш сын родился в июне сорок восьмого.

Он отвернулся и окинул взглядом ряд фотографий на каминной полке.

— Наш сын Виктор Трумэн Хоби.

В гостиной стало тихо, словно в церкви.

— Я верил в понятие долга и сожалел, что не годен к действительной военной службе, — продолжал старик. — Очень сильно сожалел, майор. Но я был счастлив служить своей стране так, как мог, и я ей служил. Мы вырастили нашего сына с такими же убеждениями, научили любить свою страну и воспитали в нем желание ей служить. Он отправился добровольцем во Вьетнам.

Старик закрыл рот, вдохнул через нос кислород, потом еще раз и еще, затем наклонился и поднял с пола кожаную папку, которую положил на свои тощие колени и открыл. Он достал из папки фотографии и протянул Ричеру. Тот, ловко удерживая чашку и тарелку, потянулся вперед, чтобы взять ее из дрожащей руки старика. Это был выцветший снимок, сделанный во дворе дома: улыбающийся мальчишка лет девяти-десяти, приземистый, с веснушками и крупными зубами, на голове металлическая миска, на плече игрушечное ружье, плотные холщовые штаны засунуты в носки, чтобы походили на военные брюки с гетрами.

— Он хотел стать солдатом, — сказал мистер Хоби. — Всегда. Больше он ни о чем не мечтал, и я его тогда поддерживал. Мы не могли больше иметь детей, и Виктор был нашим единственным сыном, светом нашей

жизни. Я считал, что быть солдатом и служить своей стране — отличная судьба для сына патриотически настроенного отца.

В комнате снова повисло молчание. Потом мистер Хоби закашлялся. Зашипел кислород. Снова молчание.

— Вы одобряли Вьетнам, майор? — неожиданно спросил Хоби.

Ричер пожал плечами.

— Я был слишком молод, чтобы иметь собственное мнение на этот счет, — сказал он. — Но, зная то, что я знаю сейчас, думаю, я бы не одобрял наших действий во Вьетнаме.

— Почему?

— Неправильное место, — ответил Ричер. — Неверное время, неверные причины, неверные методы, неверные действия и неправильное руководство. Отсутствие настоящего планирования, желания победить и внятной стратегии.

— А вы бы туда отправились?

— Да, отправился бы, — сказал он. — У меня не было выбора. Я тоже сын солдата. Но я бы завидовал поколению моего отца, которому было легче на Второй мировой войне.

— Виктор хотел летать на вертолете, — продолжал Хоби. — Страстно. И это, боюсь, тоже моя вина. Как-то раз я взял его на сельскую ярмарку и заплатил два доллара, чтобы он прокатился на вертолете. Это был старый «белл», вертолет для распыления удобрений. С тех пор Виктор твердо решил стать пилотом вертолета и считал, что армия лучшее место, чтобы научиться им управлять.

Он достал из папку новую фотографию и передал Ричеру. На ней был изображен тот же мальчик, только в два раза старше, высокий, по-прежнему улыбающийся, в новой военной форме, перед армейским вертолетом «Х-23 Хиллер», старая учебная машина.

— Это Форт-Уолтерс, — сказал Хоби. — В Техасе. Начальная школа пилотов вертолетов армии США.

— Он летал во Вьетнаме на вертолетах? — спросил Ричер.

— Виктор закончил вторым в своем классе, — проговорил Хоби. — Нас это нисколько не удивило. В школе он всегда был отличным учеником, особенно одаренным по математике. Хорошо разбирался в бухгалтерском деле. Я предполагал, что после колледжа он станет моим партнером и будет заниматься финансовыми вопросами. Я с нетерпением ждал этого. Чего уж теперь скрывать, сам я плохо учился,

майор. Я не слишком образованный человек. И я с радостью наблюдал за успехами Виктора. Он был очень умным мальчиком. И очень хорошим. Очень умным, очень добрым, с золотым сердцем, в общем, идеальным сыном. И нашим единственным.

Его жена молчала. Она не пила кофе и не ела кекс.

— Он выпустился в Форт-Раккере, в Алабаме. И мы туда полетели, чтобы присутствовать на этом важном для него событии, — сказал Хоби.

Он протянул Ричеру новую фотографию. Другая стояла в рамке на каминной полке. Выцветшая трава пастельных тонов, такое же небо, высокий юноша в парадной форме, кепка надвинута на глаза, одной рукой он обнимает женщину в ситцевом платье. Женщина была стройной и хорошенькой. Фотография, снятая взволнованным и гордым отцом и мужем, получилась немного нечеткой, а горизонт был слегка наклонен.

— Виктор и Мэри, — сообщил старик. — Правда, она нисколько с тех пор не изменилась?

— Ни капли, — соврал Ричер.

— Мы любили нашего мальчика, — тихо проговорила пожилая женщина. — Его отправили за океан через две недели после того, как был сделан снимок.

— В июле шестьдесят восьмого, — пояснил Хоби. — Ему исполнилось двадцать лет.

— И что произошло? — спросил Ричер.

— Он отслужил весь срок, — сказал Хоби. — Дважды был награжден и вернулся домой с медалью. Я уже тогда понял, что бухгалтерские книги не для него. Я думал, что он станет работать на вертолетах для нефтяных компаний. Возможно, в Персидском заливе. Тогда армейским пилотам там платили хорошие деньги. Он мог пойти в военно-морской флот или, конечно же, в военно-воздушные силы.

— Но он снова туда вернулся, — вставила миссис Хоби. — Во Вьетнам.

— Он подписался на второй срок, — проговорил Хоби. — Никакой необходимости не было, но он сказал, что это его долг. Что война еще не закончилась и он обязан туда вернуться. Он сказал, что это называется патриотизмом.

— И что случилось? — спросил Ричер, и в комнате надолго воцарилось молчание.

— Он не вернулся, — сказал наконец Хоби.

Новое молчание словно тяжелым грузом придавило всех в комнате. Где-то тикали часы, все громче и громче, пока их голос не стал напоминать грохот молота.

— Меня это уничтожило, — тихо сказал Хоби и замолчал, только кислород с шипением поступал в его легкие. — Просто уничтожило. Я повторял, что с радостью отдал бы остаток своей жизни за всего лишь еще один день с ним.

— Остаток моей жизни, — повторила его жена. — За всего лишь еще один день с ним.

— Я действительно так бы и сделал, — сказал Хоби. — Да и сейчас тоже, майор. Правда, со мной сегодняшним заключать такую сделку бессмысленно, верно? Мне не много осталось. Но я говорил это тогда и в течение тридцати лет, и, Бог свидетель, каждое мое слово было искренним. Остаток жизни за всего лишь еще один день с ним.

— Когда его убили? — мягко спросил Ричер.

— Его не убили, — ответил Хоби. — Его захватили.

— Он попал в плен?

Старик кивнул.

— Сначала нам сказали, что Виктор пропал. Мы решили, что он погиб, но цеплялись за надежду. Его объявили пропавшим без вести, и так и осталось. Мы не получили официального извещения о его смерти.

— Поэтому мы ждали, — сказала миссис Хоби. — Мы ждали многие годы. Затем начали задавать вопросы. Нам ответили, что Виктор пропал без вести, но они предполагают, что он погиб. Больше они ничего сказать не могли. Его вертолет сбили над джунглями, но обломков так и не нашли.

— Мы это приняли, — продолжал Хоби. — Мы же знали, как там было. Многие юноши умирали, и никто не знал, где их могилы. Так всегда бывает на войне.

— Затем построили мемориал, — проговорила миссис Хоби. — Вы его видели?

— Стену? — спросил Ричер. — В округе Колумбия? Да, я там был и видел ее. Меня она очень тронула.

— Они отказались выбить на ней его имя, — сказал Хоби.

— Почему?

— Нам не объяснили. Мы спрашивали и умоляли, но внятного ответа так и не получили. Они только сказали, что он больше не считается погибшим во время военных действий.

— Тогда мы спросили, кем он считается, — заговорила миссис Хоби. — И нам ответили, что наш сын считается пропавшим без вести.

— Но имена других солдат, пропавших без вести, выбиты на стене, — сказал Хоби.

В гостиной снова наступило молчание, только где-то в другой комнате часы громко отсчитывали минуты.

— А что сказал по этому поводу генерал Гарбер? — спросил Ричер.

— Он сказал, что не понимает, как такое может быть, — ответил Хоби. — Совершенно не понимает. Когда он умер, он как раз пытался в этом разобраться.

Снова наступило молчание, только шипел кислород да тикали часы.

— Но мы знаем, что произошло, — сказала миссис Хоби.

— Знаете? — удивленно спросил Ричер. — И что же?

— Здесь может быть только одно объяснение, — сказала она. — Его взяли в плен.

— И так и не отпустили, — добавил Хоби.

— Вот почему армия скрывает от нас правду, — добавила миссис Хоби. — Правительству стыдно. А на самом деле часть наших мальчиков, попавших в плен, так оттуда и не вернулась. Вьетнамцы удерживают их в качестве заложников, чтобы после войны получать помощь из-за границы, признание их как торговых партнеров и кредиты от нас. Это что-то вроде шантажа. Наше правительство много лет держалось, несмотря на то что наши мальчики остаются там в плену. Они не могут в этом признаться. И потому все скрывают и отказываются отвечать на наши вопросы.

— Но теперь мы можем это доказать, — сказал Хоби, достал из папки очередную фотографию и протянул Ричеру.

Она была более свежей, с яркими блестящими красками — теле-фотоснимок, сделанный через тропическую растительность. Бамбуковый забор, переплетенный колючей проволокой. Азиат в коричневой форме и бандане. В руках у него винтовка, советский «АК-47», это видно совершенно ясно и четко. И еще один человек — европейского типа, лет пятидесяти, высокий, изможденный, худой,

сутулый и седой, в выцветшей и сильно истрепанной военной форме. Он стоит боком к азиату, но по его позе видно, что он от него отшатнулся.

— Это Виктор, — сказала миссис Хоби. — Наш сын. Фотография сделана в прошлом году.

— Мы спрашивали о нем в течение тридцати лет, — проговорил Хоби, — но никто не хотел нам помочь. Мы спрашивали всех, кого могли. А потом нам удалось найти одного человека, который рассказал нам про засекреченные лагеря. Их немного, всего несколько, и в них осталась лишь горстка заключенных. Большинство уже умерли. Одни от старости, другие от голода и лишений. Этот человек побывал во Вьетнаме и все для нас узнал. Ему даже удалось подобраться совсем близко к лагерю и сделать фотографию. А еще он поговорил с другим заключенным через колючую проволоку. Он спросил, как зовут мужчину, которого он только что сфотографировал. И тот сказал, что это Вик Хоби, пилот вертолета Первого воздушно-десантного отряда.

— У того человека не было денег, чтобы освободить нашего сына, — сказала миссис Хоби. — Мы отдали ему все свои сбережения, чтобы оплатить его первую поездку. У нас совсем ничего не осталось. Поэтому когда мы познакомились в больнице с генералом Гарбером, мы рассказали ему нашу историю и попросили, чтобы он попытался убедить правительство спасти нашего сына.

Ричер не мог оторвать глаз от фотографии и от человека с изможденным лицом, изображенного на ней.

— Кто еще видел эту фотографию?

— Только генерал Гарбер, — ответила миссис Хоби. — Тот человек, который ее сделал, сказал, что мы должны хранить ее в секрете. Потому что это очень тонкое политическое дело. И очень опасное. Ужасный факт, похороненный в истории нашей страны. Но мы должны были показать ее генералу Гарберу, потому что он мог нам помочь.

— И что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил Ричер.

Снова наступила тишина, которую нарушало лишь шипение кислорода, бегущего по прозрачным пластиковым трубкам. Губы старика дрожали, но он сумел с собой справиться и произнес:

— Я хочу, чтобы он вернулся. Хочу перед смертью еще раз увидеть моего сына.

После этого старики замолчали, дружно повернулись к фотографиям в рамках, стоящим на каминной полке, и, казалось, забыли про Ричера. Потом старик взглянул на Ричера, обеими руками с трудом поднял с колен кожаную папку и протянул ему.

Папка была совсем тонкой. Кроме трех фотографий, которые Ричер уже видел, в ней лежало несколько писем от их сына и официальное извещение Военного департамента. А также документы, указывающие на ликвидацию всех их сбережений и перевод удостоверенным чеком восемнадцати тысяч долларов на указанный адрес в Бронксе с целью организовать разведывательную экспедицию во Вьетнам под руководством некоего человека по имени Раттер.

Письма от их сына начинались короткими записками из разных мест на юге, сделанными в Диксе, Полке, Уолтерсе, Раккере, Бельвуаре и Беннинге по мере того, как он проходил подготовку. Затем краткое письмо из Мобила в Алабаме, когда он сел на корабль, чтобы отправиться в месячное путешествие через Панамский канал и Тихий океан в Индокитай. Затем совсем короткие телефонограммы из Вьетнама: восемь из них относились к первому сроку пребывания там, и шесть — ко второму. Бумага пролежала в папке тридцать лет и стала сухой и жесткой, точно древний папирус, найденный археологами во время раскопок.

Письма Виктора Хоби оказались самыми обычными, полными банальных фраз, которые пишет молодой солдат домой. Миллионы родителей по всему миру хранят старые письма вроде этого, написанные в разные времена, с разных войн, на разных языках, но с одинаковым содержанием: еда, погода, разговоры о военных действиях, уверения в том, что все будет хорошо.

Ответы из Военного департамента прошли тридцать лет бюрократической машины. Первые были отпечатаны на старых пишущих машинках: кривые буквы, неравномерные пробелы и красные пятна в тех местах, где соскользнула лента. Письма, вышедшие из электрических машинок, выглядели лучше и внешне были относительно одинаковыми. Имелось и несколько безупречно напечатанных писем на отличной бумаге — наступила эра компьютеров. Однако содержание везде оставалось одним и тем же. Сведений нет. Пропал во время боевых действий, считается погибшим. Соболезнования. И больше никакой информации.

Сделка с Раттером оставила стариков без денег. У них имелся скромный совместный фонд и немного наличных в банке. Ричер обнаружил листок бумаги, написанный дрожащей рукой, видимо рукой миссис Хоби, где она старательно производила расчеты, урезая суммы, пока они не начали соответствовать выплатам по социальному обеспечению, чтобы набрать как можно больше денег на экспедицию. Деньги из совместного фонда и со счета в банке были сняты восемнадцать месяцев назад, сложены и переправлены в Бронкс. Раттер прислал им квитанцию и подробно расписал, сколько будет стоить экспедиция, которая должна была отправиться немедленно. А также просил сообщить ему любую

сколько-нибудь полезную информацию, включая личный номер, послужной список и имеющиеся фотографии.

Через три месяца после этого пришло новое письмо, где сообщалось об обнаружении секретного лагеря, была вложена фотография, сделанная с риском для жизни, и описан короткий разговор с другим заключенным через колючую проволоку. Кроме того, Раттер предоставил подробную разработку спасательной операции стоимостью в сорок пять тысяч долларов, но у стариков Хоби их не было.

— Вы нам поможете? — нарушила молчание пожилая женщина. — Вам все понятно или у вас есть еще какие-то вопросы?

Ричер посмотрел на нее и увидел, что она следила за ним, пока он рассматривал документы в папке. Он закрыл папку и опустил глаза, пытаясь понять только одно: почему Леон не сказал им правду?

Глава 9

Мэрилин Стоун пропустила ланч, потому что была очень занята, но ее это ничуть не огорчило, поскольку ей нравилось, как теперь выглядел их дом. Где-то в разгар работы она вдруг поняла, что смотрит на происходящее совершенно спокойно, и немного удивилась собственной реакции, ведь, в конце концов, она собиралась продать свой дом, который сама совсем недавно выбирала, потратив на это немало сил и времени. Именно о таком доме Мэрилин мечтала всю жизнь. Но реальность превзошла все ее ожидания. В самом начале даже мысли об этом доме приводили ее в восторг, а когда она туда переехала, у нее было ощущение, что она умерла и попала в рай. Но сейчас она смотрела на него как на выставочный экземпляр, предмет, предназначенный на продажу. Она не видела комнаты, которые обставляла и в которых жила, получая от этого огромное удовольствие. Мэрилин Стоун не испытывала боли, не бросала печальные взгляды на уголки, где они с Честером развлекались, ели, спали, смеялись. Ее переполняла решимость довести дом до такого состояния, чтобы перед его красотой не смог устоять ни один покупатель.

Сначала, как она и планировала, приехали грузчики. Мэрилин велела им вынести жертвенник из прихожей и кресло Честера из гостиной. Не потому, что оно было плохим, просто оно оказалось здесь лишним. Честер очень его любил и выбирал так, как мужчины обычно выбирают вещи, — за удобство, а не за стиль и соответствие остальной обстановке. Это кресло — единственное, что они привезли сюда из своего прежнего дома. Он ставил его под углом к камину. И в конце концов Мэрилин поняла, что оно ей тоже нравится. Как ни странно, благодаря ему их гостиная выглядела не как картинка из модного журнала, а как уютная комната, где приятно проводить вечера. И именно по этой причине его следовало убрать.

После длительных размышлений Мэрилин приказала грузчикам вынести из кухни громадный стол, который придавал ей солидный вид, создавая впечатление места, где планируются и готовятся серьезные трапезы. Но без него кухня стала представлять собой огромное свободное пространство — тридцать футов выложенного плиткой пола, идущего до самого эркера. Мэрилин знала, что, если хорошенько отполировать плитку, свет из окна будет от нее отражаться, создавая дополнительное ощущение простора. Она поставила себя на место предполагаемого покупателя и спросила, что понравилось бы ей больше: солидная кухня или большая просторная кухня? Так что стол отправился в грузовик перевозчиков мебели.

К нему присоединился телевизор из рабочего кабинета. У Честера были проблемы с телевизорами. Видео убило ту сторону его бизнеса, которая имела непосредственное отношение к любительскому кино, и он не спешил покупать новейшие модели, выпущенные его конкурентами. Телевизор был устаревшей моделью «Ар-си-эй», без специальной консоли, с блестящей рамкой из фальшивого хрома вокруг экрана, похожего на серый аквариум для рыбок. Когда Мэрилин смотрела в окно поезда, подъезжавшего к станции «Сто двадцать пятая улица», она видела экземпляры и получше, выставленные на тротуары перед домами. Поэтому она велела убрать телевизор из кабинета, а вместо него поставить книжный шкаф из гостевой комнаты. Оглядев результаты своих трудов, Мэрилин пришла к выводу, что так стало даже лучше. С книжным шкафом, кожаными диванами и темными абажурами комната выглядела просто классно. Рабочий кабинет культурного, умного человека. Место, где приходят озарения. Словно покупатель приобретает стиль жизни, а не всего лишь дом.

Мэрилин потратила довольно много времени, выбирая книги для кофейных столиков, а затем приехала девушка флорист с картонными коробками, полными цветов. Мэрилин попросила ее вымыть все вазы и оставила наедине с европейскими журналами, велев скопировать картинки из них. Когда прибыл служащий из офиса Шерил с табличкой «Продается», она отправила его поставить табличку около почтового ящика на подъезде к дому. В тот момент, когда грузчики собрались уезжать, появились садовники, и им пришлось некоторое время маневрировать на подъездной дорожке. Мэрилин провела бригадира по саду, объясняя ему, что необходимо сделать, и умчалась в дом, прежде чем взревели газонокосилки. Молодой человек, занимавшийся бассейнами, подошел к двери одновременно со службой уборки. Мэрилин пару мгновений смотрела на них, пытаясь решить, с кого начать. Затем приказала уборщику подождать и отвела юношу к бассейну, объясняя ему, чего она от него хочет. После этого она бегом вернулась в дом, чувствуя, что проголодалась, потому что пропустила

ланч, но зато удовлетворенная тем, сколько полезных дел успела переделать.

Оба старика прошли в прихожую, чтобы проводить Ричера. Старик долго дышал через свои трубки, чтобы набраться сил и встать со стула, затем медленно покатил перед собой баллон, частично опираясь на него, как на палку, частично толкая перед собой, как тележку с клюшками для гольфа. Его жена шла перед ним, шелестя юбками, которые задевали за стены узкого коридора и дверные ручки. Ричер, держа под мышкой кожаную папку, следовал за ними. Пожилая женщина открыла дверной замок, а старик стоял, тяжело дыша и цепляясь за ручку тележки. Открылась дверь, и внутрь ворвался приятный свежий воздух.

— Здесь еще живет кто-нибудь из прежних друзей Виктора? — спросил Ричер.

— А это важно, майор?

Ричер пожал плечами. Он уже давно понял, что лучший способ подготовить людей к плохим известиям — это тщательно изучить ситуацию от самого начала и до конца. Они внимательнее слушают, если им кажется, что ты использовал все возможности.

— Просто я хочу побольше узнать о вашем сыне, — ответил он.

У них сделался озадаченный вид, но они были готовы обдумать вопрос Ричера, потому что он являлся их последней надеждой и в буквальном смысле держал в руках жизнь их сына.

— Наверное, Эд Стивен из скобяной лавки, — сказал наконец мистер Хоби. — Они с Виктором были закадычными друзьями с детского сада и до двенадцатого класса школы. Тридцать пять лет назад, майор. Я не понимаю, какое теперь все это может иметь значение.

Ричер кивнул, потому что теперь это действительно не имело никакого значения.

— У меня есть номер вашего телефона, — сказал он. — Я вам позвоню, как только что-нибудь выясню.

— Мы на вас надеемся, — сказала пожилая женщина.

Ричер снова кивнул.

— Было очень приятно с вами познакомиться. Спасибо за кофе и кекс. Я вам очень сочувствую.

Они ничего не ответили, потому что он произнес бессмысленные слова. Тридцать лет нестерпимой боли, а он им сочувствует? Ричер пожал дрожащие худые руки стариков, вышел на заросшую травой дорожку и,

глядя прямо перед собой, вернулся к «таурусу». В руках он продолжал держать кожаную папку.

Ричер развернул машину на подъездной дорожке и, цепляясь обоими боками за разросшиеся кусты, проехал по ней, свернул направо и двинулся на юг по тихой дороге, которую оставил, чтобы отыскать дом стариков. Впереди появился город Брайтон, дорога стала шире и значительно лучше. Он миновал заправочную станцию и пожарное депо, затем муниципальный парк с площадкой для бейсбола, супермаркет с большой парковкой, банк, несколько крошечных магазинчиков с общей витриной в глубине улицы.

Парковка супермаркета, похоже, являлась географическим центром города. Ричер медленно проехал мимо и увидел детский сад, окруженный ровным строем растений в горшках под разбрызгивателем, от которого над поляной висела радуга. Дальше стоял большой сарай, выкрашенный темно-красной краской: «Скобяная лавка Стивена». Ричер съехал с дороги и припарковал «таурус» около магазина пиломатериалов, расположенного за лавкой.

В лавку вела неприметательная дверь в конце сарая, за ней открывался лабиринт проходов, забитых самыми разнообразными предметами, которые Ричеру никогда не доводилось покупать. Винты, гвозди, болты, ручные и электрические инструменты, контейнеры для мусора, почтовые ящики, листы стекла, оконные рамы, двери, банки с краской. Лабиринт вел к центру помещения, где в форме прямоугольника под яркими флуоресцентными лампами выстроились четыре прилавка. Внутри стояли мужчина и два молодых человека в джинсах, рубашках и красных полотняных передниках. Мужчина был худым и невысоким, лет пятидесяти, а юноши — явно его сыновьями, более молодыми версиями того же лица и телосложения, лет двадцати и восемнадцати.

— Эд Стивен? — спросил Ричер.

Мужчина кивнул, чуть склонил голову набок и приподнял брови, как это делает человек, который вот уже тридцать лет имеет дело с покупателями и поставщиками, без конца задающими ему самые разные вопросы.

— Могу я поговорить с вами про Виктора Хоби?

На мгновение на его лице появилось непонимание, затем он взглянул на своих сыновей, словно промчался назад, сквозь их жизни и дальше в те времена, когда он знал Виктора Хоби.

— Он погиб во Вьетнаме, так ведь? — сказал он.

— Я бы хотел о нем поговорить.

— Очередная проверка по просьбе родителей? — спросил он без всякого удивления и немного устало.

Видимо, в городе хорошо знали о проблемах семейства Хоби, их терпели, но они больше не вызывали у людей сочувствия.

— Я хочу понять, каким он был. Мне сказали, что вы его хорошо знали.

У Стивена снова сделался озадаченный вид.

— Ну да, наверное. Но мы тогда были детьми. После средней школы я видел его всего один раз.

— Расскажете мне о нем?

— Вообще-то я очень занят. Мне нужно заняться разгрузкой товара.

— Я могу вам помочь. Заодно и поговорим.

Стивен уже собрался отказаться от его помощи, потом взглянул на Ричера, оценил его размеры и улыбнулся, как рабочий, которому предложили бесплатно воспользоваться погрузчиком.

— Ладно, это во дворе, — сказал он.

Он вышел из-за прилавков и провел Ричера в заднюю дверь. Рядом с открытым сараем с железной крышей стоял на солнце запыленный пикап, загруженный мешками с цементом. Полки в открытом сарае были пустыми. Ричер снял пиджак и положил на капот грузовика.

Мешки были сделаны из плотной бумаги. Со времен своей работы в Ки-Уэсте Ричер знал, что, если ухватиться обеими руками за середину мешка, тот сложится пополам и разорвется. Нужно было взяться за угол мешка и поднять его одной рукой. Кроме того, так Ричеру не грозило запачкать новую рубашку. Мешки весили по сто фунтов, поэтому он брал по два сразу, в каждую руку, и нес, выставив перед собой, чтобы не касаться тела. Стивен наблюдал за ним так, словно попал на представление цирка.

— А вы тем временем рассказывайте мне про Виктора Хоби, — проворчал Ричер.

Стивен пожал плечами.

— А что я могу вам рассказать? Понимаете, мы были детьми. Наши отцы являлись членами торговой палаты. Его отец был печатником. А моему принадлежал этот магазин, хотя в те времена здесь торговали только пиломатериалами. В школе мы не расставались. Пошли в детский сад в один день, окончили среднюю школу тоже в один день. После этого я

видел его всего один раз, когда он приезжал в отпуск из армии. Он провел во Вьетнаме год и решил снова туда вернуться.

— А каким он был человеком?

Стивен снова пожал плечами.

— Мне не хочется высказывать свое мнение по этому поводу.

— Почему? Что-нибудь нехорошее?

— Нет-нет, ничего подобного, — сказал Стивен. — Тут нечего скрывать. Он был отличным парнем. Но я сейчас выскажу мнение одного ребенка относительно другого ребенка, причем мнение тридцатилетней давности. Вы меня понимаете? Возможно, это мнение ничего не стоит.

Ричер остановился, держа перед собой мешки весом по сто фунтов, и посмотрел на Стивена. Тот стоял, опираясь о столбик, в своем красном переднике, тощий, но жилистый и сильный — так, по мнению Ричера, и должен выглядеть осторожный бизнесмен-янки из маленького городка. Человек, чье мнение может оказаться очень надежным.

— Хорошо, я это понимаю. И приму в расчет. Стивен кивнул в ответ, словно они установили правила игры.

— Сколько вам лет?

— Тридцать восемь, — ответил Ричер.

— Из здешних мест?

Ричер покачал головой.

— На самом деле я ниоткуда.

— Ладно, в таком случае я должен вам кое-что объяснить, — сказал Стивен. — У нас очень маленький провинциальный городок, мы с Виктором родились здесь в сорок восьмом году. Нам было пятнадцать, когда застрелили Кеннеди, шестнадцать, когда появились «Битлз», и двадцать во время беспорядков в Чикаго и Лос-Анджелесе. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Другой мир, — проговорил Ричер.

— Именно, — сказал Стивен. — Мы выросли в другом мире. В нем прошло все наше детство. Для нас настоящим смельчаком был тот, кто украшал бейсбольными карточками колеса своего велосипеда фирмы «Швинн». Помните об этом, когда услышите то, что я вам скажу.

Ричер молча вытащил девятый и десятый мешки из кузова пикапа. Он слегка вспотел и волновался о том, в каком состоянии будет рубашка, когда его увидит Джоди.

— Виктор был очень правильным ребенком, — сказал Стивен. — Правильным и совершенно нормальным. Для сравнения скажу, что это было в те времена, когда большинство из нас считали себя крутыми, если гуляли до половины десятого вечером в субботу и пили молочный коктейль.

— А чем он интересовался? — спросил Ричер.

Стивен надул щеки и пожал плечами.

— Ну что я могу сказать? Думаю, тем же, что и все остальные. Бейсбол и Микки Мантл [9]. Нам нравился Элвис. Мороженое и Одинокий ковбой [10]. Самые обычные вещи.

— Его отец сказал мне, что Виктор всегда мечтал стать военным.

— Мы все мечтали. Сначала ковбоями и индейцами, потом солдатами.

— А вы были во Вьетнаме?

Стивен покачал головой.

— Нет. Со временем я успокоился насчет военной службы. Не потому, что не одобрял. Вы должны понять, что все это произошло задолго до появления движения хиппи и всего, что с ними связано. Тогда никто не возражал против военной службы, и я не боялся ее. Тогда бояться было особенно нечего. Мы же были гражданами Соединенных Штатов, верно? Мы собирались надрать задницы узкоглазым уродам максимум за полгода. Никто не переживал из-за того, что нужно идти на ту войну. Просто все это казалось нам каким-то старомодным. Мы уважали военных, нам нравились их истории, но война представлялась нам вчерашним днем. Вы понимаете, что я имею в виду? Я хотел заняться нашим семейным бизнесом, хотел превратить лесопилку отца в большую корпорацию. Вот это было настоящее дело. И я считал, что это больше по-американски, чем идти в армию. В те времена такой поступок представлялся мне не менее патриотичным.

— И вы избежали призыва? — спросил Ричер.

— Меня вызвали, но я подал документы в колледж, и меня не тронули. Мой отец дружил с председателем торговой палаты, и это тоже, наверное, сыграло свою роль.

— А как к этому отнесся Виктор?

— Нормально. Никаких разногласий. Я же не был настроен против войны. Я поддерживал наши действия во Вьетнаме, как и все остальные. На самом деле речь шла о личном выборе каждого, вне зависимости от того, завтрашний это день или вчерашний. Я мечтал о будущем, Виктор — об армии. Он считал, что поступает правильно. По правде говоря, на него очень сильно повлиял его отец, который был негоден к строевой службе во время Второй мировой войны. А мой служил в пехоте. Виктор чувствовал, что его семья не выполнила свой долг, и хотел это исправить. Звучит довольно глупо, верно? Насчет долга. Но тогда мы все так думали. Нынешняя молодежь совсем другая, ни в какое сравнение с нами не идет. Мы здесь были очень серьезными и довольно старомодными в своих взглядах на жизнь. А Виктор, наверное, немного больше других. Но на самом деле он не сильно от нас отличался.

Ричер уже успел перетаскать три четверти мешков. Он остановился и прислонился к дверце пикапа.

— Он был умным?

— Думаю, достаточно умным, — ответил Стивен. — Он хорошо учился в школе, но без выдающихся успехов. Пара ребятишек из нашего городка стала адвокатами, врачами и все такое. Один даже в НАСА работает, он был чуть младше нас с Виктором. У Виктора было все в порядке с головой, но, насколько я помню, ему приходилось трудиться, чтобы получать хорошие оценки.

Ричер снова занялся мешками. Сначала он заполнил самые дальние полки и теперь радовался своей предусмотрительности, потому что руки у него начали болеть.

— Он попадал в какие-нибудь неприятности?

— Вы, наверное, меня плохо слушали, мистер, — нетерпеливо проговорил Стивен. — Виктор был исключительно правильным, в то время как самый последний хулиган из нашего детства выглядел бы сейчас настоящим ангелом.

Ричеру осталось перенести шесть мешков, и он вытер ладони о штаны.

— А каким он был, когда вы его видели в последний раз? Между двумя командировками во Вьетнам?

Стивен задумался над его вопросом.

— Виктор стал старше, наверное. Я повзрослел на год, а он, как мне показалось, лет на пять. Но он совсем не изменился. Остался таким же, как и прежде, серьезным и целеустремленным. Когда он вернулся домой, в его честь устроили парад, потому что он получил медаль. Но он

очень из-за этого смущался и сказал, что медаль ничего не значит. А потом снова уехал и уже больше не вернулся.

— И как вы к этому относитесь?

Стивен снова помолчал.

— Плохо, конечно. Я знал его всю жизнь. Я бы хотел, чтобы он остался жив, но, с другой стороны, радовался, что он не вернулся в инвалидном кресле и все такое, как многие из парней, побывавших на той войне.

Ричер закончил работу, пристроил последний мешок на полку, подтолкнув его ладонью, и прислонился к столбу напротив Стивена.

— А как насчет тайны? Насчет того, что с ним там случилось?

Стивен покачал головой и грустно улыбнулся.

— Нет никакой тайны. Его убили. Просто двое стариков отказываются принять три неприятных факта.

— Каких?

— Элементарных, — ответил Стивен. — Первое: их сын погиб. Второе: он погиб в каких-то богом забытых непроходимых джунглях, где никто и никогда его не найдет. Третье: правительство перестало говорить правду и считать солдат, пропавших без вести, погибшими, чтобы потери не казались огромными. В вертолете Виктора было, наверное, десять человек, так? Получается, десять имен не попало в вечерние новости. Это политика, а время для признаний прошло. Они никогда не скажут правды.

— Вы так считаете?

— Конечно, — ответил Стивен. — Война пошла не так, как они планировали, и у правительства возникли проблемы. Скажу вам, моему поколению принять это было очень не просто. Вы, ребята помоложе, возможно, относитесь к тем событиям спокойнее, но, можете мне поверить, старики вроде Хоби никогда не успокоятся.

Он замолчал и задумчиво посмотрел на пустой пикап, а потом на полки с мешками.

— Вы перетащили тонну цемента. Хотите зайти помыться? Угощу вас содовой.

— Мне нужно поесть, — ответил Ричер. — Я пропустил ланч.

Стивен кивнул и грустно улыбнулся.

— Поезжайте на юг. Сразу после железнодорожной станции будет кафешка. Мы там пили молочный коктейль в половине десятого вечером в субботу и считали, что мы ничем не хуже Фрэнка Синатры.

С тех пор как отчаянные мальчишки с бейсбольными карточками на колесах велосипедов пили здесь молочный коктейль субботними вечерами, кафе, судя по всему, сильно изменилось. Сегодня оно представляло собой заведение в стиле семидесятых — низкое и прямоугольное, с кирпичным фасадом и зеленой крышей — и с блеском девяностых в виде голубых и розовых неоновых вывесок в каждом окне. Ричер прихватил с собой кожаную папку, толкнул дверь и оказался в прохладном помещении, где пахло фреоном, гамбургерами и моющим средством, которым протирают столы. Он сел за стойку, и улыбающаяся полная девушка лет двадцати с небольшим выдала ему тарелку и салфетку, а затем протянула меню размером с доску объявлений и с фотографиями блюд рядом с описанием ингредиентов. Ричер заказал гамбургер с полуфунтовым непрожаренным бифштексом, швейцарский сыр, салат из шинкованной капусты и лук кольцами и заключил сам с собой пари, что гамбургер ни капли не будет похож на фотографию в меню. Затем он выпил воду со льдом, снова налил полный стакан и только после этого открыл папку.

Первым делом Ричер решил заняться письмами Виктора родителям. Всего их было двадцать семь: тринадцать из военной школы и четырнадцать из Вьетнама. Они подтвердили все, что рассказал ему Эд Стивен. Правильная грамматика, правильная орфография, четкие, простые фразы. Тот же почерк, что и у всех, кто получил образование в Америке в период между двадцатыми и шестидесятыми годами, но с небольшим наклоном влево. Левша. Ни в одном из двадцати семи писем не было больше нескольких строк на второй странице. Человек долга, который к тому же знает, что невежливо заканчивать личное письмо на первой странице. Воспитанный, исполнительный, левша, скучный, консервативный, нормальный человек, получивший образование, но звезд с неба не хватающий.

Официантка принесла гамбургер. Кусок мяса оказался вполне приличным, но не шел ни в какое сравнение с гигантским бифштексом, изображенным на фотографии в меню. Салат плавал в соусе из белого уксуса в гофрированной бумажной чашке, кольца лука были распухшими и совершенно одинаковыми, похожими на маленькие коричневые автомобильные шины. Сыр нарезали так тонко, что он стал прозрачным, но вкус у него был как у сыра.

Фотография, сделанная после торжественного парада по случаю выпуска из Ракера, оказалась не слишком удачной. Она была нечеткой, а глаза Виктора прятались в тени козырька. Он стоял в напряженной позе, расправив плечи. Гордился своими успехами или стеснялся матери?

Трудно сказать. В конце концов, взглянув повнимательнее на губы Виктора, Ричер решил, что все-таки он гордился собой. Губы были плотно сжаты, а уголки слегка опущены — так бывает, когда человек пытается сдержать счастливую улыбку. Иными словами, фотография молодого человека на пике своей жизни и карьеры. Все цели достигнуты, все мечты реализованы. Две недели спустя он покинул родину. Ричер принялся перебирать письма, пытаясь отыскать записку из Мобила, написанную перед отплытием корабля и отправленную клерком компании из Алабамы. Серьезные фразы, страница с четвертью. Эмоции под жестким контролем. Ничего конструктивного.

Ричер заплатил за еду и оставил девушке два доллара чаевых за то, что она такая жизнерадостная. Написала бы она домой страницу с четвертью пустых, ничего не говорящих фраз перед тем, как отплыть на войну? Нет, конечно. Но с другой стороны, она бы не отплыла на войну. Вертолет Виктора сбили лет за семь до того, как она появилась на свет, а Вьетнам стал для нее предметом мучений на уроках истории в седьмом классе.

Ричер решил, что ехать на Уолл-стрит еще рано, ведь Джоди сказала, что закончит в семь. Значит, ему нужно было как-то убить по крайней мере два часа. Он сел в «таурус» и включил кондиционер на полную мощность, чтобы разогнать горячий воздух. Затем разложил карту, полученную в «Херце», на жесткой кожаной папке и проложил маршрут из Брайтона. Он мог выбрать 9-е шоссе на юг до Бэр-Маунтин-паркуэй, дальше на восток до Таконик, потом на юг до Спрейн, который выведет его на Бронкс-Ривер-паркуэй и в Ботанический сад, где Ричер никогда не был и очень хотел побывать.

Мэрилин сумела поесть только в начале четвертого. Прежде чем отпустить уборщиков, она проверила их работу и обнаружила, что они потрудились на славу. Они почистили ковер паром, но не потому, что он был грязным, а чтобы расправить те места, где его смяли ножки тяжелого жертвенника. Пар пропитал шерстяные волокна, и после тщательной обработки пылесосом никто никогда не узнает, что здесь что-то стояло.

Мэрилин приняла душ и вытерла плитки в кабинке кухонным полотенцем, чтобы они были сухими и блестящими. Затем расчесала волосы и оставила их сохнуть на воздухе. Она знала, что влажность, характерная для июня, сделает их слегка вьющимися на концах. После этого она надела любимое платье Честера, темно-розовое, шелковое и такое облегающее, что лучше всего оно выглядело без нижнего белья. Оно доходило до колена и старательно подчеркивало все, что нужно и где нужно. Казалось, платье сшито специально для нее; впрочем, так оно и было, только Честер этого не знал. Он считал, что ей просто повезло, и Мэрилин его не разубеждала, вовсе не из-за денег, а потому, что ей

казалось, ну... скажем, немного неприличным признаваться, что она сшила на заказ такое сексуальное платье.

По правде говоря, оно оказывало весьма специфическое воздействие на Честера, и Мэрилин использовала его в качестве стимулятора всякий раз, когда считала, что он заслужил награду. Или его требовалось от чего-то отвлечь. А сегодня возникла как раз такая ситуация. Он вернется домой и увидит свой дом, подготовленный к продаже, и жену, взявшую все заботы об этом на себя. Иными словами, вечер обещал быть трудным, и Мэрилин была готова использовать все возможности, пусть даже и неприличные, чтобы его пережить.

Она выбрала туфли на каблуке от Гуччи под цвет платья — в них ее ноги казались длинными. Затем спустилась на кухню, съела ланч, состоявший из яблока и сыра с низким процентом жирности, потом снова поднялась наверх, почистила зубы и задумалась о том, стоит ли накраситься. Впрочем, с платьем на голое тело и с распущенными волосами косметика не сочеталась, но Мэрилин была готова признать, что, пожалуй, это не пройдет, и потому приступила к серьезному ритуалу, чтобы в конечном итоге выглядеть так, будто на ее лице нет ни грамма ничего искусственного.

На это ушло двадцать минут, затем она привела в порядок ногти на руках и ногах, решив, что это важно, поскольку, скорее всего, ей придется довольно быстро сбросить туфли. В качестве завершающего штриха она воспользовалась своей любимой туалетной водой, но так, чтобы ее аромат не был слишком сильным. И тут зазвонил телефон.

— Мэрилин! — Это была Шерил. — Шесть часов на рынке, и уже удача!

— Правда? Кто? И как это получилось?

— Представляешь? Первый день, мы еще даже не успели внести твой дом в каталоги. Какой-то мужчина переезжает сюда со своей семьей. Решил поездить по вашему району, чтобы на него взглянуть, и увидел твое объявление. И сразу же приехал к нам уточнить детали. Ты готова? Я могу привезти его прямо сейчас?

— Ого, прямо сейчас? Уже? Быстро. Да, я готова. А кто он, Шерил? Как ты думаешь, это серьезный покупатель?

— Абсолютно, и он здесь пробудет всего один день. Ему нужно возвращаться на запад сегодня вечером.

— Хорошо, привози. Я буду ждать.

Неожиданно Мэрилин сообразила, что, не отдавая себе отчета, уже отрепетировала про себя, как это будет происходить. Она проделала все быстро и совершенно не волновалась. Повесила трубку и помчалась

вниз, на кухню, чтобы включить духовку. Взяла из банки ложку кофейных зерен, положила на блюдце и поставила на среднюю полку. Затем закрыла дверцу духовки и включила воду в раковине, бросила кожуру от яблока в устройство для переработки отходов, а тарелку убрала в посудомоечную машину. Вытерла раковину бумажным полотенцем, отошла на шаг, положив руки на бедра, и окинула кухню придирчивым взглядом. Подошла к окну и открыла жалюзи так, чтобы свет падал на пол.

— Идеально, — похвалила она саму себя.

Затем она помчалась наверх и начала снова осматривать дом. Заглядывала в каждую комнату, проверяла, поправляла цветы, сдвигала жалюзи и шторы, взбивала подушки. Повсюду включила свет. Она где-то читала, что включать свет, когда покупатель уже пришел, нельзя — это будет означать, что в вашем доме темно. Лучше пусть свет горит с самого начала, показывая, что вы рады его видеть.

После этого Мэрилин помчалась вниз. В общей комнате полностью открыла шторы, чтобы в окно был виден бассейн. В кабинете включила настольные лампы и почти до конца задвинула шторы, чтобы в комнате царил уютный полумрак. Затем бросилась в гостиную. Проклятье, столик Честера, который стоял рядом с его любимым креслом, остался на своем месте. Как она могла это пропустить? Мэрилин схватила его обеими руками и поспешила в подвал. И тут она услышала, как подъехала машина Шерил. Мэрилин открыла дверь подвала, сбежала вниз по лестнице, швырнула столик и снова взлетела наверх. Закрыла дверь и метнулась в ванную. Поправила полотенце, пригладила волосы и взглянула на себя в зеркало. Господи! Она же в своем любимом шелковом платье, под которым ничего нет. Оно так ее облегает… Что подумает несчастный покупатель?

В дверь позвонили, и Мэрилин замерла на месте. Успеет ли она переодеться? Нет, конечно. Они стоят перед дверью и звонят в звонок. Пиджак или еще что-нибудь? Снова зазвонили в дверь. Мэрилин сделала глубокий вдох и чуть пошевелила бедрами, чтобы расправить ткань, а потом прошла по коридору, сделала еще один вдох и открыла дверь.

На пороге стояла Шерил, широко улыбаясь. Но взгляд Мэрилин устремился на покупателя. Высокий мужчина лет пятидесяти или пятидесяти пяти, седой, в темном костюме, стоял чуть боком и разглядывал растения, украшавшие подъездную дорогу. Она взглянула на его ботинки, потому что Честер любил говорить, что богатство и воспитание видны по ногам. Эти выглядели очень даже неплохо. Солидные полуботинки, начищенные до зеркального блеска. Она улыбнулась. Неужели у нее все получилось? Неужели удастся продать

дом за шесть часов? Вот это удача. Она с заговорщическим видом улыбнулась Шерил и повернулась к мужчине.

— Заходите, — весело сказала она и протянула руку.

Мужчина отвернулся от сада и посмотрел прямо на нее, открыто и нагло. Мэрилин почувствовала себя обнаженной под его взглядом. Впрочем, она действительно была почти обнажена. Неожиданно она сообразила, что уставилась на него, не в силах отвести взгляда, потому что он был ужасно обожжен. Одна сторона его головы представляла собой множество розовых блестящих шрамов. Мэрилин продолжала вежливо улыбаться и не убрала руку. Он замер на мгновение, а потом протянул ей свою руку, только это была совсем не рука, а сверкающий металлический крюк. Не искусственная рука или сложный протез, а отвратительного вида крюк, сделанный из сияющей стали.

Ричер остановился у тротуара перед шестидесятиэтажным зданием без десяти семь. Не выключая двигателя, он внимательно изучил воображаемый треугольник, отходящий углом от входной двери в здание и занимающий площадь, достаточную, чтобы Ричер успел добраться до Джоди раньше, чем кто-либо за пределами этого треугольника. Внутри треугольника он не заметил никого, кто вызвал бы у него беспокойство. Никто не стоял на месте, никто не наблюдал за зданием, из которого вытекал тонкий ручеек служащих офисов с тяжелыми портфелями и пиджаками в руках. Большинство сворачивали у тротуара налево, направляясь в метро. Некоторые останавливались у дороги в надежде выловить свободное такси среди безумного движения часа пик.

Припаркованные у тротуара машины опасности не представляли. Фургон Единой посылочной службы остановился чуть впереди, как и еще пара лимузинов с шоферами в ливреях, которые стояли рядом с машинами и оглядывали улицу в поисках своих пассажиров. Вполне невинная суматоха в конце трудного рабочего дня. Ричер откинулся на спинку сиденья и приготовился ждать, поглядывая направо и налево, вперед и назад, постоянно возвращаясь глазами к вращающейся двери.

Джоди вышла, когда еще не было семи, — раньше, чем он ожидал. Ричер увидел ее в вестибюле сквозь стеклянную дверь. Ее волосы, платье, быстрое мелькание ног, когда она шагнула в сторону выхода. На мгновение он подумал, что она, наверное, поглядывала в окно своего верхнего этажа, увидела машину и сразу направилась к лифту. Судя по времени, так оно и было. Джоди толкнула дверь и вышла на площадь. Ричер выбрался из машины, обошел ее и встал на тротуаре, поджидая Джоди, которая снова держала в руках свой тяжелый чемоданчик. Когда ее волос коснулся луч света, они засияли у нее над головой, точно нимб. В десяти ярдах от Ричера она улыбнулась и крикнула:

— Привет, Ричер.

— Привет, Джоди, — ответил он.

По ее лицу он понял, что она что-то знает. У нее большие новости, но она улыбалась так, словно собиралась хорошенько его подразнить.

— Что? — спросил он.

Она снова улыбнулась и покачала головой.

— Ты первый, ладно?

Они сели в машину, и Ричер рассказал ей все, что узнал от стариков Хоби. Улыбка Джоди погасла, и она стала очень серьезной. Затем Ричер передал ей кожаную папку и предоставил изучать ее содержимое, пока сам сражался с движением против часовой стрелки на узкой площади, благодаря чему он оказался на Бродвее лицом к югу, в двух кварталах от ее дома. Ричер остановился у тротуара перед входом в бар-эспрессо. Джоди читала отчет Раттера и изучала фотографию изможденного седого мужчины и солдата-азиата.

— Невероятно, — тихо проговорила она.

— Дай мне твои ключи, — попросил Ричер. — Возьми кофе, а я провожу тебя наверх, когда проверю, все ли в порядке.

Джоди не стала возражать, так потрясла ее фотография. Она молча засунула руку в сумку, достала ключи, вышла из машины, пробежала по тротуару и скрылась в кафе. Ричер проследил за ней взглядом, проехал дальше по улице и свернул в гараж. Это была другая машина, и он решил, что, если их кто-то поджидает, минутного сомнения ему хватит, чтобы предпринять ответные действия. Но в гараже царила тишина. Те же самые машины, которые стояли так, словно на них никто никуда не ездил. Ричер поставил «таурус» на стоянку Джоди и поднялся по металлической лестнице в вестибюль. Никого. В лифте и коридоре четвертого этажа тоже никого. Дверь в квартиру Джоди никто не трогал. Он открыл ее и вошел внутрь. Тихо, застоявшийся воздух. Никого.

Он спустился в вестибюль по пожарной лестнице и вышел через стеклянную дверь на улицу. Затем через два квартала нырнул в кафе и обнаружил Джоди в полном одиночестве за хромированным столиком. Она читала письма Виктора Хоби, нетронутая чашка кофе стояла около ее локтя.

— Будешь пить кофе? — спросил Ричер.

Джоди положила снимки, сделанные в джунглях, поверх писем.

— Это очень серьезно, — сказала она.

Он решил, что это означает «нет», придвинул к себе чашку и осушил ее за один прием. Кофе слегка остыл и был замечательно крепким.

— Пошли, — сказала Джоди.

Она позволила ему нести свой чемоданчик и взяла его под руку, чтобы пройти всего два квартала. На улице он вернул ей ключи, они вместе шагнули в вестибюль и молча поднялись на лифте. Джоди открыла дверь в свою квартиру и вошла первой.

— Значит, за нами охотятся люди из правительства, — сказала она.

Ричер ничего не ответил, молча скинул пиджак и оставил его на диване под копией Мондриана.

— Иначе и быть не может, — проговорила Джоди.

Он подошел к окну и чуть сдвинул жалюзи. Внутрь тут же пролился солнечный свет, и белая комната засияла.

— Мы подобрались к тайне этих лагерей, — сказала Джоди. — И правительство пытается заставить нас замолчать. ЦРУ или кто-то другой.

Ричер прошел в кухню, открыл дверь холодильника и достал бутылку воды.

— Нам угрожает серьезная опасность, — продолжала Джоди. — Но мне кажется, что тебя это не слишком беспокоит.

Ричер пожал плечами и сделал глоток воды, которая оказалась слишком холодной. Он предпочитал воду комнатной температуры.

— Жизнь слишком коротка для беспокойства и волнений, — заявил он.

— А папа волновался. И ему стало хуже с сердцем.

— Я знаю, и мне очень жаль.

— В таком случае почему ты не относишься к этой истории серьезно? Разве ты им не поверил?

— Я поверил, — ответил Ричер. — Я поверил всему, что они мне рассказали.

— И фотография доказывает их слова, разве не так? Это место явно существует.

— Я знаю, что оно существует, потому что я там был, — сказал Ричер.

Джоди удивленно уставилась на него.

— Ты там был? Когда? И каким образом?

— Не так давно, — сказал он. — И мне удалось подобраться так же близко, как этому типу Раттеру.

— Господи, Ричер, — проговорила Джоди. — И что ты собираешься сделать?

— Купить пистолет.

— Нет, нам следует обратиться в полицию. Или, возможно, в газеты. Правительство не имеет права так поступать.

— Подожди меня здесь, ладно?

— Куда ты собрался?

— За пистолетом, — повторил он. — А потом я куплю нам пиццу.

— Ради всех святых, ты не сможешь купить пистолет, по крайней мере в Нью-Йорке. Существуют законы. Тебе потребуется удостоверение личности, и разрешение, и многое другое. И в любом случае придется ждать пять дней.

— Я смогу купить пистолет в любом месте, — ответил Ричер. — Особенно в Нью-Йорке. Ты какую пиццу хочешь?

— А денег тебе хватит?

— На пиццу?

— На пистолет, — сказала она.

— Пистолет будет стоить мне меньше, чем пицца, — ответил он. — Запри за мной дверь, хорошо? И не открывай, пока не увидишь меня в глазок.

Он оставил ее посреди кухни, по пожарной лестнице спустился в вестибюль и некоторое время стоял на тротуаре, пытаясь сориентироваться. В квартале к югу находилась пиццерия, Ричер вошел внутрь и заказал большую пиццу, наполовину с анчоусами и каперсами, а другую половину — с острым перцем, и сказал, что заберет ее через полчаса. Затем перебежал на другую сторону Бродвея и направился на восток. Он достаточно бывал в Нью-Йорке, чтобы знать, что о нем рассказывают правду. В Нью-Йорке все происходит очень быстро. С точки зрения хронологии и географии. Один район сливается с другим через пару кварталов. Иногда фасад дома выглядит как рай для представителя среднего класса, а за ним в переулке спят бродяги. Ричер знал, что через десять минут быстрым шагом он окажется на расстоянии целой вселенной от квартала дорогих квартир, в котором жила Джоди.

Он нашел то, что искал, в тенях рядом с Бруклинским мостом. Здесь переплеталось несколько грязных улочек, а на север и восток протянулось гигантское жилое здание. Несколько потрепанных, забитых всякой дрянью лавчонок и баскетбольная площадка с цепями под кольцом вместо корзины довершали картину. Здесь было жарко и шумно, в воздухе пахло дымом и сыростью. Ричер завернул за угол и остановился, прислонившись к ограждению, оставив за спиной голоса на баскетбольной площадке и наблюдая за столкновением двух совершенно разных миров. Мимо проносились машины и проходили люди, другие машины останавливались, не выключая двигателя, и люди собирались группами. Те машины, что двигались, объезжали те, что стояли, громко сигналя и резко выворачивая руль, а спешившие куда-то люди толкались, возмущались и сходили на дорогу, чтобы обойти группы, торчавшие посреди тротуара.

Иногда какая-нибудь машина останавливалась на короткое время, и к водительскому окну бросался мальчишка. Он обменивался с водителем короткими фразами, словно по мановению волшебной палочки появлялись деньги, мальчишка уносился прочь и исчезал за дверью. Однако через пару минут он выскакивал снова и бежал к машине. Водитель оглядывался по сторонам, забирал у него маленький пакетик и возвращался на дорогу, где его автомобиль, окутанный облаками выхлопных газов, под вой клаксонов вливался в общий поток. А мальчик снова принимался ждать.

Иногда обмен производили пешеходы, но схема всякий раз повторялась. Мальчишки вносили деньги в дом и выносили оттуда пакетики, потому что они были слишком маленькими, чтобы предстать перед судом. Ричер обратил внимание, что они пользуются тремя определенными дверями, расположенными вдоль фасада здания, причем центральная оказалась самой популярной. В соотношении примерно два к одному, если применить в данном случае коммерческие термины. Если считать от южного угла, это было одиннадцатое здание. Ричер повернул на восток и увидел впереди пустырь, а за ним реку. У него над головой повис мост.

Он свернул на север и вышел в узкий переулок за домами. Глядя прямо перед собой, сосчитал одиннадцать пожарных лестниц, затем опустил глаза и увидел черный седан, втиснутый в узкое пространство перед черным ходом одиннадцатого здания. На его багажнике сидел парнишка лет девятнадцати с мобильным телефоном в руке, охранял заднюю дверь — явно повышение по служебной лестнице по сравнению с его младшими братьями, которые метались между покупателями и продавцами.

Больше никого вокруг не было. Ричер шагнул в переулок. Он знал, что нужно идти быстрым шагом и смотреть далеко вперед, чтобы паренек

подумал, будто у него тут совсем другие дела. Ричер демонстративно взглянул на часы, уставился чуть ли не на горизонт и почти бегом помчался к цели. Однако в последнюю минуту его глаза остановились на машине, словно он неожиданно наткнулся на препятствие и это вернуло его в настоящее. Юноша следил за ним. Ричер шагнул влево, хотя знал, что там ему не удастся пройти мимо машины, сердито затормозил и метнулся вправо с видом человека, который спешит и которому мешают, одновременно ударив паренька левой рукой по голове. Тот повалился на багажник, и Ричер ударил его еще раз, правой рукой, но не слишком сильно. Зачем отправлять его в больницу?

Паренек соскользнул с багажника, а Ричер пронаблюдал за ним, чтобы понять, насколько сильно он его вырубил. Человек в сознании попытается остановить падение или сделать что-нибудь еще. Этот не стал. Он свалился на землю, точно мешок с картошкой. Ричер перевернул его и проверил карманы. Пистолет он нашел, но это было совсем не то, с чем стоило торжественно возвращаться домой. Китайский, двадцать второго калибра, какая-то подделка советской подделки чего-то, что с самого начала было абсолютно бесполезным. Он забросил пистолет под машину, чтобы паренек не смог до него сразу добраться.

Ричер знал, что задняя дверь дома будет не заперта, потому что именно за этим она и нужна, если у тебя налажен отличный бизнес всего в ста пятидесяти ярдах от Полицейской площади. Если копы заявятся через главный вход, у тебя должна быть возможность улизнуть через черный, не тратя время на ключи. Ричер слегка толкнул дверь ногой и остановился на пороге, вглядываясь в темноту. Примерно в десяти шагах справа он увидел дверь, за которой горел свет.

Ждать не имело никакого смысла: вряд ли они в ближайшее время сделают перерыв на обед. Ричер прошел вперед и остановился около двери. В здании воняло разрухой, потом и мочой. Было тихо. Пустой дом. Он прислушался: из комнаты до него донесся тихий голос, которому кто-то ответил. Значит, их там по меньшей мере двое.

В его положении было не слишком разумно останавливаться на пороге, чтобы оценить ситуацию. Тот, кто медлит хотя бы миллисекунду, умирает раньше своих товарищей. По расчетам Ричера, здание было примерно в пятнадцать футов шириной, а вестибюль, в котором он стоял, занимал не больше трех. Значит, на комнату за дверью оставалось двенадцать футов. Они будут смотреть на дверь, пытаясь понять, кто пришел вместе с ним, поэтому Ричер сделал глубокий вдох и ворвался в дверь так, словно ее там вовсе не было.

Она с грохотом ударила в стену, и Ричер промчался через комнату в два громадных прыжка. Тусклый свет. Одна лампочка. Двое мужчин. На

столе пакетики. Деньги. И пистолет. Ричер с силой размахнулся и врезал одному из них в висок. Тот повалился на бок, и Ричер пнул его коленом в живот по пути к его напарнику, который начал подниматься со стула, широко раскрыв глаза и рот от удивления. Ричер прицелился повыше и ударил его предплечьем точно посередине между бровями и линией роста волос. Если удар получается достаточно сильный, враг отключается примерно на час, и при этом его голова остается в целости и сохранности. В конце концов, он ведь отправился за покупками, а не в карательную экспедицию.

Ричер замер на месте и прислушался. Ничего. Паренек в переулке все еще не пришел в себя, а шум на улице заглушал все остальные звуки, и мальчишки явно ничего не слышали. Ричер взглянул на стол и снова отвернулся, потому что там лежал кольт «детектив-спешиал». Шесть патронов, тридцать восьмой калибр, вороненая сталь с черной пластиковой ручкой. Короткое двухдюймовое дуло. Никуда не годное оружие. Даже близко не лежало с тем, что он искал. Короткое дуло — это серьезный недостаток, а калибр и вовсе разочаровал Ричера. Он вспомнил одного копа из Луизианы, капитана из какого-то маленького участка на реке. Его отправили к представителям военной полиции для консультации по поводу огнестрельного оружия, и к нему приставили Ричера. У этого копа имелась в запасе целая куча жутких историй о пистолетах тридцать восьмого калибра, которыми пользовались его ребята. Он сказал тогда: «С его помощью нельзя остановить парня, если он мчится на тебя, накачавшись "ангельской пылью"». А еще он поведал историю об одном самоубийстве, когда парню, решившему покончить счеты с жизнью, пришлось сделать пять выстрелов, чтобы добиться результата. Несчастное лицо того копа произвело на Ричера сильное впечатление. Он дал себе слово отныне и навсегда держаться как можно дальше от тридцать восьмого калибра и не собирался изменять своему слову. Поэтому он повернулся спиной к столу и снова прислушался. Ничего. Тогда он присел на корточки рядом с типом, которого ударил по голове, и занялся его карманами.

Наркодилеры, у которых идет бойкая торговля, отлично зарабатывают, а деньги дают им возможность покупать самые лучшие и дорогие игрушки. Вот почему Ричер находился именно в этом здании, а не в соседних, где у конкурентов ребятишек, валявшихся в данный момент на полу, дела шли похуже. То, что ему требовалось, Ричер обнаружил в левом внутреннем кармане куртки. Кое-что получше кольта тридцать восьмого калибра. Большой черный автоматический пистолет, австрийский «штайр GB», великолепный девятимиллиметровый пистолет, который пользовался особой популярностью у его друзей из войск специального назначения на протяжении почти всей его военной карьеры. Ричер вытащил пистолет и внимательно его осмотрел. Все восемнадцать патронов в магазине, дуло пахнет так, будто из него ни

разу не стреляли. Ричер оттянул курок и проследил за движением механизма. Затем он собрал пистолет, засунул его сзади за пояс штанов и улыбнулся. Остановившись около хозяина пистолета, который так и не пришел в себя, он прошептал:

— Я покупаю твой пистолет за один бакс. Покачай головой, если тебя что-нибудь не устраивает, ладно?

Затем он снова улыбнулся и выпрямился. Достал из кармана доллар, положил его на стол, прижав кольтом, и вышел в вестибюль. Все было спокойно. Ричер сделал десять шагов до двери и оказался на улице. Посмотрел направо и налево, в дальний конец переулка и только после этого подошел к седану. Открыв водительскую дверцу, нашел кнопку багажника. Внутри он обнаружил черную спортивную сумку из нейлона, пустую, и маленькую картонную коробку с девятимиллиметровыми пулями под мотком красных электрических проводов. Он сложил боеприпасы в сумку и отправился восвояси. Когда он вернулся на Бродвей, пицца его уже ждала.

Все произошло совершенно неожиданно и без предупреждения. Как только они вошли в дом и за ними закрылась дверь, мужчина сильно ударил Шерил в лицо тем, что пряталось у него в пустом рукаве. Мэрилин похолодела от ужаса. Она видела, как мужчина резко развернулся, крюк описал в воздухе сверкающую дугу, и, когда он впился в лицо Шерил, раздался влажный хруст. Мэрилин прижала ко рту руки, словно понимая, что ни в коем случае не должна кричать. В следующее мгновение мужчина повернулся к ней, потянулся левой рукой под правую и вытащил из-под мышки пистолет. Шерил упала на спину на ковер, как раз в том месте, где его недавно почистили паром, а мужчина наставил на Мэрилин пистолет. Он был из темного металла, серый, какой-то маслянистый, тусклый и одновременно блестящий. Пистолет замер на уровне ее груди, а она смотрела на него, и в голове у нее билась только одна мысль: «Так вот что имеют в виду, когда говорят об оружейной стали!»

— Подойди ближе, — приказал мужчина.

Мэрилин словно парализовало. Она стояла, прижав к лицу руки и так широко раскрыв глаза, что ей казалось, будто у нее сейчас лопнет кожа на щеках.

— Ближе, — повторил мужчина.

Мэрилин посмотрела на Шерил, которая пыталась подняться, опираясь на локти. Она не могла сфокусировать взгляд, из носа у нее текла кровь, верхняя губа начала распухать, а с подбородка капала кровь. У нее задралась юбка, и Мэрилин видела колготки, которые кверху становились более плотными. Она тяжело, неровно дышала. Потом

локти не выдержали веса тела, и Шерил снова повалилась на пол, с глухим стуком ударившись о него головой.

— Подойди ближе, — сказал мужчина.

Мэрилин посмотрела на его лицо. Оно было напряжено, а шрамы выглядели так, будто их сделали из жесткой пластмассы. Один глаз прикрывало веко, толстое и грубое, как большой палец руки. Другой глаз был холодным и немигающим. Она не сводила взгляда с пистолета, который замер всего в футе от ее груди. Рука, державшая его, была гладкой, с наманикюренными ногтями. Мэрилин сделала четверть шага.

— Ближе.

Она заставила себя шагнуть вперед, и пистолет уперся в мягкую ткань ее платья. Сквозь тонкий шелк она чувствовала, какой он холодный и твердый.

— Ближе.

Мэрилин удивленно уставилась на него. Его лицо находилось в футе от ее лица. Слева кожа была серой и морщинистой. Здоровый глаз испещрен мелкими прожилками, левый моргал, тяжелое веко медленно опускалось и поднималось, словно какой-то диковинный механизм. Мэрилин придвинулась на дюйм вперед, и пистолет уперся ей в грудь.

— Ближе.

Она сделал крошечный шажок, и мужчина тут же сильнее надавил на пистолет. Металл впился в ее мягкую плоть, придавил грудь. На тонком шелке образовалась глубокая впадина. Дуло оттянуло сосок в сторону. Мэрилин было больно. В этот момент мужчина поднял правую руку. Крюк. Он поднес его к глазам Мэрилин. Она увидела, что крюк сделан из самой обычной стали, отполированной до зеркального блеска. Мужчина принялся медленно, неуклюже вращать им перед лицом Мэрилин, и она услышала, как скрипит кожа внутри рукава. Кончик крюка был заточен и заострен, точно клинок кинжала.

Мужчина убрал его от лица Мэрилин и положил его плоскую часть ей на лоб. Она дернулась, потому что металл оказался холодным. Он провел крюком по ее лбу, потом по линии носа, остановился под носом. Прижал крюк к верхней губе и давил на него до тех пор, пока Мэрилин не открыла рот. Он тихонько постучал крюком по ее зубам, и тот зацепился за верхнюю губу, потому что она пересохла. Но мужчина потянул ее крюком вниз, пока мягкая плоть не освободилась, коснулся кожи под подбородком, потом горла, снова поднялся на дюйм и опять остановился под подбородком, заставив ее поднять голову.

— Меня зовут Хоби, — сказал он, глядя ей в глаза.

Мэрилин стояла на цыпочках, чтобы немного облегчить давление на горло. Она начала задыхаться. Она не помнила, делала ли вдох с того самого момента, как открыла дверь.

— Честер говорил обо мне?

Ее голова был поднята вверх, и она смотрела в потолок. Пистолет впивался в грудь, тепло ее тела согрело холодный металл. Мэрилин покачала головой, едва заметно, потому что крюк продолжал давить на шею.

— Он обо мне не говорил?

— Нет, — задыхаясь, ответила Мэрилин. — А что? Он должен был?

— Он скрытный человек?

Мэрилин отрицательно покачала головой, так же едва заметно, стараясь не повредить кожу об острый крюк.

— Он рассказывал о том, что у его компании серьезные проблемы?

Мэрилин заморгала и в третий раз качнула головой.

— Да, он очень скрытный человек.

— Наверное, — с трудом выдавила из себя Мэрилин. — Но я все знала.

— У него есть любовница?

— Нет.

— Почему ты в этом уверена, если он такой скрытный? — спросил Хоби.

— Чего вы хотите? — пролепетала Мэрилин.

— С другой стороны, думаю, любовница ему не нужна. Ты очень красивая женщина.

Мэрилин снова заморгала. Она стояла, вытянувшись на носках. Высокие каблуки не касались пола.

— Я только что сделал тебе комплимент, — сказал Хоби. — Разве ты не должна мне как-нибудь ответить? Вежливо?

Он надавил сильнее, и сталь впилась в кожу. Одна нога полностью оторвалась от пола.

— Спасибо, — пробормотала Мэрилин.

Крюк опустился. Глаза Мэрилин снова смотрели вперед, а не вверх, а каблуки касались ковра на полу. Она сообразила, что дышит, тяжело, с трудом, не в силах перевести дух.

— Очень красивая женщина.

Хоби убрал крюк от ее горла и коснулся талии, потом провел по линии бедра. При этом он смотрел прямо на свою жертву. Пистолет по-прежнему был прижат к ее груди. Крюк повернулся, его плоская часть поднялась, на теле остался лишь кончик, который медленно пополз вниз. Мэрилин почувствовала, как он соскользнул с шелка на голую ногу. Он был острым, но не как иголка, а скорее как карандашный грифель. Крюк остановился и тут же двинулся наверх, мягко надавливая на плоть. Мэрилин знала, что он ее не порезал, только оставил след на коже. Выше. Еще выше. Под шелк. Мэрилин почувствовала прикосновение металла к бедру. Выше. Тонкая ткань начала собираться вокруг крюка, который продолжал свое движение наверх. Подол сзади медленно пополз вслед за ним. В этот момент Шерил пошевелилась. Крюк замер, а жуткий правый глаз Хоби медленно сдвинулся и повернулся в ее сторону.

— Засунь руку ко мне в карман, — сказал он.

Мэрилин посмотрела на него с удивлением.

— Левую руку в мой правый карман, — велел он.

Ей пришлось придвинуться к нему, чтобы дотянуться до его кармана, и ее лицо оказалось совсем близко от его лица. От мужчины пахло мылом. Мэрилин стала ощупывать его карман, и ее пальцы наткнулись на маленький цилиндр. Когда она его вытащила, оказалось, что это начатая упаковка клейкой ленты, примерно дюйм в диаметре. Серебряного цвета. Осталось, наверное, пять ярдов. Хоби отошел от нее.

— Обмотай пленкой запястья Шерил, — приказал он.

Мэрилин пошевелила бедрами, чтобы поправить платье, и он улыбнулся, глядя на нее. Взгляд Мэрилин заметался с пленки на Шерил, лежащую на полу.

— Переверни ее, — сказал Хоби.

Свет из окна отражался от блестящего пистолета. Мэрилин опустилась на колени рядом с Шерил. Потянула за одно плечо, потом за другое, пока не перевернула ее на живот.

— Соедини локти, — велел Хоби.

Мэрилин замерла, и он чуть-чуть приподнял пистолет, а затем и крюк, широко расставив руки и демонстрируя ей свое оружие. Шерил снова пошевелилась. Ее кровь собралась в лужицу на ковре. Мэрилин обеими руками соединила локти у нее за спиной.

— Еще ближе, — взглянув на результат, приказал Хоби.

Мэрилин отковырнула кончик пленки ногтем и несколько раз обернула руки Шерил сразу под локтями.

— Как можно плотнее. До самого верха, — руководил Хоби.

Она накручивала пленку, поднялась выше локтей, затем опустилась к запястьям. Шерил пошевелилась и попыталась высвободиться.

— Так, а теперь посади ее, — сказал Хоби.

Мэрилин с трудом усадила Шерил со связанными за спиной руками. Ее лицо было перепачкано кровью, нос распух и посинел. Губы тоже опухли.

— Заклей ей рот, — продолжал Хоби.

Мэрилин зубами оторвала кусок пленки примерно в шесть дюймов длиной. Шерил тем временем моргала и пыталась понять, что происходит. Мэрилин с несчастным видом пожала плечами, словно пыталась перед ней извиниться, а потом приклеила пленку к ее рту. Пленка была толстой, с плотными укрепляющими нитями внутри серебристой пластиковой оболочки, блестящей, но не скользкой из-за выпуклых поперечных полосок. Мэрилин провела по ним пальцами, чтобы пленка как следует прилипла. Из носа Шерил пошли пузыри, и в глазах появилась паника.

— Господи, она не может дышать! — закричала Мэрилин.

Она хотела сорвать пленку, но Хоби оттолкнул ее руку.

— Вы сломали ей нос, — сказала Мэрилин. — Она не может дышать.

Пистолет был нацелен прямо ей в голову. Всего в восемнадцати дюймах от нее. Рука, его державшая, не дрожала.

— Она умрет, — с трудом проговорила Мэрилин.

— Чертовски верно, — ответил Хоби.

Мэрилин в ужасе уставилась на него. Кровь с шипением пузырилась вокруг разбитого носа Шерил, глаза были широко раскрыты от страха, грудь тяжело вздымалась. Хоби не сводил глаз с лица Мэрилин.

— Ты хочешь, чтобы я был хорошим? — спросил он.

Она усиленно закивала.

— А ты будешь хорошей?

Мэрилин посмотрела на подругу. У той конвульсивно вздымалась грудь, требуя воздуха, которого не было. Голова раскачивалась из стороны в сторону. Хоби наклонился и приставил крюк к пленке на губах Шерил,

отчаянно мотавшей головой. Затем он воткнул острие крюка в серебристую ткань. Шерил замерла, а Хоби пошевелил рукой слева направо, вверх и вниз. Снова вытащил крюк. В пленке появилась дыра с неровными краями, в которую начал поступать воздух. Пленка прилипала к губам Шерил, потом надувалась, когда она изо всех сил старалась набрать в легкие воздуха.

— Я был хорошим. Теперь ты моя должница, — сказал Хоби.

Шерил с трудом вдыхала воздух сквозь дыру в пленке. Она сосредоточилась на этом процессе и, прищурившись, смотрела вниз, словно хотела убедиться, что воздух действительно поступает. Мэрилин, похолодев от ужаса, сидела на коленях и смотрела на нее.

— Помоги мне довести ее до машины, — сказал Хоби.

Глава 10

Честер Стоун остался один в ванной офиса на восемьдесят восьмом этаже. Тони заставил его туда войти. Без применения физической силы. Он просто стоял и молча указывал, и Стоун поспешил пробежать по ковру в майке и трусах, черных носках и начищенных ботинках. Потом Тони опустил руку, сказал, чтобы Стоун оставался в ванне, и закрыл за ним дверь. Со стороны офиса раздавались какие-то приглушенные звуки, а через несколько минут все ушли — было слышно, как захлопнулись двери и загудел лифт. Потом стало тихо и темно.

Стоун сидел на полу ванной, опираясь спиной о серую кафельную плитку, и смотрел в тишину. Он знал, что дверь ванны не заперта. Когда дверь закрылась, он не услышал щелчка замка. Ему было холодно. Холод от плиток пробирался сквозь тонкую ткань трусов. Стоун начал дрожать. Ему хотелось есть и пить.

Он внимательно прислушался. Ничего. Стоун поднялся на ноги и подошел к раковине. Повернул ручку крана и прислушался к шуму бегущей воды. Ничего. Он наклонил голову и стал пить. Зубы коснулись металлической поверхности крана, и Стоун ощутил вкус хлорированной городской воды. Он задержал воду во рту, чтобы увлажнить сухой язык. Потом проглотил воду и выключил кран.

Он прождал час. Целый час Стоун сидел на полу, глядя на незапертую дверь и слушая тишину. То место, где кулак скользнул по ребрам, отчаянно болело. Кость о кость, жесткое соприкосновение. А потом мягкое тошнотворное ощущение в животе, куда пришлась вся сила удара. Стоун продолжал смотреть на пол, пытаясь отключить боль. Издалека до него доносились приглушенные звуки, словно напоминая о существовании других людей, которые, впрочем, находились где-то очень далеко. Лифты и кондиционеры, шум воды в трубах, пение ветра в

стеклах окон — все это смешивалось в тихий успокаивающий шепот. Стоуну казалось, что он слышит, как закрываются и открываются двери лифтов, быть может даже на первом этаже, а также слышит почти бесшумное басовое гудение, сопровождающее подъем и спуск лифта.

Он замерз, ему хотелось есть, было больно и страшно. Стоун с трудом встал, пытаясь размять затекшие ноги, и прислушался. Ничего. Он сделал шаг к двери. Постоял, положив ладонь на ручку. Снова напряженно прислушался. Тишина. Он открыл дверь. В огромном офисе было темно и тихо. Пусто. Он прошел по ковру и остановился возле двери в приемную, затем приблизился к шахтам лифтов. Он слышал, как гудят движущие кабины. Стоун послушал у двери. Ничего. Открыл дверь. В приемной было темно и пусто. Тускло светилась бледная поверхность дубового стола, поблескивали бронзовые украшения на мебели. Стоун слышал, как шумит двигатель холодильника в кухне справа. Уловил запах холодного кофе.

Дверь, выходящая в коридор, была заперта. Большая, толстая дверь, вероятно огнеупорная в соответствии с жесткими законами большого города. Она была отделана светлым дубом, и Стоун разглядел тусклое сияние стали в том месте, где она сходилась с рамой. Он потряс ручку, но та даже не шевельнулась. Стоун долго стоял возле двери, выглядывая в маленький глазок — от лифта и свободы его отделяло тридцать футов. Потом он повернулся к конторке.

С его стороны она доходила ему до груди. С другой стороны конторка имела высоту письменного стола, а на уровне груди были сделаны ячейки для офисных принадлежностей и бумаги. Рядом с креслом Тони стоял телефон. Офисный вариант, состоящий из трубки слева и ряда кнопок справа, располагающихся под маленьким продолговатым окошком, жидкокристаллическим дисплеем, на котором светилась надпись «ВЫКЛЮЧЕНО». Стоун поднял трубку, но услышал лишь пульсирующую в ушах кровь. Он наугад нажал несколько кнопок. Ничего. Стоун внимательно осмотрел кнопки и нашел на одной из них надпись «ВКЛЮЧЕНИЕ». Он нажал на нее, и на маленьком дисплее загорелось: «ВВЕДИТЕ КОД». Он нажал наугад несколько кнопок, и на дисплее вновь появилась надпись «ВЫКЛЮЧЕНО».

Под столешницей обнаружился шкафчик с маленькими дубовыми дверцами, но они оказались заперты. Стоун потряс каждую и услышал, как язычок замка стучит о металл. Тогда он вернулся в офис Хоби. Прошел мимо мебели к письменному столу. На диванах ничего не было. Его одежда исчезла. Поверхность стола оставалась идеально чистой. Массивный стол. Довольно дорогой, слегка подпорченный следами от крюка, все замки надежно заперты. Стоун присел на корточки, чувствуя себя ужасно глупо в нижнем белье, и подергал за ручки. Так и есть, все

ящики заперты. Под столом он увидел мусорную корзину в виде невысокого бронзового цилиндра.

Стоун наклонил цилиндр и обнаружил в нем свой пустой бумажник. Рядом лежала фотография Мэрилин, лицом вниз. На бумаге было напечатано: «КОДАК». Стоун вытащил фотографию и перевернул. Мэрилин улыбалась ему. Обычная фотография — голова и плечи. На ней было шелковое платье. Это платье всегда производило на него возбуждающее впечатление. Мэрилин сшила его на заказ. Она не знала, что ему это известно. Стоун был дома один, когда раздался звонок из мастерской. Он попросил их позвонить позже, чтобы Мэрилин могла ему сказать, что купила платье в магазине. Он вспомнил, что на этой фотографии запечатлен момент, когда она надела его в первый раз. Мэрилин смущенно улыбалась, ее глаза блестели. Тогда она велела ему не подходить к ней слишком близко, иначе на фотографии будет видно, как плотно шелк прилегает к ее груди. Стоун держал фотографию на ладони и смотрел на нее, а потом положил обратно, потому что у него не было карманов.

Поднявшись на ноги, он обошел кожаное кресло и оказался возле окна. Двумя руками отодвинул жалюзи и выглянул наружу. Он должен что-то предпринять. Однако он находился на восемьдесят восьмом этаже, откуда видна лишь река и Нью-Джерси, и никаких тебе соседей, которым он мог бы помахать рукой. А еще Аппалачи, которые тянутся до самой Пенсильвании. Стоун опустил жалюзи и шаг за шагом обошел кабинет Хоби и приемную. Безнадежно. Он в тюрьме. Он остановился посреди кабинета, дрожа от холода и глядя в пустоту.

Ему хотелось есть. Он не представлял себе, сколько прошло времени с тех пор, как он сюда пришел. В офисе не было часов, его собственные часы у него отобрали. Солнце уже клонилось к западу. Близится вечер, ланч он пропустил. Стоун подкрался к двери. Снова прислушался. Тишина, если не считать успокаивающего гула лифта. Он направился в кухню. Немного помедлил, положив палец на выключатель, но потом решился и зажег свет. Загорелись лампы дневного света. Несколько раз моргнув, они озарили кухню ярким светом и сердито загудели. Кухня была маленькой, с небольшой раковиной из нержавеющей стали и узкой стойкой.

На стойке стояли перевернутые кружки и кофеварка. Под стойкой крошечный холодильник. Там Стоун нашел молоко, шесть упаковок пива и пакет из «Забара». Он вытащил пакет, в котором лежало что-то завернутое в газету. Предмет был плотным и довольно тяжелым. Стоун выпрямился и развернул пакет на стойке. Внутри находился еще один пакет, пластиковый. Стоун вытряхнул на стойку его содержимое — и увидел отсеченную руку. Пальцы были белыми и скрюченными, на запястье виднелась пористая пурпурная плоть, рассеченная кость и

пустые голубые вены. В следующее мгновение яркий свет завертелся у него перед глазами, он потерял сознание и упал на пол.

Ричер поставил коробку с пиццей на пол лифта, вытащил из-за пояса пистолет и вместе с запасными патронами засунул его в спортивную сумку. Потом присел на корточки, взял пиццу, и в этот момент дверь лифта открылась на четвертом этаже. Как только Ричер оказался в зоне видимости глазка, дверь квартиры распахнулась. Джоди стояла в коридоре и поджидала его. На ней все еще было льняное платье. Оно слегка помялось на бедрах: очевидно, Джоди довольно долго в нем сидела. Ее длинные загорелые ноги были скрещены, одна стояла впереди другой.

— Я принес обед, — сказал Ричер.

Однако она посмотрела на спортивную сумку.

— Последний шанс, Ричер. Нам следует поговорить с кем-нибудь о том, что происходит.

— Нет, — ответил он, ставя сумку на пол. Джоди обошла Ричера, чтобы закрыть дверь.

— Ладно, — сказала Джоди. — Если это как-то связано с правительством, возможно, ты прав. Наверное, нам лучше держаться подальше от полиции.

— Правильно.

— Значит, мы теперь с тобой повязаны.

— Давай поедим, — предложил Ричер.

Он направился на кухню с пиццей в руках. Джоди уже накрыла на стол: поставила на противоположных сторонах стола тарелки и стаканы с охлажденной водой, положила вилки, ножи, бумажные салфетки. Словно два человека, которые постоянно живут вместе, собрались поужинать. Ричер поставил коробку с пиццей на стойку и открыл ее.

— Ты выбираешь, — сказал он.

Джоди стояла рядом с ним. Он ощущал ее присутствие. Вдыхал ее запах. Она прикоснулась тыльной стороной ладони к его спине. Прикосновение обжигало. Она помедлила всего мгновение, а потом отодвинула Ричера в сторону и сказала:

— Давай ее разделим.

Она подхватила коробку и перенесла ее на стол, а потом стала выкладывать куски пиццы на тарелки. Коробка дрожала у нее в руках.

Ричер уселся, взял стакан с водой и сделал несколько глотков, не сводя взгляда с Джоди. Она была стройной и полной энергии, и любые ее движения казались грациозными балетными па. Она отвернулась от Ричера, выбросила коробку от пиццы и вновь повернулась к нему. Платье поплыло вслед за ней. Джоди села. Он услышал шорох льна, ее колено задело его ногу под столом.

— Извини, — сказала Джоди.

Она вытерла пальцы о салфетку, закинула волосы на спину и наклонила голову, чтобы откусить первый кусочек. Джоди ела левой рукой, с аппетитом поглощая пиццу.

— Я осталась без ланча, — пожаловалась она. — Ты сказал мне, чтобы я не выходила из здания.

Высунув язык, она подобрала кусочек сыра и бессознательно улыбнулась, проглотив его. Ее губы блестели от масла. Она сделала большой глоток воды.

— С анчоусами, мой любимый сорт. Откуда ты узнал? Но зато потом очень хочется пить. Они такие соленые.

Платье было без рукавов, и Ричер видел ее руки от маленькой косточки на плече до запястья. Они были тонкими и загорелыми. Мускулы почти отсутствовали, выделялись лишь бугорки бицепсов. Она была так великолепна, что у него перехватывало дыхание. И все же Джоди оставалась для Ричера загадкой. Она была высокой и вместе с тем удивительно миниатюрной. Он не понимал, как в ней могли помещаться все жизненно важные органы. Худая, точно палка, но он ощущал идущую от нее энергию и силу. Загадка. Он вспомнил ощущение ее руки, когда она обнимала его за талию пятнадцать лет назад. Словно кто-то туго натянул толстую веревку на его поясе.

— Я не могу остаться здесь на ночь, — сказал он.

Джоди удивленно посмотрела на него.

— Но почему? Тебе ведь есть чем заняться, а я могу помочь. Как я уже сказала, мы теперь с тобой повязаны.

— Нет, я просто не могу остаться, — повторил он.

— Но почему? — снова спросила она.

Ричер глубоко вздохнул и задержал дыхание. Ее волосы сияли под светом лампы.

— Это неуместно, — сказал он.

— Почему?

Он смутился и пожал плечами.

— Неуместно, и все, Джоди. Потому что из-за Леона ты видишь во мне брата или дядю, но я ведь тебе не брат и не дядя, верно?

Она не сводила с него взгляда.

— Прости меня, — сказал он.

Ее глаза широко раскрылись.

— Ты о чем?

— Это неправильно, — мягко сказал он. — Ты не сестра мне и не племянница. Это лишь иллюзия, возникшая из-за того, что я был близок с твоим отцом. Ты для меня красивая женщина, и я не могу находиться с тобой наедине.

— Но почему? — уже в который раз спросила она, слегка задыхаясь.

— Господи, Джоди, и ты еще спрашиваешь? Потому что это неуместно, вот и все. Тебе не нужно знать подробности. Ты не сестра мне и не племянница, и я больше не могу притворяться. Это сводит меня с ума. Ну, то, что приходится прикидываться.

Она сидела совершенно неподвижно. Смотрела на него. Быстро дышала.

— И как давно у тебя возникли подобные ощущения? — наконец спросила Джоди.

Он пожал плечами, снова смутившись.

— Наверное, они были у меня всегда. С того самого момента, как я увидел тебя в первый раз. Дай мне передышку, Джоди, ты ведь уже не ребенок. Тогда я был ближе по возрасту к тебе, чем к Леону.

Она молчала. Он затаил дыхание, ожидая слез. Всплеска ярости. Душевной травмы. А она лишь молча смотрела на него. Ричер уже пожалел, что стал отвечать на ее вопросы. Проклятье, лучше бы он помалкивал. Прикусил бы свой проклятый язык и терпел. Ему приходилось попадать и в более трудные ситуации, хотя сейчас он не мог вспомнить, когда это было и в чем они состояли.

— Прости, — повторил Ричер.

Ее лицо застыло. Широко раскрытые голубые глаза неотрывно смотрели на него. Локти лежали на столе. Ткань платья на груди поднималась и опускалась. Он видел лямку ее бюстгальтера, тонкую и белую на загорелой коже плеча. Ричер посмотрел на ее страдающее лицо, закрыл

глаза и вздохнул от отчаяния. Кто сказал, что честность — это лучшая политика? Нужно было забыть о честности.

А потом Джоди сделала странную вещь. Она медленно поднялась на ноги и отставила стул. Шагнула вперед, схватилась обеими руками за край стола так, что тонкие мышцы ее плеч натянулись как веревки, и оттащила стол в сторону. Потом обошла стол, повернулась к нему спиной и стала толкать его бедрами, пока не прижала к стойке. Ричер остался сидеть на стуле, неожиданно оказавшись изолированным в центре комнаты. Джоди сделала шаг и встала перед ним. У Ричера перехватило дыхание.

— Ты думаешь обо мне как о женщине? — медленно проговорила она.

Он кивнул.

— А не как о младшей сестре? Не как о племяннице?

Он решительно затряс головой.

Джоди немного помолчала.

— Сексуально? — тихо спросила она.

Ричер смущенно кивнул, сдаваясь.

— Конечно сексуально. А как ты сама думаешь? Посмотри на себя. Прошлой ночью я не мог спать.

Она продолжала стоять рядом.

— Я должен был тебе сказать, — проговорил он. — Мне правда очень жаль, Джоди.

Она закрыла глаза. Зажмурила их изо всех сил. А потом Ричер увидел улыбку. Улыбка медленно распространялась по ее лицу. Ее руки сжались в кулаки, и она бросилась вперед. В следующее мгновение Джоди уже сидела у него на коленях, крепко обнимала за шею и целовала Ричера так, словно ей грозила смерть, если она остановится.

Это была машина Шерил, но Хоби заставил Мэрилин ее вести. Он сидел сзади, за Мэрилин, а Шерил с завязанными за спиной руками посадил рядом с собой. Рот у Шерил все еще был заклеен, и она тяжело дышала. Крюк по-прежнему касался ее бедра, кончик едва не протыкал кожу. В левой руке Хоби держал пистолет и время от времени касался дулом шеи Мэрилин, чтобы она не забывала о его существовании.

Тони встретил их в подземном гараже. Учреждения, расположенные в здании, уже закончили свою работу, и здесь было тихо. Тони занялся Шерил, а Хоби подхватил Мэрилин, и вся четверка направилась к

грузовому лифту. Хоби открыл дверь, выходящую в коридор, и они вошли в приемную его офиса. В кухне горел свет. На полу лежал Стоун в одном нижнем белье. Мэрилин ахнула и подбежала к нему. Хоби с улыбкой наблюдал, как движется ее тело под тонким платьем. Он обернулся и запер дверь. Положил в карман ключи и пистолет. Мэрилин застыла на месте, она смотрела на кухню, прижав руки ко рту. Хоби проследил за ее взглядом. На стойке ладонью вверх лежала рука с согнутыми, как у нищего, пальцами. Потом Мэрилин с ужасом опустила взгляд.

— Не беспокойся, — сказал Хоби. — Это не его рука. Но мысль неплохая, верно? Я могу отрезать ему руку, если он не сделает того, что я хочу.

Мэрилин посмотрела на него.

— Или я могу отрубить руку тебе, — сказал он ей. — А его заставлю смотреть. Может быть, я сумею даже заставить его сделать это для меня.

— Вы сошли с ума, — сказала Мэрилин.

— Знаешь, он согласится, — продолжал Хоби. — Он согласится на все, что угодно. Он жалок. Посмотри на него в этом нижнем белье. Как ты считаешь, он хорошо выглядит?

Она ничего не ответила.

— А как насчет тебя? — осведомился Хоби. — Ты хорошо выглядишь в нижнем белье? Хочешь снять платье и показать мне?

Мэрилин в панике посмотрела на него.

— Нет? — удивился он. — Что ж, может быть, позднее. А как наш агент по продаже недвижимости? Она будет хороша в нижнем белье?

Он повернулся к Шерил. Та отступила назад и уперлась связанными за спиной руками в дверь.

— Ну так как? — не унимался Хоби. — Ты хороша в нижнем белье?

Шерил отчаянно затрясла головой. Дыхание со свистом вырывалось в отверстие в клейкой ленте. Хоби шагнул к ней, прижал к двери и засунул кончик своего крюка за пояс ее юбки.

— Давай проверим.

Он рванул крюк на себя, и Шерил пошатнулась. Ткань юбки разорвалась, пуговицы полетели во все стороны, а Шерил упала на колени. Хоби поднял ногу и надавил на Шерил, заставляя ее лечь на пол. Потом кивнул Тони, который наклонился и сорвал юбку с отчаянно отбивавшейся Шерил.

— Колготки, — укоризненно покачал головой Хоби. — Ненавижу колготки. Как неромантично!

Он наклонился и кончиком крюка рванул нейлон. Туфли соскочили с ног Шерил. Тони подхватил юбку, остатки колготок и туфли и выбросил разорванную одежду в мусор. Шерил с трудом подобрала обнаженные ноги под себя и села, тяжело дыша через клейкую ленту. На ней были надеты тонкие белые трусики, и она пыталась прикрыться полами блузки. Мэрилин смотрела на нее, затаив дыхание от ужаса.

— Отлично, вот теперь мы повеселимся, — заявил Хоби. — Верно?

— Верно, — кивнул Тони. — Но это только начало.

Хоби рассмеялся, и в этот момент Стоун пошевелился. Мэрилин бросилась к нему и помогла сесть на полу. Хоби подошел к стойке и взял отрезанную руку.

— Вот что сталось с парнем, который меня раздражал, — сказал он.

Стоун отчаянно заморгал, словно надеялся, что это поможет изменить картину, которая предстала перед его глазами. Потом он удивленно посмотрел на Шерил, и Мэрилин сообразила, что он никогда не видел ее прежде. Стоун не знал, кто она такая.

— В ванную, — скомандовал Хоби.

Тони поднял Шерил на ноги, а Мэрилин помогла встать Честеру. Хоби шел за ними. Они вышли в большой офис и остановились перед дверью в ванную.

— Входите, — приказал Хоби.

Первым вошел Стоун. Женщины последовали за ним. Хоби остался стоять возле двери. Он кивнул Стоуну.

— Тони будет спать здесь, на диване. Так что не вздумай еще раз выходить отсюда. И постарайся с пользой провести время. Поговори обо всем с женой. Завтра мы намерены перевести акции. Для нее будет гораздо лучше, если мы проделаем это в атмосфере взаимного согласия. Гораздо лучше. В противном случае будут неприятные последствия. Ты меня понимаешь?

Стоун молча смотрел на него. Хоби скользнул взглядом по женщинам, махнул на прощание отрезанной рукой и закрыл дверь ванной.

Белая спальня Джоди была наполнена сиянием. Каждый вечер в июне уходящее на запад солнце в течение пяти минут находило прямой путь между высокими зданиями Манхэттена и со всей своей мощью ударяло в ее окно. Жалюзи вспыхивали, стены отражали свет, и все вокруг сияло,

словно нежный ослепительный взрыв. Ричер подумал, что так и должно быть. Он лежал на спине и был счастлив, как никогда в жизни.

Если бы он об этом подумал, то обязательно встревожился бы. Он помнил короткие злые пословицы вроде: «Жаль человека, получающего то, что он хочет». Или: «Лучше счастливое путешествие, чем успешное прибытие». И в самом деле, довольно странно получить то, о чем ты мечтал в течение пятнадцати лет. Однако в реальности все обстояло иначе. Это было похоже на блаженный полет в такое место, о существовании которого Ричер даже не догадывался. Здесь имелось все, о чем он мечтал, только умноженное на миллион. Джоди не была мифом. Она была живым, дышащим существом, стройным и сильным, ароматным и теплым, застенчивым и открытым.

Сейчас она лежала в его объятиях, ее волосы рассыпались по лицу Ричера. Они попадали ему в рот, когда он дышал. Его рука касалась ее спины. Он нежно водил ладонью по позвоночнику, казавшемуся расщелиной между длинными гибкими мышцами. Его палец скользил по желобку. Глаза Джоди оставались закрытыми, она улыбалась. Ричер это знал. Он ощущал, как ее ресницы щекочут ему шею, а плечо чувствовало очертания рта Джоди. Он легко мог расшифровать движение мышц ее лица. Она улыбалась. Он переместил руку. Кожа у Джоди была прохладной и гладкой.

— Мне бы следовало сейчас плакать, — тихо сказала она. — Я всегда думала, что так и будет. Я была уверена: если это когда-нибудь, когда-нибудь случится, потом я буду плакать.

Он прижал ее к себе сильнее.

— Но зачем нам плакать?

— Из-за потерянных лет, — ответила Джоди.

— Лучше поздно, чем никогда, — возразил Ричер.

Она приподнялась на локтях и навалилась на него грудью.

— Те слова, которые ты произнес, я могла бы повторить сама, один к одному. Я жалею, что не сделала этого много лет назад. Но я не могла.

— И я не мог, — признался Ричер. — Мне казалось, что это преступный секрет.

— Да, — сказала Джоди. — Мой преступный секрет. — Она села на Ричера верхом, выпрямилась и улыбнулась. — Но теперь это уже не секрет.

— Верно, — ответил он.

Джоди потянулась и зевнула, но зевок быстро превратился в удовлетворенную улыбку. Ричер положил руки на ее изящную талию, коснулся пальцами груди. Улыбка на ее губах превратилась в усмешку.

— Снова?

Движением бедер он столкнул Джоди с себя, опрокинул на спину и нежно уложил на кровать.

— Мы пытаемся наверстать все эти утраченные годы, ладно?

Она кивнула. Короткое движение, улыбка, волосы, рассыпанные по подушке.

Мэрилин понимала, что принимать решения придется ей. Она была здесь самой сильной. Честер и Шерил впали в оцепенение, и это казалось ей вполне объяснимым, ведь именно они пострадали от издевательств. Мэрилин представляла, какими уязвимыми они себя чувствовали, оставшись без одежды. Она и сама ощущала себя полураздетой, но не собиралась из-за этого тревожиться. Он сорвала клейкую ленту со рта Шерил и обнимала подругу, пока та плакала. Потом она освободила ее запястья и локти. Выбросив клейкую массу в мусорное ведро, Мэрилин помассировала затекшие плечи Шерил. Нашла губку, наполнила раковину горячей водой и смыла запекшуюся кровь с ее лица. Нос у Шерил распух и начал синеть, ей необходим был врач. Мэрилин стала обдумывать ситуацию. Она видела несколько фильмов про заложников. Там, как правило, кто-нибудь начинает вести переговоры, убеждая террористов отпустить раненых в госпиталь. Но как это осуществить в данном случае?

Мэрилин вытащила из шкафа все имевшиеся там полотенца и дала Шерил самое большое, чтобы та использовала его как юбку. Затем разделила остальные полотенца на три стопки и положила их на пол. Сидеть на голых плитках было бы холодно. Полотенца должны были послужить теплоизоляцией. Мэрилин уложила полотенца в ряд у стены и села, прислонившись спиной к двери. Слева расположился Честер, справа — Шерил. Она взяла их за руки и сжала. Честер сжал ее ладонь в ответ.

— Я так виноват, — сказал он.

— Сколько ты должен? — спросила Мэрилин.

— Более семнадцати миллионов.

Она не стала спрашивать, способен ли он вернуть такую сумму. Иначе он не сидел бы полуголым на полу в ванной комнате.

— Чего он хочет? — спросила Мэрилин.

Честер опустил голову.

— Все. Он хочет получить компанию.

Мэрилин кивнула, глядя на трубы под раковиной.

— И что у нас останется?

Он немного помолчал и пожал плечами:

— То, что он пожелает нам оставить. Скорее всего, ничего.

— А что будет с домом? — спросила Мэрилин. — У нас ведь есть дом, верно? Я выставила его на продажу. Эта леди работает брокером. Она утверждает, что дом можно продать почти за два миллиона.

Стоун посмотрел на Шерил и покачал головой.

— Дом принадлежит компании. Технический вопрос, так его было удобнее финансировать. Поэтому дом достанется Хоби вместе со всем остальным.

Мэрилин кивнула и посмотрела в пространство. Справа от нее сидя спала Шерил. Ужас отнял у нее все силы.

— Тебе тоже следует поспать, — сказала Мэрилин. — Я что-нибудь придумаю.

Он вновь сжал ее ладонь и закрыл глаза.

— Мне очень жаль.

Мэрилин ничего не ответила. Лишь разгладила тонкий шелк платья на бедрах, продолжая смотреть перед собой. Она напряженно думала.

Солнце ушло еще до того, как они закончили во второй раз. Оно превратилось в яркую полосу, скользящую прочь от окна. Затем остался лишь узкий горизонтальный луч, он медленно перемещался по белой стене, и в нем танцевали пылинки. Наконец луч исчез, словно кто-то выключил свет, и в комнате осталось лишь тусклое свечение вечера. Они без сил лежали среди путаницы простыней, их тела были расслаблены, а дыхание стало медленным и глубоким. Джоди приподнялась на локте и посмотрела на Ричера с той же дразнящей усмешкой, которую он видел, когда Джоди выходила из офиса.

— Что такое? — спросил он.

— Я должна кое-что тебе сказать, — заявила она.

Он ждал.

— Как официальное лицо.

Ричер сосредоточился на ее лице. Она продолжала улыбаться. Ее зубы были белыми, а глаза ярко-голубыми даже в прохладном вечернем сумраке. «Какое еще официальное лицо?» — недоуменно подумал он. Она работала адвокатом, приводила в порядок дела людей, долги которых составляли сотни миллионов долларов.

— Я никому не должен, — сказал Ричер. — И никто не должен мне.

Джоди покачала головой, все еще улыбаясь.

— Как исполнитель завещания моего отца.

Он кивнул. Вполне естественный выбор для Леона, не зря же его дочь адвокат.

— Я открыла завещание и прочитала его. Сегодня, на работе, — продолжала она.

— И что выяснилось? Он оказался тайным скупцом? Тайным миллиардером?

Джоди покачала головой и ничего не ответила.

— Он знал, что случилось с Виктором Хоби, и написал об этом в своем завещании?

Джоди улыбалась.

— Он кое-что тебе оставил. Наследство.

Ричер медленно кивнул. Что ж, этого можно было ожидать. Леон есть Леон. Он ничего не забыл и решил оставить Ричеру какую-нибудь вещь на память. Но что именно? Ричер задумался. Наверное, просто сувенир. Может быть, свои медали? Или снайперскую винтовку, которую он привез из Кореи? Старый «маузер» немецкого производства. Предположительно эта винтовка была захвачена советскими войсками во время Второй мировой войны, а десять лет спустя продана корейским союзникам. Великолепный механизм. Они с Леоном не раз обсуждали, что могла видеть эта винтовка. Такую вещь приятно иметь. Вот только где он будет ее хранить?

— Он оставил тебе свой дом, — сказала Джоди.

— Что ты сказала?

— Он оставил тебе свой дом, — повторила она. — Тот, в котором мы с тобой были, в Гаррисоне.

Ричер непонимающе посмотрел на Джоди.

— Свой дом?

Продолжая улыбаться, она кивнула.

— Я тебе не верю, — сказал он. — И не могу принять такой подарок. Что я буду делать с домом?

— Что ты будешь с ним делать, Ричер? Ты будешь в нем жить. Ведь дома предназначены именно для этих целей, не так ли?

— Но я не живу в домах. И никогда не жил.

— Ну а теперь будешь жить.

Он долго молчал, затем покачал головой.

— Джоди, я не могу его принять. Он должен принадлежать тебе. Леон должен был оставить дом тебе. Это твое наследство.

— Но я не хочу в нем жить, — просто ответила Джоди. — И папа это прекрасно знал. Я предпочитаю жить в городе.

— Ладно, тогда продай его. Ведь дом твой, верно? Продай и оставь себе деньги.

— Мне не нужны деньги. Папа был в курсе моих дел. Дом стоит меньше, чем я зарабатываю за год.

Ричер взглянул на Джоди.

— Но мне казалось, что там, за рекой, довольно дорогой район?

— Так и есть.

Он опять задумался.

— Речь идет о доме Леона? — еще раз спросил он.

— Верно.

— Ты знала, что он так поступит?

— Не совсем. Мне было известно, что папа не собирается оставлять дом мне. Я предполагала, что он велит мне продать его, а вырученные деньги пустить на благотворительность. Старым солдатам или что-нибудь в таком роде.

— Ладно, значит, так и следует поступить.

Она вновь улыбнулась.

— Ричер, я не могу. Это зависит не от меня. Папа оставил исчерпывающие указания. И я должна им подчиняться.

— Дом, — пробормотал Ричер. — Леон оставил мне свой дом?

— Он беспокоился о тебе. В течение двух лет. С тех самых пор, как ты ушел в отставку. Он очень хорошо понимал, как может все сложиться — ведь ты прослужил всю жизнь, а потом оказалось, что все кончилось. Он тревожился о том, как ты будешь жить.

— Но он не знал, как я живу, — сказал Ричер.

Джоди кивнула.

— Однако мог догадываться, правда? Он был умным стариком. Он знал, что ты дрейфуешь с места на место. Папа часто говорил, что в течение трех-четырех лет путешествовать очень даже неплохо. Но что будет, когда тебе исполнится пятьдесят? Шестьдесят? Семьдесят? Он думал о тебе.

Ричер пожал плечами. Он все еще лежал на спине и смотрел в потолок.

— Я никогда не думал о таких вещах. Нужно просто проживать один день за другим — таков мой девиз.

Она ничего не ответила. Лишь повернула голову и поцеловала его в грудь.

— У меня такое ощущение, что я у тебя краду, Джоди. Это же твое наследство. Дом должен отойти к тебе.

Она снова поцеловала Ричера.

— Это был его дом. Даже если бы я хотела его иметь, нам следует уважать желания моего отца. Но я не хочу этот дом. И никогда не хотела. Папа это прекрасно знал. И мог делать с домом все, что угодно. Он принял решение. Он оставил дом тебе, потому что хотел, чтобы ты в нем жил.

Ричер смотрел в потолок, но перед его мысленным взором представал дом. Подъездная дорога, идущая между деревьями, справа гараж, крытый переход между гаражом и домом, массивное невысокое здание слева. Кабинет, гостиная, медленные воды Гудзона за окном. Мебель. Все выглядело очень удобным. Может быть, он купит стереосистему. Купит книги. Дом. Его дом. Он мысленно произнес эти слова: «Мой дом. Мой дом». Он даже не знал, как их произносить. «Мой дом». Ричер вздрогнул.

— Он хотел, чтобы дом достался тебе, — продолжала Джоди. — Это воля покойного. С ней нельзя спорить. Воля выражена. И я обещаю, что у тебя не будет никаких проблем. Хорошо?

Он задумчиво кивнул.

— Хорошо. Хорошо, но странно. Очень. Очень странно.

— Хочешь кофе? — спросила Джоди.

Он повернулся и посмотрел ей в лицо. У него будет собственная кофеварка. В его кухне. В его доме. С электричеством. Его электричеством.

— Кофе? — снова спросила Джоди.

— Звучит неплохо, — ответил Ричер.

Она выскользнула из постели и нащупала туфли.

— Черный и без сахара, правильно?

Она стояла перед ним совершенно обнаженная, только в туфлях. Открытых туфлях на каблуках. Джоди перехватила его взгляд.

— На кухне холодный пол. Я всегда надеваю туфли, когда иду туда.

— Забудь про кофе, ладно?

Они проспали в ее постели всю ночь. Ричер проснулся первым, когда было уже совсем светло. Он осторожно высвободил руку и посмотрел на часы. Почти семь. Он проспал девять часов. Лучший сон в его жизни. Лучшая постель. Он спал в разных постелях. В сотнях, может быть, даже в тысячах. Но эта была лучшей из всех. Джоди лежала рядом с ним. Она перевернулась на живот и во сне сбросила с себя простыню. Ее спина была обнажена до талии. Ричер видел округлость груди. Волосы Джоди рассыпались по плечам. Одно колено было слегка согнуто. Голова, лежащая на подушке, была повернута в сторону колена. Это придавало Джоди собранный, спортивный вид. Ричер поцеловал ее в шею. Она пошевелилась.

— Доброе утро, Джоди, — сказал он.

Она открыла глаза. Потом закрыла и снова открыла. И улыбнулась. Нежной утренней улыбкой.

— Я испугалась, что все это мне приснилось, — призналась она. — Однажды так было.

Ричер снова ее поцеловал. Нежно, в щеку. Потом уже не так нежно, в губы. Ее руки обхватили его за плечи, и он оказался рядом с ней в постели. И они вновь занялись любовью, в четвертый раз за пятнадцать лет. Потом они вместе приняли душ — в первый раз в жизни — и позавтракали. Оба ели так, словно голодали несколько дней.

— Мне нужно съездить в Бронкс, — сказал Ричер.

Она кивнула.

— Тип по имени Раттер? Так и быть, я отвезу тебя — я примерно представляю, где это находится.

— А как же твоя работа? Я думал, что тебе необходимо там быть.

Джоди озадаченно посмотрела на него.

— Ты же говорила мне, что должна быть в офисе. У меня сложилось впечатление, что ты очень занята.

Она смущенно улыбнулась.

— Я все придумала. На самом деле у меня все под контролем. Мне сказали, что я могу неделю не показываться в офисе. Просто я не хотела находиться рядом с тобой, ведь меня переполняли чувства. Вот почему я так рано пошла спать в наш первый вечер. Мне бы следовало показать тебе комнату для гостей, как положено хорошей хозяйке. Но я не хотела оказаться с тобой в спальне. Я бы сошла с ума. Так близко и так далеко — ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

Ричер кивнул.

— И что ты делала целый день в офисе?

Джоди захихикала.

— Ничего. Просто сидела весь день и ничего не делала.

— Ты сумасшедшая. Почему ничего мне не сказала?

— А почему молчал ты?

— А я тебе сказал.

— Сказал в конце концов, — вздохнула Джоди. — Пятнадцать лет ждал.

— Я знаю, но мне было тревожно. Я думал, что причиню тебе боль. Боялся, что тебе совсем не захочется это услышать.

— Со мной то же самое. Я боялась, что ты будешь меня ненавидеть.

Они посмотрели друг на друга и улыбнулись. Потом усмехнулись. Потом расхохотались и не могли успокоиться целых пять минут.

— Мне нужно одеться, — сказала Джоди, все еще смеясь.

Он последовал за ней в спальню и нашел свою одежду на полу. Джоди искала во встроенном шкафу что-нибудь чистое. Ричер посмотрел на нее и вдруг подумал о доме Леона и о шкафах в нем. Нет, он подумал: есть ли в его доме встроенные шкафы? Конечно есть. Во всех домах имеются такие шкафы, верно? Значит, ему нужно начинать думать о том, чтобы их заполнить?

Джоди выбрала джинсы и рубашку и дополнила этот наряд кожаным ремнем и дорогими туфлями. Ричер взял свой новый пиджак, оставшийся в коридоре, и засунул в карман пистолет, лежавший в спортивной сумке. В другой карман он высыпал двадцать патронов. Пиджак сразу потяжелел. Джоди подошла к нему с кожаной папкой в руках. Она успела проверить адрес Раттера.

— Готов? — спросила она.

— Как всегда, — ответил Ричер.

На каждом этапе пути Джоди приходилось ждать, пока он проверит, все ли в порядке. Точно так же Ричер действовал вчера. Безопасность Джоди имела для него огромное значение. Однако все было тихо и спокойно. Пустой коридор, пустой лифт, пустой вестибюль, пустой гараж. Они вместе сели в «таурус», Джоди объехала вокруг квартала и свернула на северо-восток.

— По Ист-Ривер-драйв до девяносто пятой, ты не возражаешь? — спросила она. — Если ехать на восток, то лучше всего по скоростной магистрали Бронкса.

Ричер пожал плечами и попытался представить себе дорожную карту.

— Тогда можно свернуть на север по Бронкс-Ривер-паркуэй. Нам нужно добраться до зоопарка.

— До зоопарка? Но Раттер живет не рядом с зоопарком.

— Собственно говоря, нам нужен не зоопарк, а Ботанический сад. Ты должна кое на что взглянуть.

Она искоса посмотрела на Ричера, а потом сосредоточилась на вождении. Машин было много, но час пик уже прошел, и им почти не приходилось стоять. Они ехали вдоль реки на север, затем на северо-запад к мосту Джорджа Вашингтона, после чего свернули на восток в Бронкс. На магистрали движение замедлилось, но на шоссе, ведущем на север, дела пошли веселее, поскольку оно вело к выезду из города, а Нью-Йорк в этот час всасывал людей в себя. А вот движение на юг было совсем медленным.

— Ну и куда теперь? — спросила Джоди.

— Поезжай мимо Фордемского университета и зимнего сада, а наверху припаркуйся.

Джоди кивнула и сменила полосу. Фордем остался слева, а зимний сад справа. Возле входа в музей находилась парковка. Она оказалась практически пустой.

— Что теперь?

Ричер взял с собой кожаную папку.

— Будем относиться ко всему непредубежденно, — ответил он.

Зимний сад располагался в ста ярдах перед ними. Ричер еще вчера прочитал о нем в рекламном листке. Сад был назван в честь какого-то Энида Хаупта, и его строительство в 1902 году обошлось в целое состояние, а через девяносто пять лет пришлось вложить в десять раз больше, чтобы привести его в порядок. Впрочем, деньги были потрачены не напрасно. Результат получился впечатляющим. Огромное здание, настоящий образец городской благотворительности, выраженный в железе и молочно-белом стекле.

Внутри было жарко и влажно. Ричер повел Джоди к тому месту, которое его интересовало. Экзотические растения росли на огромных клумбах, окруженных невысокими стенами и оградами. На аллеях стояли скамейки. Через молочно-белое стекло, словно сквозь облака, внутрь проливался солнечный свет. Пахло сырой землей и острыми ароматами цветущих растений.

— Что ты хотел мне показать? — спросила Джоди, сгорая от нетерпения.

Ричер нашел скамейку, которую искал, и подошел к невысокой стене напротив скамейки. Он сделал полшага влево, а потом еще полшага, пока не убедился, что нашел нужное место.

— Встань сюда, — сказал Ричер.

Он взял ее сзади за плечи и поставил на то самое место, где только что стоял сам. Затем слегка присел, чтобы его голова оказалась на том же уровне, что и голова Джоди.

— Привстань на цыпочки, — сказал он. — И смотри прямо вперед.

Она так и сделала. По ее прямой спине рассыпались волосы.

— Хорошо, а теперь расскажи мне, что ты видишь? — спросил Ричер.

— Ничего. Ну, растения и все такое.

Ричер кивнул и открыл кожаную папку. Вынул оттуда блестящую фотографию худого белого мужчины, который испуганно отвернулся от охранника с винтовкой. Поднял фотографию на расстояние вытянутой руки и показал Джоди.

— И что? — спросила она, все еще ничего не понимая.

— Сравни.

Она отвела глаза от фотографии и посмотрела вперед. Потом выхватила снимок из рук Ричера, чтобы рассмотреть его получше. Глаза ее широко раскрылись, и она заметно побледнела.

— Господи, неужели снимали здесь? Прямо на этом месте? Это те самые растения.

Ричер еще раз наклонился к Джоди, чтобы сравнить. Она держала фотографию так, что изображенные на ней растения совпадали с реальными. Слева пальма, справа папоротник, еще дальше какие-то заросли. Два человека стояли возле пальмы, мощный объектив выхватывал их лица, оставляя задний план не в фокусе. Дальше виднелись еще более плотные заросли тростника, но довольно далеко.

— Дерьмо, — пробормотала Джоди. — Вот дерьмо, не могу поверить.

Да и освещение совпадало. Молочно-белое стекло создавало впечатление облачного покрова. Небо во Вьетнаме обычно затянуто тучами. Зазубренные пики гор притягивали к себе облака, и большинству людей запоминался этот туман и дымка, словно сама земля источала пар. Джоди переводила взгляд с фотографии на пальму и обратно, слегка перемещаясь вправо и влево, чтобы окончательно убедиться в правоте Ричера.

— А как же проволока? Бамбуковые шесты? Они выглядят такими натуральными, — засомневалась она.

— Обычный реквизит. Три шеста, десять ярдов колючей проволоки. Совсем нетрудно достать. Они принесли все это сюда в свернутом виде.

— Но когда? Как?

Ричер пожал плечами.

— Может, рано утром, когда сад еще закрыт. Должно быть, они знают кого-то из тех, кто здесь работает. Или фотографию сделали, когда сад закрыли на ремонт.

Джоди смотрела на фотографию, приблизив ее к глазам.

— Подожди минутку. Тут видна скамейка. Можно разглядеть ее угол.

И она показала ему соответствующее место на снимке. Там имелось расплывшееся прямоугольное пятно. Угол железной скамейки находился справа, в стороне от двух фигур. Фотограф допустил маленькую ошибку, ему следовало немного сдвинуть объектив влево.

— Я не заметил, — признался Ричер. — Ты молодчина.

Джоди повернулась к нему.

— Нет, я не просто молодчина. Я в ярости. Этот мерзавец Раттер получил восемнадцать тысяч долларов за одну фальшивую фотографию.

— Хуже того, он дал людям ложную надежду.

— И что нам теперь делать?

— Мы нанесем ему визит, — сказал он.

Они вернулись в «таурус» через шестнадцать минут после того, как вышли из машины. Джоди вела автомобиль обратно к магистрали, нетерпеливо постукивая пальцами по рулю.

— Но ты же вроде бы поверил старикам, — быстро говорила она. — Я сказала, что снимок доказывает существование этого места, и ты со мной согласился. Ты сказал, что был там сравнительно недавно и тебе удалось подойти почти так же близко, как Раттеру.

— Все это правда, — ответил Ричер. — Я знал о существовании Ботанического сада. Я только что оттуда вернулся. И я подошел почти так же близко, как Раттер. Я стоял рядом с невысокой стеной, откуда он сделал фотографию.

— Господи, Ричер, что это за игры?

Он пожал плечами.

— Вчера я еще не знал. Не знал, в какой степени я должен быть с тобой откровенным.

Джоди кивнула, не сумев сдержать улыбки. Она вспомнила о том, чем отличались вчера и сегодня.

— Проклятье, но как он мог рассчитывать, что такое сойдет ему с рук? Парник в Ботаническом саду Нью-Йорка?

Ричер потянулся. Его длинные руки почти доставали до ветрового стекла.

— Психология. Она лежит в основе любого обмана, понимаешь? Ты говоришь людям то, что они хотят услышать. Эти старики хотели услышать, что их сын жив. И он им сообщил, что их мальчик почти наверняка жив. Тогда они собрали все имеющиеся в их распоряжении деньги и дали ему три месяца. Потом Раттер вернулся и привез им фотографию, на которой они увидели то, что так хотели увидеть. Он повел себя очень умно. Он спросил у них точное имя и подразделение, чтобы заполучить подлинные фотографии юноши и подобрать подходящего человека средних лет, а потом скормил им эти сведения обратно. Психология. Они увидели то, что хотели увидеть. Он мог

нарядить любого парня в костюм гориллы, и старики поверили бы, что это представитель местной фауны.

— Но как тебе удалось раскрыть обман?

— Тем же способом, — ответил Ричер. — Психология, но только наоборот. Я не хотел верить, так как знал, что этого просто не может быть. Поэтому я стал искать противоречия. Мне помогла военная форма. Вот, посмотри внимательно. Старая военная форма США. Этот парень исчез тридцать лет назад. Никакая форма не выдержит в джунглях тридцать лет. Любая ткань сгнивает там в течение шести недель.

— Но почему здесь? Что заставило тебя заглянуть в Ботанический сад?

Он развел руки в стороны, стараясь расслабить напряженные плечи.

— А где еще можно отыскать такую растительность? Может быть, на Гавайях, но зачем тратить деньги на билеты и ехать туда втроем, когда все есть под боком?

— А вьетнамец?

— Скорее всего, он учится в колледже — например, в Фордеме или Колумбийском университете. Возможно, он вовсе и не вьетнамец. Официант из китайского ресторана. Раттер заплатил ему двадцать долларов за снимок. Наверное, попросил четверых друзей по очереди сыграть роль пленного американца. Крупный белый парень, маленький белый парень, большой черный и маленький черный — учтены все варианты. И все они наверняка бродяги, так что выглядят соответственно. А расплатился он с ними виски. Полагаю, он сделал все фотографии за один раз, снимая их по очереди. Не сомневаюсь, что он продавал одну и ту же фотографию дюжину раз. И всякий раз, когда речь заходила о крупном белом парне, пропавшем без вести, он появлялся перед родителями с этим снимком. Потом он заставлял их дать клятву хранить тайну насчет этого так называемого правительственного заговора, чтобы люди не могли обнаружить, что им рассказывают одну и ту же историю.

— Отвратительный тип, — сказала Джоди.

— Ты права. Семьи ТНН остаются обширным рынком для таких негодяев. А Раттер и вовсе чувствует себя как червяк, забравшийся в яблоко.

— ТНН? — спросила Джоди.

— «Тело не найдено». Так их называют. ПВБ/ТНН. «Погиб в бою, тело не найдено».

— Погиб? Ты не веришь, что в плену все еще остаются наши солдаты?

Ричер развел руками.

— Пленных больше нет, Джоди. Все это полная чепуха.

— Ты уверен?

— Совершенно уверен.

— Но откуда у тебя такая уверенность?

— Просто знаю, и все, — твердо сказал Ричер. — Как знаю, что небо голубое, трава зеленая, а у тебя роскошная попка.

Она улыбнулась.

— Я адвокат, Ричер. И не могу принять такие доказательства.

— Исторические факты. Для начала: история о том, что во Вьетнаме остались заложники, — полнейшая чушь. Они планировали отправиться на юг по «тропе Хо Ши Мина» [11], как только мы уйдем из Вьетнама, что противоречило Парижскому соглашению [12]. То есть им было прекрасно известно, что они не получат никакой помощи ни при каких обстоятельствах. Поэтому они отпустили всех пленных в тысяча девятьсот семьдесят третьем году, не сразу, конечно, но отпустили. А в семьдесят пятом году они отыскали сотню отставших от своих частей солдат и передали их нам — согласись, это никак не похоже на использование пленных в качестве заложников. Кроме того, они с нетерпением ждали, когда мы разминируем их порты, так что им не было резона играть с нами в дурацкие игры.

— Однако они не торопились возвращать останки наших солдат. Я имею в виду тех парней, которые погибли во время крушений самолетов и в сражениях. Они все-таки играли в дурацкие игры.

Ричер кивнул.

— Просто они не до конца понимали, что для нас это важно. Мы хотели вернуть две тысячи тел. А они не понимали зачем. Они сорок лет находились в состоянии войны: сначала были японцы, потом французы, США, Китай. У них в боях погиб миллион человек. Наши две тысячи казались им каплей в море. К тому же они были коммунистами и совсем по-другому относились к ценности человеческой жизни. Опять психология. Но из этого не следует, что они держали пленных в тайных лагерях.

— Не слишком убедительные доводы, — сухо заметила Джоди.

Он снова кивнул.

— Леон — вот тебе убедительный аргумент. Твой старик и такие люди, как он, — я неплохо их знал. Храбрые, благородные люди. Они сражались там, а позднее пришли к власти. В Пентагоне полно лощеных мерзавцев, мне это хорошо известно, но рядом всегда оказываются люди вроде Леона, которые заставляют их вести себя честно. Ответь мне на вопрос: если бы Леон знал, что во Вьетнаме остались наши пленные, что бы он сделал?

Джоди пожала плечами.

— Не знаю. Но он не стал бы сидеть сложа руки.

— Вот именно. Леон разбирал бы Белый дом на кирпичики до тех пор, пока все эти парни благополучно не вернулись бы домой. Однако он ничего не предпринимал. И вовсе не из-за недостатка информации. Леон всегда был в курсе последних новостей. Такую тайну не удалось бы спрятать от всех Леонов. Чтобы какой-то заговор пережил шесть различных администраций? Заговор, который люди вроде Леона не сумели бы раскрыть? Забудь об этом. Если люди вроде Леона бездействовали, значит, пленных не было. И для меня это более чем убедительное доказательство.

— Нет, это вера, — возразила Джоди.

— Называй как пожелаешь, но для меня этого достаточно.

Она смотрела вперед, продолжая размышлять над словами Ричера.

— Значит, Виктор Хоби мертв?

— Скорее всего. Погиб в бою, тело не найдено, — ответил он.

Ей пришлось сбросить скорость. Они ехали на юг, и машин становилось все больше.

— Ладно, во Вьетнаме нет пленных и нет лагерей. Правительственного заговора не существует. Значит, в нас стреляли не правительственные агенты, нас преследуют другие люди.

— Я с самого начала это знал, — сказал Ричер. — Большинство правительственных агентов действуют более эффективно. В некотором смысле я и сам работал на правительство. Неужели ты думаешь, что я бы промахнулся два раза подряд?

Джоди резко притормозила, съехала на обочину и остановила машину. Повернулась к Ричеру и посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Тогда это Раттер, — сказала она. — Кто еще? Раттер придумал прибыльную аферу, не так ли? Он должен уметь себя защитить.

Вероятно, он думает, что мы собираемся его разоблачить. Вот почему он нас разыскивает. А мы сами идем к нему в руки.

Ричер улыбнулся.

— Знаешь, жизнь полна опасностей, — заметил он.

Мэрилин поняла, что заснула, потому что пришла в себя от шума, раздававшегося за дверью. Все тело у нее затекло, и она замерзла. В ванной не было окна, и она не представляла себе, сколько прошло времени. Наверное, уже утро, решила она, поскольку ей казалось, что она проспала довольно долго. Сидевший слева от нее Честер смотрел в пространство, его взгляд бродил в тысячах миль отсюда. Он сохранял полную неподвижность.

Она повернулась, чтобы лучше его рассмотреть, но он не отреагировал на нее. Справа свернулась калачиком Шерил. Она тяжело дышала через рот. Нос у нее сильно распух и почернел. Мэрилин сглотнула. Потом прижалась ухом к двери и стала прислушиваться.

За дверью находилось двое мужчин. Мэрилин различала два низких голоса. Мужчины о чем-то тихо беседовали. Она слышала, как гудят лифты. До нее доносился далекий шум с улицы, изредка долетал вой сирен, который тут же стихал. Шумели самолеты, взлетающие из аэропорта Джона Кеннеди и направляющиеся на запад. Мэрилин осторожно поднялась на ноги.

Ночью туфли упали с ее ног. Мэрилин обнаружила их под своей стопкой полотенец. Она надела туфли и тихонько подошла к раковине. Честер смотрел сквозь нее. Она взглянула на себя в зеркало и подумала: «Не так уж и плохо». В последний раз она провела ночь на полу в ванной двадцать лет назад, после вечеринки в женском студенческом общежитии, но сейчас выглядела ничуть не хуже, чем в тот раз. Она причесала волосы пальцами и слегка побрызгала водой в лицо. Потом осторожно вернулась к двери и стала слушать.

Двое мужчин, но она была совершенно уверена, что Хоби среди них нет. Эти двое беседовали на равных. Обычный разговор, а не приказы и молчаливое согласие. Она ногой отодвинула стопку полотенец в сторону и слегка приоткрыла дверь.

Мужчины замолчали и посмотрели на нее. Тот, кого называли Тони, сидел на диване напротив письменного стола. Другой, которого она раньше не видела, устроился на кофейном столике. Коренастый, в темном костюме, не слишком высокий. За столом никого не было. Хоби отсутствовал. Жалюзи были слегка приоткрыты, но Мэрилин поняла, что за окном светит яркое солнце. Значит, уже позднее, чем она

предполагала. Она вновь перевела взгляд к дивану и увидела, что Тони ей улыбается.

— Хорошо спала? — спросил он.

Она ничего не ответила, продолжая спокойно смотреть на него. Улыбка исчезла с лица Тони. «Одно очко я заработала», — подумала Мэрилин.

— Я поговорила с мужем, — солгала она.

Тони выжидательно смотрел на нее, рассчитывая на продолжение. Мэрилин немного помолчала. «Второе очко», — решила она.

— Мы согласны на передачу прав, — сказала она. — Но процесс будет довольно трудоемким. Он займет время. Нужно учитывать некоторые факторы, которые вам не слишком понравятся. Да, мы это сделаем, но и вы должны пойти нам навстречу.

— В чем же, к примеру? — спросил Тони.

— Я буду говорить об этом с Хоби, а не с тобой.

В офисе наступила тишина. Из внешнего мира сюда проникали лишь приглушенные звуки. Мэрилин сосредоточилась на собственном дыхании. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

— Хорошо, — сказал Тони.

«Третье очко», — подумала Мэрилин.

— Мы хотим кофе. Три чашки со сливками и сахаром, — заявила она.

Долгое молчание. Потом Тони кивнул, коренастый мужчина встал и молча вышел в кухню. «Четвертое очко», — подумала Мэрилин.

Обратный адрес на письме Раттера указывал на грязное строение несколькими кварталами южнее тех мест, которые могли рассчитывать на скорый ремонт. Дом был обшит досками и втиснут между двумя четырехэтажными кирпичными зданиями, в которых лет двадцать назад, вероятно, находились склады или фабрики. На фасаде сбоку виднелось запыленное окошко, а в центре имелась поднимающаяся наверх дверь. Она была открыта, и Ричер увидел узкий гараж. Там стоял новенький «линкольн». Ричер узнал модель по многочисленным рекламным роликам, виденным прежде. Огромный «форд» с приводом на все четыре колеса, переделанный в машину класса «люкс», что и позволило ему превратиться в «линкольн». Черный роскошный автомобиль стоил намного больше дома, в гараже которого он стоял.

Джоди проехала мимо дома не слишком быстро и не слишком медленно, как и положено по такой паршивой дороге. Ричер вертел

головой по сторонам, стараясь понять, что это за место. Джоди свернула налево и вернулась обратно, объехав квартал, так что Ричер успел осмотреть переулок, в который выходила задняя часть дома. Ржавые пожарные лестницы нависали над грудами мусора.

— Ну, и как мы будем действовать? — спросила Джоди.

— Мы просто войдем. Первым делом посмотрим, как он на нас отреагирует. Если он знает, кто мы такие, мы поступим соответственно. Если нет, выберем другой путь.

Джоди припарковалась чуть в стороне, в тени почерневшего кирпичного строения. Она заперла машину, и они вместе зашагали к дому. С тротуара они смогли заглянуть в грязное окошко. Там было выставлено армейское оборудование, пыльные форменные куртки, фляжки и высокие башмаки. А также полевые рации с месячным запасом питания к ним и пехотные каски. Кое-что устарело уже в те времена, когда Ричер учился в Уэст-Пойнте.

Дверь открылась с трудом, и тут же зазвенел звонок. Примитивное механическое устройство срабатывало, когда движущаяся дверь сжимала пружину, воздействующую на колокольчик. В магазинчике было пусто. Справа от входа находился прилавок, дальше — дверь, ведущая в гараж. На круглой хромированной вешалке была развешана одежда, а на единственной полке лежали всякие мелочи. Кроме того, имелась еще одна дверь, выходящая в переулок, но сейчас она была заперта и поставлена на сигнализацию. Вдоль задней стены стояло пять обитых винилом стульев. Рядом с ними валялись окурки и пустые пивные бутылки. Освещение было тусклым, однако собравшаяся за многие годы пыль сразу бросалась в глаза.

Ричер вошел первым. Пол заскрипел под его ногами. Он сделал два шага и заметил за прилавком открытую дверь люка, массивную, из старых сосновых досок, на латунных петлях. Вся ее поверхность лоснилась от множества прикосновений грязных рук. За дверью виднелись потолочные балки и сделанная из таких же старых досок узкая винтовая лестница, уходящая вниз, к яркому электрическому свету. Ричер услышал звук шагов, доносящихся из подвала.

— Я сейчас поднимусь, какой бы дьявол вас сюда ни принес, — раздался голос снизу.

Голос принадлежал мужчине средних лет, и в нем мешались удивление и неудовольствие. Он явно не ждал посетителей. Джоди посмотрела на Ричера, и тот сжал рукоять пистолета, не вынимая руку из кармана.

В отверстии в полу появилась голова, затем плечи и торс. Мужчина поднялся по лестнице. У него была массивная фигура, и он с трудом

выбрался наверх. Он был одет в старую, выцветшую солдатскую форму. Жирные седые волосы, неровная седая бородка, мясистое лицо, маленькие глазки. Ему пришлось встать на четвереньки, прежде чем он сумел выпрямиться.

— Чем могу помочь? — спросил он.

И тут же у него за спиной появилась еще одна голова и плечи, а потом еще, еще и еще. Четверо мужчин поднялись наверх по лестнице из подвала. Каждый выпрямлялся, мрачно смотрел на Ричера и Джоди, а потом отступал к стульям. Все они были крупными мужчинами, у каждого имелись татуировки, и все носили старую солдатскую форму. Они уселись и скрестили большие руки на массивных животах.

— Так чем я могу вам помочь? — повторил тот, что вылез наверх первым.

— Вы Раттер? — спросил Ричер.

Тот кивнул. Ричер видел, что Раттер его не узнает. Потом Ричер перевел взгляд на устроившихся на стульях мужчин. Он не ожидал подобных осложнений.

— Чего вы хотите? — спросил Раттер.

Ричер изменил план. Он сообразил, что происходит в подвале.

— Мне нужен глушитель, — сказал он. — Для «штайра GB».

Раттер улыбнулся. Слова Ричера его изрядно позабавили.

— Продавать такую вещь противозаконно, да и владение ею тоже является нарушением закона, — сказал он.

Однако то, как он произнес эти слова, заставило Ричера прийти к выводу, что Раттер делает на продажу не только глушители, но и многое другое. В его голосе звучали покровительственные интонации, словно Раттер хотел сказать: «У меня есть то, что тебе нужно, и это дает мне преимущество». И еще в голосе Раттера не было страха. Ему и в голову не пришло, что Ричер может оказаться полицейским, который хочет его подловить. Никто и никогда не принимал Ричера за полицейского. Он был слишком большим, слишком крупным. И не обладал городской бледностью и неприметностью — качествами, которые у большинства людей подсознательно ассоциируются с образом полицейского. Так что о нем Раттер не беспокоился. Его тревожила Джоди. Он не понимал, кто она такая. Раттер говорил с Ричером, но поглядывал на Джоди. А она спокойно смотрела на него.

— Нарушением чьего закона? — небрежно спросила она.

Раттер почесал в бороде.

— Это делает их более дорогим товаром.

— По сравнению с чем? — спросила она.

Ричер мысленно улыбнулся. Раттер не знал, как отнестись к Джоди, а она всего лишь двумя фразами умудрилась окончательно сбить его с толку. Теперь он мог принять ее за богатую бездельницу с Манхэттена, которую тревожит угроза похищения ее детей, или за жену миллиардера, собирающуюся пораньше вступить в права наследства, или за особу, начитавшуюся женских журналов и теперь желающую разрешить проблему любовного треугольника при помощи оружия. Она смотрела на Раттера так, словно привыкла без малейшего сопротивления получать то, что хочет. И меньше всего ее беспокоил закон, во всяком случае когда о нем говорит жалкий торговец из Бронкса.

— Значит, «штайр GB», — уточнил Раттер. — Вы хотите настоящий австрийский глушитель?

Ричер кивнул, словно привык обращать внимание на мелочи. Раттер щелкнул пальцами, один из мужчин отделился от стула и спустился в подвал. Через некоторое время он вернулся с черным цилиндром, завернутым в бумагу, которая стала прозрачной от машинного масла.

— Две тысячи долларов, — сказал Раттер.

Ричер кивнул. Цена была почти честной. Пистолет сняли с производства, но его последняя цена составляла что-то от восьмисот до девятисот долларов. Фабричная цена глушителя едва ли превышала двести долларов. Две штуки за нелегальную продажу через десять лет после снятия с производства и в четырех тысячах миль от места изготовления... что ж, звучит разумно.

— Дайте взглянуть, — сказал Ричер.

Раттер вытер трубку о свои брюки и протянул ее Ричеру. Тот вытащил пистолет и поставил глушитель на место. Не так, как в кино, где подносят его к глазам и начинают медленно, вдумчиво и любовно привинчивать. Нет, он просто слегка нажал и повернул, при этом раздался щелчок, как будто приладили объектив к фотокамере.

Оружие сразу стало лучше. Изменился баланс. В девяноста девяти случаях из ста пуля уходит немного выше из-за отдачи, заставляющей дуло подняться вверх. Вес глушителя должен это компенсировать. Кроме того, глушитель помогает равномерно распределить выхлоп газов, что ослабляет отдачу.

— Насколько надежно он работает? — спросил Ричер.

— Вполне надежно. Это натуральный глушитель от изготовителя.

Тип, который принес глушитель, вновь уселся на стул. Четверо парней, пять стульев. Если ты хочешь расправиться с бандой, начинать надо с главаря. Этот универсальный принцип Ричер усвоил в возрасте четырех лет. Сначала нужно выяснить, кто главарь, а потом вырубить его, и вырубить жестко. Здесь ситуация была иной. Главарем был Раттер, но на данном этапе его следовало сохранить в целости и сохранности, поскольку у Ричера имелись на него другие планы.

— Две тысячи долларов, — повторил Раттер.

— Нужно провести полевые испытания, — заявил Ричер.

У «штайра GB» нет предохранителя. Для первого выстрела необходимо приложить к пусковому крючку усилие в четырнадцать фунтов, что исключает случайное срабатывание при падении пистолета, поскольку четырнадцать фунтов — это немало. Ричер поднял руку, повел ею влево и сильно надавил на спуск. Пистолет выстрелил, и пустой стул разлетелся на куски. Звук получился довольно громким. Не как в кино. Отнюдь не тихое покашливание или деликатный плевок. Скорее это похоже на то, словно кто-то поднял над головой телефонную книгу Манхэттена и со всей силы шмякнул ее об стол. Удар достаточно звучный. Однако не такой громкий, каким мог бы быть.

Четверо парней замерли. Кусочки винила и грязных конских волос поплыли по воздуху. Раттер застыл на месте, удивленно глядя на пистолет. Ричер сильно ударил его левой рукой в живот, сделал подсечку, и Раттер рухнул на пол. Потом Ричер навел пистолет на парня, который сидел на ближайшем стуле.

— Вниз, — сказал он. — Все. Прямо сейчас, ясно?

Никто не пошевелился. Тогда Ричер громко начал считать:

— Раз, два...

И на счет «три» снова выстрелил. Тот же громкий звук. Пуля разнесла кусок деревянного пола у ног первого парня.

— Раз, два...

И снова выстрел.

— Раз, два... Выстрел.

Во все стороны летела пыль и осколки дерева. Шум от повторяющихся выстрелов оглушал. Остро запахло горящим порохом и разогревшейся сталью глушителя. После третьей пули все парни вскочили на ноги, двинулись к отверстию в полу и моментально скатились вниз. Ричер тут

же захлопнул дверцу и передвинул прилавок так, чтобы он встал на люк. Раттер сумел подняться на четвереньки. Ричер сильно ударил его ногой по спине и продолжал бить, пока тот не забрался под прилавок, ударившись головой о край.

Джоди достала фальшивую фотографию, опустилась на корточки и показала ее Раттеру. Тот заморгал и с трудом сфокусировал на ней взгляд. Он попытался что-то сказать, его рот открылся — дыра, окруженная неровными клочьями бороды. Ричер наклонился и ухватил его за левое запястье. Вытащил руку Раттера наверх и крепко зажал мизинец.

— Я буду задавать вопросы, — сказал он. — И ломать тебе пальцы всякий раз, когда ты будешь лгать.

Раттер стал вырываться изо всех сил, но Ричер вновь нанес ему удар в живот, и тот затих.

— Ты знаешь, кто мы такие?

— Нет, — простонал Раттер.

— Где сделана эта фотография?

— В тайных лагерях, — прохрипел Раттер. — Во Вьетнаме.

Ричер сломал ему мизинец. Он просто свернул его в сторону, и раздался негромкий треск. Если прикладывать силу вбок, усилий требуется гораздо меньше. Раттер закричал от боли. Ричер взялся за следующий палец, на котором было золотое кольцо.

— Где?

— В Ботаническом саду Бронкса, — выдохнул Раттер.

— Что за мальчишка на фотографии?

— Так, случайный парнишка.

— А мужчина?

— Друг, — простонал Раттер.

— Сколько раз ты это проделал?

— Раз пятнадцать.

Ричер нагнул палец с кольцом в сторону.

— Это правда! — закричал Раттер. — Не больше пятнадцати раз, клянусь. И я ничего не делал тебе. Я тебя даже не знаю.

— А семью Хоби ты знаешь? — спросил Ричер. — Они живут в Брайтоне.

Он наблюдал, как ошеломленный Раттер мысленно перебирает фамилии. Потом увидел, что Раттер вспомнил. В следующее мгновение на его лице появилось недоумение, он пытался понять, как могли жалкие старики навлечь на его голову такие неприятности.

— Ты отвратительный кусок дерьма, верно?

Раттер в панике мотал головой.

— Повтори это, Раттер! — рявкнул Ричер.

— Я кусок дерьма, — проскулил Раттер.

— Где твой банк?

— Мой банк? — тупо повторил Раттер.

— Твой банк, — сказал Ричер.

Раттер заколебался. Ричер надавил на его палец.

— В десяти кварталах отсюда! — закричал Раттер.

— А где бумаги на твой автомобиль?

— В шкафчике.

Ричер кивнул Джоди. Она встала, обошла прилавок, открыла шкаф и вытащила стопку бумаг. Быстро пролистав их, нашла то, что требовалось.

— Зарегистрирована на его имя. Машина стоила сорок тысяч.

Ричер отпустил левую руку Раттера и схватил его за горло. Напряг мышцы и сдавил с такой силой, что перепонка между большим и указательным пальцами его руки уперлась под челюсть Раттнера.

— Я покупаю твою машину за доллар, — сообщил Ричер. — Если у тебя есть какие-то сомнения, покачай головой, ты меня понял?

Раттер лежал совершенно неподвижно. Глаза у него чуть не вылезали из орбит.

— А сейчас я отвезу тебя в банк в моем новом автомобиле. Ты снимешь со своего счета восемнадцать тысяч наличными, и я отдам их Хоби, — продолжал Ричер.

— Нет, — вмешалась Джоди, — девятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят. Шесть процентов за полтора года.

— Хорошо, — сразу согласился Ричер и усилил давление. — Девятнадцать шестьсот пятьдесят для Хоби и девятнадцать шестьсот пятьдесят для нас.

Раттер умоляюще смотрел на Ричера, ничего не понимая.

— Ты их обманул, — пояснил Ричер. — Ты обещал им выяснить, что произошло с их сыном. Но не выполнил своего обещания. Так что теперь этим займемся мы. А нам потребуются деньги на расходы.

Лицо Раттера стало синеть. Его руки отчаянно сжимали запястье Ричера, чтобы хоть немного ослабить давление.

— Договорились? — спросил Ричер. — Значит, так мы и сделаем. Если ты возражаешь, можешь покачать головой.

Раттер отчаянно цеплялся за запястье Ричера, но его голова оставалась совершенно неподвижной.

— Можешь считать, что это налог. Налог на мошенничество, — сказал напоследок Ричер.

Он убрал руку и встал. Пятнадцать минут спустя они уже были в банке Раттера. Пряча левую руку в карман, Раттер правой рукой подписал чек. Еще через пять минут Ричер задернул молнию своей спортивной сумки, в которой лежало тридцать девять тысяч триста долларов. А когда прошло еще пятнадцать минут, они высадили Раттера в переулке за его магазинчиком с двумя долларами в зубах — один за глушитель, а другой за машину. Пять минут спустя Ричер ехал за «таурусом», за рулем которого сидела Джоди, к ближайшему пункту возврата «Херца», который находился в аэропорту Ла Гуардиа. Через пятнадцать минут они вдвоем сидели в новом «линкольне», направляясь обратно на Манхэттен.

Глава 11

Вечер наступал в Ханое на двенадцать часов раньше, чем в Нью-Йорке, и солнце, которое еще высоко стояло в небе, когда Ричер и Джоди покидали Бронкс, уже зашло за горы Северного Лаоса в двухстах милях западнее аэропорта Ной-Бэй. Небо окрасилось в оранжевые цвета, а на смену длинным вечерним теням пришел тропический сумрак. Сильный запах керосина забивал ароматы города и джунглей, вой реактивных двигателей перекрывал рев клаксонов и стрекотание насекомых.

Гигантский транспортный самолет «C-141 Старлифтер» Военно-воздушных сил США стоял на бетонированной площадке перед ангаром без опознавательных знаков, в миле от пассажирских терминалов. Задний трап самолета был опущен, генераторы работали, давая энергию для освещения. Внутри ангара также горели огни. Сотни

дуговых ламп, висящих под гофрированным металлическим потолком, озаряли желтым сиянием огромное замкнутое внутреннее пространство.

Ангар был велик, как стадион, но в нем находилось лишь семь гробов. Каждый длиной в шесть с половиной футов. Их поверхность из рифленого алюминия отражала яркий свет. Они выстроились в аккуратный ряд на эстакаде, каждый был накрыт американским флагом. Флаги недавно выстирали и выгладили, центральная полоса флага совпадала с осью гроба.

Девять мужчин и две женщины стояли возле гробов. Шестерка мужчин составляла почетный караул. Это были солдаты регулярной армии США, свежевыбритые, одетые в безупречную парадную форму, замершие по стойке «смирно» в стороне от оставшихся пятерых. Трое из этих пятерых были вьетнамцами, двое мужчин и женщина, невысокие, смуглые и невозмутимые, тоже в форме, только не в парадной, а в обычной. Темно-оливковая ткань, потертая и помятая, с незнакомыми знаками различия.

Двое оставшихся были американцами в гражданской одежде, но не вызывало ни малейших сомнений, что они служат в армии. На молодой женщине была полотняная юбка средней длины, блузка цвета хаки с длинными рукавами и тяжелые коричневые туфли. Высокий седовласый мужчина лет пятидесяти пяти был в тропическом костюме цвета хаки, поверх которого он накинул легкий плащ с ремнем. В руке он держал потертый коричневый кожаный портфель, рядом на полу стояла такая же сумка.

Высокий седовласый мужчина едва заметно кивнул почетному караулу, подав тем самым сигнал. Старший офицер отдал тихий приказ, и шестерка солдат выстроилась в две колонны по трое. Они парадным шагом двинулись вперед, повернули направо и встали по трое с каждой стороны первого гроба. После короткой паузы они наклонились и единым плавным движением подняли гроб на уровень плеч. Командир отдал новую команду, и солдаты медленным парадным шагом двинулись к выходу из ангара, неся гроб на поднятых руках. Тишину нарушали лишь звук шагов и шум двигателей.

Оказавшись на бетонной площадке, они описали плавный полукруг и остановились напротив трапа. Затем медленно зашагали по самой его середине, осторожно нащупывая ногами ребристые ступеньки, и скрылись внутри самолета. Пилот их уже ждал. Это была женщина, капитан Военно-воздушного флота США, в безупречной тропической форме. Команда по стойке «смирно» замерла рядом — второй пилот, бортинженер, штурман и радист. Напротив расположились старший по погрузочно-разгрузочным работам и его люди, одетые в зеленую форму. Они стояли лицом к лицу двумя шеренгами, почетный караул медленно

двигался между ними к грузовому отсеку. Там они опустились на колени и поставили гроб на полку, прикрепленную к борту самолета. Четверо встали, отошли на шаг и опустили головы. Двое других задвинули гроб на место. Вперед выступил старший по погрузке и закрепил гроб резиновыми ремнями. Потом он вернулся к остальным, и солдаты надолго застыли, отдавая честь.

На погрузку семи гробов ушел час. Все это время люди внутри ангара стояли молча, но вместе с седьмым гробом вышли на бетонную площадку перед ангаром. Они медленно шагали за гробом и остановились у основания трапа. Их окутывал влажный жаркий воздух. Почетный караул спустился по трапу, выполнив свой долг. Высокий седой американец отдал им честь, пожал руки троим вьетнамским офицерам и кивнул женщине-американке. Никто не произнес ни единого слова. Он закинул за плечо сумку и легко взбежал по трапу. Тихо загудел механизм, и трап поднялся. Двигатели зашумели громче, огромный самолет начал двигаться. Сделав левый поворот, самолет скрылся за ангаром. Шум двигателей стал слабеть. Потом звук резко изменился, и оставшиеся у ангара увидели, как транспортный самолет мчится по взлетной полосе, быстро увеличивая скорость. Он взлетел и начал стремительно набирать высоту, лег на крыло и исчез из виду. Остался лишь треугольник мигающих огней и клубы черного дыма с сильным запахом керосина, плывущие в неподвижном вечернем воздухе.

Во внезапно установившейся тишине почетный караул рассеялся. Американка пожала руки трем вьетнамцам и направилась к своему автомобилю. Вьетнамские офицеры зашагали в противоположную сторону, к своей машине, японскому седану, перекрашенному в темно-зеленый цвет. Женщина села за руль, мужчины устроились сзади. До центра Ханоя они доехали довольно быстро. Женщина припарковала машину возле невысокого бетонного здания песочного цвета. Мужчины молча вышли и направились к двери без надписи. Женщина заперла машину и обогнула здание, чтобы войти в него с другой стороны. Она поднялась по лестнице и вошла в свой кабинет. На столе лежала толстая раскрытая книга. Женщина аккуратным почерком записала, что груз отправлен, закрыла книгу и отнесла в шкаф, стоящий рядом с дверью. Заперла шкаф и выглянула в коридор. Вернувшись к столу, она сняла трубку и позвонила человеку, который находился в Нью-Йорке, на расстоянии в одиннадцать тысяч миль.

Мэрилин разбудила Шерил, да и Честер стал смотреть чуть более осмысленно, когда коренастый мужчина вошел в ванную с тремя чашками кофе. В одной руке он держал две чашки, в другой еще одну, прикидывая, куда бы их поставить. После некоторых колебаний он

оставил чашки на узкой полочке под зеркалом. Молча повернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Мэрилин пришлось брать по одной кружке двумя руками, поскольку она боялась расплескать горячий напиток. Она присела на корточки, вручила первую чашку Шерил и помогла ей сделать глоток. Потом вернулась за чашкой для Честера. Он молча взял кофе из ее рук, но смотрел так, словно не понимал, что это такое. Мэрилин взяла третью чашку и сделала несколько жадных глотков. Кофе оказался хорошим. Сливки и сахар должны были помочь восстановить силы.

— Где сертификаты акций? — шепотом спросила она у Честера.

Честер безжизненно посмотрел на нее.

— В моем банке, в сейфе.

Мэрилин кивнула. Только теперь она сообразила, что не знает, как называется и где находится банк Честера. И что такое сертификаты акций.

— Сколько их там?

Он пожал плечами.

— Изначально была тысяча акций. Триста штук я использовал, чтобы получить заем. Мне пришлось временно передать их кредитору.

— И теперь они у Хоби?

Честер кивнул.

— Он выкупил долг. Скорее всего, сегодня он получит эти триста акций. Они им больше не нужны. Еще девяносто штук я передал Хоби в качестве залога. Они в банке. Наверное, очень скоро придется их отдать.

— Как должна происходить передача сертификатов?

Честер устало пожал плечами.

— Я переписываю акции на его имя, он их забирает и регистрирует на фондовой бирже. Как только Хоби получит пятьсот одну акцию, он станет владельцем контрольного пакета.

— Где находится твой банк?

Честер сделал первый глоток кофе.

— В трех кварталах отсюда. Пять минут пешком. Потом пять минут до фондовой биржи. Десять минут от начала и до конца — и мы останемся без единого пенни и без крыши над головой.

Он поставил чашку на пол и вновь уставился в пустоту. Шерил выглядела совершенно апатичной. Она не стала пить кофе. Ее кожа была влажной. Возможно, у нее сотрясение мозга или какие-то другие травмы. Может быть, шок. Мэрилин не знала, поскольку у нее не было никакого опыта в подобных делах. Нос Шерил выглядел ужасно — он почернел и распух. Под глазами появились синяки. Высохшие губы потрескались — ей всю ночь пришлось дышать ртом.

— Попробуй выпить кофе, — предложила ей Мэрилин. — Тебе станет лучше.

Она присела рядом с Шерил на корточки и поднесла чашку к ее губам. Шерил сделала глоток, и немного горячей жидкости выплеснулось на подбородок. Она сделала еще глоток и взглянула на Мэрилин со странным выражением в глазах. Мэрилин не поняла, что она хочет сказать, но улыбнулась, стараясь подбодрить подругу.

— Мы отвезем тебя в больницу, — прошептала Мэрилин.

Шерил закрыла глаза и кивнула, словно почувствовала облегчение. Мэрилин опустилась рядом с ней на колени и взяла ее за руку, размышляя о том, как выполнить данное обещание.

— Ты собираешься оставить его себе? — спросила Джоди.

Она говорила о «линкольне». Ричер уже успел обдумать эту проблему, пока они торчали в пробке возле моста Трайборо.

— Может быть.

Машина была практически новой. Двигатель работал почти бесшумно. Снаружи черный металлик, внутри коричневая мягкая кожа, на спидометре всего четыреста миль. В салоне пахло новой кожей и пластиком. Огромные удобные сиденья, множество консолей с креплениями для выпивки, несколько маленьких колпаков — очевидно, за ними имелись тайники.

— Замечательный автомобиль, — заметила Джоди.

— В сравнении с чем? — улыбаясь, спросил Ричер. — С той маленькой игрушкой, на которой ездишь ты?

— Да, моя машина намного меньше.

— Но и ты намного меньше меня.

Джоди помолчала.

— Она принадлежала Раттеру. Она грязная, — сказала Джоди.

Пробка рассосалась, и они поехали дальше, но вскоре им пришлось снова остановиться на мосту через реку Харлем. Здания Среднего Манхэттена остались далеко слева, теперь их скрывала дымка, словно смутное обещание праздника.

— Это всего лишь инструмент, — возразил Ричер. — А у инструментов нет памяти.

— Я его ненавижу. Мне кажется, я еще никогда не испытывала такой ненависти, — призналась Джоди.

Он кивнул.

— Я понимаю. Все то время, что мы там находились, я думал о Хоби, одиноко живущих в своем маленьком домике, видел их глаза. Страшно посылать на войну единственного сына. И Раттеру, принесшему в их жизнь ложь и жестокий обман, нет прощения. Ведь это могли быть и мои родители. А он провернул свою аферу пятнадцать раз. Мне следовало сильнее его наказать.

— Главное, чтобы он не повторял своих подлостей, — сказала Джоди.

Ричер тряхнул головой.

— Список возможных жертв постоянно уменьшается. Осталось совсем немного родителей, ничего не знающих о судьбе своих сыновей. К тому же большинство из них не поверят Раттеру.

Они перебрались через мост и двинулись на юг по Второй авеню. Шестьдесят кварталов проехали очень быстро.

— Теперь уже очевидно, что нас преследовал не Раттер, — негромко проговорила Джоди. — Он явно не знал, кто мы такие.

Ричер не стал возражать.

— Верно. Сколько фальшивых фотографий необходимо продать, чтобы не пожалеть роскошный «сабурбан шевроле»? Нам нужно все проанализировать с самого начала, Джоди. Кто-то послал двух человек в Ки-Уэст и в Гаррисон, правильно? Два головореза, которым нужно платить деньги, не говоря уже о стоимости билетов на самолеты и об оружии. Потом они садятся в «тахо». Затем появляется третий человек, который без колебаний разбивает «сабурбан». Это серьезные деньги. Подозреваю, что мы видим лишь верхушку айсберга. Вероятно, речь идет о миллионах долларов. Раттеру никогда не заработать таких денег, отбирая у стариков по восемнадцать тысяч долларов за фотографию.

— Черт подери, так что же происходит?

Ричер ничего не ответил, продолжая вести машину и все время поглядывая в зеркало заднего вида.

Хоби был дома, когда раздался звонок из Ханоя. Он выслушал короткий доклад и молча повесил трубку. Потом немного постоял в центре гостиной, склонив голову и прищурив здоровый глаз, точно пытаясь что-то разглядеть. Так игрок, стоящий в дальней части поля, провожает взглядом бейсбольный мяч, летящий вверх по широкой дуге. Вот он бежит к нему, ограда все ближе, рука в перчатке вытянута вверх. Перелетит мяч через ограду или нет? Хоби не знал.

Он вышел на террасу. С тридцатого этажа открывался вид на парк. Хоби ненавидел этот вид, поскольку он напоминал ему о детстве. Однако вид увеличивал стоимость дома, а это было важнее всего. Вкусы других людей, влияющие на рынок, были ему неподвластны. Он лишь извлекал из них прибыль. Хоби повернулся и посмотрел налево, туда, где в самом центре Манхэттена находилось здание его офиса. Отсюда башни-близнецы не выглядели такими уж высокими. Хоби вернулся в гостиную и закрыл двери. Вышел из квартиры, сел в лифт и спустился в гараж.

Машина Хоби, «кадиллак» последней модели, у которого зажигание находилось справа, не была приспособлена к его увечьям. Хоби было очень неудобно вставлять ключ левой рукой — приходилось сильно нагибаться вправо. Впрочем, потом никаких проблем не возникало. Он крюком переместил переключатель скоростей и выехал из гаража, управляя левой рукой, а крюк положив на колени.

Как только Хоби оказался к югу от Пятьдесят девятой улицы, он почувствовал себя лучше. Парк исчез, и он погрузился в ревущие каньоны Манхэттена. Проносящиеся мимо машины оказывали на него успокаивающее действие. Прохладный воздух кондиционера приятно холодил шрамы. Июнь был самым неприятным месяцем для Хоби. Сочетание жары и влажности сводило его с ума. Но в «кадиллаке» ему всегда становилось лучше. Интересно, рассеянно подумал он, понравится ли ему ездить в «мерседесе» Стоуна? Наверное, нет. Он никогда не верил кондиционерам иностранных машин. Что ж, он всегда может продать «мерседес». Хоби знал одного парня в Куинсе, который с удовольствием его купит. Впрочем, это лишь одно из множества дел в его списке. Ему требовалось очень многое провернуть, а времени было в обрез. Игрок в дальней части поля прыгал, пытаясь достать летящий в сторону ограды мяч.

Он оставил машину в подземном гараже — раньше на этом месте стоял «сабурбан». Протянул левую руку и запер «кадиллак». Поднялся наверх на скоростном лифте. Тони сидел за стойкой.

— Снова звонили из Ханоя, — сказал Хоби. — Самолет уже в воздухе.

Тони отвел взгляд в сторону.

— Что такое? — спросил Хоби.

— Значит, нам нужно бросить это дело со Стоуном.

— Им ведь потребуется несколько дней, верно?

— Нескольких дней может не хватить, — возразил Тони. — Возникают осложнения. Женщина сказала, что она поговорила со Стоуном о возможной сделке, и они согласны, но есть осложнения, о которых мы не знали.

— Какие осложнения?

Тони покачал головой.

— Мне она говорить отказалась. Сказала, что будет иметь дело только с вами.

Хоби посмотрел на дверь кабинета.

— Она ведь шутит, верно? Для нее же будет лучше, если она шутит. Сейчас мне совсем не нужны осложнения. Я уже договорился о продаже — речь идет о трех отдельных сделках. Я дал слово. Механизм запущен. Какие еще осложнения?

— Она мне не сказала, — повторил Тони.

У Хоби ужасно чесалось лицо. В гараже кондиционера не было. Пока он шел к лифту, на коже проступил пот. Он прижал крюк ко лбу, надеясь, что холод металла принесет ему облегчение. Но крюк успел нагреться.

— А как обстоит дело с миссис Джейкоб? — спросил он.

— Она всю ночь провела дома, — ответил Тони. — Вместе с Ричером. Я проверял. Утром они смеялись. Я слышал из коридора. А потом они куда-то поехали по магистрали ФДР. Может быть, в Гаррисон.

— Мне не нужно, чтобы она была в Гаррисоне. Мне она требуется здесь. И он.

Тони ничего не ответил.

— Приведи миссис Стоун, — сказал Хоби.

Они вошли в офис, и Хоби приблизился к своему письменному столу, а Тони направился к ванне. Через мгновение он вышел вместе с Мэрилин, слегка подталкивая ее вперед. У нее был усталый вид. Шелковое платье выглядело сейчас совершенно не к месту, словно она направлялась на вечеринку, а попала в метель и до самого утра проторчала под открытым небом.

Хоби указал на диван.

— Садись, Мэрилин, — сказал он.

Она осталась стоять. Диван был слишком низким. В коротком платье на диване сидеть неудобно, и к тому же сидя она не могла рассчитывать на психологическое превосходство, в котором так нуждалась. Однако стоять перед письменным столом она тоже не собиралась, чтобы не оказаться в роли просителя. Она подошла к огромному окну. Слегка приоткрыла жалюзи и выглянула наружу. Потом повернулась и прислонилась к подоконнику. Хоби пришлось слегка развернуть стул, чтобы ее видеть.

— О каких осложнениях идет речь? — спросил Хоби.

Она посмотрела на него и сделала глубокий вдох.

— Мы еще к этому вернемся, — сказала она. — Но прежде Шерил нужно отправить в больницу.

Наступила тишина. Ни единого звука, если не считать шумов, характерных для высотного здания. Где-то на западе раздался вой далекой сирены. Может быть, в Джерси-Сити.

— Так в чем состоят осложнения? — еще раз спросил Хоби.

Он в точности сохранил прежнюю интонацию, словно давал Мэрилин возможность исправить свою ошибку.

— Сначала больница.

Снова воцарилась тишина. Хоби повернулся к Тони и приказал:

— Приведи Стоуна.

Стоун в нижнем белье нетвердой походкой вышел из ванной комнаты. Тони подвел его к столу. Стоун ударился щиколоткой о ножку стола и охнул от боли.

— Так в чем состоят осложнения? — спросил у него Хоби.

Стоун бессмысленно таращился в разные стороны, словно был слишком напутан, чтобы говорить. Хоби ждал. Потом он кивнул и велел Тони:

— Сломай ему ногу.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Мэрилин. Тишина. Ни звука, если не считать хриплого дыхания Стоуна и гудения здания. Хоби смотрел на Мэрилин. Она не опустила глаз.

— Ну давай, — спокойно сказала она. — Сломай его проклятую ногу. Какое мне дело? Он сделал меня нищей и испортил мне жизнь. Сломай сразу обе его проклятые ноги, если тебе так хочется. Однако это не

поможет тебе быстрее получить то, что ты хочешь. Не стоит забывать об осложнениях. И чем быстрее мы к ним обратимся, тем лучше для тебя. Но мы сможем ими заняться только после того, как Шерил окажется в больнице.

Она откинулась назад, опираясь на оконное стекло. Мэрилин надеялась, что так ее поза будет выглядеть небрежной и расслабленной, но на самом деле она боялась, что упадет на пол.

— Сначала больница, — повторила она.

Она так сосредоточилась на своем голосе, что ей вдруг показалось — говорит кто-то другой. Мэрилин осталась довольна собой. Низкий уверенный голос спокойно прозвучал в тишине кабинета.

— Тогда мы заключим сделку, — продолжала она. — Выбор за тобой.

Игрок прыгал, размахивая перчаткой, мяч падал вниз. Перчатка поднялась выше ограды. Траектория мяча была слишком опасной. Хоби принялся стучать крюком по столу. Звук получался резким и громким. Стоун смотрел на Хоби. Не обращая на него внимания, Хоби повернулся к Тони и кисло сказал:

— Отвези эту суку в больницу.

— Честер отправится с ним, — заявила Мэрилин. — Чтобы получить подтверждение. Он должен увидеть, как она входит в приемный покой. Одна. А я останусь здесь, чтобы вы ни в чем не сомневались.

Хоби прекратил стучать. Он посмотрел на Мэрилин и улыбнулся.

— Ты мне не доверяешь?

— Не доверяю. Если мы договоримся иначе, ты просто запрешь Шерил в другом месте.

Хоби продолжал улыбаться.

— Мне это и в голову не приходило. Я намеревался попросить Тони пристрелить ее, а тело сбросить в море.

Снова наступила тишина. Мэрилин чувствовала, как все у нее внутри трясется.

— Ты уверена, что хочешь поступить именно так? — спросил Хоби. — Если она хоть что-то скажет в больнице, тебе конец, ты это понимаешь?

Мэрилин кивнула.

— Она никому ничего не скажет. Ведь она будет знать, что я осталась здесь.

— Тебе стоит об этом помолиться.

— Она не станет болтать. Речь идет не о нас. Речь о Шерил. Она нуждается в медицинской помощи.

Мэрилин не сводила взгляда с Хоби. Ей казалось, что еще немного, и она потеряет сознание. Она искала в глазах Хоби хотя бы намек на сочувствие. Минимальную ответственность за жизнь другого человека. Он смотрел на Мэрилин, но лицо его не выражало ничего, кроме легкого раздражения. Сглотнув, Мэрилин сделала глубокий вдох.

— Кроме того, ей необходима юбка. Она не может войти в больницу без юбки, это будет выглядеть подозрительно. Врачи тут же обратятся в полицию. А нам это ни к чему. Тони нужно выйти в город и купить юбку для Шерил.

— Что ж, одолжи ей свое платье, — предложил Хоби. — Сними его и отдай ей.

Мэрилин долго молчала.

— Мое платье ей не подойдет, — наконец сказала она.

— Но дело не в этом, верно?

Она молчала. Долгая пауза. Хоби пожал плечами.

— Хорошо, — сказал он. Мэрилин снова сглотнула.

— И туфли.

— Что?

— Ей нужны туфли. Она не может ходить босиком.

— Проклятье, а что ты захочешь потом? — осведомился Хоби.

— А потом мы заключим сделку. Как только Честер вернется и скажет, что он видел, как Шерил одна вошла в больницу.

Хоби провел пальцем левой руки по краю крюка.

— Ты умная женщина, — сказал он.

«Мне это известно, — подумала Мэрилин. — И это первое из твоих осложнений».

Ричер поставил спортивную сумку на белый диван под копией Мондриана, расстегнул молнию и высыпал на диван кирпичики пятидесятидолларовых купюр. Тридцать девять тысяч триста долларов наличными. Он разделил их на две части, бросая пачки в разные концы дивана. Получились две впечатляющие груды.

— Четыре похода в банк, — сказала Джоди. — Вклады менее десяти тысяч не отслеживаются, а нам совсем не нужно отвечать на вопросы относительно такого количества наличных, не так ли? Мы положим их на мой счет, а потом выпишем супругам Хоби чек на девятнадцать тысяч шестьсот пятьдесят долларов. К нашей половине мы получим доступ через мою золотую карточку. Согласен?

Ричер кивнул:

— Нам понадобятся билеты до Сент-Луиса в штате Миссури, плюс стоимость отеля. Имея девятнадцать тысяч в банке, мы можем позволить себе останавливаться в приличных отелях и путешествовать бизнес-классом.

— Только так и нужно летать, — сказала Джоди, обнимая его за талию и поднимаясь на цыпочки, чтобы поцеловать в губы.

Он страстно ответил на ее поцелуй.

— Все это получилось классно, правда? — спросила она.

— Для нас — возможно. Но только не для супругов Хоби.

Они съездили в три различных банка, в четвертом Джоди выписала чек на мистера Т. и миссис М. Хоби на сумму 19 650 долларов. Банковский клерк положил чек в розовый конверт, и Джоди спрятала его в сумочку.

Потом они, держась за руки, прогулялись по Бродвею и вернулись домой к Джоди, чтобы она собрала вещи в дорогу. Джоди положила банковский конверт на письменный стол, а Ричер позвонил в аэропорт, чтобы выяснить, когда ближайший рейс на Сент-Луис.

— Вызвать такси? — спросила Джоди.

— Нет, мы поедем сами, — ответил Ричер.

Огромный «линкольн» с шумом развернулся в гараже. Ричер пару раз нажал на газ и улыбнулся. Мощный автомобиль закачался на рессорах.

— Стоимость их игрушек, — сказала Джоди.

Он посмотрел на нее.

— Ты никогда не слышал этой фразы? — удивилась Джоди. — Разница между мужчинами и мальчиками состоит в стоимости их игрушек.

Он еще раз нажал на газ и ухмыльнулся.

— Эта игрушка стоила один доллар.

— И ты только что истратил бензина на два доллара, — добавила Джоди.

Ричер выехал из гаража и свернул на восток по туннелю, затем на 495-е шоссе, в сторону аэропорта Джона Кеннеди.

— Припаркуйся поближе, — предложила Джоди. — Теперь мы можем себе это позволить.

Ему пришлось оставить «штайр» и глушитель. Трудно пройти сквозь металлоискатели аэропорта, когда у тебя в кармане большой металлический пистолет. Ричер спрятал оружие под сиденьем. Они поставили «линкольн» напротив главного здания аэропорта и уже через пять минут купили два билета в один конец в бизнес-классе до Сент-Луиса. Дорогие билеты позволили им пройти в специальный зал, где стюард в форме предложил им хороший кофе в фарфоровых чашках с блюдцами и где они могли бесплатно почитать «Уолл-стрит джорнал». Потом Ричер отнес сумку Джоди прямо в самолет по специальному рукаву. Первые шесть рядов относились к бизнес-классу и располагались по два с каждой стороны. Они были широкими и удобными. Ричер улыбнулся.

— Никогда так не летал, — признался он.

Он уселся на место у иллюминатора. У него даже осталось свободное пространство, чтобы потянуться. Джоди и вовсе утонула в своем сиденье, где с легкостью могли бы разместиться три Джоди. Стюард принес им сок еще до того, как самолет начал двигаться. Они взлетели через несколько минут, и самолет взял курс на запад, минуя южную окраину Манхэттена.

Тони вернулся в офис с блестящей красной сумкой и большим коричневым пакетом. Мэрилин отнесла их в ванну, и через пять минут Шерил вышла наружу. Новая юбка оказалась нужного размера, хотя и не гармонировала по цвету с блузкой. Шерил разглаживала юбку на бедрах неловкими движениями рук. Новые туфли не подходили к юбке и были слишком большими. Ее лицо выглядело ужасно, а ничего не выражающие глаза были покорно опущены, как ей посоветовала Мэрилин.

— Что ты скажешь врачам? — осведомился Хоби.

Шерил отвернулась и сосредоточилась на том, что ей сказала Мэрилин.

— Я ударилась о дверь, — ответила она.

Ее голос был низким и гнусавым. Казалось, она все еще не оправилась от шока.

— Ты собираешься обращаться в полицию?

Она потрясла головой.

— Нет, конечно.

Хоби кивнул.

— А что произойдет, если ты нарушишь свое обещание?

— Я не знаю, — ответила она без всякого выражения.

— Твоя подруга Мэрилин умрет в страшных мучениях. Ты это понимаешь?

Он поднял крюк и подождал, пока Шерил на него посмотрит. Затем Хоби обошел письменный стол и встал за спиной Мэрилин. Левой рукой он отвел ее волосы в сторону. Его рука коснулась ее кожи. Она напряглась. Он провел по щеке Мэрилин кончиком крюка. Шерил слабо кивнула.

— Да, я понимаю, — сказала она.

Они должны были проделать все очень быстро — Шерил была в юбке и туфлях, но Честер оставался в трусах и футболке. Тони приказал им подождать за дверью, пока не пришел грузовой лифт, а потом вывел в коридор и посадил в лифт. Когда лифт спустился в гараж, Тони вышел первым и быстро огляделся по сторонам. Убедившись, что вокруг никого нет, Тони заставил Честера сесть на заднее сиденье, а Шерил посадил впереди, затем включил зажигание, закрыл двери и погнал автомобиль вперед.

Он знал две дюжины больниц на Манхэттене, и почти во всех имелись отделения «скорой помощи». Ему хотелось поехать подальше на север, может быть, в больницу «Гора Синай» на Сотой улице, поскольку так было бы безопаснее. Однако у них не хватало времени. Дорога туда и обратно займет час или даже больше. А он не мог потратить час. Поэтому он выбрал больницу «Сент-Винсент» на углу Одиннадцатой улицы и Седьмой авеню. «Беллвью» на углу Двадцать седьмой и Первой находилась еще ближе, но в ней всегда было полно полицейских. Тони не раз с ними сталкивался. Можно сказать, полицейские там поселились. Поэтому он остановил свой выбор на «Сент-Винсенте». Кроме того, он знал, что перед отделением экстренной медицинской помощи есть обширное свободное пространство, там, где Гринвич-авеню пересекает Седьмую. Он запомнил это место, когда они ловили секретаршу Костелло. Открытый участок, почти площадь. Они смогут издалека наблюдать, как она входит внутрь, и ему не придется подъезжать слишком близко к больнице.

Поездка заняла восемь минут. Тони остановился у обочины на западной стороне Седьмой авеню и щелкнул кнопкой разблокирования дверей.

— На выход, — приказал он.

Шерил распахнула дверцу и вышла на тротуар. Она немного постояла, не зная, куда идти, и после короткого колебания двинулась к перекрестку, не оборачиваясь. Тони наклонился назад, захлопнул дверцу и повернулся к Стоуну.

— Следи за ней, — сказал Тони.

Стоун не сводил глаз с Шерил. Загорелся красный свет, и машины остановились. Сквозь застилающий глаза туман он увидел, как она вышла на проезжую часть вместе с толпой. Шерил шла медленнее, чем остальные, шаркая в слишком больших туфлях. Одной рукой она прикрывала нос. Шерил оказалась на противоположной стороне только после того, как для машин загорелся зеленый свет. Одному нетерпеливому водителю пришлось ее объезжать. Она зашагала к входу в больницу и вскоре оказалась между машинами «скорой помощи», стоящими у входа. Шерил слегка задержалась у двойной двери из поцарапанного пластика, перед которой стояли три медсестры с сигаретами в руках. Она медленно прошла мимо них, даже не повернув в их сторону головы. Осторожно надавила на двери. Створки распахнулись, и Шерил оказалась внутри. Двери за ней закрылись.

— Ну, видел?

Стоун кивнул.

— Да, видел. Она внутри.

Тони посмотрел в зеркало заднего вида и выехал на дорогу. Он успел отъехать на сотню ярдов к югу, а Шерил стояла в очереди к стойке, мысленно повторяя указания, которые дала ей Мэрилин.

Они быстро доехали на такси от аэропорта Сент-Луиса до здания Национального архива, где Ричеру уже не раз доводилось бывать. Большинство его поездок, связанных с работой военного полицейского, предполагало посещения архивов для выяснения подробностей прошлой жизни подозреваемых. Но сейчас все будет иначе. Он войдет сюда как гражданское лицо. Совсем не то же самое, как в те дни, когда на нем была форма майора армии США. Ричер понимал, что теперь его задача намного усложнится.

Доступ к архивам контролировался служащими, расположившимися в вестибюле у самого входа. Технически архив являлся частью хранилища, к которому могли обращаться гражданские лица, но работающие здесь люди постарались сделать так, чтобы этот факт был скрыт от общественности. В прошлом Ричер без колебаний соглашался с подобным подходом. Военные отчеты могли быть слишком откровенными, их следовало читать и интерпретировать с учетом многих факторов. Он всегда радовался, что они оставались

недоступными широкой публике. Но сейчас он сам стал гражданским лицом и не знал, чем все может закончиться. Здесь находились миллионы досье, собранных в дюжинах огромных хранилищ, и иногда приходилось ждать несколько дней или даже недель, прежде чем удавалось найти нужные документы, даже в тех случаях, когда персонал старался помочь. Или мастерски делал вид, что помогает. Ричер не раз видел, как это бывает, и наблюдал за происходящим с мрачной улыбкой.

Они остановились под жарким солнцем Миссури и, расплатившись с таксистом, договорились, как будут действовать дальше. Войдя внутрь, они увидели большое объявление: «Одно досье за раз». Встав в очередь к клерку, они стали ждать. Это была грузная женщина средних лет, одетая в форму мастер-сержанта. Ее обязанности состояли в том, чтобы заставить людей ждать, пока их пожелание не будет выполнено. После долгой паузы она выдала им два бланка и указала на карандаш, привязанный к стойке бечевкой.

Это были специальные формы с просьбой о доступе. Джоди написала, что ее фамилия Джейкоб, и затребовала всю доступную информацию на майора Джека Ричера, армия США, отдел криминальных расследований. Ричер взял у нее карандаш и написал, что хочет получить сведения о генерал-лейтенанте Леоне Джероме Гарбере. Он протянул заполненные бланки мастер-сержанту, которая посмотрела на них и положила в корзину с исходящими бумагами. Затем она позвонила в стоящий рядом с ее локтем колокольчик и погрузилась в работу. Идея состояла в том, что кто-то из рядовых услышит звонок, заберет бланки и начнет поиски.

— Кто сегодня руководит сменой? — спросил Ричер.

Это был прямой вопрос. Сержант попыталась найти способ не отвечать на него, но не сумела.

— Майор Теодор Конрад, — неохотно ответила она.

Ричер нахмурился. Конрад? Этого имени он не помнил.

— Вы не могли бы ему передать, что я хотел бы с ним кратко переговорить? И не могли бы вы доставить эти два досье в его кабинет?

Его слова были чем-то средним между вежливой просьбой и непроизнесенным приказом. Именно такой голос лучше всего подходил для общения с мастер-сержантами — в этом Ричер не раз убеждался на практике. Женщина взяла трубку и позвонила.

— Вам покажут, куда идти, — сказала она, явно удивленная тем, что Конрад согласился сделать им такое одолжение.

— В этом нет нужды, — сказал Ричер. — Я знаю, куда нужно идти. Мне уже доводилось здесь бывать.

Он повел Джоди вверх по лестнице к просторному кабинету на втором этаже. Майор Теодор Конрад в летней форме ждал их у двери. Его имя было написано на поливиниловой табличке над нагрудным карманом. Он выглядел дружелюбным, но не забывал о серьезности своей должности. Впрочем, ему было сорок пять лет — звание майора говорило о том, что он не слишком торопился в жизни. Ричер немного подождал, увидев рядового, который спешил к ним по коридору с двумя пухлыми папками в руках. Ричер мысленно улыбнулся. Их обслуживали по высшему разряду. Если эти люди захотят, они могут найти все, что требуется, достаточно быстро. Конрад взял папки и отпустил рядового.

— Так что же я могу для вас сделать? — спросил он.

Он выговаривал слова медленно, с характерным акцентом, похожим на тягучие воды Миссисипи. Впрочем, его улыбка располагала.

— Нам потребуется ваша помощь, майор, — ответил Ричер. — И мы надеемся, что после того, как вы просмотрите эти документы, вы нам в ней не откажете.

Конрад взглянул на папки, которые держал в руках, и пригласил их войти в его кабинет. Здесь было тихо и комфортно. Он предложил им сесть в кожаные кресла, а сам устроился за письменным столом, положил перед собой папки и открыл первую из них. Это было досье Леона. Он принялся быстро его просматривать.

Ему понадобилось десять минут, чтобы получить представление о документах. Ричер и Джоди сидели и смотрели в окно. Город жарился под белым солнцем. Конрад закончил чтение и взглянул на имена на бланках запросов. Потом посмотрел на посетителей.

— Два превосходных досье, — сказал он. — Они производят сильное впечатление. Я понял, что вы хотели этим сказать. Вы Джек Ричер, а вы миссис Джоди Джейкоб, которая упоминается в досье Леона Гарбера как Джоди Гарбер, его дочь. Верно?

Джоди кивнула и улыбнулась.

— Так я и подумал. И вы полагаете, что это даст вам более эффективный доступ к архивам?

Ричер серьезно покачал головой.

— Нам это и в голову не приходило. Мы прекрасно знаем, что все запросы выполняются с одинаковой быстротой и тщательностью.

Конрад улыбнулся, не выдержал и расхохотался.

— Вам удалось сохранить серьезное лицо, — сказал он. — Вы играете в покер? У вас наверняка неплохо бы получилось. Так чем я могу вам помочь?

— Нам нужна любая информация на Виктора Трумэна Хоби, — ответил Ричер.

— Вьетнам?

— Вы с ним знакомы? — удивился Ричер.

— Никогда о нем не слышал, — улыбнулся Конрад. — Но если его второе имя Трумэн, значит, он родился где-то между тысяча девятьсот сорок пятым и пятьдесят вторым годами, верно? Значит, он слишком молод для Кореи и слишком стар для Персидского залива.

Ричер кивнул. Ему начинал нравиться Теодор Конрад. Быстро соображает. Было бы любопытно взглянуть на его досье и выяснить, почему в возрасте сорока пяти лет он все еще майор и сидит в офисе.

— Мы будем работать здесь, — продолжал Конрад. — С радостью вам помогу.

Он поднял трубку и позвонил непосредственно в архив, минуя мастер-сержанта. Конрад подмигнул Ричеру, заказывая досье Хоби. Они сидели в доброжелательном молчании, когда ровно через пять минут им принесли досье.

— Оперативно, — заметила Джоди.

— На самом деле они немного задержались, — отозвался Конрад. — Представьте себе, как действует рядовой. Он слышит от меня фамилию Хоби и сразу бежит в секцию X, сравнивает инициалы, хватает папку и мчится сюда. Мои люди проходят соответствующую физическую подготовку, ведь они служат в армии, из чего следует, что каждый способен пробежать за пять минут около мили. И хотя архивы занимают много места, расстояние, которое необходимо преодолеть рядовому, чтобы переместиться в пространстве от своего поста до секции X, а оттуда до моего кабинета, заметно меньше мили, уж поверьте мне. Так что он немного запоздал. Подозреваю, что его задержала мастер-сержант, чтобы слегка меня позлить.

Папка с досье Виктора Хоби оказалась старой и потрескавшейся, к ней был приклеен листок, на котором от руки, аккуратным почерком, перечислялись все запросы на досье. Их оказалось два.

— Запросы делались по телефону, — пояснил Конрад. — В марте этого года звонил сам генерал Гарбер. Некто Костелло звонил сюда из

Нью-Йорка в начале прошлой недели. Почему возник столь неожиданный интерес?

— Именно это нас и занимает, — ответил Ричер.

Досье солдата, побывавшего в сражениях, обычно бывает довольно толстым, в особенности если боевые действия проходили тридцать лет назад. За три десятка лет все донесения и отчеты заняли свои места. В папке Виктора Хоби было собрано два дюйма различных бумаг, и они с трудом помещались внутри. Папка напомнила Ричеру черный кожаный бумажник Костелло, который он видел в баре Ки-Уэста. Он придвинул свое кресло ближе к Джоди и к письменному столу Конрада. Майор положил папку перед ними и перевернул, словно предлагал знатокам редкие сокровища.

Мэрилин дала подруге предельно четкие указания, и Шерил выполнила их с предельной точностью. Первым делом она должна получить лечение. Шерил уселась на жестком пластиковом стуле возле стойки. Ей повезло: в этот день нагрузка на врачей в отделении экстренной помощи была небольшой, и уже через десять минут ее осматривала молодая женщина-врач, которая вполне могла быть ее дочерью.

— Как это произошло? — спросила врач.

— Я налетела на дверь, — ответила Шерил.

Врач отвела ее в дальний конец кабинета, положила на стол для осмотра и стала проверять рефлексы.

— На дверь? Вы уверены?

Шерил кивнула. Она решила придерживаться именно такой версии. Мэрилин очень ее об этом просила.

— Дверь была полуоткрыта, я ее не видела и резко повернулась.

Врач ничего не сказала и посветила фонариком сначала в левый глаз Шерил, потом в правый.

— Как у вас со зрением?

— Иногда все расплывается.

— Головная боль?

— Просто ужасная.

Врач немного помолчала, разглядывая бланк, на котором были записаны сведения о Шерил.

— Ладно, нужен рентген лицевых костей, но я бы также хотела сделать снимки черепа и компьютерную томографию. Нам необходимо выяснить, что произошло. У вас хорошая страховка, так что я попрошу хирурга сразу же вас осмотреть, ведь если вам потребуется серьезное лечение, то лучше с этим не тянуть, верно? Сейчас вам следует надеть халат и лечь. Потом я дам таблетку, чтобы у вас прошла головная боль.

Однако Шерил не забыла, что Мэрилин настаивала, чтобы она позвонила до того, как получит болеутоляющее: «Иначе все начнет расплываться и ты забудешь, что нужно сказать».

— Мне нужно позвонить, — с тревогой сказала Шерил.

— Если хотите, можете позвонить мужу, — предложила врач.

— Я не замужем. Речь идет об адвокате. Мне нужно позвонить адвокату моей подруги.

Врач посмотрела на нее и пожала плечами.

— Ладно, телефон в конце коридора. Только не задерживайтесь.

Шерил подошла к телефонам и попросила, чтобы ей разрешили позвонить за счет вызываемого лица, как ей посоветовала Мэрилин. Она назвала номер, который Мэрилин заставила ее запомнить. Трубку взяли после второго гудка.

— Форстер и Абельштейн, — произнес радостный голос. — Чем я могу вам помочь?

— Я звоню от имени мистера Честера Стоуна, — сказала Шерил. — Мне необходимо поговорить с его адвокатом.

— Значит, с самим мистером Форстером, — сообщил радостный голос. — Пожалуйста, подождите.

Пока Шерил слушала музыкальный отыгрыш, врач стояла в двадцати футах от нее, возле конторки, и тоже звонила по телефону. Но ее разговор не сопровождался музыкой. Врач набрала номер полицейского участка, отдел домашнего насилия.

— Больница «Сент-Винсент», — сказала врач. — У меня еще один случай для вас. Пациентка говорит, что случайно ударилась носом о дверь. Она даже не признает, что замужем, не говоря уже о том, что он ее бьет. Вы можете приехать и поговорить с ней в любое время.

Первым документом в папке оказалось заявление Виктора Хоби о вступлении в армию. Бумага, потемневшая на краях и ставшая ломкой от времени, была исписана тем же аккуратным почерком левши, который они видели в письмах Хоби домой. В заявлении говорилось об

образовании Хоби и его желании стать пилотом вертолета, и больше в нем не нашлось ничего интересного. В общем, ничего выдающегося. Тем не менее на каждого такого добровольца находилось две дюжины других парней, которые покупали билет на автобус до Канады в один конец, так что армейские службы с радостью ухватились за Хоби и сразу же отправили его по врачам. Он без проблем прошел осмотр. Шесть футов один дюйм, сто семьдесят фунтов, прекрасное зрение, большой объем легких, никаких инфекционных заболеваний. Осмотр проходил в начале весны, и Ричер легко мог представить себе бледного после нью-йоркской зимы юношу, стоящего в одних трусах на голом деревянном полу, пока ему измеряют объем груди.

Следующим документом оказалась подорожная на проезд до Форт-Полка и копия приказа на прибытие туда в течение двух недель для прохождения пехотной подготовки. Ричер нашел записи относительно умения Хоби обращаться с оружием. У него были хорошие отметки, а в Полке их просто так никому не выставляли. В Диксе ставили высокую оценку, если тебе удавалось узнать винтовку с расстояния в десять шагов. В Полке такие оценки говорили о превосходной координации, хорошем мышечном контроле и немалом хладнокровии. Ричер не являлся экспертом по полетам, но не сомневался, что инструкторы не проявили большой радости, когда им пришлось отпустить такого способного стрелка в пилоты.

Здесь же были и другие подорожные, на сей раз в Форт-Уолтерс, Техас, где находилась армейская школа по обучению пилотов вертолетов. Ричер нашел документ, в котором говорилось, что Хоби отказался от месячного отпуска, чтобы побыстрее отправиться в школу. Чувствовалось, что поведение молодого солдата произвело положительное впечатление на его начальство. Вот человек, который хочет побыстрее добиться поставленной цели.

В Уолтерсе Хоби провел пять месяцев, о чем осталось немало самых разных документов. Обучение здесь было поставлено серьезно, как в колледже. Сначала Хоби проходил месячную предполетную подготовку с упором на физику и аэронавигацию — обучение шло в классах. Затем экзамен. Хоби сдал его с блеском. Ему пригодились математические способности, которые, как рассчитывал его отец, помогли бы ему стать хорошим бухгалтером. Он окончил первым в своем классе. Однако возник негативный отзыв относительно его отношения к работе. Какой-то офицер критиковал Хоби за то, что он пользовался услугами своих товарищей в обмен на помощь в учебе. Хоби помогал одноклассникам решать сложные уравнения, а они за это чистили ему сапоги. Ричер мысленно пожал плечами. Офицер был настоящей задницей. Хоби учился на пилота вертолета, а не на святого.

Следующие четыре месяца посвящались полетам на «Хиллерах Х-23». Первым инструктором Хоби был парень по имени Ланарк. Его отчеты о работе Хоби оказались ужасными каракулями, совершенно не характерными для военного, иногда забавными. Он утверждал, что обучение полетам на вертолете напоминает обучение езде на велосипеде. Раз за разом у тебя ничего не получается, а потом ты в полном порядке — и больше никогда не забудешь, как это делается. По мнению Ланарка, Хоби долго не мог схватить суть, но потом его успехи стали превосходными. Он овладел пилотированием «хиллера» и «Х-19 Сикорски», что равносильно переходу на десятискоростной гоночный английский велосипед. На «сикорском» у Хоби получалось даже лучше, чем на «хиллере». Он оказался прирожденным пилотом, и чем сложнее была машина, тем увереннее он ею управлял.

Хоби закончил Уолтере вторым, показав выдающиеся результаты, — его опередил лишь ас А. А. Девитт. Оба получили одинаковые подорожные и отправились в Форт-Раккер в Алабаме, где им предстояло пройти еще один продвинутый четырехмесячный курс обучения.

— Имя Девитта кажется мне знакомым, — заметил Ричер.

Конрад с интересом следил за происходящим.

— Возможно, это генерал Девитт, — ответил он. — Он командует школой в Уолтерсе. Логично, не так ли? Я сейчас проверю.

Он позвонил в архив и попросил доставить досье генерал-майора А. А. Девитта. Кладя трубку, Конрад посмотрел на часы.

— Теперь он должен появиться быстрее, поскольку секция Д ближе, чем секция Х. Если только проклятый мастер-сержант снова не вмешается.

По губам Ричера пробежала улыбка, и он вновь присоединился к Джоди, вернувшись на тридцать лет назад. Форт-Раккер был уже серьезной школой, здесь имелись новенькие штурмовые вертолеты «Белл ЮХ-1 Ирокезы», прозванные «хьюи». Большие мощные машины с газовыми турбинами в качестве двигателей, с незабываемым «воп-воп-воп», издаваемым пропеллером с лопастями в сорок восемь футов длиной и в двадцать один дюйм шириной. Юный Виктор Хоби управлял таким вертолетом в небе Алабамы в течение семнадцати долгих недель, а затем блестяще сдал экзамен — его отец даже сумел снять награждение на специальном параде.

— Три минуты сорок секунд, — прошептал Конрад.

Прибыл рядовой с досье Девитта. Конрад наклонился вперед и взял досье из рук солдата. Тот отдал честь и вышел из кабинета майора.

— Я не имею права показывать вам досье генерала, — сказал Конрад. — Генерал все еще на действительной службе, вы ведь понимаете? Но я могу сказать, тот ли это Девитт.

Он раскрыл досье в самом начале, и Ричер заметил такие же бумаги, какие лежали в папке Хоби. Конрад быстро их просмотрел и кивнул.

— Тот же Девитт. Он выжил в джунглях и с тех пор не покидал борт. Помешан на вертолетах. Меня не удивит, если он дослужит свой срок в Уолтерсе.

Ричер выглянул в окно: время близилось к полудню.

— Хотите кофе? — предложил Конрад.

— Было бы чудесно, — сказала Джоди, а Ричер кивнул.

Конрад поднял трубку и снова позвонил.

— Кофе, — сказал он. — Это не досье. Это просьба о легкой закуске. Три чашки. Лучший фарфор.

Рядовой принес кофе на серебряном подносе, а Ричер к этому моменту успел добраться до Форт-Бельвуара в Виргинии, куда прибыл Виктор Хоби вместе со своим новым другом А. А. Девиттом. Они поступили на службу в Третью транспортную роту Первой кавалерийской дивизии, пробыли там в течение двух недель, и для армии этого оказалось достаточно, чтобы их подразделение получило имя аэромобильного. В дальнейшем оно стало называться ротой «Б» 229-го штурмового вертолетного батальона. По истечении двух недель переименованная рота отплыла от побережья Алабамы, будучи частью конвоя из семнадцати кораблей, в тридцатиоднодневное морское путешествие в залив Лонг-Мэй, находящийся во Вьетнаме двадцатью милями южнее Куайнхона и в одиннадцати тысячах миль от Америки.

Тридцать один день в море — целый месяц, во время которого командиры придумывали для всех работу, чтобы люди не скучали. Если верить досье Хоби, он взялся за обслуживание вертолетов, из чего следовало, что он без конца разбирал, собирал, смазывал и чистил «хьюи», чтобы морская соль не испортила машины. Он получил положительный отзыв и сошел на побережье Индокитая первым лейтенантом, покинув Соединенные Штаты вторым. Прошло тринадцать месяцев после его поступления в армию. Быстрое продвижение для достойного новобранца. Один из хороших парней. Ричер вспомнил слова Эда Стивена, когда они стояли под жаркими лучами солнца возле его магазинчика: «Очень серьезный, очень честный, но самый обычный».

— Сливки? — спросил Конрад.

Ричер покачал головой одновременно с Джоди.

— Без всего, — сказали они дружно.

Конрад разлил кофе, а Ричер продолжил чтение. В те времена использовались два вида «хьюи»: боевой и транспортный, который прозвали «гладким». Роте «Б» поручили пилотирование именно «гладких» вертолетов, они должны были обеспечивать решение транспортных проблем Первой кавалерийской дивизии. «Гладкий» использовали для перевозок, но он имел кое-какое вооружение. Стандартный «хьюи» со снятыми боковыми дверями — на их месте установили два тяжелых пулемета, крепившихся эластичными шнурами. Экипаж состоял из пилота, второго пилота, двух стрелков и бортмеханика. «Гладкий» мог поднимать столько пехотинцев, сколько помещалось за спинами двух стрелков, или тонну боеприпасов, или и то и другое.

Здесь тренировки носили специальный характер, поскольку Вьетнам заметно отличался от Алабамы. Тут не существовало специальной системы оценок, но Хоби и Девитт стали первыми новыми пилотами, которым пришлось служить в джунглях. Нужно было участвовать в пяти боевых вылетах в качестве второго пилота, и если ты успешно проходил это испытание, то занимал место пилота и получал в свое подчинение второго. Тогда и начались серьезные дела, что нашло отражение в досье. Вся вторая половина папки посвящалась отчетам о боевых вылетах, напечатанным на папиросной бумаге сухим и скучным языком. Отчеты писал не Хоби, а ротный писарь.

Сражения случались эпизодически. Война шла, не ослабевая, но Хоби приходилось много времени проводить на земле из-за плохой погоды. В течение нескольких дней подряд вьетнамские туманы делали полеты вертолетов на малых высотах самоубийственными. Затем погода на некоторое время улучшалась, и тогда появлялось сразу несколько отчетов, датированных одним и тем же днем: три, пять, иногда семь вылетов за один день против отчаянно сопротивляющегося врага. Хоби доставлял новые войска и боеприпасы, вывозил раненых. Потом туман вновь сгущался, и «хьюи» стояли в ангарах, дожидаясь очередного просветления. Ричер представил себе Хоби, проводящего бесконечные дни в казарме, разочарованного или довольного, скучающего или напряженного. А потом долгие часы ожидания сменялись жуткими мгновениями боя.

Отчеты были разделены на две части: стандартное вручение медали, долгое возвращение в Нью-Йорк, а затем начало второй половины. И новые отчеты о боевых вылетах. Та же самая работа, тот же образ жизни. Однако отчетов во второй части оказалось меньше. В последнем листке досье описывался девятьсот девяносто первый боевой вылет лейтенанта

Виктора Хоби, но это был не обычный полет по делам Первой кавалерийской дивизии. Хоби получил специальное задание. Он взлетел в Плейку и направился на восток, где находилась временная посадочная площадка неподалеку от перевала Анкхе. Хоби получил приказ вместе с еще одним «гладким» вывезти отряд американских солдат. Второй вертолет пилотировал Девитт. Хоби добрался до посадочной площадки первым. Он приземлился в самом центре зоны под плотным пулеметным огнем из джунглей. Очевидцы видели, как ему удалось взять на борт всего троих солдат. После этого он сразу же взлетел. Корпус его «хьюи» получил несколько пробоин от пулеметного огня противника. Стрелки Хоби вели ответный огонь практически вслепую.

Девитт кружил над посадочной площадкой, пока Хоби поднимался в воздух, и видел, как пулеметная очередь прошила двигатель вертолета Хоби. В его донесении, написанном ротным писарем, говорилось, что Девитт стал свидетелем того, как лопасти «хьюи» перестали вращаться и загорелся топливный бак. Вертолет рухнул в джунгли в четырех милях к западу от посадочной зоны. По оценкам Девитта, его скорость составляла не менее восьмидесяти миль в час. Девитт доложил о зеленой вспышке, видимой сквозь листву, — обычно это свидетельствовало о взрыве топливного бака на земле в джунглях. Тут же попытались провести спасательную операцию, но ее пришлось отложить из-за погоды. С воздуха не удалось обнаружить место аварии и обломки. Поскольку территория в восьми милях западнее перевала считалась непроходимыми джунглями, то командование пришло к выводу, что там нет войск Народной армии Вьетнама и экипажу Хоби не грозит плен. В результате Хоби и еще семь человек попали в категорию «пропавшие без вести в бою».

— Но почему? — спросила Джоди. — Девитт видел, как вертолет взорвался. Почему эти люди оказались в списке пропавших? Ведь не вызывает сомнений, что все они погибли, не так ли?

Майор Конрад не стал возражать.

— Наверное, так и есть. Однако нельзя утверждать наверняка. Теоретически это мог взорваться полевой склад боеприпасов НАВ, в который попал шальной выстрел из падающего вертолета. Могло быть все, что угодно. «Погиб в бою» говорят только о тех солдатах, относительно которых есть полная уверенность, например кто-то видел своими глазами, что там произошло. Когда истребители падали в океан с высоты двухсот миль, их пилотов и экипаж записывали в список пропавших без вести в бою, а не убитых, поскольку теоретически они могли спастись. Для того чтобы занести их в список погибших, кто-то должен был видеть, как это произошло. Я могу показать вам папку в десять раз более толстую, чем эта, в которой вновь и вновь определяется, как именно следует фиксировать гибель солдата.

— Но почему? — снова спросила Джоди. — Неужели армия так боялась прессы?

Конрад покачал головой.

— Нет, я говорю о персонале архивов. Всякий раз, когда возникала опасность со стороны прессы, им приходилось прибегать ко лжи. Этому были две причины. Первая состояла в том, что они не хотели причинить вред ближайшим родственникам. Поверьте мне, случались удивительные вещи. Это была совершенно враждебная среда. Однако люди выживали в невероятно сложных условиях. Кто-то появлялся позднее. Людей находили. Постоянно велся розыск пропавших солдат. Некоторые попадали в плен, а «чарли» [13] не присылали нам полных списков пленных. Такие списки появились значительно позже. Департамент не мог сообщить ближайшим родственникам о том, что их мальчик убит: вдруг потом окажется, что он уцелел? Поэтому их имена вносили в списки пропавших без вести, и они оставались там до наступления полной ясности. Он довольно долго молчал.

— Вторая причина состоит в том, что они боялись. Но вовсе не прессы. Они боялись самих себя. Боялись признать, что потерпели жестокое поражение.

Ричер просматривал последнее донесение. Он обратил внимание на имя второго пилота, второго капитана Ф. Г. Каплана. Тот был постоянным напарником Хоби с момента его возвращения во Вьетнам.

— Могу ли я взглянуть на его досье? — спросил Ричер.

— Секция «К»? — уточнил Конрад. — Досье будет здесь через четыре минуты.

Они молча пили холодный кофе, когда солдат доставил в кабинет досье Каплана. Это было толстое старое досье, похожее на досье Хоби. На нем также имелась наклейка с перечнем обращений. За последние двадцать лет этим досье интересовался только Леон Гарбер. Ричер перевернул досье и начал его изучение с конца. Предпоследняя страница совпадала с последней страницей в папке Хоби. То же описание последнего вылета со слов Девитта, тот же писарь и тот же почерк.

Однако в досье имелась еще одна страница, датированная двумя годами позже. Это было формальное решение, вынесенное в результате рассмотрения обстоятельств дела Военным департаментом. В нем говорилось, что Ф. Г. Каплан погиб во время сражения в четырех милях к западу от перевала Анкхе, когда вертолет, в котором он находился в качестве второго пилота, был сбит вражеским огнем. Тело найти не удалось, но смерть признана свершившейся, чтобы появилась

возможность для выплаты пенсии родственникам. Ричер нахмурился, глядя на лежащий перед ним лист бумаги.

— Почему же Виктора Хоби не признали погибшим?

Конрад вздохнул.

— Я не знаю.

— Я хочу слетать в Техас, — сказал Ричер.

Аэропорт Ной-Бэй возле Ханоя и авиабаза Хикам-Филд в Гонолулу находятся на одной и той же широте, так что транспортному самолету ВВС США не пришлось лететь на юг или на север. Самолет следовал строго с запада на восток через Тихий океан, между тропиком Рака и двенадцатой параллелью. Шесть тысяч миль, шестьсот миль в час, десять часов полета — во всяком случае, так было семь часов назад, когда самолет взлетел в три часа дня. Капитан сделал обычное в таких случаях объявление о том, что они пересекли демаркационную линию суточного времени, а высокий седой американец в задней части кабины перевел часы назад и добавил еще один день к своей жизни.

Хикам-Филд является главной военно-воздушной базой на Гавайях, но делит взлетные полосы и воздушное пространство с международным аэропортом Гонолулу. Так что «старлифтеру» пришлось сделать широкий круг над морем, дожидаясь, пока совершит посадку самолет из Токио. Затем «старлифтер» начал снижаться, и вскоре завизжали шасси, коснувшись взлетной полосы, завыли турбины двигателей, переходя на обратную тягу. Пилота не слишком интересовали нежности пассажирских полетов, поэтому он резко нажал на тормоза и сумел остановиться возле первого съезда с полосы. Аэропорт постоянно требовал, чтобы военные самолеты держались подальше от туристов. В особенности от японских туристов. Этот пилот был из Коннектикута, и его совершенно не волновало, как скажется появление его самолета на доходах Гавайев, а тем более не волновала восточная впечатлительность. Для него имело значение одно: так он мог быстрее добраться до военного городка, а потому он неизменно выбирал именно этот путь.

Как и положено, «старлифтер» остановился в пятидесяти ярдах от длинного бетонного здания, рядом с колючей проволокой. Пилот заглушил двигатели и немного посидел, наслаждаясь тишиной. Солдаты в парадной форме медленно приближались к самолету, толкая перед собой толстый кабель, чтобы подсоединить его к люку. Они закончили необходимые операции с носовым люком, и все системы самолета заработали от источника энергии аэропорта. Так обеспечивалась тишина при проведении церемонии.

Почетный караул в Хикаме в этот день, как и обычно, состоял из восьми человек, одетых в четыре вида формы: двое представляли армию Соединенных Штатов, двое — Военно-морские силы, двое — Корпус морской пехоты и еще двое — Военно-воздушные силы. Восьмерка проделала свой медленный марш и замерла на месте. Пилот переместил рубильник, и задний трап начал медленно опускаться. Как только он коснулся раскаленного бетона территории Соединенных Штатов, почетный караул промаршировал по самой его середине внутрь самолета. Они миновали две застывшие шеренги — экипаж самолета — и двинулись дальше. Один из членов экипажа снял резиновые петли, и солдаты почетного караула подняли первый гроб на плечи. Они медленно промаршировали обратно, спустились по трапу и оказались под лучами яркого солнца, где сверкал алюминий и ослепительные лучи освещали флаг на фоне голубых вод Тихого океана и зеленых предгорий Оаху. Почетный караул свернул направо и медленно преодолел пятьдесят ярдов до длинного бетонного здания. Солдаты вошли внутрь, опустились на колени и поставили гроб на пол. Они постояли в полной неподвижности, сложив руки за спиной и опустив головы, затем встали, развернулись и медленно зашагали обратно к самолету.

Чтобы выгрузить все семь гробов, потребовался час. Только после того как процедура завершилась, высокий седой американец встал. Он спустился вниз и остановился, чтобы размять онемевшее тело под лучами жаркого солнца.

Глава 12

Стоуну пришлось просидеть пять минут на заднем сиденье за темным стеклом машины, поскольку эстакада перед Всемирным торговым центром была занята. Тони слонялся вокруг машины, дожидаясь, когда отъедет один грузовик, чтобы проскочить вслед за ним, пока не появился другой. Наконец ему удалось выбрать подходящий момент, и он потащил Стоуна за собой через гараж к грузовому лифту, нажал на кнопку, и они молча поехали вверх. Тони стоял, опустив голову и вдыхая сильный запах резины. Они вышли из лифта, и Тони осмотрелся. Путь к двери кабинета Хоби был свободен.

Коренастый мужчина сидел в приемной. Тони и Стоун сразу же прошли мимо него в офис. Там, как всегда, было темно. Жалюзи опущены, тишина. Хоби сидел за письменным столом, глядя на Мэрилин, которая устроилась на диване, подобрав под себя ноги.

— Ну? — спросил Хоби. — Миссия завершена успешно?

Стоун кивнул.

— Она благополучно вошла в больницу.

— В какую именно? — спросила Мэрилин.

— «Сент-Винсент», — ответил Тони. — Прямо в крыло экстренной помощи.

Стоун кивнул, чтобы подтвердить слова Тони, и заметил, как по губам Мэрилин промелькнула улыбка облегчения.

— Хорошо, — продолжал Хоби. — Доброе дело мы сделали. Пора перейти к нашим проблемам. Так о каких осложнениях я должен знать?

Тони провел Стоуна вокруг кофейного столика и усадил на диван рядом с Мэрилин. Глаза Стоуна вновь были устремлены в пустоту.

— Ну? — нетерпеливо сказал Хоби.

— Дело в акциях, — проговорила Мэрилин. — Мой муж не является их полным владельцем.

Хоби посмотрел на нее.

— Проклятье, он владеет акциями. Я проверял на бирже.

Она кивнула.

— Ну да, он владелец. Однако я хочу сказать, что он их не контролирует. У него нет к ним прямого доступа.

— Черт возьми, почему?

— Это фонд. Доступ определяется членами фонда.

— Какой еще фонд? Почему?

— Фонд организовал его отец перед смертью. Он не мог полностью довериться Честеру. Отец считал, что Честер нуждается в контроле.

Хоби молча смотрел на нее.

— Так что всякий раз, когда требуется перемещение крупного пакета акций, необходима подпись других членов фонда, — сказала Мэрилин.

Хоби молчал.

— Обоих членов, — добавила она.

Хоби перевел взгляд на Честера Стоуна. Так луч прожектора смещается в сторону, стараясь отыскать что-то в темноте. Мэрилин наблюдала за здоровым глазом. Она видела, что Хоби размышляет. Видела, что он попался на ее ложь, как она и рассчитывала. Слова Мэрилин вполне соответствовали тому, что происходило на глазах Хоби: бизнес Честера разваливался, поскольку он был плохим бизнесменом. А этот факт не

мог пройти мимо внимания его отца. И в такой ситуации разумный отец наверняка захотел бы оградить наследие своей семьи созданием фонда.

— С этим ничего не поделать, — продолжала Мэрилин. — Видит бог, мы не раз пытались.

Хоби едва заметно кивнул. Мэрилин внутренне улыбнулась. Она торжествовала. Ее последняя реплика убедила его. С фондом нужно бороться. Значит, должны быть подобные попытки, чтобы доказать его существование.

— И кто же является членами фонда? — спокойно спросил Хоби.

— Один из них — я. А второй — старший партнер юридической фирмы.

— Только два члена фонда?

Она кивнула.

— И ты — одна из них? Она снова кивнула.

— И у вас уже есть мой голос. Я хочу побыстрее избавиться от этой проклятой штуки, да и от вас тоже.

Хоби еще раз кивнул.

— Ты умная женщина.

— О какой юридической фирме идет речь? — поинтересовался Тони.

— «Форстер и Абельштейн», — ответила Мэрилин. — Она здесь, в городе.

— И кто же старший партнер? — спросил Тони.

— Дэвид Форстер, — сказала Мэрилин.

— Как нам организовать встречу с ним?

— Я ему позвоню. Или это может сделать Честер, но мне кажется, что сейчас будет лучше, если этим займусь я.

— Ну так позвони ему и договорись на сегодня.

Она покачала головой.

— Так быстро не получится. Может занять пару дней.

Вновь наступила тишина, которую нарушало лишь тяжелое дыхание огромного здания. Хоби постукивал крюком по столу. Он прикрыл глаза. Поврежденное веко не закрывалось до конца. Зрачок исчез, виднелся лишь белый кусочек в форме полумесяца.

— Завтра утром, — спокойно сказал он. — Это самый поздний срок. Скажи ему, что у вас возникли срочные проблемы.

Тут его глаза открылись.

— И попроси прислать по факсу все документы фонда, — прошептал он. — Немедленно. Я должен знать, с чем мне приходится иметь дело.

Внутри у Мэрилин все тряслось. Она откинулась на спинку дивана, пытаясь взять себя в руки.

— Я не вижу никаких проблем. Это простая формальность.

— Ну так позвони ему, — сказал Хоби.

Мэрилин встала, у нее кружилась голова. Она разгладила платье на бедрах. Честер на мгновение коснулся ее локтя. Слабый жест поддержки. Мэрилин последовала за Хоби к конторке в приемной.

— Набери девятку для выхода в город, — сказал Хоби.

Она обошла конторку, сопровождаемая пристальными взглядами троих мужчин. Телефон оказался небольшой консолью. Она скользнула взглядом по кнопкам и увидела микрофон. Мэрилин слегка расслабилась и взяла трубку. Нажала на девятку и услышала в трубке гудок.

— И веди себя соответственно, — сказал Хоби. — Ты ведь умная женщина, и сейчас тебе потребуется весь твой ум.

Мэрилин кивнула, а Хоби поднял крюк, и металл тускло сверкнул. Он выглядел тяжелым. Крюк был сделан с большой тщательностью и любовно отполирован до блеска — предельно простое механическое приспособление. Простое и жестокое. Мэрилин видела, что Хоби хочет, чтобы она представила, какие вещи можно делать таким крюком.

— «Форстер и Абельштейн», — ответил радостный голос. — Чем я могу вам помочь?

— Это Мэрилин Стоун. Я хочу говорить с мистером Форстером.

В горле у нее неожиданно пересохло. Голос стал тихим и хриплым. Послышались звуки электронной музыки, а потом до нее донесся шум большого офиса.

— Форстер, — раздался низкий голос.

— Дэвид, это Мэрилин Стоун.

Секунду длилась мертвая тишина. И за эту секунду Мэрилин поняла, что Шерил все сделала правильно.

— Нас кто-нибудь слышит? — негромко спросил Форстер.

— Нет, я в порядке, — сказала Мэрилин, стараясь, чтобы ее голос прозвучал бодро.

Хоби положил крюк на конторку. Сталь сверкнула на уровне груди Мэрилин, в восемнадцати дюймах от ее глаз.

— Вам необходимо обратиться в полицию, — сказал Форстер.

— Нет, речь идет только о встрече членов фонда. Я хотела бы назначить ее на самое ближайшее удобное для вас время.

— Ваша подруга Шерил рассказала мне, чего вы хотите, — ответил Форстер. — Однако у нас возникают проблемы. Наш персонал не в состоянии заниматься подобными вещами. У нас просто нет такого рода людей. Мы — фирма несколько другого рода. Мне нужно найти для вас частного детектива.

— Завтра утром нас вполне устроит, — прервала его Мэрилин. — Боюсь, у нас возникли срочные проблемы.

— Разрешите мне обратиться от вашего имени в полицию, — сказал Форстер.

— Нет, Дэвид, на следующей неделе будет слишком поздно. Нам необходимо действовать энергично.

— Но я не знаю даже, где искать. Мы никогда не пользуемся услугами частных детективов.

— Подождите минуточку, Дэвид. — Она закрыла микрофон ладонью и посмотрела на Хоби. — Если вы хотите, чтобы встреча состоялась завтра, то она состоится в их офисах.

Хоби покачал головой.

— Нет, встреча должна состояться здесь, на моей территории.

Мэрилин убрала ладонь с микрофона.

— Дэвид, а как насчет послезавтра? Нам действительно нужно, чтобы встреча проходила здесь. Вопрос довольно деликатный.

— Так вы действительно не хотите, чтобы я обратился в полицию?

— Ну, у нас возникли осложнения. Вы же понимаете, как иногда складываются дела?

— Хорошо, я постараюсь найти подходящего человека. Это может занять некоторое время. Тут необходимы рекомендации.

— Это замечательно, Дэвид, — сказала Мэрилин.

— Договорились, — проговорил Форстер. — Если вы уверены, что так будет лучше, я выполню ваше пожелание. Однако я не совсем понимаю, на что вы рассчитываете.

— Да, я согласна, — продолжала Мэрилин. — Вы знаете, что мне всегда не нравилось то, что сделал тогда отец. Внешнее воздействие может многое изменить, верно?

— В два часа дня, — сказал Форстер. — Послезавтра. Я не знаю, кто это будет, но постараюсь найти надежного человека. Вас устраивает?

— Послезавтра, в два часа дня, — повторила Мэрилин и назвала адрес. — Замечательно. Спасибо, Дэвид.

Рука у нее дрожала, когда она укладывала трубку на место.

— Но ты ничего не спросила о документах фонда, — мрачно сказал Хоби.

Она нервно пожала плечами.

— В этом нет необходимости. Речь идет о простой формальности. В противном случае у него возникли бы подозрения.

После короткого молчания Хоби кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Послезавтра. В два часа дня.

— Нам нужна одежда, — сказала Мэрилин. — Нам предстоит деловая встреча. Мы не можем вести переговоры в таком виде.

Хоби улыбнулся.

— Мне нравится, как вы одеты. Вы оба. Впрочем, старина Честер может позаимствовать для этой встречи мой костюм. Вы останетесь здесь.

Она кивнула. У нее не осталось сил на дальнейшее сопротивление.

— Возвращайся в ванную, — сказал Хоби. — Вы выйдете оттуда послезавтра, в два часа. Ведите себя хорошо. И вас будут кормить дважды в день.

Они молча пошли к ванной, Тони следовал за ними. Он закрыл дверь и через темный офис вернулся в приемную.

— Послезавтра будет слишком поздно, — сказал он. — Боже мой, на Гавайях все узнают сегодня. Завтра последний срок, так?

Хоби кивнул. Мяч падал вниз в свете прожекторов. Игрок прыгал. Ограда угрожающе приближалась.

— Ты хочешь сказать, что график будет напряженным? — уточнил Хоби.

— Безумно напряженным. Вам лучше убраться отсюда к дьяволу.

— Я не могу, Тони. Я дал слово, и мне необходимы акции. Но все будет хорошо. Тебе не нужно беспокоиться. Послезавтра в два тридцать акции будут моими, к трем мы их зарегистрируем, к пяти продадим и умчимся отсюда, чтобы классно провести время.

— Но это безумие. Связываться с адвокатом? Мы не можем допустить сюда адвоката.

Хоби посмотрел на него.

— Адвокат, — медленно проговорил он. — Ты знаешь, на чем основана справедливость?

— На чем?

— На честности, — ответил Хоби. — На честности и равенстве. Если они приведут адвоката, то и нам следует привести адвоката, не так ли? Чтобы все было честно.

— Господи, Хоби, мы не можем впустить сюда двух адвокатов.

— Мы не только можем, мы должны, — заявил Хоби.

Он обошел конторку, за которой прежде сидела Мэрилин, и уселся в кресло. Кожа еще хранила тепло ее тела. Хоби взял толстый том «Желтых страниц» и открыл книгу. Нашел телефон и нажал девятку. Затем при помощи крюка сделал семь точных движений, набирая номер.

— Спенсер и Гутман, — раздался жизнерадостный голос. — Чем мы можем вам помочь?

Шерил лежала на спине в кровати, под капельницей. На стальной стойке висел полиэтиленовый пакет с лекарством. В пакете находилась жидкость, и Шерил ощущала, как она поступает в вену. Шерил чувствовала, что у нее повышенное давление. В висках гудело, за ушами пульсировало. Жидкость в пакете была прозрачной, но она делала свое дело. Лицо больше не болело. Боль исчезла, Шерил успокоилась, и ей захотелось спать. Она уже собралась позвонить медсестре, чтобы сказать ей, что может обойтись без болеутоляющего, но в последний момент сообразила, что с болью борется лекарство из капельницы. Боль вернется, как только жидкость закончится. Она попыталась хихикнуть, но ее дыхание слабело и с губ не слетело ни звука. Шерил тихо улыбнулась, закрыла глаза и погрузилась в теплые глубины постели.

Потом она услышала какой-то звук. Шерил открыла глаза и увидела потолок. Он был белым и освещался откуда-то сверху. Она перевела взгляд к ногам. Это потребовало от нее серьезных усилий. У постели стояли два человека. Мужчина и женщина. Они смотрели на нее. Оба посетителя были одеты в форму. Синие рубашки с короткими рукавами, длинные темные брюки, большие удобные туфли для ходьбы. На рубашках красовались полицейские жетоны. На ремнях висели наручники, дубинки и рации. Из кобуры у каждого торчали длинные деревянные ручки револьверов. Полицейские офицеры. Оба были уже немолодыми, невысокими и широкоплечими. Тяжелые пояса делали их неуклюжими.

Они терпеливо смотрели на нее. Шерил попыталась хихикнуть. Они продолжали смотреть на пациентку. Мужчина начал лысеть. Свет, льющийся с потолка, отражался от его гладкой макушки. У женщины на волосах морковного цвета была сделана электрическая завивка. Она была старше мужчины. Шерил решила, что ей около пятидесяти и у нее есть дети. Так доброжелательно смотреть может только мать.

— Мы можем присесть? — спросила женщина.

Шерил кивнула. Густая жидкость пульсировала у нее в висках, мешая сосредоточиться. Женщина подтащила стул к постели Шерил и села справа от нее, мужчина устроился за спиной у напарницы. Женщина нагнулась к постели, а мужчина наклонился чуть в сторону, так что Шерил могла видеть сразу две головы. Они оказались совсем рядом, и Шерил не сразу удалось сфокусировать взгляд на их лицах.

— Я офицер О'Халлинан, — представилась женщина.

Шерил снова кивнула. Фамилия ее вполне устроила.

Рыжие волосы, круглое лицо, грузное тело — ирландская фамилия подходила этой женщине. Многие Нью-йоркские полицейские были ирландцами. Шерил это знала. Иногда служба в полиции становилась семейным делом. Одно поколение следовало за другим.

— А я офицер Сарк, — сказал мужчина.

Он был бледным. Такая кожа часто кажется похожей на бумагу. Он недавно брился, но синева уже успела появиться. У него были добрые, глубоко посаженные глаза. Их окружали морщинки. Наверняка он дядя с кучей племянников и племянниц, которые его любят.

— Мы хотим, чтобы вы рассказали нам о том, что произошло, — сказала О'Халлинан.

Шерил закрыла глаза. Она не могла толком сообразить, что с ней случилось. Она отчетливо помнила, как переступила порог дома

Мэрилин. Она помнила свежий запах шампуня. Помнила, как подумала, что произошла ошибка. Может быть, клиент хотел что-то уточнить. А потом она оказалась на спине, и на ее нос обрушилась чудовищная боль.

— Вы можете нам рассказать, что с вами произошло? — спросил у нее мужчина по имени Сарк.

— Я налетела на дверь, — прошептала Шерил.

Потом она кивнула, словно что-то подтверждая. Это важно. Мэрилин сказала: никакой полиции. Пока.

— О какую дверь?

Она не знала о какую. Мэрилин ей не сказала. Об этом они не говорили. Какая дверь? Шерил запаниковала.

— Дверь офиса, — сказала она.

— Ваш офис в центре? — спросила О'Халлинан.

Шерил ничего не ответила. Она бессмысленно смотрела на доброе лицо женщины.

— В вашей страховке сказано, что вы работаете в Уэстчестере, — продолжал Сарк. — Маклером по продаже недвижимости в Паунд-Ридже.

Шерил осторожно кивнула.

— Значит, вы налетели на дверь вашего офиса в Уэстчестере, — сказала О'Халлинан. — А оказались в больнице, расположенной в пятидесяти милях от него, в Нью-Йорке.

— Как это случилось, Шерил? — спросил Сарк.

Она не ответила. Все молчали. Легкое гудение в висках не прекращалось.

— Мы можем вам помочь, — продолжала О'Халлинан. — Именно по этой причине мы здесь. Мы можем позаботиться о том, чтобы этого больше не случилось.

Шерил вновь неуверенно кивнула.

— Но вы должны нам рассказать. Такие вещи происходят с вами часто?

Шерил недоуменно посмотрела на нее.

— Вы оказались здесь именно по этой причине? — спросил Сарк. — Ну, понимаете, новая больница и никаких записей о ваших прошлых визитах. А что бы мы узнали, если бы навели справки в больницах

Маунт-Киско или Уайт-Плейнса? Выяснилось бы, что они вас хорошо знают? С вами уже случались подобные вещи?

— Я наткнулась на дверь, — прошептала Шерил.

О'Халлинан укоризненно покачала головой.

— Шерил, мы знаем, что это не так.

Она встала, сняла рентгеновские снимки, висевшие на стене, и поднесла их к свету, как это делают врачи.

— Вот ваш нос, — продолжала О'Халлинан, указывая на снимок. — Вот лицевые кости, лоб и подбородок. Видите? Нос у вас сломан, а вот след на лицевой кости. Здесь видна трещина. Кости сдвинулись. Однако челюсть и лоб совсем не пострадали. Значит, удар нанесли чем-то расположенным горизонтально, вы со мной согласны? Чем-то похожим на бейсбольную биту.

Шерил смотрела на снимки. Они были молочно-белого цвета. Ее кости имели размытые очертания. Глазницы показались ей огромными. Обезболивающее гудело в голове, она чувствовала слабость, ее клонило в сон.

— Я налетела на дверь, — прошептала она.

— Край двери расположен вертикально, — терпеливо повторил Сарк. — В таком случае вы повредили бы еще лоб и челюсть, не так ли?

Он печально посмотрел на рентгеновские снимки.

— Мы можем вам помочь, — сказал О'Халлинан. — Расскажите нам все, и мы сделаем так, чтобы эта история больше не повторялась. Мы можем помешать ему так с вами обращаться.

— Я хочу спать, — прошептала Шерил.

О'Халлинан наклонилась вперед и зашептала:

— Может быть, вы хотите, чтобы мой напарник вышел? Чтобы мы могли поговорить с вами один на один?

— Я налетела на дверь, а теперь хочу спать, — едва слышно ответила Шерил.

О'Халлинан понимающе кивнула.

— Я оставлю вам свои телефоны. Если вы захотите поговорить со мной после того, как проснетесь, вам нужно будет лишь позвонить. Договорились?

Шерил сделала едва заметное движение головой, и О'Халлинан положила визитку на стоящую возле постели тумбочку.

— И не забывайте: мы можем вам помочь, — прошептала О'Халлинан на прощание.

Шерил ничего не ответила. Она либо спала, либо делала вид, что спит. О'Халлинан и Сарк задернули занавеску и отошли к столику медсестры. Врач посмотрела на них. О'Халлинан покачала головой:

— Она все отрицает.

— Налетела на дверь, — сказал Сарк. — Дверь, которая успела хорошо накачаться спиртным, весит двести фунтов и размахивает бейсбольной битой.

Врач вздохнула.

— Не понимаю, почему они прикрывают этих ублюдков?

В разговор вмешалась медсестра:

— Я видела, как она входила в больницу. Выглядело это очень странно. Я вышла покурить. Она вылезла из машины, остановившейся на противоположной стороне улицы. И сама перешла на нашу сторону. Вы обратили внимание, что у нее были слишком большие туфли?

В машине осталось двое мужчин, которые внимательно за ней наблюдали, а как только она скрылась за дверями, тут же уехали.

— Какая у них была машина? — спросил Сарк.

— Большая и черная, — ответила медсестра.

— Вы помните номер?

— Что я вам, Мистер Память?

О'Халлинан пожала плечами и двинулась к выходу.

— Но все записано на видео, — неожиданно сказала медсестра.

— Какое видео? — спросил Сарк.

— Камера наблюдения над дверями. Мы стояли прямо под ней, чтобы наше начальство не могло засечь, как долго мы отсутствуем. Так что камера записывала все, что видели мы.

Точное время появления Шерил было записано. Им потребовалась всего минута, чтобы найти нужное место на пленке. И еще минута ушла на то, чтобы проследить в обратном направлении путь Шерил от входа до

черного автомобиля, стоящего на противоположной стороне. О'Халлинан склонилась к самому экрану.

— Я вижу номер, — с довольным видом сказала она.

Джоди выбирала отель, в котором они собирались провести ночь. Она зашла в книжный магазин, находившийся напротив здания Национального архива, и теперь листала местные путеводители. Вскоре она обнаружила отель, который рекламировали сразу в трех разных путеводителях.

— Забавно, правда? — сказала Джоди. — Мы находимся в Сент-Луисе, а в магазине больше путеводителей по Сент-Луису, чем по любому другому городу. И это в отделе путешествий! Правильнее было бы назвать отдел: «Для тех, кто остается дома».

Ричер немного нервничал. Этот метод был для него новым. Те места, в которых он останавливался, никогда не рекламировались в путеводителях. Над ними сияли неоновые объявления с обещанием услуг, которые стали обязательными для любого цивилизованного существа лет двадцать назад: кондиционер, кабельное телевидение и бильярд.

— Подержи, — попросила Джоди.

Он взял у нее книгу и придерживал большим пальцем то место, на котором Джоди ее открыла, пока она рылась в своей сумке. Наконец ей удалось вытащить сотовый телефон. Она взяла книгу у Ричера и тут же набрала номер приглянувшегося ей отеля. В тех местах, где останавливался Ричер, всегда имелись свободные номера. Владельцы приходили в восторг, если у них было занято больше половины номеров. Он слушал, что говорит Джоди: она называла суммы, которых ему хватило бы на месяц, если бы он немного поторговался.

— Отлично, нам забронировали номер, — сказала Джоди. — Номер для молодоженов. Кровать с четырьмя столбиками. Классно, правда?

Он улыбнулся. Номер для молодоженов.

— Нам нужно перекусить, — сказал Ричер. — Там есть ресторан?

Джоди решительно затрясла головой и принялась листать список ресторанов в путеводителе.

— Гораздо интереснее пообедать в другом месте, — заявила она. — Тебе нравится французская кухня?

Он кивнул:

— Моя мать была француженкой.

Джоди еще немного полистала книгу и вновь позвонила по мобильному телефону, чтобы зарезервировать столик на двоих в модном ресторане, который находился в исторической части города, неподалеку от отеля.

— Восемь часов, — сказала она. — У нас есть время, чтобы немного оглядеться. Потом можем зарегистрироваться в отеле и прийти в себя.

— Позвони в аэропорт, — напомнил Ричер. — Нужен ранний рейс. Даллас — Форт-Уорт нам подойдет.

— Я выйду на улицу. Нельзя звонить в аэропорт из книжного магазина.

Он взял ее сумку, и Джоди купила яркую туристическую карту Сент-Луиса, после чего они вышли под жаркое полуденное солнце. Пока Ричер разглядывал карту, Джоди позвонила в аэропорт и зарезервировала два билета в Техас, бизнес-классом, на восемь часов утра. Потом они решили прогуляться по набережной Миссисипи.

Полтора часа они гуляли рука об руку и за это время прошли четыре мили, то есть осмотрели всю историческую часть города. Отель представлял собой старый особняк средних размеров, стоящий на широкой тихой улице, усаженной каштанами. В отель вела блестящая черная дверь, а дубовый пол имел цвет меда. Конторка портье — антикварный стол из красного дерева — располагалась в углу. Ричер уставился на нее. В тех местах, где он обычно останавливался, конторка пряталась за металлической решеткой или за пуленепробиваемым стеклом. Элегантная леди со светлыми волосами вставила карточку Джоди в кассовый аппарат, и через мгновение появился чек. Джоди наклонилась, чтобы его подписать, а леди протянула Ричеру бронзовый ключ со словами:

— Надеюсь, вам у нас понравится, мистер Джейкоб.

Номер для молодоженов занимал весь верхний этаж. Здесь были такие же дубовые полы медового цвета, натертые до ровного блеска. Пол почти полностью покрывали роскошные антикварные ковры. Потолок состоял из сложных геометрических узоров и мансардных окон. Сначала Джоди и Ричер оказались в гостиной, где стояли два дивана со светлой обивкой с цветочным орнаментом. Далее была ванная и спальня. В спальне доминировала гигантская кровать с четырьмя столбиками и покрывалом тех же оттенков, что диваны в гостиной. Джоди тут же запрыгнула на высокую кровать и уселась на краю, положив руки под колени и болтая ногами. Она улыбалась, освещенная лучами солнца, льющегося из окна у нее за спиной.

Ричер поставил сумку на пол и застыл в абсолютной неподвижности, не сводя взгляда с Джоди. На ней была голубая рубашка — нечто среднее по цвету между васильками и ее глазами — из какого-то мягкого

материала, возможно шелка. Пуговицы напоминали маленькие жемчужины. Первые две были расстегнуты, воротник рубашки распахнулся, и Ричер видел полоску кожи, чуть более бледную, чем медовый пол. Рубашка была маленького размера, однако сидела совершенно свободно. Черный кожаный пояс плотно охватывал тонкую талию Джоди, длинный конец пояса свешивался сбоку. На ней были старенькие джинсы, стиранные много раз, но безукоризненно выглаженные. Туфли из мягкой голубой кожи с низкими каблуками, скорее всего итальянские, Джоди надела на босу ногу. Когда она болтала ногами, Ричер видел подошвы. Туфли были новыми, она надевала их всего несколько раз.

— На что ты смотришь? — спросила Джоди.

Она слегка наклонила голову, чуть смущенно и лукаво.

— На тебя, — ответил Ричер.

Теперь он понял, что пуговицы и были жемчужинами, просверленными посередине и пришитыми к ткани рубашки, маленькими и скользкими под его неловкими пальцами. Всего их оказалось пять. Ричер сумел расстегнуть четыре и осторожно вытащил рубашку из-за пояса джинсов, после чего расстегнул пятую пуговку. Джоди подняла руки, сначала левую, потом правую, чтобы он мог заняться пуговками на рукавах. Он осторожно распахнул рубашку, под которой ничего не оказалось.

Джоди наклонилась вперед и стала расстегивать пуговицы рубашки Ричера. Она начала снизу. Ее пальцы оказались удивительно проворными, а руки маленькими и очень быстрыми. Рукава его рубашки не были застегнуты. На слишком широких запястьях не сходились рукава рубашек, купленных в магазине. Джоди провела ладонями по его груди, сдвигая рубашку к плечам. Рубашка упала с плеч, и Джоди стащила ее за рукава. Рубашка скользнула на пол с ленивым шорохом, лишь пуговицы стукнули о дубовый пол. Джоди провела пальцем по каплевидному следу от ожога.

— Ты прихватил мазь?

— Нет, — ответил Ричер.

Она обняла его за талию и наклонилась, чтобы поцеловать рану. Он ощутил ее прохладные губы на чувствительной коже, затянувшей место ожога. Затем они занимались любовью в пятый раз за пятнадцать лет, на кровати с четырьмя столбиками на последнем этаже особняка, пока солнце за окном клонилось к западу, в сторону Канзаса.

Отдел домашнего насилия полицейского департамента Нью-Йорка занимал место там, где его удалось отыскать. В данном случае речь шла о помещении на верхнем этаже, над административными офисами на

Полицейской площади. О'Халлинан и Сарк вернулись сюда за час до окончания смены. Это время предназначалось для написания отчетов, так что они уселись за письменные столы, открыли записные книжки и начали печатать.

Они добрались до визита в больницу «Сент-Винсент», когда до конца смены оставалось пятнадцать минут. Они описали этот эпизод как несчастный случай с жертвой, не желающей идти на контакт с полицией. О'Халлинан вытащила лист с отчетом из машинки и заметила номер машины, написанный внизу блокнота. Она сняла трубку и позвонила в отдел транспортных средств.

— Черный «шевроле тахо», — сказал ей служащий отдела. — Зарегистрирован на Трастовый фонд на Каймановых островах, адрес — Всемирный торговый центр.

О'Халлинан пожала плечами и записала полученную информацию в записную книжку. Она размышляла о том, не добавить ли все это к отчету, когда служащий вновь заговорил:

— Тому же хозяину принадлежит черный «шевроле сабурбан», который брошен владельцем вчера на Нижнем Бродвее. Тогда столкнулось три автомобиля. С этим разбирался Пятнадцатый участок.

— А кто именно? Вам известна фамилия офицера?

— К сожалению, нет.

О'Халлинан повесила трубку и позвонила в Пятнадцатый участок, но там был пересменок, и ей ничего не удалось выяснить. Она написала себе напоминание на завтрашний день и положила его во входящие бумаги. Тут и пришло время окончания смены. Сарк моментально оказался рядом с ней.

— Нам пора на выход, — заявил он. — Если мы будем думать только о работе, то быстро станем очень скучными людьми, верно?

— Верно, — согласилась О'Халлинан. — Хочешь выпить пива?

— По меньшей мере одно пиво, — ответил Сарк. — Возможно, даже два пива.

— Не торопись, — сказала О'Халлинан.

Они долго плескались под душем в просторной ванне. Потом Ричер положил свое полотенце на диван и стал наблюдать, как Джоди готовится к походу в ресторан. Она вытащила из сумки платье, явно сшитое тем же модельером, что и желтое льняное платье, которое она надевала в офисе, но это было из темно-синего шелка. Она надела его через голову, и оно легко скользнуло по телу. У него был глубокий

круглый вырез, подол заканчивался чуть выше колен. Джоди надела его вместе с теми же синими туфлями. Она вытерла волосы полотенцем и быстро их расчесала. Затем достала из сумки ожерелье, которое он купил ей в Маниле.

— Поможешь мне?

Она приподняла волосы, и Ричер наклонился, чтобы застегнуть фермуар. Ожерелье было простой, но тяжелой золотой цепочкой. Вероятно, не из настоящего золота — он заплатил за него не так уж и много; впрочем, на Филиппинах возможно все. Пальцы у Ричера были грубые, с обломанными ногтями — сказывались долгие часы работы с лопатой. Он задержал дыхание и только со второй попытки сумел застегнуть ожерелье. Покончив с этим, Ричер поцеловал Джоди в шею, и она позволила тяжелым, влажным волосам, которые пахли летом, упасть вниз.

— Ну, я готова, — сказала Джоди.

Она улыбнулась и бросила Ричеру его одежду, подобранную с пола. Он быстро оделся, чувствуя, как рубашка прилипает к влажной коже. Он попросил у Джоди расческу и причесал волосы. В зеркало он уловил ее отражение у себя за спиной. Она выглядела принцессой, которая собирается пойти в ресторан со своим садовником.

— Меня могут не впустить, — заметил Ричер.

Она поднялась на носки и поправила воротник рубашки на его бугрящейся от мышц спине.

— И как они сумеют тебя остановить? Вызовут национальную гвардию?

До ресторана нужно было пройти четыре квартала. Июньский вечер в Миссури, рядом с рекой. Воздух был теплым и влажным. На небе под цвет платья Джоди сияли звезды. Под свежим ветерком шелестела листва каштанов. На улицах стало больше народу. Появились машины, многие парковались на обочинах. В зданиях побольше располагались отели, но на некоторых выделялись вывески с названиями ресторанов, написанными по-французски. Их освещали специальные прожектора. Место, которое выбрала Джоди, называлось «La Prefecture». Ричер улыбнулся, подумав: неужели любовники в маленьких французских городках ужинают в ресторанах под названием «Муниципальное управление»?

Ведь именно так переводилось это слово, если он ничего не перепутал.

Однако место оказалось приятным. Молодой официант со Среднего Запада, пытавшийся говорить с французским акцентом, тепло их приветствовал и усадил за столик, выходящий в освещенный свечами

сад. Здесь был фонтан, который подсвечивался снизу, а деревья освещались прожекторами, прикрепленными к стволам. На столах лежали льняные скатерти и настоящее столовое серебро. Ричер заказал американское пиво, Джоди предпочла «перно» и воду.

— Здесь очень мило, правда? — заметила Джоди.

Он кивнул. Ночь была теплой и тихой.

— Скажи, как ты себя чувствуешь? — спросил Ричер.

Она с удивлением посмотрела на него.

— Я чувствую себя хорошо.

— Насколько хорошо?

Она смущенно улыбнулась.

— Ричер, ты хочешь что-то выведать.

Он улыбнулся в ответ.

— Вовсе нет, просто я кое о чем подумал. Ты чувствуешь себя спокойно?

— Да.

— В безопасности?

Она кивнула.

— Как и я. Мне здесь спокойно, я не ощущаю никакой угрозы. И что же это значит?

Появился официант с выпивкой на серебряном подносе. «Перно» было в высоком стакане, и он подал его вместе с настоящим французским кувшином для воды. Пиво плескалось в запотевшей кружке. В таких местах не подавали бутылок с длинным горлышком.

— И что же это значит? — спросила Джоди.

Она добавила воду в стакан с «перно», и янтарный напиток стал приобретать молочно-белый цвет. Джоди слегка встряхнула стакан, чтобы жидкости быстрее перемешались. Ричер уловил сильный запах анисового семени.

— Это значит, что здесь не происходит ничего серьезного, — ответил Ричер. — Вероятно, речь идет о небольшой операции, которую проворачивают в Нью-Йорке. Там мы нервничали, но здесь чувствуем себя спокойно.

Он сделал большой глоток пива.

— Но это всего лишь чувства, — возразила Джоди. — Они ничего не доказывают.

— Верно. Однако чувства меня убеждают. И у нас есть достаточно серьезные доказательства. Там нас преследовали, на нас дважды нападали, а здесь никто не обращает внимания.

— Ты проверял? — с тревогой спросила Джоди.

— Я всегда проверяю, — ответил Ричер. — Мы не торопясь прогуливались по набережной. И никто нас не преследовал.

— Ты не обнаружил слежки?

— У них было двое типов, которых я видел в Ки-Уэсте и в Гаррисоне. Кроме того, есть еще парень, который водит «сабурбан». Мне кажется, что больше у них никого нет, в противном случае они бы продолжали нас разыскивать. Значит, это небольшой отряд, базирующийся в Нью-Йорке.

Она кивнула и сказала:

— Я думаю, это Виктор Хоби.

Вернулся официант с блокнотом и карандашом. Джоди заказала паштет и ягненка, а Ричер выбрал суп и pore aux pruneaux [14] — в детстве у него всегда был такой ланч по воскресеньям, если его матери удавалось раздобыть свинину и чернослив в тех отдаленных местах, куда их забрасывала судьба. Это блюдо пользовалось популярностью на берегах Луары, и, хотя мать Ричера родилась в Париже, она любила готовить его для своих сыновей, полагая, что таким образом приобщает их к французской культуре.

— Нет, я не считаю, что это Виктор Хоби, — возразил Ричер.

— А мне кажется, что за всем этим стоит именно он, — продолжала Джоди. — Возможно, он остался в живых и с тех пор где-то прятался. А теперь не хочет, чтобы его нашли.

Ричер покачал головой.

— Я думал так с самого начала, но у него другие психологические характеристики. Ты читала его досье. И письма. Я рассказывал тебе о том, что говорил про Хоби его старый приятель Эд Стивен. Он был честным и прямолинейным парнем, Джоди. Немного скучным, но совершенно нормальным. Я не могу поверить, что он мог бросить своих родителей и не навещать их тридцать лет. Почему он так поступал? Я не вижу причин. Это не сходится с тем, что нам о нем известно.

— Может быть, он изменился, — не сдавалась Джоди. — Папа говорил, что Вьетнам менял людей. Обычно к худшему.

Ричер нахмурился.

— Хоби умер, — уверенно сказал он. — В четырех милях к западу от Анкхе, тридцать лет назад.

— Он в Нью-Йорке, — настаивала на своем Джоди. — Он прячется в Нью-Йорке и не хочет, чтобы его нашли.

Он стоял на террасе на тридцатом этаже, опираясь на перила спиной к парку. Возле уха он держал трубку телефона — Хоби продавал «мерседес» Честера Стоуна одному типу в Куинсе.

— У меня есть на продажу еще и БМВ, — говорил он. — Восьмая серия, двухдверный. Сейчас он в Паунд-Ридже. Я готов отдать его за половину цены, наличными, завтра.

Он замолчал, прислушиваясь, как его собеседник втягивает в себя воздух через зубы, как всегда делают продавцы машин, когда ты начинаешь говорить с ними о деньгах.

— Пусть будет тридцать штук за обе машины, наличными, завтра.

Тип из Куинса согласился, и Хоби двинулся дальше по мысленному списку.

— Могу также предложить «тахо» и «кадиллак». Скажем, сорок штук, и можешь забирать любую из этих машин. Выбор за тобой.

Тип из Куинса задумался и выбрал «тахо». Подержанные машины с приводом на все четыре колеса продаются лучше, в особенности на юге, куда, как догадывался Хоби, их и отправят. Он отключил телефон и вернулся обратно в гостиную. Левой рукой открыл маленькую записную книжку в кожаном переплете, после чего придержал ее крюком, чтобы она не закрывалась. Затем Хоби набрал номер телефона брокера, занимавшегося продажей недвижимости, который был должен ему крупную сумму.

— Я хочу получить свои деньги, — сразу сказал Хоби.

Он услышал, как его должник, запаниковав, судорожно глотает воздух. Довольно долго оба молчали. Наконец Хоби услышал, как должник тяжело опустился на стул.

— Ты можешь выплатить мне деньги? — спокойно спросил Хоби.

Ответа не последовало.

— Ты знаешь, что случается с людьми, которые не расплачиваются со мной?

Хриплое дыхание в ответ.

— Можешь не беспокоиться, — продолжал Хоби. — Мы договоримся. Я намерен продать кое-какую недвижимость. Особняк в Паунд-Ридже и свою квартиру на Пятой авеню. Я хочу два миллиона за дом и три с половиной миллиона за квартиру. Если ты справишься с продажей, я буду считать, что твоя комиссия равна долгу. Договорились?

У должника не оставалось выбора — он согласился. Хоби продиктовал ему номер счета в банке на Каймановых островах, куда следовало перевести деньги в течение ближайшего месяца.

— Месяц — это слишком короткий срок, — пролепетал должник.

— А как твои детки? — спросил Хоби.

— Ладно, пусть будет месяц, — прохрипел должник.

Хоби отключил телефон и записал на страничке общую сумму за три автомобиля, дом и квартиру. Пять миллионов пятьсот сорок тысяч долларов. Потом он позвонил в аэропорт, чтобы узнать относительно вечерних рейсов на побережье. Его интересовал послезавтрашний день. Билетов было полно. Хоби улыбнулся. Мяч летел высоко над оградой в сторону пятого ряда, где находились самые дешевые места. Игрок прыгал изо всех сил, но никак не доставал до мяча.

Когда Хоби ушел, Мэрилин решила, что теперь она может принять душ. Она не стала бы этого делать, пока Хоби оставался в офисе. Его вожделение пугало Мэрилин. Ей казалось, что Хоби способен видеть сквозь дверь ванны. Однако к Тони она относилась спокойно. Он вел себя предупредительно. Хоби говорил, что им не следует выходить из ванной, и Мэрилин не сомневалась, что Тони об этом позаботится, но не более того. Он не станет входить и изводить их. Мэрилин была уверена: Тони их не тронет. Ну а тот крупный парень, который приносил кофе, будет делать то, что скажет Тони. Поэтому Мэрилин не слишком беспокоилась, но на всякий случай попросила Честера постоять у двери, придерживая ручку.

Мэрилин пустила горячую воду, потом сняла платье и туфли. Она аккуратно повесила платье на стойку, чтобы на него не попала вода, а пар разгладил складки. Потом она вошла в душ, вымыла волосы и тщательно намылила тело. Ей сразу же стало лучше, она расслабилась. Напряжение постепенно уходило. Она долго стояла под душем лицом вверх. Затем вышла из кабинки, но не стала выключать воду, взяла полотенце и поменялась местами с Честером.

— Иди под душ, тебе станет лучше, — сказала она.

Честер ничего не ответил. Молча кивнул, немного постоял, а потом снял майку и трусы. Сел на пол и стащил туфли и носки. Она увидела желтый синяк у него на боку.

— Они тебя били? — прошептала Мэрилин.

Он вновь кивнул, поднялся на ноги и вошел под душ. Честер стоял под потоками горячей воды с закрытыми глазами и открытым ртом. Казалось, вода возвращает его к жизни. Он нашел мыло и шампунь и начал мыться.

— Пусть вода льется, — сказала Мэрилин. — Здесь будет теплее.

Она не ошиблась. Благодаря потокам горячей воды в ванной стало гораздо уютнее. Честер вышел из-под душа и взял полотенце. Вытер лицо и обернул полотенце вокруг талии.

— Кроме того, шум воды не даст им возможности нас подслушать, — сказала она. — А нам нужно поговорить, верно?

Он пожал плечами, словно говорить было не о чем.

— Я не понимаю, что ты делаешь. Никакого фонда не существует. Нет никаких поручителей. Он узнает правду и разозлится на нас.

Вытирая волосы, Мэрилин посмотрела на мужа сквозь облако пара.

— Нам необходим свидетель. Неужели ты не понимаешь?

— Свидетель чего?

— Того, что произойдет, — ответила Мэрилин. — Дэвид Форстер пришлет сюда частного детектива, и что тогда сможет сделать Хоби? Мы признаем, что никакого фонда нет, а потом все вместе отправимся в твой банк и передадим акции Хоби. Это публичное место, там полно людей. А у нас будет телохранитель. Потом мы просто уйдем.

— Ты думаешь, это сработает?

— Полагаю, да. Он явно торопится. Неужели ты не заметил? У него есть какой-то предельный срок. Он уже начал паниковать. Нам нужно тянуть изо всех сил, а потом просто уйти. При этом у нас будет свидетель, который помешает Хоби расправиться с нами. Ну а в дальнейшем Хоби будет уже не до нас.

— Я не понимаю, — повторил Честер. — Ты думаешь, частный детектив покажет в суде, что мы находились под давлением? Ты рассчитываешь, что мы сможем подать в суд на Хоби и получить акции обратно?

От удивления Мэрилин ответила не сразу.

— Нет, Честер, мы не будем подавать в суд. Хоби получит акции, а мы постараемся обо всем забыть.

Он смотрел на Мэрилин сквозь пар.

— Но это нам ничего не даст. Так мы не спасем компанию. Хоби исчезнет с акциями, и нам ничего не останется.

Она не сводила с него глаз.

— Боже мой, Честер, неужели ты ничего не понимаешь? Компании больше нет. Компания осталась в прошлом, взгляни правде в глаза. Речь не идет о том, чтобы спасти проклятую компанию. Нам нужно спасать наши жизни.

Суп был замечательным, а свинина и того лучше. Мать Ричера могла бы ею гордиться. Они выпили полбутылки калифорнийского вина и ели в удовлетворенном молчании. В этом ресторане проходило много времени между главным блюдом и десертом. Здесь никто не хотел, чтобы вы побыстрее освободили столик. Ричер наслаждался роскошью. Он не привык к такому образу жизни. Откинувшись на спинку стула, он с удовольствием вытянул ноги. Его щиколотки коснулись ног Джоди под столом.

— Подумай о его родителях, — сказал он. — Подумай о маленьком Викторе Хоби. Открой энциклопедию на «Н» — «нормальная американская семья», и ты увидишь трех Хоби, преданно глядящих на тебя. Да, Вьетнам меняет людей. Пребывание там немного расширяет горизонты. И его родители это понимали. Они знали, что дурацкий маленький магазинчик в Брайтоне не для него. Они предполагали, что Виктор начнет работать на нефтяные компании, будет летать на буровые вышки, расположенные в Персидском заливе. Однако не станет рвать связи с родителями в любом случае, верно? Он не мог бы их попросту бросить. Неужели он в течение тридцати лет не навестил бы своих родителей? Неужели в его досье ты увидела какие-то основания для подобного поведения?

— Может быть, он совершил какой-то проступок. Сделал нечто постыдное. Возможно, участвовал в чем-то вроде событий в Май-Лай [15]. Может быть, ему было стыдно возвращаться домой. Может быть, он хотел скрыть какую-то тайну.

Ричер нетерпеливо махнул рукой.

— Тогда мы нашли бы это в его досье. Кроме того, у него не было такой возможности. Виктор Хоби служил пилотом вертолета, а не пехотинцем. Он не входил в непосредственный контакт с врагом.

К ним подошел официант, держа наготове блокнот и карандаш.

— Десерт, кофе? — спросил он.

Они заказали малиновое мороженое с орехами и черный кофе. Джоди подняла бокал с темно-красным вином и сделала несколько последних глотков.

— Так что же нам делать?

— Он умер, — повторил Ричер. — Рано или поздно мы получим тому доказательство. И тогда мы вернемся и расскажем его родителям, что они напрасно ждали сына в течение тридцати лет.

— А что мы скажем себе? Что на нас напали призраки?

Он пожал плечами и ничего не ответил. Принесли десерт, и они съели его в молчании. Потом появился кофе и чек в изящной кожаной папке с золотым логотипом ресторана. Джоди положила сверху свою кредитку, даже не открыв папку. Потом она улыбнулась.

— Замечательный обед, — сказала она.

Ричер улыбнулся в ответ.

— Замечательная компания.

— Давай на время забудем о Викторе Хоби, — предложила Джоди.

— О ком? — спросил Ричер, и она рассмеялась.

— Так о чем же мы будем думать? — поинтересовалась Джоди.

Он улыбнулся.

— Я думал о твоем платье.

— Тебе оно нравится?

— Мне кажется, оно чудесное, — ответил Ричер.

— Вот как?

— Но оно может выглядеть еще лучше. На полу.

— Ты так думаешь?

— Совершенно уверен. Впрочем, сейчас это лишь предположение. Тут требуется эксперимент. Иными словами, нужно провести сравнение — до и после.

Джоди опустила глаза и сделала вид, что грустно вздыхает.

— Ричер, нам нужно вставать в семь часов. Ведь у нас ранний рейс, верно?

— Ты молода, — напомнил Ричер. — Если я в силах это выдержать, то уж ты наверняка.

Она улыбнулась. Отодвинула свой стул и встала. Отошла от стола и медленно повернулась кругом в проходе. Платье двигалось вместе с ней. Оно было подобно ножнам, но не слишком плотным. Сзади оно выглядело великолепно. Джоди вернулась к столику и наклонилась к его уху.

— Ладно, это «до». А теперь пойдем скорее, пока ты не забыл и можешь сделать сравнение.

Семь часов в Нью-Йорке наступило на час раньше, чем в Сент-Луисе. О'Халлинан и Сарк провели этот час в участке, планируя свой день. За ночь для них скопилось несколько посланий: сообщения из больниц, доклады ночных патрульных, которые участвовали в разборке домашних скандалов. Во всем этом следовало разобраться, отыскать оптимальную последовательность действий с учетом срочности и места. Прошла обычная ночь в Нью-Йорке, из чего следовало, что О'Халлинан и Сарк получили список из двадцати восьми новых жалоб, требовавших их внимания. Вот почему звонок в пятнадцатый участок был сделан только без десяти восемь.

О'Халлинан набрала номер и на десятом гудке добралась до дежурного сержанта.

— Вы увезли черный «сабурбан», — сказала она. — Пару дней назад он был разбит во время столкновения на Нижнем Бродвее. Что вы с ним сделали?

Было слышно, как сержант перебирает бумаги.

— Он на штрафной стоянке. Вас что-то интересует?

— В больнице лежит женщина со сломанным носом. Ее доставили туда люди на «тахо», которые также являются владельцами черного «сабурбана».

— Может быть, она сидела за рулем. В столкновении участвовало три машины, но мы сумели найти только одного водителя. Водитель «сабурбана», виновник столкновения, исчез. Кроме того, в столкновении участвовал «олдс бравада», водитель и пассажир уехали с места происшествия. «Сабурбан» принадлежит какой-то корпорации или финансовому фонду.

— Фонд на Кайманах? — спросила О'Халлинан. — Именно он владеет «тахо».

— Верно, — согласился сержант. — «Бравада» принадлежит миссис Джоди Джейкоб, но она заявила, что автомобиль украден. Это, случайно, не та женщина со сломанным носом?

— Джоди Джейкоб? Нет, нашу женщину зовут Шерил.

— Ладно, значит, она водитель «сабурбана». Она маленького роста?

— Да, пожалуй, — сказала О'Халлинан. — А почему вы спрашиваете?

— Сработала аварийная предохранительная подушка. Вполне возможно, что невысокая женщина могла получить таким образом подобную травму. Такое случается.

— Хотите проверить?

— Нет. Раз уж у нас их автомобиль, они обязательно захотят получить его обратно и сами к нам придут.

О'Халлинан повесила трубку, и Сарк вопросительно посмотрел на нее.

— Что все это может значить? — спросил Сарк. — Почему она заявила, что налетела на дверь, если на самом деле побывала в аварии?

О'Халлинан пожала плечами.

— Не знаю. И зачем женщине, работающей в фирме в Уэстчестере, водить автомобиль, принадлежащий фонду из Всемирного торгового центра?

— Мы получили возможное объяснение ее травмы, — подытожил Сарк. — Аварийная подушка или край руля вполне могли стать ее причиной.

— Может быть, — задумчиво проговорила О'Халлинан.

— Проверим?

— Пожалуй, следует попытаться, а потом будем считать дело закрытым.

— Хорошо, но давай пока ничего не записывать, иначе придется с этим еще раз разбираться.

Они встали и засунули блокноты в карманы. Спустились по лестнице и по пути к своей машине насладились теплыми лучами утреннего солнца.

Между тем солнце продолжало двигаться на запад, и в Сент-Луисе наступило семь часов утра. Оно пробилось в спальню номера молодоженов совсем с другой стороны, и узкий луч упал на огромную

кровать с четырьмя столбиками. Джоди встала первой и ушла в душ. Ричер остался один в теплой постели. Он потянулся и услышал странный чирикающий звук.

Ричер посмотрел на тумбочку, чтобы проверить телефон или будильник, который могла незаметно для него оставить Джоди. Нет, звук шел с другой стороны. Ричер перекатился к краю и встал. Теперь он сумел определить направление, откуда слышался звук, — из сумочки Джоди. Он, не одеваясь, подошел к сумочке и расстегнул молнию. Чириканье стало громче. Звонил мобильный телефон Джоди. Ричер посмотрел в сторону душа и вытащил телефон, который у него в руке зачирикал еще громче. Изучив кнопки, он нажал на ту, что показалась ему подходящей.

— Алло, — сказал Ричер.

После небольшой паузы раздался голос:

— Кто это? Я звоню миссис Джейкоб.

Голос принадлежал молодому мужчине, в нем слышалась тревога и нетерпение. Ричер узнал его. Джоди звонил ее секретарь, именно он в свое время продиктовал Ричеру адрес Леона.

— Она в душе, — сказал Ричер.

— Ах вот оно что, — сказал голос.

Вновь наступила пауза.

— Я ее друг, — сказал Ричер.

— Понятно, — ответил голос. — Вы все еще в Гаррисоне?

— Нет, мы в Сент-Луисе, штат Миссури.

— Господи, это все усложняет! Могу ли я поговорить с миссис Джейкоб?

— Она в душе, — повторил Ричер. — Она может перезвонить вам. Или я передам ей ваше сообщение.

— Вы не против? Боюсь, что это срочно.

— Подождите, — попросил Ричер.

Он вернулся к тумбочке и взял карандаш и блокнот, который горничная любезно оставила рядом с телефоном. Ричер сел и переложил телефон в левую руку.

— Я готов, — сказал он.

Секретарь продиктовал послание для Джоди. Оно было очень неопределенным. Парень тщательно подбирал слова, чтобы сообщение

оставалось не слишком понятным. Даже друзьям нельзя доверять некоторые детали. Ричер отложил в сторону блокнот и карандаш — они ему не понадобятся.

— Я попрошу ее перезвонить, если у нее возникнут вопросы, — двусмысленно сказал Ричер.

— Благодарю вас. Прошу прощения, если я вам помешал.

— Вы нам не помешали, — проворчал Ричер. — Как я уже вам сказал, она сейчас в душе. А вот минут десять назад могли бы возникнуть проблемы.

— Боже мой, — пробормотал секретарь и повесил трубку.

Ричер улыбнулся, еще раз посмотрел на телефон и нажал на другую кнопку. Он бросил телефон на кровать и услышал, что вода в ванной выключилась. Дверь распахнулась, и из ванной в облаке пара вышла Джоди, завернутая в полотенце.

— Только что тебе на сотовый звонил твой секретарь, — сказал Ричер. — Мне показалось, он был слегка шокирован.

Она хихикнула.

— Ну вот, теперь моя репутация погублена. К ланчу об этом узнают все. Чего он хотел?

— Чтобы ты вернулась в Нью-Йорк.

— Почему? Он сообщил какие-нибудь подробности?

Ричер развел руками.

— Нет, он вел себя очень корректно, как и следует секретарю. Похоже, ты замечательный адвокат. Спрос на твои услуги велик.

Она усмехнулась.

— Я лучшая из всех. Разве я тебе не говорила? Так кому же я понадобилась?

— Кто-то обратился в вашу фирму. Какая-то финансовая корпорация заинтересована в твоих услугах. Они хотят говорить с тобой лично. Вероятно, считают, что ты лучше всех.

Джоди кивнула и улыбнулась.

— Он сказал, в чем состоит проблема?

Ричер пожал плечами.

— Судя по всему, ничего особенного. Кто-то кому-то должен деньги, и они не могут договориться. Ты должна прийти на их встречу завтра днем и попытаться их вразумить.

В эту же самую минуту раздался один из тысячи звонков, что происходит в районе Уолл-стрит. Звонили из офиса «Форстер и Абельштейн» частному детективу Уильяму Карри. Карри двадцать лет проработал в полиции Нью-Йорка, вышел на пенсию в возрасте сорока семи лет и рассчитывал, что будет выплачивать из заработанных денег алименты жене, пока она вновь не выйдет замуж, или не умрет, или не забудет о нем. Он работал детективом уже два года, и звонок от старшего партнера такой крупной фирмы стал для него большой удачей, поэтому Карри был доволен, но не слишком удивлен. Он неплохо потрудился за эти два года, брал за свои услуги разумную плату, что позволило ему составить хорошую репутацию. Что ж, теперь у него появятся выгодные заказы.

Однако он заметно удивился, когда понял, какого рода услуги требуются.

— Я должен представлять вас? — переспросил Карри.

— Это важно, — сказал ему Форстер. — Они ждут прихода адвоката Дэвида Форстера. Именно так вы и должны представиться. Скорее всего, им не потребуются услуги адвоката. Нужно просто проследить за тем, чтобы все прошло спокойно. Вы понимаете?

— Пожалуй, да, — сказал Карри.

Он записал имена участвующих сторон и адрес места, где должна состояться встреча. Карри запросил вдвое больше, чем он брал обычно. Перед парнями с Уолл-стрит он не хотел выглядеть дешевкой. На таких людей всегда производит впечатление высокая стоимость услуг. Это он хорошо знал. Кроме того, Карри не сомневался, что ему придется отработать столь высокий гонорар. Форстер согласился без колебаний и обещал прислать чек по почте. Карри повесил трубку и стал мысленно перебирать содержимое своего гардероба — ведь ему предстояло изображать шишку с Уолл-стрит.

Глава 13

Полет из Сент-Луиса до Далласа — Форт-Уэрта, пятьсот шестьдесят восемь миль, занимал девяносто минут, тридцать из которых ушло на подъем и еще тридцать на спуск. Ричер и Джоди вновь сидели в бизнес-классе, на сей раз с левого борта, только пассажиры здесь были совсем не похожи на тех, с которыми они летели из Нью-Йорка. Большую часть мест занимали бизнесмены из Техаса в костюмах из акульей кожи всех оттенков от синего до серого, в ботинках из кожи

аллигатора и широкополых шляпах. Они были крупными, краснолицыми и громогласными и совсем не походили на своих собратьев по ремеслу с Восточного побережья. Эти парни гораздо сильнее приставали к стюардессам. Джоди надела простое коричневое платье, какое могла бы выбрать Одри Хэпберн, и бизнесмены часто бросали на нее взгляды, делая вид, что не замечают Ричера. Он сидел возле прохода в своем мятом костюме и старых английских туфлях, и они никак не могли понять, что он за человек. Ричер видел, как они краем глаза изучали его загар и руки, приходили к выводу, что он один из тех, кто разбогател на нефтедобыче, но потом вспоминали, что теперь таких вещей уже не происходит, и вновь начинали гадать. Он не обращал на них внимания, пил превосходный кофе из фарфоровых чашек и размышлял о том, как проникнуть на базу и получить нужную информацию от Девитта.

Бывший военный полицейский, пытающийся получить откровенные ответы от генерала с двумя звездами, подобен человеку, бросающему монетку. Выпадет орел — и ты будешь иметь дело с парнем, который готов идти с тобой на контакт. Быть может, у него были какие-то проблемы в прошлом и военная полиция помогла ему эффективно их решить. И тогда ты становишься его другом. Но если выпадет решка, ты можешь оказаться одним из тех, кто стал виновником неприятностей. Может быть, у него случались какие-то стычки с коллегами, а военная полиция не проявила особого такта, когда пришло время разбираться. И тогда ты не узнаешь ничего. Орел или решка, но нужно иметь в виду, что соотношение сил всегда не в твою пользу, поскольку все презирают полицейских, так что чаще выпадает решка. Таков был горький опыт самого Ричера. А сейчас ситуация только ухудшилась: Ричер стал гражданским и со старта имел не слишком много шансов.

Когда самолет остановился возле ворот, бизнесмены пропустили Джоди вперед. Либо в Техасе мужчины стали настоящими джентльменами, либо им хотелось полюбоваться на ее ноги и попку, но Ричер не мог предъявить им за это претензии, поскольку ему самому хотелось того же самого. Он нес сумку Джоди и следовал за ней. Потом он догнал ее и обнял за плечи, чувствуя, как дюжины глаз сверлят ему спину.

— Хочешь показать им, что это принадлежит тебе? — спросила Джоди.

— Ты их заметила? — ответил Ричер вопросом на вопрос.

Она обняла Ричера за талию и прижалась к нему, не замедляя шага.

— Их было трудно не заметить. Полагаю, сегодня вечером я могла бы без проблем получить приглашение на свидание.

— Тебе пришлось бы отбиваться от них палкой.

— Все дело в платье. Наверное, мне следовало надеть брюки, но я решила, что здесь склонны придерживаться традиций.

— Ты могла бы надеть форму водителя советского танка, серо-зеленую с подкладкой из хлопка, но они все равно бежали бы сзади с высунутыми языками.

Джоди захихикала.

— Я видела водителей советских танков. Папа показывал мне фотографии. Двести фунтов, длинные усы, татуировки, курят трубки, а женщины от них ничем не отличаются.

Внутри аэропорта было прохладно от кондиционеров, но, как только они вышли на улицу, температура подпрыгнула градусов на двадцать. Они сразу же встали в очередь на такси. Июнь в Техасе, после десяти утра — под сорок градусов и влажно.

— Да, я все-таки правильно поступила, когда надела платье, — призналась Джоди.

Они стояли в тени навеса, но солнце казалось ослепительно белым. Над асфальтом воздух дымился и мерцал. Джоди вытащила из сумки темные очки, надела их и стала еще больше напоминать светловолосую Одри Хэпберн. Они сели в новенький «шевроле каприс», кондиционер работал на полную мощность, с зеркала заднего вида свисали четки. Водитель молчал. Поездка заняла сорок минут, в основном пришлось ехать по бетонным автострадам. Поначалу машин было довольно много, но потом дороги опустели.

Форт-Уолтерс оказался крупным поселением, расположенным посреди пустыни. Низкие элегантные здания на тщательно ухоженной территории — только армия способна поддерживать такой порядок. Высокая ограда простиралась на мили по всему периметру, ровная и без малейших признаков растительности у основания. Обочина была побелена. За оградой змеилось между зданиями серое шоссе. Окна поблескивали на солнце. Такси описало дугу, и они увидели поле размером со стадион, на котором ровными рядами стояли вертолеты. Между ними расхаживали пилоты.

Главные ворота находились в стороне от дороги. Путь к ним был с двух сторон ограничен флагштоками. Флаги вяло поникли в неподвижном воздухе. Сбоку располагалось низенькое строение с красно-белым шлагбаумом, закрывающим въезд на территорию базы. Ричер видел, как люди в форме военной полиции наблюдают за их машиной. Они были при полном параде, даже в белых шлемах. Настоящая военная полиция. Он улыбнулся. Здесь у него проблем не возникнет. В нем они скорее признают своего, чем в тех людях, которых охраняют.

Они вышли из такси, и машина тут же развернулась и уехала. По удушающей жаре они прошли небольшое расстояние до навеса. Сержант военной полиции отодвинул стекло и вопросительно посмотрел на них. Ричер ощутил, как на него пахнуло прохладным воздухом.

— Нам нужно встретиться с генералом Девиттом, — сказал Ричер. — У нас есть шансы, сержант?

Сержант оглядел Ричера.

— Тут многое зависит от того, кто вы такой.

Ричер доложил ему о том, кем он был раньше, представил Джоди и рассказал о том, кем был ее отец. Через минуту они уже находились внутри прохладного помещения. Сержант сразу позвонил по телефону в штаб.

— Мне удалось обо всем договориться, — с довольным видом сообщил он. — Генерал готов принять вас через полчаса.

Ричер улыбнулся. Генерал наверняка свободен и сейчас, но в ближайшие полчаса постарается выяснить, кто пожаловал к нему в гости.

— Что вы можете сказать о генерале? — спросил Ричер.

— Мы отнесли его к категории ИГЗ, — с улыбкой ответил сержант ВП.

Ричер улыбнулся в ответ, почувствовав, что вернулся домой. В военной полиции ИГЗ было сокращением для «иногда глупая задница», и это была весьма гуманная характеристика для генерала, данная сержантом. Она означала, что с генералом можно иметь дело, если правильно к нему обратиться. С другой стороны, у тебя могло и не получиться. Что ближайшие полчаса Ричеру было о чем подумать.

Через тридцать две минуты подъехал зеленый «шевроле» с двумя аккуратными белыми полосками, и сержант кивнул в его сторону. Водитель был рядовым, то есть тем, кому не положено открывать рот. Он подождал, пока они сядут, развернул машину и медленно поехал между зданиями. Ричер наблюдал за проплывающими мимо картинами. Он никогда не бывал в Уолтерсе, но все здесь было ему знакомо, поскольку все базы похожи друг на друга. Такое же расположение, такие же люди, как будто все строилось по единому плану. Главное здание представляло собой длинное двухэтажное кирпичное сооружение, расположенное фасадом к плацу. Оно ничем не отличалось от главного здания в Берлине, где Ричер родился. Только погода здесь была другая.

«Шевроле» остановился рядом со ступеньками, ведущими в здание. Водитель молча смотрел сквозь ветровое стекло прямо перед собой, не

заглушая двигатель. Ричер распахнул дверцу и вышел на жару вместе с Джоди.

— Спасибо, солдат, — сказал он.

Солдат продолжал смотреть вперед. Ричер и Джоди поднялись по ступенькам и оказались в прохладном вестибюле. Здесь стоял рядовой военной полиции в белом шлеме, белых крагах, с блестящей винтовкой М-16 на груди. Он сразу же устремил взгляд на обнаженные ноги Джоди, пока они с Ричером шли к нему.

— Ричер и Гарбер к генералу Девитту, — сказал Ричер.

Солдат перевел ружье в вертикальное положение, что символизировало разрешение пройти. Ричер кивнул и направился к лестнице. Внутренние помещения были также ему знакомы, здесь царила странная смесь роскоши и функциональности, как в частной школе, занимающей старый особняк. Все содержалось в безукоризненной чистоте, использовались самые лучшие материалы, но отделка оставалась предельно строгой. На верхней площадке стоял стол, за которым начинался коридор. За столом сидел дородный сержант военной полиции, погруженный в работу с бумагами. За его спиной виднелась дубовая дверь с аккуратной табличкой, сообщавшей имя Девитта, его звание и должность.

— Ричер и Гарбер к генералу, — сказал Ричер.

Сержант кивнул, поднял телефонную трубку и нажал на кнопку.

— Ваши посетители, сэр, — сказал он в трубку.

Выслушав ответ, сержант встал и открыл дверь. Затем отступил в сторону, давая им пройти. Они вошли в кабинет, и сержант закрыл за ними дверь. Кабинет был размером с теннисный корт. Стены отделаны дубом, на полу огромный темный ковер, потертый от многократного применения пылесоса. Девитт сидел за большим дубовым столом. На вид ему было больше пятидесяти, но меньше пятидесяти пяти. Высохший, но энергичный, с редеющими, коротко подстриженными седыми волосами. Он наблюдал за ними, слегка прикрыв серые глаза. В его взгляде Ричер прочел смесь любопытства и раздражения.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал генерал.

Рядом со столом стояли кожаные кресла для посетителей. Стены офиса были увешаны памятными подарками, но все они имели отношение к службе: награды за победы в военных играх, старые монохромные фотографии времен разных войн. Кроме того, стены украшали фотографии и чертежи в разрезе дюжины различных вертолетов.

Однако Ричер не заметил ничего личного, принадлежащего Девитту. На письменном столе не было даже семейных фотографий.

— Как я могу вам помочь? — спросил он.

У него был слабый армейский акцент, который появляется после службы в разных уголках планеты. Возможно, подумал Ричер, Девитт родился на Среднем Западе. Может быть, неподалеку от Чикаго.

— Я был майором военной полиции, — сказал Ричер и замолчал, дожидаясь ответной реакции.

— Мне это известно. Мы проверили.

Нейтральный ответ. Ричер не уловил враждебности, как, впрочем, и одобрения.

— Моим отцом был генерал Гарбер, — добавила Джоди.

Девитт молча кивнул.

— Мы пришли к вам как частные лица, — сказал Ричер.

— Точнее, как гражданские лица, — медленно проговорил Девитт.

Ричер кивнул. «Первый пропущенный мяч».

— Речь идет о пилоте Викторе Хоби. Вы служили с ним во Вьетнаме.

Лицо Девитта сохраняло нейтральное выражение. Он приподнял брови.

— В самом деле? Я его не помню.

«Второй мяч». Отказ от сотрудничества.

— Мы пытаемся установить, что с ним произошло.

И вновь Девитт ответил не сразу. Он медленно кивнул.

— Почему он вас интересует? Он был вашим исчезнувшим дядей? Или тайным отцом? Возможно, у него был короткий печальный роман с вашей матерью? Или вы купили принадлежавший ему дом и обнаружили давно забытые юношеские дневники за стенной обшивкой вместе с «Плейбоем» за тысяча девятьсот шестьдесят восьмой год?

«Третий мяч». Агрессивное нежелание сотрудничать. В кабинете вновь воцарилась тишина. Откуда-то издалека доносился рев двигателей вертолетов. Джоди наклонилась вперед. Ее тихий голос отчетливо прозвучал в тишине огромного кабинета.

— Мы здесь из-за его родителей, сэр. Они потеряли своего сына тридцать лет назад, но по сей день не знают, что с ним произошло. Они до сих пор скорбят о нем, генерал.

Девитт посмотрел на нее своими серыми глазами и тряхнул головой.

— Я его не помню. Мне очень жаль.

— Он проходил обучение вместе с вами, в Уолтерсе, — сказал Ричер. — Потом вы отправились в Раккер и вместе отплыли в Куайнхон. Почти два года вы служили вместе, совершали боевые вылеты из Плейку.

— Ваш отец служил в армии? — спросил Девитт.

— В морской пехоте. Тридцать лет. Semper Fi [16].

— А мой — в Восьмом военно-воздушном корпусе, — сказал Девитт. — Во время Второй мировой войны он летал на бомбардировщике с базы в Восточной Англии до самого Берлина и обратно. Знаете, что он мне сказал, когда я решил стать пилотом вертолета?

Ричер молча ждал.

— Он дал мне хороший совет, — продолжал Девитт. — Отец сказал мне, чтобы я не заводил друзей среди пилотов. Их слишком часто убивают, и ты все время вынужден скорбеть.

Ричер кивнул.

— Вы действительно его совсем не помните?

Девитт молча пожал плечами.

— Даже ради его родителей? — вмешалась Джоди. — Ведь они должны знать, что случилось с их сыном.

Девитт молчал. Далекий шум двигателей смолк. Девитт посмотрел на Джоди. Потом положил руки на стол и вздохнул.

— Ну, кое-что я помню, — признал он. — Главным образом наши первые дни в Уолтерсе. Позднее, когда пилоты стали гибнуть, я последовал совету отца. Постарался закрыть свое сердце, вы понимаете?

— Так каким же он был? — спросила Джоди.

— Каким он был? — повторил Девитт. — Не таким, как я, это точно. Он вообще ни на кого не был похож. Этакое ходячее противоречие. Вам ведь известно, что он пошел в армию добровольцем? Впрочем, как и я и многие другие парни. Но Вик отличался от всех остальных. Тогда существовала большая разница между добровольцами и теми, кого мобилизовали по набору. Добровольцы были веселыми парнями,

которые записались в армию, поскольку верили в нее. Но только не Вик. Да, он являлся добровольцем, но был таким же серьезным и молчаливым, как самый мрачный призывник. Однако летал он так, словно родился с пропеллером в заднице.

— Значит, он был хорошим пилотом? — спросила Джоди.

— Не просто хорошим, — ответил Девитт. — В прежние времена он уступал только мне, а это уже о многом говорит, поскольку я уж точно родился с пропеллером в заднице. Кроме того, Вик неплохо разбирался в науке. Это я помню. Он был лучшим в классе.

— У него возникали в связи с этим какие-то проблемы? — спросил Ричер. — Он предлагал свои услуги в обмен на что-нибудь?

Девитт перевел взгляд своих серых глаз на Джоди.

— Вы неплохо подготовились. Я вижу, вы читали его досье.

— Мы приехали сюда из Национального архива, — сказал Ричер.

Девитт бесстрастно кивнул.

— Надеюсь, вы не читали мое досье?

— Нам бы никто не позволил, — ответил Ричер.

— Мы старались не проявлять ненужного любопытства, — добавила Джоди.

Девитт вновь задумчиво кивнул.

— Да, Вик обменивался с другими ребятами услугами. Однако многие жаловались, что он поступал неправильно. Припоминаю, что из-за этого возникали конфликты. Считалось, что нужно с радостью помогать своим товарищам, вы понимаете? Ради единства в подразделении. Ну, вы наверняка сталкивались с таким дерьмом.

Он замолчал и с улыбкой посмотрел на Ричера. Тот кивнул. То, что с ним была Джоди, помогало. Ее очарование изменило отношение генерала к разговору.

— Но на Вика такие вещи не действовали. Для него это было лишь еще одно математическое уравнение. Определенное количество единиц силы способно поднять вертолет в воздух. А помощь с какой-нибудь сложной формулой должна быть достаточной, и не более того. Его считали слишком равнодушным.

— А он был равнодушным? — спросила Джоди.

Девитт кивнул.

— Да, Вик был удивительно неэмоциональным, можно сказать, холодным человеком. Он всегда меня поражал. Сначала я решил, что это связано с тем, что он родился в маленьком городке, где ничего никогда не происходило. Но позднее я понял, что он просто ничего не чувствовал. Совсем ничего. Это было жутко. Однако именно по этой причине он стал превосходным пилотом.

— Из-за того, что не боялся? — уточнил Ричер.

— Именно. Я не назову это мужеством — мужественный человек боится, но преодолевает свой страх. А у Вика страх отсутствовал. Что делало его даже лучшим боевым летчиком, чем я. И хотя я первым закончил наш класс и у меня даже есть значок, удостоверяющий сей факт, но когда мы начали воевать, оказалось, что он лучше, — тут не могло быть никаких сомнений.

— И в чем же он был лучше?

Девитт пожал плечами, словно не мог найти объяснений.

— Мы учились на ходу, прямо во время сражений. Наше обучение оказалось полнейшим дерьмом. С тем же успехом можно было показать маленькую круглую штуку и сказать: «Это бейсбольный мяч», а потом выпустить играть в профессиональной лиге. И теперь, когда я стал во главе Уолтерса, мне больше всего хочется это изменить. Я не намерен посылать в бой мальчишек, которые не готовы к испытаниям.

— А Хоби быстро учился во время боев? — спросил Ричер.

— Лучше всех, — ответил Девитт. — Вам что-нибудь известно о вертолетах в джунглях?

Ричер покачал головой.

— Очень немного.

— Самая главная проблема — ПЗ, — продолжал Девитт. — ПЗ — это посадочная зона, понимаете? Где-то под огнем противника находится уставший отряд пехоты, солдат нужно вывезти на базу, они связываются с нами по рации, и наш диспетчер говорит им: «Конечно, только сделайте для нас ПЗ, и мы сразу же вас заберем». Тогда они при помощи взрывчатки, пил и всего, что попадется под руку, расчищают в джунглях временную ПЗ. Для успешного приземления «хьюи» с вращающимся винтом требуется площадка размером сорок восемь футов в ширину и пятьдесят семь футов и десять дюймов в длину. Но пехота устала и очень торопится, а противник ведет непрерывный обстрел из минометов, так что обычно площадки получаются куда меньших размеров. И тогда мы не в силах их забрать. Такие вещи случались с нами два или три раза, и мы ужасно переживали. Однажды я увидел, как Вик изучает переднюю

грань винта своего «хьюи». Я спросил его: «На что ты смотришь?» А он ответил: «Это металл». Я тогда подумал: а из чего еще можно делать винты? Из бамбука? Однако Вик смотрел на винт. А на следующий день нас вновь вызвала пехота, чтобы мы сели на временную ПЗ. Оказалось, что они не сумели сделать площадку нужных размеров — не хватало по паре футов с каждой стороны. И я не сумел сесть. Тем не менее Вик произвел посадку. Он летал по кругу и прорубал себе путь винтом, словно гигантская газонокосилка. Это зрелище приводило в трепет. Повсюду летали куски древесины. Вик сумел взять на борт семерых или восьмерых парней, после чего нам удалось произвести посадку вслед за ним и забрать остальных. Потом это стало СПД, стандартным порядком действий, но именно Вик изобрел этот способ, поскольку он был холодным и логичным и не побоялся попробовать в первый раз. Этот маневр спас сотни парней в течение многих лет. То есть сотни в буквальном смысле. Может быть, даже тысячи.

— Впечатляюще, — сказал Ричер.

— Клянусь моей задницей, — усмехнулся Девитт. — Вторая главная проблема — вес. Пехотинцы забирались на борт до тех пор, пока проклятый вертолет не становился слишком тяжелым, чтобы взлететь. И тогда наши стрелки начинали сталкивать пехотинцев, оставляя их на поле боя. Возможно, на смерть. Не самое приятное чувство. Однажды Вик взял на борт всех солдат, но не смог взлететь. Тогда он наклонил штурвал вперед и полетел вдоль поля, пока не образовался встречный воздушный поток, который позволил ему подняться. Прыжок с разбега. Еще один СПД, изобретенный Виком. Иногда он проделывал этот фокус на склоне холма или даже на склонах высоких гор: казалось, еще немного — и он разобьется, но вертолет выравнивался и поднимался в воздух. Как я уже говорил, мы все придумывали в процессе, и очень много полезного сделал Виктор Хоби.

— Вы им восхищались, — сказала Джоди.

Девитт не стал возражать.

— Да, восхищался. И готов это признать.

— Но вы не были близки.

Он тряхнул головой.

— Как говорил мой отец, не дружи с другими пилотами. И я рад, что всегда следовал его совету. Слишком многие из них погибли.

— А как он проводил свободное время? — спросил Ричер. — В досье я прочитал, что вылеты бывали далеко не каждый день.

— Погода была ужасной. Вы и представить себе не можете. Я даже хотел переместить учебную базу в штат Вашингтон, где бывают туманы. Какой смысл тренироваться в Техасе и Алабаме, если вы намерены вести военные действия там, где бывает плохая погода?

— И как же вы проводили свободное время?

— Я? Ну, по-разному. Иногда я ходил на вечеринки, иногда спал. Бывало, садился в грузовичок и отправлялся на поиски полезных вещей.

— А как вел себя Вик? — спросила Джоди. — Чем занимался он?

Девитт пожал плечами.

— Понятия не имею. Он всегда был чем-то занят, у него постоянно имелись какие-то планы, но для меня они оставались тайной. Как я уже вам говорил, с другими пилотами я старался не иметь дела.

— А как он изменился после возвращения из отпуска? — спросил Ричер.

Девитт улыбнулся.

— Все стали другими.

— В каком смысле? — спросила Джоди.

— В нас стало больше злости. Даже если ты сразу подписывался на второй срок, нужно было служить без перерыва в течение девяти месяцев или даже года. А когда возвращался, ты очень быстро понимал, что за время твоего отсутствия все вокруг превратилось в дерьмо. Построенное тобой жилище развалилось; траншеи, выкопанные для защиты от обстрела, полны воды; деревья, которые ты выкорчевал, чтобы они не мешали взлету, выросли снова. У тебя возникало ощущение, что созданный тобой маленький мир уничтожен сборищем бесполезных идиотов. И тебя охватывала злость, начиналась депрессия. В целом ты был прав. Вьетнамская кампания постепенно разваливалась, все выходило из-под контроля. А качество персонала постоянно ухудшалось.

— Значит, Хоби постепенно лишился иллюзий? — спросил Ричер.

Девитт пожал плечами.

— Я не очень помню, как он ко всему относился. Может быть, он неплохо справлялся со всеми проблемами. Насколько мне известно, у него было развито чувство долга.

— В чем состояло его последнее задание?

В серых глазах Девитта что-то неуловимо изменилось. Как будто опустились жалюзи.

— Я не помню.

— Его сбили, — сказал Ричер. — Рядом с вами. И вы не помните, в чем состояло ваше задание?

— Мы потеряли во Вьетнаме восемь тысяч вертолетов. Восемь тысяч, мистер Ричер, от начала войны и до ее конца. И у меня не раз возникало ощущение, что я видел большую часть из них, когда они падали на землю. Как я могу помнить отдельные катастрофы?

— Так в чем состояло задание? — повторил свой вопрос Ричер.

— А зачем вам знать? — поинтересовался Девитт.

— Это мне поможет.

— В чем?

Теперь пришел черед Ричера пожать плечами.

— Поможет его родителям. Быть может, я смогу сказать им, что он погиб, делая нечто важное.

На лице Девитта появилась горькая улыбка. Впрочем, за тридцать лет постоянного использования она успела немного смягчиться.

— Боюсь, друг мой, вы не сможете этого сделать.

— Но почему?

— Потому что все наши задания были совершенно бесполезными. Мы напрасно потратили наше время. И наши жизни. Ведь война была проиграна, не так ли?

— Это было секретное задание?

Девитт не стал отвечать сразу, и в огромном кабинете повисла напряженная тишина.

— А с чего бы ему быть секретным? — равнодушным голосом спросил Девитт.

— Он взял на борт только трех пассажиров. Тут что-то было не так. И ему не потребовался прыжок с разбега.

— Я не помню, — повторил Девитт.

Ричер молча смотрел на него. Девитт не опускал взгляда.

— Как я могу помнить? Я услышал об этом сегодня в первый раз за последние тридцать лет, а вы полагаете, что в моей памяти должны сохраниться все чертовы подробности?

— По этому поводу к вам обращаются не в первый раз. Вам задавали эти вопросы два месяца назад. В апреле нынешнего года.

Девитт молчал.

— Генерал Гарбер звонил в Национальный архив и задавал вопросы о Хоби, — продолжал Ричер. — А потом он должен был позвонить вам. Почему вы не можете рассказать нам то, что поведали генералу?

Девитт улыбнулся.

— Я сказал ему, что не помню.

В наступившей тишине они услышали шум подлетающего вертолета.

— Неужели вы не можете рассказать нам ради его родителей? — тихо спросила Джоди. — Они все еще скорбят о нем. Им необходимо знать.

Девитт покачал головой.

— Я не могу.

— Не можете или не хотите? — спросил Ричер.

Девитт поднялся на ноги и медленно приблизился к окну. Он оказался невысоким человеком. Девитт стоял, залитый яркими лучами солнца, и, прищурившись, смотрел на садящиеся вертолеты.

— Это закрытая информация, — наконец заговорил он. — Мне запрещено давать какие-то комментарии, и я не собираюсь этого делать. Гарбер задавал мне вопросы, и я дал ему такие же ответы. Без комментариев. Но я намекнул ему, что следует искать ближе к дому, и готов дать вам такой же совет, мистер Ричер. Ищите ближе к дому.

— Ближе к дому?

Девитт повернулся спиной к окну.

— Вы видели досье Каплана?

— Его второго пилота?

— Да. Вы читали о его предпоследнем задании?

Ричер покачал головой.

— А следовало бы, — упрекнул его Девитт. — Плохая работа для человека, который когда-то был майором военной полиции. Только никому не говорите, что этот совет дал вам я, поскольку я все буду отрицать и все поверят мне, а не вам.

Ричер отвел взгляд. Девитт вернулся за свой письменный стол и сел.

— Может ли оказаться так, что Виктор Хоби все еще жив? — спросила у него Джоди.

Двигатель приземлившегося вертолета смолк. Наступила полная тишина.

— Без комментариев, — ответил Девитт.

— Вам уже задавали этот вопрос прежде? — поинтересовалась Джоди.

— Без комментариев, — повторил Девитт.

— Вы видели катастрофу. Мог ли кто-то в ней уцелеть?

— Я видел взрыв сквозь листву — вот все, что я могу сказать. В баке оставалось больше половины топлива. Делайте выводы сами, мисс Гарбер.

— Он выжил?

— Без комментариев.

— Почему Каплан официально объявлен мертвым, а Хоби — нет?

— Без комментариев.

Джоди кивнула. Подумала немного и решила перегруппировать свои силы, как адвокат, работающий с упрямым свидетелем.

— Тогда будем говорить гипотетически. Представим себе, что молодой человек с характером Виктора Хоби выжил в такой катастрофе. Считаете ли вы возможным, чтобы он не вошел в контакт со своими родителями?

Девитт снова встал. Он явно испытывал смущение.

— Я не знаю, мисс Гарбер. Я не психиатр. И как я уже вам говорил, я старался не поддерживать дружеских контактов с другими пилотами. Он казался человеком с чувством долга, однако довольно холодным. Пожалуй, я бы сказал, что такой вариант развития событий кажется мне очень маловероятным. Впрочем, не следует забывать, что Вьетнам менял людей. К примеру, он очень сильно изменил меня. Раньше я был отличным парнем.

Офицеру Сарку было сорок четыре года, но он выглядел старше. Детство у него было тяжелое, да и юность ничем не лучше. Его кожа отличалась бледностью, он рано облысел. У него был болезненный цвет лица и впалые щеки. Однако он знал о своих проблемах и боролся с ними. Он с большим вниманием относился к диете и физическим упражнениям, почти полностью отказался от жиров в своем ежедневном рационе, начал понемногу загорать, чтобы улучшить цвет кожи, не опасаясь появления меланомы, и старался побольше ходить. Возвращаясь домой,

он выходил из метро на одну остановку раньше и проходил остаток пути в быстром темпе, как предписывалось в тех книгах, которые он читал. Иногда ему удавалось убедить О'Халлинан припарковать автомобиль и немного пройтись пешком.

О'Халлинан не интересовала аэробика, но она была доброжелательной женщиной и охотно шла навстречу своему партнеру. В особенности летом, когда светило солнце. Поэтому они поставили машину на обочине, в тени церкви Троицы, и подошли к зданию Всемирного торгового центра пешком, с юга. Им пришлось преодолеть шестьсот ярдов по солнцу, что порадовало Сарка, но не позволило их коллегам определить, куда Сарк и О'Халлинан направлялись на самом деле.

— Вас подбросить до аэропорта? — спросил Девитт.

Ричер решил, что их выгоняют, но хотят смягчить жесткий прием. Он кивнул. Армейский «шевроле» довезет их быстрее, чем такси, поскольку он уже стоял у входа с включенным двигателем.

— Благодарю, — сказал Ричер.

— Был рад помочь, — ответил Девитт.

Он поднял трубку и заговорил так, словно отдавал приказ.

— Подождите три минуты, — сказал он.

Джоди встала, разгладила платье и подошла к окну. Ричер направился к стене, чтобы посмотреть фотографии. На одной из них был воспроизведен известный снимок, обошедший многие крупные газеты. Вертолет поднимается в воздух с огороженной территории посольства в Сайгоне, под ним сгрудилась толпа людей, тянущих руки к вертолету, словно призывающих его вернуться.

— Тем пилотом были вы? — спросил Ричер — сработала его интуиция.

Девитт посмотрел на него и кивнул.

— Вы все еще оставались там в тысяча девятьсот семьдесят пятом?

Девитт снова кивнул:

— Пять раз я возвращался во Вьетнам, а потом работал в штабе. В целом я предпочитал участие в военных действиях.

Послышался приближающийся шум. К базе подлетал мощный вертолет. Ричер подошел к стоящей возле окна Джоди. Над зданиями со стороны посадочного поля летел «хьюи».

— Это за вами, — сказал Девитт.

— Вертолет? — удивилась Джоди.

Девитт улыбнулся.

— А вы как думали? Ведь это вертолетная школа. Именно поэтому парни собрались здесь. Тут нет водителей такси.

«Воп-воп-воп» — громко хлопали лопасти винта, постепенно переходя в «вип-вип-вип» по мере того, как вертолет приближался.

— Теперь лопасти стали больше! — прокричал Девитт. — Композитные материалы. Металл не используется. Не представляю, что бы с этим мог сделать старина Вик.

«Хьюи» опускался, пока не завис над плацем, находившимся напротив входа в здание. Он шума зазвенели стекла в окнах. Затем вертолет плавно приземлился.

— Приятно было познакомиться! — прокричал Девитт.

Они пожали ему руку и вышли из кабинета. Сержант военной полиции кивнул им, не обращая внимания на шум, и вернулся к своим бумагам. Они спустились по лестнице и вышли на улицу, где царила жара и клубилась пыль. Второй пилот распахнул дверцу, приглашая садиться. Они побежали к вертолету. Джоди улыбалась, ее волосы разметал ветер. Второй пилот протянул ей руку и помог забраться внутрь. Ричер последовал за ней. Они пристегнулись к сиденьям, второй пилот закрыл дверь и уселся на свое место. Вертолет задрожал и поднялся в воздух. Пол накренился, в окнах начали поворачиваться здания, потом они увидели крыши и зеленую траву, и вскоре шоссе под ними превратилось в серую тонкую линию. Нос вертолета слегка опустился вниз, рев двигателя усилился, и они легли на курс.

Сарк читал о «быстрой ходьбе» — идея состояла в том, чтобы научиться ходить со скоростью четыре мили в час. В таком случае увеличивалась частота сердцебиений, что и являлось ключом в занятиях аэробикой, но при этом удавалось избегать отрицательного воздействия на щиколотки и колени, которое неизбежно при беге. Сарк верил в это утверждение. Если идти правильно, можно пройти шестьсот ярдов примерно за пять минут. Впрочем, они потратили восемь минут, поскольку О'Халлинан шагала рядом с ним. Она с удовольствием согласилась пройтись, но не желала идти быстро. Нет, О'Халлинан находилась в приличной форме, но она всегда говорила: «Я предназначена для комфорта, а не для быстроты». Это был компромисс. Сарку требовалось ее согласие на прогулку, поэтому он никогда не жаловался на слишком низкую скорость. Он решил, что так лучше, чем ничего. В любом случае полезно для здоровья.

— Где находится нужное нам здание? — спросил он.

— На юге, так мне кажется, — ответила она.

Они обошли главный вход в Южную башню и оказались в вестибюле. За стойкой сидели парни в форме охранников, но они были заняты с группой иностранцев в серых костюмах, и Сарку с О'Халлинан пришлось обратиться к справочнику. Офис трастового фонда на Каймановых островах находился на восемьдесят восьмом этаже. Они направились к скоростному лифту и сели в него — охранники так и не узнали, что двое полицейских вошли в здание.

Лифт помчался наверх. Потом он притормозил и остановился на восемьдесят восьмом этаже. Дверь скользнула в сторону, и, когда они вышли в пустой коридор, раздался негромкий звонок. Потолок был довольно низким, а проход узким. В офис трастового фонда вела современная дубовая дверь с маленьким окошечком и бронзовой ручкой. Сарк распахнул дверь и позволил О'Халлинан войти первой. Она была достаточно немолодой женщиной, чтобы оценить его вежливость.

Они оказались в приемной, отделанной бронзой и дубом. За высокой конторкой сидел коренастый мужчина в темном костюме. Сарк остался стоять посреди приемной, его тяжелый пояс лишь подчеркивал ширину бедер, и он производил устрашающее впечатление. О'Халлинан подошла к конторке, обдумывая, с чего лучше начать разговор. Ей не хотелось тянуть время, поэтому она решила перейти к активным действиям.

— Мы пришли из-за Шерил, — сказала она.

— Наверное, мне нужно вернуться домой, — сказала Джоди.

— Нет, ты полетишь со мной на Гавайи.

Они снова находились в прохладном помещении аэропорта Даллас — Форт-Уэрт. «Хьюи» приземлился на одной из дальних полос, и второй пилот отвез их к зданию аэропорта на зеленом карте для гольфа. Он провел их через незаметную дверь на лестницу, откуда они вышли в зал ожидания.

— Гавайи? Ричер, я не могу лететь на Гавайи. Мне нужно вернуться в Нью-Йорк.

— Ты не можешь вернуться туда одна. В Нью-Йорке тебе грозит опасность, ты не забыла? А мне нужно побывать на Гавайях. Так что тебе придется лететь со мной.

— Ричер, я не могу, — повторила Джоди. — Я должна быть на завтрашней встрече. Ты и сам знаешь. Ты ведь говорил по телефону с моим секретарем, верно?

— Прекрати, Джоди. Ты не полетишь в Нью-Йорк одна.

Когда они выписывались из номера для молодоженов в Сент-Луисе, Ричер понял, что его восприятие мира изменилось. Одна часть его сознания кричала: «Медовый месяц закончен, дружище. Твоя жизнь стала другой, возникают новые проблемы». Тогда он не стал обращать внимания на эти вопли. Но теперь все акценты сместились. Впервые в жизни он оказался ответственным за другого человека. По большей части это было приятно, однако накладывало дополнительные обязательства.

— Я должна вернуться, Ричер, — настаивала на своем Джоди. — Я не могу их подвести.

— Позвони и скажи, что не сумеешь вернуться вовремя. Скажи, что больна, придумай что-нибудь.

— Не могу. Мой секретарь знает, что я здорова, ведь так? Мне нужно думать о своей карьере. Для меня карьера имеет большое значение.

— Ты не вернешься в Нью-Йорк одна, — упрямо повторил Ричер.

— А зачем тебе на Гавайи?

— Там мы найдем ответ, — сказал Ричер.

Он подошел к стойке и взял толстое расписание полетов. Стоя под холодным сиянием ламп, открыл букву Д (отправление из Далласа — Форт-Уэрта) и провел пальцем до буквы Г (рейсы на Гонолулу). Затем он полистал рейсы из Гонолулу в Нью-Йорк. Проверив все дважды, Ричер с облегчением улыбнулся.

— Мы успеем сделать и то и другое. Вот смотри. Отсюда есть рейс в двенадцать пятнадцать. Считаем полетное время, минус разницу во времени. В Гонолулу мы прибудем в три часа. А потом сядем на семичасовой рейс, отправляющийся в Нью-Йорк. И окажемся в аэропорту Джона Кеннеди в двенадцать часов дня завтра. Твой секретарь сказал, что встреча назначена на два часа, верно? Так что ты успеешь.

— Но мне необходимо войти в курс дела, — возразила Джоди. — Я даже не знаю, о чем речь.

— У тебя будет два часа на подготовку. Ты быстро соображаешь.

— Это безумие. На Гавайях мы сможем провести всего четыре часа.

— Больше и не потребуется. Я позвоню и обо всем договорюсь.

— Мы проведем в самолете всю ночь. И я буду вынуждена пойти на встречу после бессонной ночи в проклятом самолете.

— Что ж, мы полетим первым классом, — сказал Ричер. — За все платит Раттер, верно? А в первом классе вполне можно поспать. Кресла там достаточно удобные.

Джоди вздохнула.

— Чистое безумие.

— Разреши мне воспользоваться твоим телефоном, — сказал он.

Она протянула ему свой мобильник, Ричер позвонил в справочное и спросил номер телефона. Потом он его набрал, и после восьми гудков трубку подняли в восьми тысячах миль.

— Говорит Джек Ричер, — сказал он. — Вы будете в офисе весь день?

Ему ответил сонный голос, поскольку на Гавайях было раннее утро, но Ричер получил тот ответ, который его интересовал. Он выключил телефон и вернул его Джоди. Она вздохнула, но теперь на ее лице появилась улыбка. Джоди подошла к стойке и при помощи своей золотой карты купила два билета первого класса от Далласа — Форт-Уэрта до Нью-Йорка через Гонолулу. Клерк быстро все оформил, не очень понимая людей, готовых заплатить сумму, равную стоимости подержанной спортивной машины, за то, чтобы провести двадцать часов в самолете и четыре часа в Оаху. Через двадцать минут Ричер уже устраивался в роскошном кресле, а Джоди сидела в ярде от него.

Для данной ситуации давно была разработана схема поведения. Прежде ее не доводилось применять, но все тщательно отрепетировали. Коренастый мужчина за высокой конторкой незаметно отвел руку в сторону и нажал указательным пальцем на одну кнопку, а средним на другую. Первая кнопка блокировала дубовую дверь, выходящую в коридор. Электромагнитный механизм заставлял металлический язычок встать на место беззвучно и незаметно, и дверь оставалась запертой до тех пор, пока механизм не сработает вновь. Никакие манипуляции с ключом не помогут ее открыть. Вторая кнопка зажигала мигающий красный свет на письменном столе Хоби. Красный свет был ярким, а в офисе всегда царил полумрак, так что не заметить его было невозможно.

— Из-за кого? — спросил коренастый мужчина.

— Из-за Шерил, — повторила О'Халлинан.

— Сожалею, — ответил он, — но у нас нет никого с таким именем. Здесь работает всего трое служащих, и все они мужчины.

Он переместил руку налево, и его палец лег на кнопку с надписью «Разговор», которая включала интерком.

— У вас есть черный «тахо»? — спросила у него О'Халлинан.

— Да, — кивнул он, — у нас есть черный «тахо».

— А как насчет «сабурбана»?

— Да, «сабурбан» у нас тоже есть. Речь идет о столкновении?

— Речь идет о Шерил, находящейся в больнице, — сказала О'Халлинан.

— О ком? — снова спросил он.

Сарк подошел и остановился за спиной у О'Халлинан.

— Нам нужно поговорить с вашим боссом, — сказал он.

— Хорошо, сейчас я постараюсь это организовать. Как вас представить?

— Офицеры Сарк и О'Халлинан, департамент полиции Нью-Йорка.

Тони открыл дверь офиса и остановился на пороге, вопросительно глядя на полицейских.

— Могу я вам помочь, офицеры?

Во время репетиций полицейские отворачивались от конторки и смотрели на Тони. Возможно, делали к нему пару шагов. Именно так все и произошло. Сарк и О'Халлинан повернулись спиной к конторке и вышли на середину приемной. Коренастый мужчина вытащил из-под конторки дробовик, но не стал его поднимать.

— Речь идет о Шерил, — снова сказала О'Халлинан.

— О какой Шерил? — спросил Тони.

— О Шерил, которая находится в больнице со сломанным носом, — сказал Сарк. — У нее перелом лицевой кости и сотрясение мозга. Речь идет о Шерил, которая вышла из вашего «тахо» возле больницы «Сент-Винсент».

— А, ну тогда понятно, — сказал Тони. — Мы не знали ее имени. Она не могла произнести ни слова из-за повреждений лица.

— А как она оказалась в вашей машине? — спросила О'Халлинан.

— Мы подвозили нашего клиента на Центральный вокзал. Нашли ее на тротуаре, она не знала, куда идти, только что сошла с поезда из Маунт-Киско. Мы предложили подвезти ее до больницы, поскольку она явно в этом нуждалась.

— «Беллвью» ближе к Центральному вокзалу, — заметила О'Халлинан.

— Там часто бывают пробки, — спокойно ответил Тони. — Подъезд к «Сент-Винсент» гораздо удобнее.

— И вас не заинтересовало, что с ней случилось и как она получила свои ранения? — спросил Сарк.

— Ну, естественно, мы спросили, — сказал Тони. — Мы задавали ей вопросы, но она не могла говорить. Именно по этой причине мы так и не узнали ее имени.

О'Халлинан осталась стоять на месте, она не знала, что делать дальше. Сарк шагнул вперед.

— Вы нашли ее на тротуаре?

— Рядом с Центральным вокзалом, — кивнул Тони.

— Она не могла говорить?

— Ни слова.

— И как вы узнали, что она приехала на поезде из Киско?

Во время репетиций оставался только один неясный момент — когда нужно от обороны переходить к нападению. Это было субъективно. Они полагали, что сообразят сами, когда этот момент наступит. Так и произошло. Коренастый мужчина встал, досылая патрон в ствол, и навел оружие на полицейских.

— Замрите! — крикнул он.

В руке Тони тут же появился девятимиллиметровый револьвер. Сарк и О'Халлинан посмотрели на него, потом на дробовик и подняли руки вверх. Это было совсем не похоже на кино. Они вытянули руки вверх, словно их жизнь зависела от того, достанут ли они до потолка. Тип с дробовиком подошел к Сарку сзади и ткнул его стволом в спину, а Тони моментально оказался за спиной О'Халлинан и приставил пистолет к ее затылку. Почти сразу же из темноты появился третий мужчина и остановился на пороге офиса.

— Я Крюк Хоби, — сказал он.

Они молча смотрели на него. Их взгляды устремились к его изуродованному лицу, а потом обратились к пустому рукаву.

— Кто из вас кто? — спросил Хоби.

Они не отвечали, завороженно глядя на крюк. Хоби поднял крюк так, чтобы от гладкой поверхности отразился свет.

— Кто из вас О'Халлинан?

О'Халлинан слегка кивнула. Хоби повернулся к ее напарнику.

— Значит, ты Сарк. Сарк едва заметно кивнул.

— Расстегните пояса, — сказал Хоби. — По очереди. Быстро.

Сарк сделал это первым. Быстро. Он опустил руки и щелкнул пряжкой. Тяжелый пояс с громким стуком упал на пол. Сарк сразу же поднял руки вверх.

— А теперь ты, — сказал Хоби О'Халлинан.

Она подчинилась. Тяжелый пояс с пистолетом, рацией, наручниками и дубинкой упал на ковер. Она вновь вытянула руки вверх. Хоби наклонился, подхватил крюком оба пояса и вытянул крюк перед собой, точно рыбак, у которого выдался удачный день. Затем левой рукой он снял с поясов обе пары наручников.

— Повернитесь.

Они повернулись лицом к направленным на них стволам.

— Руки за спину.

Однорукий человек способен надеть наручники на жертву, если она стоит смирно и держит запястья рядом. Сарк и О'Халлинан сделали все, что было необходимо. Хоби застегнул наручники сначала на Сарке, потом на О'Халлинан. Он затянул наручники на каждом из них так, что оба полицейских застонали от боли. Подняв пояса, чтобы они не волочились по полу, Хоби вернулся в офис.

— Заходите, — позвал он.

Хоби подошел к столу и положил на них пояса, словно собирался подвергнуть их тщательному изучению. Он тяжело уселся в кресло, дожидаясь, когда Тони поставит пленников перед ним. Хоби молча вытащил полицейские пистолеты из кобуры и спрятал их в ящике стола. Затем взял рации и увеличил звук до максимума. Он расположил их так, чтобы антенны были направлены в сторону окон. Слегка наклонив голову, Хоби прислушался к доносившемуся из раций потрескиванию. Покончив с этим, он откинулся на спинку кресла и вытащил из петель дубинки. Он положил одну из них на стол, а вторую взял в левую руку и принялся изучать. Дубинка была современной, с удобной ручкой и телескопической секцией. Хоби продолжал с интересом на нее смотреть.

— И как же она работает?

Сарк и О'Халлинан молчали. Хоби несколько мгновений поиграл с дубинкой, а потом бросил взгляд на коренастого парня, который тут же ударил дробовиком по почкам Сарка.

— Я задал тебе вопрос, — сказал ему Хоби.

— Нужно взмахнуть дубинкой, — пробормотал Сарк. — Взмахнуть и слегка дернуть.

Хоби пришлось встать. Он взмахнул дубинкой так, словно это был хлыст. Телескопическая секция встала на место, и раздался негромкий щелчок. Хоби улыбнулся необожженной частью лица. Ловко сложил дубинку и щелкнул еще раз. И ухмыльнулся. Он принялся расхаживать вокруг стола, снова и снова складывая дубинку и раскрывая ее. И каждый раз его движения становились более резкими. Он кружил по офису, щелкая дубинкой, затем неожиданно взмахнул дубинкой в обратном направлении, раздался щелчок, и дубинка ударила О'Халлинан в лицо.

— Мне нравится эта штука, — сказал Хоби.

О'Халлинан невольно сделала шаг назад, но Тони ткнул ее в спину стволом пистолета, вынуждая встать на прежнее место. Ее колени подогнулись, и она рухнула лицом вниз перед письменным столом. Скованные руки оставались у нее за спиной, изо рта и носа пошла кровь.

— Что вам рассказала Шерил? — спросил Хоби.

Сарк смотрел на О'Халлинан.

— Она сказала, что налетела на дверь, — пробормотал он.

— Проклятье, так чего же вам от меня нужно? Зачем вы сюда пришли?

Сарк поднял взгляд и посмотрел в лицо Хоби.

— Потому что мы ей не поверили. Не вызывало сомнений, что кто-то ее избил. Мы узнали номера «тахо», и это привело нас сюда.

Тишину нарушало лишь потрескивание в полицейских рациях. Хоби кивнул.

— Вы пришли туда, куда следовало, — сказал Хоби. — Дверь не имела к делу никакого отношения.

Сарк кивнул в ответ. Он был мужественным человеком. Отдел по борьбе с домашним насилием не место для трусов. Им часто приходилось сталкиваться с людьми, склонными к жестокости. И Сарк управлялся с такими людьми не хуже многих других.

— Это большая ошибка, — спокойно сказал он.

— В каком смысле? — заинтересовался Хоби.

— Речь лишь о том, что вы сделали с Шерил, и не более того. Вам не следует впутывать нас в свои проблемы. Вы применяете насилие против офицеров полиции. Эпизод с Шерил можно как-то решить. Возможно, имела место провокация или другие смягчающие обстоятельства. Но если вы не прекратите насилие против нас, мы ничего не сможем для вас сделать. У вас будут очень серьезные неприятности.

Он замолчал, внимательно наблюдая за реакцией. Такой подход часто приносил плоды. Когда ты объясняешь преступнику, что ему выгодно, он начинает тебя слушать. Однако Хоби никак не отреагировал на слова Сарка. Он молчал. В офисе было тихо. Сарк уже искал следующий ход, когда послышался голос диспетчера, приговоривший его к смерти:

— Пять-один и пять-два, сообщите свое местонахождение, пожалуйста.

Сарк автоматически потянулся к поясу, но его руку остановили наручники. Диспетчер замолчал. Хоби смотрел в пространство.

— Пять-один и пять-два, мне необходимо знать, где вы сейчас находитесь, — снова заговорил диспетчер.

Сарк с ужасом смотрел на рации. Хоби проследил за его взглядом и улыбнулся.

— Они не знают, куда вы пошли, — сказал Хоби.

Сарк покачал головой. Он мучительно продолжал искать выход. Мужественный человек.

— Они знают, где мы. Они знают, что мы здесь. Просто им необходимо подтверждение, вот и все. Им нужно знать, что мы находимся именно там, где должны быть.

— Пять-один и пять-два, ответьте, пожалуйста.

Хоби смотрел на Сарка. О'Халлинан пыталась подняться на колени, глядя в сторону раций. Тони навел на нее пистолет.

— Пять-один и пять-два, вы меня слышите?

Голос заглушили помехи, потом он прозвучал громче:

— Пять-один и пять-два, на углу Хьюстон и авеню «Д» возникла драка. Как далеко вы от этого места?

Хоби улыбнулся.

— Это в двух милях отсюда, — сказал он. — Они понятия не имеют о том, где вы, ведь так?

Потом он ухмыльнулся. Левая половина его лица сложилась в ухмылку, а правая оставалась застывшей маской.

Глава 14

Впервые в жизни Ричеру было удобно в самолете. Он летал с самого рождения, сначала как сын солдата, потом как солдат. Ричер налетал миллионы миль, но всякий раз ему приходилось делать это в спартанских условиях, в ревущих транспортных самолетах, или устраиваться в креслах пассажирских лайнеров, которые были уже его плеч. Летать первым классом оказалось неожиданно приятно.

Салон производил впечатление. Он был намеренным оскорблением для пассажиров других классов, которые входили через него в самолет, прежде чем попасть в свои стесненные условия. Здесь царили прохлада и пастельные тона. Если в остальных салонах в ряду насчитывалось десять кресел, то здесь — всего четыре. Получалось, что каждое кресло в два с половиной раза шире, но дело было не только в этом. Кресла казались огромными. Они больше походили на диваны, и можно было вертеться в них, сколько душе угодно, не опасаясь ободрать бедра о ручки. Также поражало пространство для ног. Можно было полностью их вытянуть, но все равно не достать до следующего кресла. Если нажать на кнопку, кресло принимало почти горизонтальное положение, не беспокоя человека, сидящего сзади. Ричер поиграл с механизмом кресла, как мальчишка с новой игрушкой, потом устроился в полулежачем положении и открыл новенький иллюстрированный журнал. Он прекрасно знал, какие журналы достаются пассажирам, которые находились тридцатью рядами дальше.

Джоди утонула в своем кресле, подобрав под себя ноги, на ее коленях лежал такой же журнал, а у локтя стоял бокал охлажденного шампанского. В салоне было тихо. Они находились далеко от двигателей, шум которых напоминал здесь шипение кондиционера. И никакой вибрации. Ричер смотрел на искрящееся золотое вино в бокале Джоди, но поверхность жидкости оставалась идеально ровной.

— К этому я мог бы быстро привыкнуть, — заметил он.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

— Только не на твои доходы, — ответила Джоди.

Ричер кивнул и вернулся к арифметическим подсчетам. Он прикинул, что день работы на рытье бассейна оплачивает пятьдесят миль полета в первом классе. При данной скорости самолет преодолевает это расстояние за пять минут. Десять часов работы исчезают за пять минут. Иными словами, он будет тратить деньги в сто двадцать раз быстрее, чем их зарабатывать.

— Что ты намерен делать, когда все это закончится? — спросила Джоди.

— Не знаю, — ответил Ричер.

Этот вопрос крутился у него в голове с тех самых пор, как Джоди рассказала ему про дом отца. И сам дом жил в его воображении — иногда это был кроткий образ, иногда угрожающий, словно картинка-загадка, меняющаяся в зависимости от того, под каким углом на нее падает свет. Порой он представал перед мысленным взором Ричера в сиянии солнца, комфортабельный и притягательный, настоящий дом. В другие моменты он превращался в страшное бремя, заставляющее его владельца бежать изо всех сил, чтобы оставаться на нужном уровне.

Ричер знал людей, владеющих домами. Он не раз беседовал с ними с тем отстраненным интересом, с каким разговаривал бы с любителем змей или с участником соревнований по бальным танцам. Дома заставляют тебя придерживаться определенного стиля в жизни. Даже в тех случаях, когда ты получаешь такой дом в подарок — а Леон поступил именно так, — ты вынужден делать ряд обязательных вещей. Нужно платить налог на недвижимость. Кроме того, необходима страховка на случай пожара или стихийных бедствий. Ну, и еще содержание дома.

Его знакомые постоянно что-то делали в доме. Осенью занимались починкой отопления, которое вечно выходило из строя. Или фундамент начинал пропускать воду, что требовало серьезных земляных работ. Крыша — тоже серьезная проблема. Оказывается, крыша имеет ограниченный срок жизни — в свое время Ричера это изрядно удивило. Кровельную дранку требовалось периодически менять. А также обшивку дома. И окна. Он знал людей, которые ставили новые окна в своих домах. Они долго колебались перед тем, как сделать такую серьезную покупку.

— Ты собираешься искать работу? — спросила Джоди.

Он смотрел сквозь овальный иллюминатор на Южную Калифорнию в семи милях под ними, сухую и коричневую. Какого рода работу? Дом будет стоить ему десять тысяч долларов в год — налоги и содержание. Поскольку дом находится за городом, ему придется сохранить машину Раттера. Машина досталась ему бесплатно, как и дом, но и на нее потребуются деньги. Страховка, смена масла, осмотр, ремонт, бензин. Еще около трех тысяч в год. Еда, одежда и всякие мелочи. Если у него будет дом, он захочет купить другие вещи. Например, стереосистему. И пластинку Вайноны Джадд, а также множество других. Он вспомнил о записях старой миссис Хоби. Она подсчитала сумму, которая им необходима на год, и не смогла найти способ еще больше уменьшить расходы. У Ричера получилось около тридцати тысяч в год, значит, зарабатывать следовало пятьдесят с учетом подоходного налога. Плюс

расходы на поездки в город на работу, пять дней из семи, где он должен как-то заработать эту сумму.

— Я не знаю, — повторил он.

— Ты можешь многое делать.

— Например?

— У тебя немало талантов. Например, ты прекрасный следователь. Папа всегда говорил, что ты лучший из всех, кого он знал.

— Но это было, когда я служил в армии, — проворчал Ричер. — Теперь с этим покончено.

— Умения можно переносить в другие области жизни, Ричер. А на лучших всегда есть спрос.

Тут она подняла голову, и в ее глазах загорелся огонек.

— Ты можешь продолжить бизнес Костелло. У него остались незаконченные дела. Мы очень часто к нему обращались.

— Замечательная мысль. Сначала его из-за меня убивают, а потом я забираю его дело.

— Это не твоя вина, — возразила Джоди. — Подумай об этом.

И он стал думать, глядя на Калифорнию. Думал о потертом кресле Костелло и его стареющем уютном теле. Ричер представил себе, как он сидит в кабинете пастельных тонов с окнами из толстого стекла, как проводит всю жизнь, разговаривая по телефону. Он думал о стоимости содержания офиса на Гринвич-авеню, о секретарше, которой понадобится новый компьютер и телефон, страховка, зарплата и оплаченный отпуск. Вдобавок к содержанию дома в Гаррисоне. Ему потребуется работать десять месяцев, прежде чем у него появится лишний доллар.

— Я не знаю, — вздохнул он. — Не уверен, что мне хочется об этом думать.

— Но тебе придется, — уперлась Джоди.

— Может быть. Однако это не обязательно делать сейчас.

Она улыбнулась так, словно все понимала, и они погрузились в молчание. Самолет летел дальше, появилась стюардесса, которая толкала перед собой тележку с напитками. Джоди попросила наполнить ее бокал шампанским, а Ричер взял пива. Он пролистал журнал. Там было полно пресных статей о всякой ерунде. И еще реклама — финансовые услуги и маленькие сложные устройства, все как один

черные и работающие от батареек. Наконец он добрался до раздела, где цветными линиями были изображены направления, обслуживаемые данной компанией. Ричер нашел их самолет, прочитал о максимально возможном количестве пассажиров на борту, узнал характеристики двигателя и дальность полета. В самом конце журнала был напечатан кроссворд. Он заполнял всю страницу и показался Ричеру довольно сложным. Джоди уже начала его решать.

— Посмотри на одиннадцать по вертикали, — предложила она.

Ричер посмотрел.

— «Они могут немало весить», — прочитал он. — Тринадцать букв.

— Обязательства, — сказала она.

Мэрилин и Честер Стоун сидели рядом на диванчике, находившемся справа от письменного стола, поскольку Хоби перешел в ванную комнату с двумя полицейскими. Коренастый мужчина устроился на другом диванчике, положив дробовик на колени. Рядом развалился Тони, который задрал ноги на кофейный столик. Честер не шевелился, только смотрел куда-то в темноту. Мэрилин замерзла, ей хотелось есть. И еще она была охвачена ужасом. Ее глаза метались по комнате. Из ванной не доносилось ни звука.

— Что он с ними делает? — прошептала она.

Тони пожал плечами.

— Сейчас он с ними беседует.

— О чем?

— Задает им вопросы о том, что они любят, а что нет. С точки зрения физической боли. Он обожает заниматься подобными вещами.

— Господи, почему?

Тони улыбнулся.

— Он считает, что разрешить жертве выбирать свою судьбу — это демократично.

Мэрилин содрогнулась.

— Почему он не может их просто отпустить? Они решили, что Шерил — жертва жестокого обращения мужа, вот и все. Они ничего о нем не знали.

— Ну, довольно скоро они многое о нем узнают, — ответил Тони. — Он заставит их выбрать число. Они никогда не знают, что лучше, ведь им

неизвестно, зачем это нужно. Им кажется, что они могут его ублажить, если выберут правильно. Они не понимают, что это им не поможет.

— Неужели он не может их просто отпустить? Возможно, позднее?

Тони отрицательно покачал головой.

— Нет, сейчас он очень напряжен. А это поможет ему расслабиться. Такая терапия.

Мэрилин долго молчала. Но потом не выдержала и задала вопрос:

— А зачем нужно число? — прошептала она.

— Оно определяет, сколько часов они будут умирать, — ответил Тони. — Тот, кто выбирает большое число, приходит в ужас, когда узнает правду.

— Вы ублюдки.

— Один парень выбрал сто, но мы отпустили его через десять.

— Ублюдки.

— Но вас он не станет заставлять выбирать числа. На вас у него другие планы.

Полная тишина в ванной.

— Он безумен, — прошептала Мэрилин.

Тони пожал плечами.

— Может быть, немного. Но мне он нравится. В его жизни было много боли. Мне кажется, именно по этой причине его так интересует боль.

Мэрилин с ужасом посмотрела на него. Затем со стороны дубовой двери, выходящей к лифтам, раздался звонок. В жуткой тишине офиса он прозвучал очень громко. Тони и коренастый мужчина с дробовиком повернулись к двери.

— Проверь, — бросил Тони.

Он сунул руку в карман, вытащил пистолет и навел его на Честера и Мэрилин. Его напарник с дробовиком вскочил с дивана, поспешно вышел в приемную и закрыл за собой дверь. В офисе вновь стало тихо. Тони подошел к двери в ванную, постучал в нее рукоятью пистолета, слегка приоткрыл и засунул голову внутрь.

— Посетители, — прошептал он.

Мэрилин посмотрела по сторонам. Тони находился в двадцати футах от нее, ближе всех остальных. Она вскочила на ноги и набрала в грудь

побольше воздуха. Обежала кофейный столик, оказалась возле двери, ведущей в приемную, и распахнула ее. Коренастый напарник Тони стоял у двери в коридор и беседовал с невысоким мужчиной, остановившимся на пороге.

— Помогите нам! — крикнула ему Мэрилин.

Мужчина посмотрел на нее. Он был одет в темно-синие брюки, синюю рубашку и короткую куртку такого же цвета, как брюки. Нечто вроде формы. На левой стороне куртки был какой-то рисунок. В руках он держал коричневый бумажный пакет.

— Помогите нам! — вновь крикнула Мэрилин.

Две вещи произошли одновременно. Коренастый мужчина схватил посетителя за руку, заставил войти в приемную и захлопнул за ним дверь. А Тони обхватил Мэрилин сзади за талию и втащил в офис. Она выгнулась вперед, пытаясь вырваться, но у Тони были сильные руки.

— Ради бога, помогите нам!

Тони поднял ее в воздух. Его рука оказалась под грудью Мэрилин. Короткое платье задралось выше колен. Мэрилин отчаянно отбивалась. Низенький человек в синей форме не сводил с нее глаз. С ног Мэрилин упали туфли. Низенький мужчина заулыбался. Он вошел в офис вслед за ней, аккуратно переступив через упавшие туфли и не выпуская из рук коричневый пакет.

— Послушайте, я тоже хочу в этом участвовать, — сказал он.

— Забудь, — задыхаясь, прошипел Тони из-за спины Мэрилин. — Эта девка не для тебя. Во всяком случае, сейчас.

— Жаль, — сказал коротышка, — не каждый день в руки попадает такая штучка.

Тони подтащил Мэрилин к дивану и швырнул ее рядом с Честером. Коротышка огорченно пожал плечами и высыпал содержимое пакета на стол. Пачки денег со стуком ударялись о дерево. Дверь ванны открылась, и в офис вошел Хоби. Он снял пиджак, а рукава рубашки закатал по локоть. Левая рука оказалась мускулистой и заросшей темными волосами. На правой была надета тяжелая кожаная коричневая чашка, крепившаяся ремешками, которые уходили в рукав рубашки. Чашка сужалась книзу, из нее выходил блестящий металлический стальной крюк длиной в шесть или восемь дюймов, с острым концом.

— Сосчитай деньги, Тони, — сказал Хоби.

Мэрилин выпрямилась и повернулась лицом к коротышке.

— Он держит здесь двух полицейских, — быстро проговорила она. — Он собирается их убить.

Коротышка ухмыльнулся.

— Я не против, — заявил он. — Пусть бы он прикончил их всех.

Она в изумлении уставилась на него. Тони подошел к столу и рассортировал пачки с деньгами. Потом принялся считать вслух, перекладывая с одного края стола на другой.

— Сорок тысяч долларов.

— Где ключи? — осведомился коротышка.

Тони выдвинул ящик стола.

— Вот ключи от «мерседеса».

Он бросил их коротышке, и тот засунул их в карман.

— А вот эти от «тахо», который стоит в гараже внизу.

— Как насчет БМВ? — спросил коротышка.

— Он все еще в Паунд-Ридже, — ответил Хоби.

— А ключи? — спросил коротышка.

— Они остались в доме, я полагаю, — сказал Хоби. — Она не захватила с собой сумочку. И не похоже, чтобы она спрятала ключики на себе, верно?

Коротышка посмотрел на платье Мэрилин и плотоядно улыбнулся, так что стал виден его язык.

— Там точно что-то есть, но вовсе не ключи.

Мэрилин с отвращением посмотрела на него. На его куртке было вышито красным шелком: «Двигатели Мо». Хоби пересек офис и остановился у нее за спиной, потом наклонился вперед и переместил крюк так, что он оказался в поле зрения Мэрилин. Она содрогнулась.

— Где ключи? — спросил Хоби.

— БМВ принадлежит мне, — сказала она.

— Уже нет.

Хоби приблизил крюк к ее лицу. Она ощутила запах металла и кожи.

— Я могу ее обыскать, — предложил коротышка. — Возможно, она их где-то прячет. Я знаю парочку весьма интересных мест.

Мэрилин вновь содрогнулась.

— Ключи, — вкрадчиво сказал Хоби.

— На столике в кухне, — прошептала Мэрилин.

Хоби убрал крюк, обошел Мэрилин и встал перед ней. На его губах появилась улыбка. Коротышка выглядел разочарованным. Он кивнул, подтверждая, что слышал шепот Мэрилин, и направился к двери, позвякивая ключами от «мерседеса» и «тахо».

— С вами приятно иметь дело, — бросил он на ходу. У двери он остановился, обернулся и пристально посмотрел на Мэрилин.

— Ты совершенно уверен, что она не входит в сделку, Хоби? Ведь мы с тобой старые друзья. Сколько мы провернули интересных дел?

Хоби решительно покачал головой.

— Забудь о ней. Она моя.

Коротышка пожал плечами и вышел из офиса, помахивая ключами. Дверь за ним закрылась, а еще через мгновение Мэрилин услышала, как захлопнулась вторая дверь, выходящая в коридор. Загудел лифт, и вскоре в офисе вновь воцарилась тишина. Хоби посмотрел на пачки денег и вернулся в ванную. Мэрилин и Честер остались сидеть на диване, им было холодно, хотелось есть. Свет, который просачивался сквозь щели в жалюзи, стал тускнеть, и наступил вечер. В ванной было тихо часов до восьми. Потом тишину нарушил вопль.

Самолет летел на запад, преследуя солнце, но проиграл гонку и прибыл в Оаху с трехчасовым опозданием, в середине дня. Пассажиры салона первого класса покидали самолет первыми, вот почему Джоди и Ричер оказались в самом начале очереди на такси. Температура и влажность были здесь такими же, как в Техасе, но здесь это определялось близостью Тихого океана. И свет в Оаху был не таким агрессивным. Иззубренные зеленые горы и голубое море окружали остров желтоватым сиянием тропиков. Джоди вновь надела темные очки и с легким любопытством человека, побывавшего на Гавайях множество раз, посмотрела на ограду аэропорта. Она и в самом деле бывала здесь с отцом, впрочем никогда не задерживаясь надолго. То же самое можно было сказать и про Ричера. Он не раз оказывался в этом аэропорту перед тем, как пересесть на самолет, летящий дальше, но служить на Гавайях ему не довелось.

Такси, в которое они сели, было точной копией машины, отвозившей их на базу Форт-Уолтерс. Новый «шевроле каприс» с включенным на полную мощность кондиционером. Кабина водителя оказалась странной смесью религиозного святилища и жилой комнаты. Они разочаровали

его, попросив доставить их кратчайшим путем в Оаху — всего лишь полмили до въезда на военно-воздушную базу Хикам. Водитель с тоской посмотрел на другие такси, и Ричер понял: таксист думает о том, что те получат гораздо более выгодных клиентов.

— Обещаю десять долларов чаевых, — сказал Ричер.

Водитель посмотрел на Ричера, как клерк, продававший ему билеты первого класса. Такая короткая поездка и столько чаевых? Ричер обратил внимание на фотографию, прикрепленную к приборной доске. Очевидно, это была семья водителя. Большая семья, смуглые улыбающиеся дети и такая же улыбающаяся женщина в веселеньком ситцевом платье перед скромным домиком с маленьким садом. Ричер подумал о Хоби, одиноко живущих в Брайтоне, о шипении кислородного баллона и скрипучих деревянных полах. И о запущенном жилище Раттера в Бронксе.

— Двадцать долларов, — сказал Ричер, — если мы поедем прямо сейчас, договорились?

— Двадцать долларов? — удивленно переспросил водитель.

— Тридцать. Для ваших детей. Они очень симпатичные.

Водитель улыбнулся, глядя в зеркало, поднес пальцы к губам, а потом прикоснулся к блестящей поверхности фотографии. Затем резко развернул машину, пересек несколько сплошных линий, и очень скоро они подъехали к воротам базы, которые ничем не отличались от ворот Форт-Уолтерса. Джоди распахнула дверь и вышла, а Ричер сунул руку в карман и вытащил пачку оставшихся у него денег. Сверху лежала купюра в пятьдесят долларов, он взял ее и положил на приборную доску.

— Сдачи не надо.

Потом Ричер показал на фотографию.

— Это ваш дом?

Водитель кивнул в знак подтверждения.

— С ним все в порядке, ремонт не требуется?

Водитель покачал головой:

— Он в отличном состоянии.

— Крыша не течет?

— Никаких проблем.

— Просто хотел проверить, — объяснил Ричер.

Он выбрался из машины и подошел к Джоди. Такси развернулось и поехало обратно. Со стороны океана дул легкий бриз. В воздухе чувствовалась соль. Джоди убрала волосы с лица и огляделась по сторонам.

— Куда идем?

— В ЦЛИГ, — ответил Ричер. — Это совсем рядом.

Он произнес название как единое слово, и Джоди непонимающе нахмурилась.

— В цлиг? — повторила она. — Что это такое?

— Центральная лаборатория идентификации, Гавайи. Она является армейским подразделением.

— И чем они занимаются?

— Я тебе покажу, — ответил Ричер и после паузы добавил: — Во всяком случае, надеюсь, что смогу это сделать.

Они вошли в ворота и остановились возле пропускного пункта. За окошечком сидел сержант точно в такой же форме, с такой же стрижкой и с таким же подозрительным выражением лица, как у его коллеги в Уолтерсе. Секунду им пришлось подождать под жаркими лучами солнца, потом он отодвинул стекло, и Ричер сообщил их имена.

— Мы приехали, чтобы встретиться с Нэшем Ньюменом, — сказал он.

Сержант немного удивился и взял стопку бумаг, которая лежала перед ним, провел толстым пальцем по списку и кивнул. Взял трубку и набрал номер. Четыре цифры. Внутренний звонок. Он назвал имена посетителей, выслушал ответ, и на его лице появилось недоуменное выражение. Прикрыв микрофон рукой, он повернулся к Джоди.

— Сколько вам лет, мисс? — спросил он.

— Тридцать, — ответила Джоди, удивившись в свою очередь.

— Тридцать, — повторил в трубку сержант.

Потом он выслушал ответ, повесил трубку и что-то записал на листе бумаги. Повернувшись к Ричеру и Джоди, он сказал:

— Он сейчас придет, так что вы можете войти.

Они протиснулись в узкий проход между стеной и краем шлагбаума и остались стоять в шести футах от того места, где располагалось окошко, но на территории базы. Если судить по выражению лица сержанта, то разница была огромной. Подозрительность исчезла, ей на смену пришло

любопытство: как же, легендарный Нэш Ньюмен попросил немедленно пропустить двух гражданских лиц на территорию базы!

Примерно в шестидесяти ярдах от них находилось низкое бетонное здание с одинокой дверью в глухой стене. Вскоре дверь распахнулась, и появился седовласый мужчина. Он повернулся, чтобы закрыть и запереть дверь, а потом быстро зашагал к ним. Он был в брюках и рубашке — тропический вариант военной формы, но поверх набросил белый лабораторный халат. На воротнике рубашки поблескивал металл, из чего следовало, что он офицер в достаточно высоком звании, да и вся его внешность являлась тому подтверждением. Ричер и Джоди двинулись ему навстречу. Седому мужчине было около пятидесяти пяти лет, высокий рост не мешал ему двигаться с грацией атлета, хотя влияние возраста уже начало сказываться. Аристократическое лицо притягивало к себе взгляд.

— Генерал Ньюмен, — сказал Ричер. — Это Джоди Гарбер.

Ньюмен посмотрел на Ричера и с улыбкой протянул руку Джоди.

— Рада с вами познакомиться, генерал, — сказала она.

— Мы уже встречались, — заметил Ньюмен.

— В самом деле? — удивилась Джоди.

— Вы не можете помнить нашу предыдущую встречу. Во всяком случае, меня бы это очень удивило. Тогда вам было три года. Дело было на Филиппинах, на заднем дворе дома вашего отца. Я помню, как вы принесли мне стакан пунша. Большой стакан, большой двор и очень маленькая девочка. Вы держали стакан двумя руками и от усердия даже высунули язык. Я не мог отвести взгляд и ужасно переживал, что вы не удержите стакан.

Она улыбнулась.

— Похоже, вы совершенно правы. Я ничего не помню. Мне было три года? Да, это было очень давно.

Ньюмен кивнул.

— Вот почему я спросил, как вы выглядите. Я не ожидал, что сержант спросит у вас про возраст. Мне хотелось услышать его мнение, не более того. Ведь такие вопросы не следует задавать леди, не так ли? Но я не ожидал, что дочь Леона захочет меня навестить.

Он сжал ее ладонь и отпустил. Потом повернулся к Ричеру и слегка ударил его по плечу.

— Джек Ричер, чертовски рад тебя видеть, — сказал генерал.

Ричер крепко пожал руку Ньюмена.

— Генерал Ньюмен был моим учителем, — сказал он Джоди. — Он преподавал в колледже миллион лет назад. Продвинутый курс судебной медицины. Он научил меня всему, что я знаю.

— Он был отличным учеником, — сказал Ньюмен Джоди. — Во всяком случае, слушал меня внимательно, чего нельзя сказать о многих других.

— Так чем же вы занимаетесь, генерал? — спросила Джоди.

— Судебной антропологией, — ответил Ньюмен.

— Он лучший, — вставил Ричер.

Ньюмен махнул рукой.

— Ну, мне об этом ничего не известно.

— Антропология? — спросила Джоди. — Но ведь антропология изучает древние племена и артефакты, обычаи, ритуалы и верования?

— Нет, вы говорите о гражданской антропологии, — ответил Ньюмен. — Существуют и другие ее разделы. Я занимаюсь судебной антропологией, которая является разделом физической антропологии.

— Эта наука изучает человеческие останки, чтобы выявить улики для суда, — уточнил Ричер.

— Врач по костям, — добавил Ньюмен. — Пожалуй, это все объясняет.

Они шагали по тротуару в сторону двери в глухой стене. Когда они к ней подошли, дверь распахнулась — там стоял молодой человек, за спиной которого начинался коридор. Молодой мужчина имел самую обычную внешность, ему было лет тридцать, поверх лейтенантской формы он набросил белый халат. Ньюмен кивнул в его сторону.

— Это лейтенант Саймон. Он помогает мне руководить лабораторией. Без него я как без рук.

Он представил Ричера и Джоди, и они пожали Саймону руки. Саймон вел себя сдержанно. Ричер решил, что это типичный лабораторный червь, недовольный тем, что его отвлекли от исследований. Ньюмен повел их по коридору к своему кабинету, Саймон молча кивнул и исчез.

— Садитесь, — предложил Ньюмен, — и давайте поговорим.

— Значит, вы патологоанатом? — спросила Джоди.

Ньюмен уселся за свой стол и решительно замахал рукой.

— Патологоанатом должен иметь медицинскую степень, а антропологи ее не получают. Мы лишь изучаем антропологию, и не более того. Физическая структура человеческого тела — вот поле нашей деятельности. Конечно, мы также занимаемся вскрытием, но в целом отличие состоит в том, что патологоанатом имеет дело со свежими трупами, а если остается только скелет, то это уже работа для нас. Так что меня можно назвать врачом по костям.

Джоди кивнула.

— Конечно, я упрощаю, — продолжал Ньюмен. — Кости свежего трупа также могут вызвать вопросы. Представим себе, что произошло расчленение тела. В таком случае патологоанатом обращается за помощью к нам. Мы можем взглянуть на следы пилы на костях и высказать свое мнение. Мы способны установить, насколько силен был преступник, был ли он правшой или левшой и тому подобное. Но в девяноста девяти случаях из ста я работаю со скелетами. Высохшими старыми костями.

Он улыбнулся каким-то своим мыслям.

— Патологоанатомы не умеют работать с высохшими старыми костями. Тут они совершенно безнадежны. Они не знают даже элементарных вещей. Иногда я не понимаю, чему их учат в медицинских школах.

В кабинете без окон было тихо и прохладно, светильники давали мягкий свет, пол был устлан толстым ковром. Письменный стол розового дерева, удобные кожаные кресла для посетителей. Элегантные часы на полке показывали, что уже половина четвертого. До отлета оставалось всего три с половиной часа.

— Боюсь, что для нашего посещения есть повод, генерал, — сказал Ричер.

— Тогда вам не следует всякий раз вспоминать, что я генерал. Будет лучше, если ты будешь называть меня Нэшем. Расскажите, что вас привело ко мне.

— Нам нужна ваша помощь, Нэш.

— Речь идет о списках ПВБ? — Он повернулся к Джоди, чтобы объяснить: — Именно этим я занимаюсь последние двадцать лет.

— Речь идет о вполне определенном случае, — сказала Джоди. — Нам пришлось заняться расследованием.

Ньюмен задумчиво кивнул, и свет в его глазах потускнел.

— Да, именно этого я и боялся. У нас зафиксировано восемьдесят девять тысяч сто двадцать случаев ПВБ, но я могу спорить, что знаю, каким именно вы интересуетесь.

— Восемьдесят девять тысяч? — поразилась Джоди.

— И сто двадцать. Две тысячи двести исчезли во Вьетнаме, восемь тысяч сто семьдесят в Корее и семьдесят восемь тысяч семьсот пятьдесят после Второй мировой войны. Мы продолжаем работу по каждому случаю, и я обещаю, что мы никогда ее не прекратим.

— Господи, но почему так много?

Ньюмен пожал плечами, и на его лице появилась горькая улыбка.

— Войны. Взрывчатка, перемещение войск, самолеты. Во время войн некоторые солдаты гибнут, некоторые остаются в живых. Какие-то тела удается отыскать, другие — нет. Иногда не остается ничего. Прямое попадание артиллерийского снаряда превращает человеческое тело в молекулы. Человек просто исчезает. Остается лишь кровавый туман в воздухе, а иногда нет даже тумана, поскольку все выгорает. Если снаряд разрывается рядом, то тело может быть разорвано на куски. И еще не надо забывать, что войны ведутся из-за территорий. Вражеские или свои танки могут проехать по трупу, вдавливая останки в землю, а потом ничего не удается отыскать.

Он замолчал. Тишину нарушало лишь негромкое тиканье часов.

— А самолеты и того хуже. Многие войны велись над океанами. Самолет падает в воду, и весь его экипаж исчезает до конца времен, сколько бы усилий ни было потрачено на поиски.

Ньюмен махнул рукой, обводя все окружающее пространство, а потом протянул ладонь к Джоди, словно умоляя ее понять.

— Восемьдесят девять тысяч, — повторила она. — А я думала, что подобные случаи относятся только к Вьетнаму. Две тысячи или около того.

— Восемьдесят девять тысяч сто двадцать, — устало повторил Ньюмен. — Нам удается кое-что вернуть из Кореи, изредка попадаются останки солдат, погибших во время Второй мировой войны, с Японских островов. Но вы правы, чаще всего возникают проблемы с Вьетнамом. Пропало две тысячи двести человек. На самом деле не так уж и много. За одно-единственное утро Первой мировой войны было потеряно больше. За каждое такое утро в течение четырех долгих лет. Мужчин и юношей разрывали на куски и втаптывали в грязь. Но Вьетнам — совсем другое дело. И отчасти из-за таких вещей, как Первая мировая война. Мы

больше не участвуем в подобных чудовищных бойнях, и правильно делаем. Мы продвинулись вперед. Люди больше не хотят это терпеть.

Джоди молча кивнула.

— А отчасти это связано с тем, что войну во Вьетнаме мы проиграли — единственная война, в которой мы потерпели поражение. А это еще больше ухудшает положение. Вот мы и стараемся изо всех сил.

Он вновь махнул рукой в сторону невидимого комплекса, находящегося за дверью кабинета, и его лицо немного просветлело.

— Так вот чем вы тут занимаетесь? — сказала Джоди. — Ждете, пока обнаружат новые скелеты, которые привозят сюда для идентификации? И иногда вам удается установить имена?

— Ну, не совсем так. Мы не ждем. В ряде случаев мы ведем поиски. И нам далеко не всегда удается установить имена погибших, хотя мы стараемся изо всех сил.

— Должно быть, это непросто, — сказала Джоди.

Ньюмен кивнул.

— С технической точки зрения задачи бывают очень трудными. Обычно место, где обнаруживают тело, находится в ужасном состоянии. Нам присылают звериные кости, кости местных жителей — все, что угодно. Потом мы начинаем работать. Иногда мы получаем совсем немного материала. Бывают случаи, когда от американского солдата остается лишь горстка обломков костей, которая умещается в коробке для сигар.

— И тогда ничего узнать не удается, — сказала Джоди.

— Да, довольно часто. Сейчас у нас имеется сто скелетов или их частей, которые нуждаются в идентификации. Мы не имеем права на ошибку. От нас требуют точности, а в некоторых случаях мы не в силах ее обеспечить.

— А с чего вы начинаете? — спросила Джоди.

Он пожал плечами.

— Как получится, но обычно с медицинских карт. Предположим, что Ричер пропал без вести в бою. Если он сломал руку в детстве, мы сможем сравнить старый рентгеновский снимок со сросшейся костью, которую удалось обнаружить. А если мы сумеем отыскать его челюсть, то произведем сравнение по карте дантиста.

Ричер увидел, как Джоди смотрит на него, представляя, что он превратился в сухие пожелтевшие кости, много лет пролежавшие в

джунглях. И как их потом сравнивают со старым рентгеновским снимком. Снова наступила тишина, которую нарушало лишь тиканье часов.

— Леон прилетал сюда в апреле, — сказал Ричер.

Ньюмен кивнул.

— Да, он меня навестил. Глупый поступок, ведь Леон был уже очень серьезно болен. Но я обрадовался встрече с ним.

Он повернулся к Джоди, сочувственно глядя на нее.

— Он был замечательным человеком, я очень многим ему обязан.

— Он спрашивал вас о Викторе Хоби, — сказал Ричер.

Ньюмен кивнул.

— Да, о Викторе Трумэне Хоби.

— И что вы ему сказали?

— Ничего, — ответил Ньюмен. — И ничего не скажу вам.

Часы продолжали тикать. Без четверти четыре.

— Почему? — спросил Ричер.

— Вы и сами знаете.

— Засекреченная информация?

— Дважды, — ответил Ньюмен.

Ричер нетерпеливо встал, его охватило разочарование.

— Вы — наша последняя надежда, Нэш. Мы уже всюду побывали.

Ньюмен тряхнул головой.

— Ты же знаешь, как делаются такие вещи, Ричер. Черт побери, я офицер армии США. Я не могу разглашать засекреченную информацию.

— Пожалуйста, Нэш, мы проделали очень долгий путь, — взмолился Ричер.

— Я не могу, — вздохнул Ньюмен.

— Таких слов не существует, — сказал Ричер.

Молчание.

— Ну, пожалуй, вы можете задавать вопросы, — наконец заговорил Ньюмен. — Если мой бывший ученик навестил меня, чтобы задать вопросы, появившиеся у него на основании собственных наблюдений и размышлений, то я могу ответить на них исключительно в академическом контексте. Не вижу, чтобы это могло принести какой-то вред.

Казалось, солнце появилось из-за туч. Джоди взглянула на Ричера, а он посмотрел на часы. Без семи минут четыре. У них осталось менее трех часов.

— Ладно, Нэш, спасибо, — начал Ричер. — Вы знакомы с этим случаем?

— Я знаком со всеми случаями. А в особенности с этим, после апреля.

— И он дважды засекречен?

Ньюмен молча кивнул.

— На таком уровне, что даже Леон не смог получить доступ?

— А это очень высокий уровень, ты согласен?

Ричер кивнул и стал напряженно размышлять.

— Чего хотел от вас Леон?

— Он ничего не знал, — ответил Ньюмен. — Ты должен это иметь в виду.

— Ладно, — сказал Ричер. — И о чем он вас попросил?

— Он хотел, чтобы мы нашли место катастрофы.

— В четырех милях к западу от Анкхе.

Ньюмен кивнул.

— Мне было ужасно неудобно перед Леоном. Я считал, что нет никаких оснований лишать его доступа к информации, но ничего поделать не мог. И тогда я решил отыскать место, где разбился тот вертолет, — слишком многим я был обязан Леону.

Джоди наклонилась вперед.

— Но почему его не нашли раньше? Ведь люди видели, где разбился вертолет?

Ньюмен пожал плечами.

— Все это чрезвычайно сложно. Вы даже не представляете. Местность, бюрократические препоны. И не забывайте, мы проиграли войну. Вьетнам диктовал нам условия. Конечно, мы продолжали поиски тел

погибших, но под их контролем. Нами постоянно манипулировали, а процесс был ужасно унизительным. Нам не разрешали носить на территории Вьетнама форму, поскольку они заявляли, что один только вид формы солдата Соединенных Штатов травмирует население. Они заставляли нас брать напрокат их вертолеты, чтобы летать во Вьетнаме, миллионы и миллионы долларов в год за использование ржавых, никуда не годных машин. По правде говоря, мы выкупали старые кости, а они сами назначали цену и далеко не всегда давали разрешение. На данный момент ситуация такова: Соединенные Штаты платят более трех миллионов долларов за идентификацию каждого найденного тела. Меня это убивает.

Без четырех минут четыре. Ньюмен вздохнул и погрузился в размышления.

— Но вам удалось найти место катастрофы? — попытался подтолкнуть его Ричер.

— Мы и так собирались наведаться туда в будущем. Мы имели примерное представление о том, где оно находится, и точно знали, что там найдем, поэтому то место имело не самый высокий приоритет. Но я решил, что должен хоть как-то помочь Леону, отправился туда сам и добился изменения расписания. Я хотел, чтобы мы сразу взялись за место падения вертолета Виктора Хоби. Переговоры получились очень сложными. Они поняли, что нам нужно что-то конкретное, и проявили изрядное упрямство. Вы даже представить себе не можете, как они сопротивлялись. Просто уму непостижимо.

— Но вам удалось его найти? — спросила Джоди.

— Очень неудобное географическое расположение, — вздохнул Ньюмен. — Мы беседовали с Девиттом в Уолтерсе, и он помог нам довольно точно определить место падения. Кругом недоступные горы. Могу гарантировать, что туда не ступала нога человека с начала времен. Кошмарное путешествие. Жуткая территория. Именно по этой причине там не оказалось неприятных неожиданностей.

— Вы хотите сказать, что они минировали захоронения? — удивилась Джоди.

Ньюмен покачал головой.

— Нет, конечно. Они производили раскопки всюду, куда могли добраться. Местное население растаскивало все, что удавалось унести. Личные знаки солдат, документы, шлемы, сувениры, но больше всего их интересовал металл. А любые летательные аппараты — из-за золота и платины.

— Но откуда там золото? — спросила Джоди.

— В электрических сетях, — ответил Ньюмен. — «Фантом Ф-4», к примеру, содержит на пять тысяч долларов драгоценных металлов, которые использованы в электрических цепях. Местное население собирает металл и продает. Если вы покупаете дешевые ювелирные украшения в Бангкоке, то почти наверняка они сделаны из металлов, снятых с американских самолетов.

— И что же вы там нашли? — вмешался Ричер.

— Все сохранилось очень неплохо, — сказал Ньюмен. — «Хьюи» разбился и проржавел, но вертолет удалось опознать. Естественно, тела превратились в скелеты. Одежда давно истлела. Но больше ничего не пропало. У всех остались личные знаки. Мы все собрали и на вертолете отвезли в Ханой. Потом с оказанием военных почестей погрузили в «старлифтер». Мы лишь сейчас доставили их сюда. Операция заняла три месяца — меньше, чем обычно. Идентификация будет носить формальный характер, поскольку удалось найти личные знаки. На сей раз работы для доктора по костям не будет. Дело закрыто. Сожалею, что Леон не дожил до сегодняшнего дня. Он бы мог больше не тревожиться.

— Тела находятся здесь? — спросил Ричер.

Ньюмен кивнул.

— За соседней дверью.

— И мы можем на них взглянуть?

— Конечно, лучше бы этого не делать, но вам это нужно.

Ньюмен встал и жестом предложил им выйти из кабинета. Когда они оказались в коридоре, мимо прошел лейтенант Саймон и вежливо поклонился.

— Мы идем в лабораторию, — сказал ему Ньюмен.

— Да, сэр, — ответил Саймон.

Он направился в свой кабинет, а Джоди, Ричер и Ньюмен пошли дальше по коридору и остановились перед дверью. Ньюмен вытащил из кармана ключи и отпер замок. Распахнув дверь, он пригласил Ричера и Джоди войти в лабораторию.

Саймон наблюдал за ними из своего кабинета. Как только дверь в лабораторию закрылась, он поднял трубку и набрал девятку, чтобы выйти на линию, а потом десятизначный номер, начинавшийся с кода Нью-Йорка. Ему пришлось довольно долго ждать, пока кто-то не поднял трубку шестью тысячами миль восточнее.

— Ричер здесь, — прошептал Саймон. — Прямо сейчас, вместе с женщиной. Они в лаборатории. Смотрят.

— Что за женщина? — спокойно спросил Хоби.

— Джоди Гарбер, — ответил Саймон. — Дочь генерала Гарбера.

— То есть миссис Джейкоб.

— Что мне делать?

Хоби довольно долго молчал.

— Пожалуй, тебе стоит отвезти их в аэропорт, — наконец ответил он. — У женщины назначена деловая встреча завтра днем, так что она попытается успеть на семичасовой рейс. Постарайся, чтобы она на него не опоздала.

— Хорошо, — сказал Саймон, и Хоби повесил трубку.

Лаборатория представляла собой большую, пятьдесят на пятьдесят футов, комнату без окон, с низким потолком. Она освещалась мощными лампами дневного света. Слышалось негромкое гудение кондиционера, но здесь чувствовался отчетливый запах дезинфекции и теплые ароматы земли. В дальнем конце находилась ниша со стеллажами. На стеллажах стояли ряды картонных коробок, маркированные черными номерами. Всего их было около сотни.

— Это те, кого не удалось идентифицировать? — спросил Ричер.

— На данный момент, — ответил Ньюмен. — Но мы продолжаем попытки.

Пол в лаборатории был выложен плиткой. Здесь царила идеальная чистота. Центральную часть занимали двадцать деревянных столов, выстроенных ровными рядами. Поверхности столов были покрыты тяжелыми, отполированными до блеска пластинами. Каждый стол был немного короче и уже, чем армейская койка. Они походили на столы, используемые для разрезания обоев. Шесть столов оставались пустыми. На семи лежали крышки алюминиевых гробов. На оставшихся семи столах аккуратной чередой стояли семь алюминиевых гробов, каждый рядом со столом, на котором лежала его крышка. Ричер немного постоял, склонив голову, а потом встал по стойке «смирно» и отдал честь в первый раз за последние два года.

— Ужасно, — прошептала Джоди.

Она стояла, убрав руки за спину и склонив голову, словно присутствовала на торжественной церемонии у открытой могилы. Ричер опустил руку и сжал ладонь Джоди.

— Благодарю вас, — тихо сказал Ньюмен. — Мне нравятся люди, которые оказывают уважение погибшим.

— Но как может быть иначе? — шепотом произнесла Джоди.

Она со слезами на глазах смотрела на гробы.

— Итак, Ричер, что ты видишь? — спросил Ньюмен.

Ричер оглядел ярко освещенную лабораторию. Он стоял на месте, не в силах сделать даже шаг.

— Я вижу семь гробов, — тихо ответил он. — А их должно быть восемь. В том «хьюи» находилось восемь человек. Пять человек команды, и еще троих они взяли на борт. Так написано в рапорте Девитта. Пять плюс три равно восьми.

— А восемь минус семь получится один, — сказал Ньюмен.

— Вы тщательно осмотрели место катастрофы? — спросил Ричер.

Ньюмен покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Ты должен догадаться сам.

Ричер тряхнул головой и сделал шаг вперед.

— Можно?

— Будь моим гостем, — ответил Ньюмен. — Расскажи о том, что видишь. Постарайся сосредоточиться, и мы посмотрим, что ты помнишь, а что забыл.

Ричер подошел к ближайшему гробу так, чтобы иметь возможность полностью видеть его содержимое. Внутри гроба находился грубо сколоченный деревянный ящик, все измерения которого были на восемь дюймов меньше размеров гроба.

— Вьетнамцы вынуждают нас использовать такие ящики, — сказал Ньюмен. — Они продают их нам и не позволяют заменить. Мы положили ящики в наши контейнеры только в ангаре, в аэропорту Ханоя.

Деревянный ящик без крышки больше напоминал большой неглубокий поднос. На нем были насыпаны кости. Кто-то сложил их так, что они напоминали человеческий скелет. Сверху лежал старый пожелтевший череп, который усмехался жуткой усмешкой. Во рту виднелся золотой

зуб. Зияли пустые глазницы. Рядом с черепом были аккуратно сложены шейные позвонки.

Ниже шли лопатки, ключицы и ребра, далее таз. Сбоку лежали кости рук и ног. С шейных позвонков свисала тусклая металлическая цепочка, уходящая под левую лопатку.

— Можно? — спросил Ричер.

— Пожалуйста, — ответил Ньюмен.

Ричер долго молча смотрел на скелет, потом осторожно подцепил пальцем цепочку. Кости тихонько застучали, когда Ричер вытащил личный знак. Он протер его большим пальцем, наклонился и прочитал имя.

— Каплан. Второй пилот.

— Как он умер? — спросил Ньюмен.

Ричер аккуратно положил цепочку с личным знаком на место и внимательно осмотрел скелет. Череп не пострадал. Он также не обнаружил повреждений на руках, ногах или груди. Однако таз был раздавлен. Позвонки в нижней части спины сломаны. И ребра с обеих сторон.

— Следствие удара «хьюи» о землю. Большая сила удара пришлась в область нижней части спины. Многочисленные повреждения внутренних органов и кровотечение. Он умер в течение первой минуты.

— Однако он был пристегнут ремнем к сиденью, — возразил Ньюмен. — Вертолет упал носом, как же он мог получить повреждения сзади?

Ричеру пришлось еще раз осмотреть скелет, словно он вновь оказался в классе, когда, смущаясь, отвечал знаменитому Нэшу Ньюмену. Он осторожно прикоснулся ладонями к сухим костям, стараясь что-то почувствовать. Нет, он все правильно сказал. Этот человек получил сокрушительный удар в нижнюю часть спины. Другого объяснения быть не могло.

— «Хьюи» развернуло, — сказал Ричер. — Он летел на небольшой высоте, задел о дерево. Ствол оказался между кабиной и хвостовой частью, и кабина ударилась о землю, двигаясь в обратном направлении.

Ньюмен кивнул.

— Превосходно. Именно в таком положении мы и нашли вертолет. Он ударился о землю задней частью. В результате ремень безопасности не спас второго пилота, а кресло явилось причиной его смерти.

Ричер перешел к следующему гробу. Такой же мелкий деревянный ящик, такие же пожелтевшие кости. Уже знакомая ухмылка черепа. Он сразу увидел, что у этого человека сломана шея. Ричер осторожно извлек личный знак из обломков костей и прочитал:

— Тарделли.

— Стрелок правого борта, — сказал Ньюмен.

Скелет Тарделли пострадал гораздо сильнее. Стрелки обычно стоят в открытом дверном проеме, стреляя из тяжелого пулемета. Когда «хьюи» рухнул на землю, Тарделли выбросило из кабины.

— Сломана шея, — сказал Ричер. — Голову сильно прижало к груди.

Ричер перевернул желтый череп. Он треснул, как скорлупа яйца.

— Кроме того, травма головы. Я бы сказал, он умер мгновенно. Впрочем, не знаю, какая травма явилась причиной смерти.

— И я тоже, — согласился Ньюмен. — Ему было девятнадцать лет.

Он замолчал. В воздухе сладко пахло глиной.

— Взгляни на следующий, — предложил Ньюмен.

Следующий скелет отличался от двух предыдущих. У него было единственное повреждение в груди. Личный знак запутался среди разбитых костей. Ричер не сумел его высвободить. Ему пришлось низко наклониться, чтобы прочитать имя.

— Бамфорд.

— Бортмеханик, — пояснил Ньюмен. — Вероятно, он сидел в кабине лицом к хвосту, напротив троих парней, которых они успели подобрать.

Череп Бамфорда ухмылялся Ричеру. Его скелет совершенно не пострадал, если не считать узкого повреждения в верхней части груди. Казалось, кто-то пробил в ней трехдюймовую траншею. Грудина была продавлена до спины, так что даже сдвинулись позвонки. Вместе с ней были сломаны три ребра.

— И что ты думаешь относительно причины смерти? — поинтересовался Ньюмен.

Ричер ощупал поврежденную часть грудины. Пробитая дыра оказалась узкой и горизонтальной. Три пальца в нее не проходили, а два вошли легко.

— Следствие удара, — сказал Ричер. — Нечто среднее между острым инструментом и тупым инструментом. Очевидно, боковой удар в грудь. Сердце должно было остановиться мгновенно. Лопасть винта?

Ньюмен кивнул.

— Превосходно. Судя по всему, винт ударился о дерево, его развернуло, и он пробил кабину. Удар пришелся прямо в грудь Бамфорда. Как ты и говорил, от такого удара сердце мгновенно остановилось.

В следующем гробу кости выглядели иначе. Некоторые из них сильно пожелтели, но большинство оказались белыми, хрупкими и изъеденными. Личный знак был согнут и заметно почернел. Ричер развернул его к свету и прочитал:

— Соупер.

— Стрелок левого борта, — пояснил Ньюмен.

— Там был пожар, — отметил Ричер.

— Откуда ты знаешь? — спросил Ньюмен с интонацией учителя, каковым он и являлся.

— Личный знак побывал в огне.

— И?

— Кости кальцинировались, — ответил Ричер. — Во всяком случае, большинство из них.

— Кальцинировались? — повторил Ньюмен.

Ричер кивнул, и перед его глазами возникли строки из учебника, который он изучал пятнадцать лет назад.

— Органические компоненты сгорели, остались только неорганические соединения. Огонь уменьшает кости, они становятся белыми и хрупкими.

— Хорошо, — кивнул Ньюмен.

— Девитт видел взрыв, — вмешалась Джоди. — Это был топливный бак.

— Классическое свидетельство, — согласился Ньюмен. — Не медленный огонь, а взрыв топлива. Он распространяется случайным образом и горит быстро, вот почему побелела только часть костей. Похоже, горящее топливо попало на нижнюю часть тела Соупера, а верхняя от огня не пострадала.

Он смолк, и все трое представили себе мгновения кошмара. Рев двигателя, вражеские пули, ударяющие в корпус, затем неожиданная

потеря высоты, вспышка пламени, пожар, оглушительный удар, скрежет металла, и хрупкие человеческие тела падают на землю, куда с начала времен не ступала нога человека. Глазницы Соупера были устремлены в потолок, словно призывая их представить эти жуткие картины.

— А теперь посмотри на следующий скелет, — сказал Ньюмен.

На соседнем столе лежал скелет по фамилии Аллен. На нем не было следов огня. Желтый скелет с личным знаком на сломанной шее. Благородный ухмыляющийся череп, высокий, круглый и неповрежденный. Ровные белые зубы. Результат хорошего питания Америки пятидесятых. Вся спина сломана, как панцирь краба.

— Аллен был одним из тех троих, кого они подобрали, — сказал Ньюмен.

Ричер печально кивнул. В шестом гробу лежал обгоревший скелет. Этого человека звали Забрински. Все его кости кальцинировались и заметно уменьшились.

— При жизни он был крупным парнем, — заметил Ньюмен. — От огня кости могут уменьшиться почти в два раза. Так что его не следует считать карликом.

Ричер осторожно провел рукой по костям. Они оказались легкими и хрупкими, словно скорлупа.

— Повреждения? — спросил Ньюмен.

Ричер еще раз осмотрел кости, но ничего не обнаружил.

— Он сгорел заживо, — сказал Ричер.

— Боюсь, что так и было, — отозвался Ньюмен.

— Ужасно, — прошептала Джоди.

В последнем, седьмом гробу лежали останки человека по имени Ганстон. Они произвели на Ричера жуткое впечатление. Сначала ему показалось, что череп отсутствует. Потом Ричер увидел, что череп разбит на сотню кусочков. Большинство из них были размером с ноготь большого пальца.

— Что ты думаешь? — спросил Ньюмен.

Ричер тряхнул головой.

— Я не хочу думать, — прошептал он. — С меня хватит.

Ньюмен сочувственно улыбнулся.

— Винт ударил в голову. Ганстон был одним из тех, кого они взяли на борт. Он сидел напротив Бамфорда.

— Пять и три, — еле слышно проговорила Джоди. — Значит, экипаж состоял из Хоби и Каплана — пилота и второго пилота, бортмеханика Бамфорда, стрелков Соупера и Тарделли. Вертолет сел и взял на борт Аллена, Забрински и Ганстона.

— Именно так записано в отчетах, — подтвердил Ньюмен.

— И где же тогда Хоби? — поинтересовался Ричер.

— Ты кое-что упускаешь, — заметил Ньюмен. — Небрежная работа, Ричер. Прежде ты замечал такие вещи.

Ричер посмотрел на Ньюмена. Девитт сказал нечто похожее: «Плохая работа для человека, который был майором военной полиции». И еще он сказал: «Нужно искать ближе к дому».

— Они были из военной полиции, — неожиданно выпалил Ричер.

— Кто? — улыбнувшись, спросил Ньюмен.

— Двое из них. Двое из троих — Аллен, Забрински и Ганстон. Двое из них арестовали третьего. Спецзадание. За два дня до этого Каплан доставил на передний край двух военных полицейских. Его предпоследний полет, который он произвел самостоятельно и о котором я не стал читать. А теперь Хоби и Каплан полетели за ними, чтобы забрать их на базу — их и парня, которого они арестовали.

— Верно, — не стал возражать Ньюмен.

— И кто же из них кто?

— Пит Забрински и Джо Ганстон были полицейскими. Карл Аллен — преступник.

— Что он сделал? — спросил Ричер.

— Подробности засекречены. Твои предположения?

— Туда и обратно, быстрый арест? Фреггинг, наверное.

— Что такое фреггинг? — поинтересовалась Джоди.

— Убийство командира, — ответил Ричер. — Периодически такие вещи случались. Какой-нибудь горячий молодой лейтенант приказывает наступать на вражеские позиции. Солдаты понимают, что командир хочет получить медаль, и решают, что лучше сохранить собственные задницы. И когда тот кричит: «В атаку!», кто-нибудь стреляет ему в спину или швыряет в него гранату, поскольку так гораздо легче скрыть следы преступления. Отсюда и название — «фреггинг» [17].

— Так это был фреггинг? — уточнила Джоди.

— Подробности засекречены, — повторил Ньюмен. — Однако в конце своей долгой и опасной карьеры преступник совершил фреггинг. Если верить досье Карла Аллена, он не был человеком месяца.

— Но почему же все это засекречено? — удивилась Джоди. — В любом случае, прошло уже тридцать лет. Да и правосудие свершилось, не так ли?

Ричер вернулся к гробу Аллена и снова принялся рассматривать скелет.

— Осторожность, — объяснил он. — Семье пылкого лейтенанта наверняка сказали, что он умер как герой, сражаясь с врагом. Если они узнают, что все было иначе, разразится скандал. А в армии не любят скандалов.

— Правильно, — согласился Ньюмен.

— Но где же Хоби? — спросил Ричер. — Куда он девался?

— Ты все еще не заметил одну вещь. Давай не будем торопиться, ладно?

— Да о чем вы говорите? Где это искать?

— В костях, — ответил Ньюмен.

Часы в лаборатории показывали половину шестого. У них осталось около часа. Ричер вздохнул и обошел гробы в обратном порядке. Ганстон, Забрински, Аллен, Соупер, Бамфорд, Тарделли, Каплан. Шесть смеющихся черепов, один скелет, лишенный головы. Он сделал еще круг. Часы тикали. Он останавливался у каждого гроба, сжимал холодные алюминиевые края, отчаянно пытаясь понять, в чем же дело. Кости. Он начал осматривать каждый скелет, начиная сверху. Череп, ключицы, ребра, руки, таз, ноги, стопа. Он осторожно трогал кости, пытаясь понять, чего же не хватает. Без четверти шесть. Без десяти шесть. Джоди с тревогой смотрела на него. Он обошел скелеты в третий раз, начиная с полицейского Ганстона. Потом переместился ко второму полицейскому — Забрински. Постоял возле преступника Аллена. Возле стрелка Соупера. Около бортмеханика Бамфорда. И нашел то, что искал, в гробу Бамфорда. Ричер закрыл глаза. Теперь все стало очевидным. Казалось, кто-то раскрасил этот предмет яркими красками и навел на него луч фонарика. Он быстро пробежал мимо оставшихся шести гробов, чтобы проверить свою догадку. Да, он не ошибся. На Гавайях было шесть часов.

— Здесь семь тел, — сказал Ричер. — А рук — пятнадцать.

Шесть часов вечера на Гавайях соответствовали одиннадцати часам вечера в Нью-Йорке. Хоби одиноко сидел на постели в своей квартире на пятнадцатом этаже дома на Пятой авеню. Он собирался ложиться

спать. Обычно он засыпал позже. Чаще всего Хоби читал на ночь книгу или смотрел фильм по кабельному телевидению до часа или двух ночи. Но сегодня он устал. День получился утомительным. Ему пришлось потратить немало физических сил да к тому же решать непростые задачи.

Хоби сидел на краю постели. У него была огромная кровать, хотя он всегда спал один. Рядом лежало толстое белое стеганое одеяло. Стены и жалюзи в спальне также были белыми. И дело тут вовсе не в следовании требованиям артистического вкуса — просто белое обходилось дешевле всего. Постельное белье, краска, жалюзи — белое всегда оказывалось самым дешевым товаром. Стены спальни не были украшены произведениями искусства. Никаких фотографий, сувениров или картин. Простой дубовый паркет. Даже ковра не было.

Обе ноги Хоби ровно стояли на полу. Он был обут в черные, идеально начищенные полуботинки. Опустив левую руку, Хоби развязал шнурки. Снял туфли. Аккуратно задвинул их под кровать. Затем по очереди стянул носки, подцепляя их большим пальцем, встряхнул их и бросил на пол. Развязал галстук. Он всегда носил галстук. Хоби ужасно гордился тем, что умеет завязывать узел одной рукой.

Взяв галстук, он встал и подошел к шкафу. Отодвинул дверь в сторону и аккуратно повесил галстук на специальное место. Опустив левое плечо, Хоби подождал, пока пиджак сам соскользнет вниз. Затем левой рукой снял пиджак с правого плеча, засунул руку в шкаф и вытащил плечики, ловко подсунул их под пиджак и повесил в шкаф. Осталось расстегнуть пуговицу брюк и молнию. Брюки упали на пол, он переступил через них, присел на корточки и аккуратно разложил на полу. Выровнял штанины и провел по ним босой ногой, разглаживая. Затем встал, вытащил из шкафа вешалку, наклонился и просунул в нее штанины, поднялся на ноги, встряхнул вешалкой, и брюки заняли идеально ровное положение. Он повесил их рядом с пиджаком.

Изогнув левое запястье, Хоби расстегнул пуговицы рубашки. Сначала правый манжет. Сбросил рубашку с плеч и левой рукой аккуратно стянул ее с крюка. Наклонился набок, и рубашка упала вниз. Он прижал ее к полу ногой и стянул окончательно, при этом рукав вывернулся наизнанку. Хоби не расстегивал пуговицу на левом рукаве — единственное отступление от правил, которое он себе позволял.

Оставив рубашку лежать на полу, он взялся за резинку трусов и стянул их с бедер. Трусы упали на пол, он переступил через них и ухватился за нижний край майки. Это было самой трудной частью процесса раздевания. Хоби оттянул нижний край, наклонил голову и натянул на нее майку. Ухватился за ворот майки на затылке и перетащил ее через голову. Переключился на правую сторону и осторожно высвободил

крюк. Осталось встряхнуть левой рукой — и майка полетела на пол. Хоби наклонился, скреб в кучу рубашку, носки, трусы и майку, отнес всю кучу в ванную и бросил в ящик для грязного белья.

Он вернулся в спальню совершенно голый и снова уселся на край постели. Поднял левую руку и расстегнул тяжелые кожаные ремни на правом бицепсе. Три ремня и три пряжки. Он осторожно стянул кожаный корсет. Кожа слегка потрескивала, она была гораздо более толстой и тяжелой, чем та, которую использовали при производстве обуви. Она состояла из нескольких слоев. Снимать жесткую сбрую было больно. Наконец Хоби спустил ремни с локтя, взялся за блестящий крюк левой рукой и снял протез окончательно. Он зажал его вертикально между колен, так что крюк был направлен в пол, а чашка — вверх. Наклонившись к тумбочке, Хоби вытащил из коробки бумажные салфетки, а из ящика достал баночку с тальком. Смял салфетки и засунул их в чашку, чтобы стереть скопившийся там пот. Потом вытряхнул тальк из баночки в чашку. Взял чистые салфетки и принялся полировать кожу и сталь. Закончив, он положил протез на пол рядом с кроватью.

На культе правой руки был надет тонкий носок. Хоби носил его не для того, чтобы защитить кожу руки. Не был этот носок и медицинским приспособлением. Обычный детский носок без пятки — такие матери надевают детям, которые еще не умеют ходить. Хоби покупал их дюжинами в универмагах. Всегда белые. Они были дешевле. Он снял носок и положил рядом с использованными салфетками на тумбочку.

Культя выглядела сморщенной. У него остались мышцы, но из-за того, что ему не приходилось делать никакой работы, они постепенно атрофировались. Кости на конце культи были идеально гладкими, кожа вокруг них плотно зашита. Кожа стала белой, а стежки оставались красными, похожими на китайские иероглифы. На культе росли черные волоски, поскольку кожу взяли с предплечья.

Хоби вновь встал и направился в ванную. Прежний владелец вделал зеркало в стену над раковиной. Хоби посмотрел на свое отражение — он его ненавидел. Рука не тревожила Хоби. Она просто отсутствовала. А вот лицо свое он ненавидел. Ожоги. Рука была ранением, а ожоги на лице — очевидным уродством. Он повернулся боком, чтобы не видеть отвратительную половину своего лица. Хоби почистил зубы и захватил с собой в спальню бутылочку с лосьоном. Выдавил каплю лосьона на культю и принялся растирать ее пальцами левой руки. Потом поставил флакон на тумбочку рядом с детским носком, забрался под одеяло и выключил свет.

— Правую или левую? — спросила Джоди. — Какую руку он потерял?

Ричер стоял возле гроба Бамфорда и сортировал кости.

— Правую, — ответил он. — Лишняя рука — правая. Ньюмен подошел к Ричеру и вытащил две сломанные кости, каждая в пять дюймов длиной.

— Он потерял больше, чем правую кисть, — пояснил Ньюмен. — Вот лучевая и локтевая кости. Руку отсекло ниже локтя, скорее всего, куском винта. Осталось достаточно, чтобы сделать вполне приличную культю.

Ричер взял кости и провел пальцами по зазубренным концам.

— Я не понимаю, Нэш, почему вы не стали обыскивать местность вокруг, — сказал он.

— А зачем? — невозмутимо спросил Ньюмен.

— Почему вы решили, что он выжил? Он наверняка серьезно пострадал. Падение вертолета, отсеченная рука. Возможно, у него были и другие ранения. Потеря крови, наконец. Или он получил ожоги. Повсюду горело топливо. Подумайте, Нэш. Весьма вероятно, что он, истекая кровью, отполз от места падения вертолета, возможно охваченный пламенем, преодолел ярдов двадцать, а потом потерял сознание и умер. Почему вы даже не пытались отыскать его тело?

— Задай себе этот вопрос, — ответил Ньюмен. — Почему мы не стали его искать?

Ричер посмотрел на него. Нэш Ньюмен, один из самых умных людей, с которыми ему довелось общаться. Человек, способный по небольшому фрагменту черепа рассказать, кому он принадлежал, как жил его обладатель и как он умер. Высокий профессионал, неизменно делавший свою работу с чрезвычайной тщательностью, доводивший до конца сложнейшие расследования и всегда достойный похвалы за свои усилия. Как мог Нэш сделать такую элементарную ошибку? Ричер долго смотрел на него, потом вздохнул и прикрыл глаза.

— Господи, Нэш, — медленно заговорил он, — вы знали, что он спасся, да? Вы не стали его искать, потому что вы знали это точно.

— Ты прав, — ответил Ньюмен.

— Но откуда вам это стало известно?

Ньюмен огляделся по сторонам и понизил голос.

— Он объявился вскоре после катастрофы. Через три недели ему удалось добраться до полевого госпиталя, который находился в пятидесяти милях от места падения вертолета. Случай описан во всех наших медицинских досье. Он страдал от лихорадки, недоедания, ужасных ожогов — у него была обожжена половина лица, он лишился правой руки, культя гноилась. Большую часть времени он бредил, но врачам удалось установить его имя по личному знаку. Когда он пришел в себя,

то рассказал свою историю: все, кто находились в вертолете, погибли. Вот почему я точно знал, что мы найдем на месте падения вертолета. Именно по этой причине мы не торопились с экспедицией к месту катастрофы до тех пор, пока мне не позвонил Леон. Мы не стремились форсировать расследование.

— Так что же все-таки произошло? — спросила Джоди. — Откуда такая секретность?

— Госпиталь находился на севере, — ответил Ньюмен. — Противник продолжал наступать на юг, нам приходилось отходить. Госпиталь подготовили к эвакуации.

— И? — нетерпеливо спросил Ричер.

— Он исчез на следующую ночь после того, как его переправили в Сайгон.

— Исчез?

Ньюмен кивнул:

— Просто сбежал. Поднялся со своей койки и испарился. С тех пор его никто не видел.

— Дерьмо, — проворчал Ричер.

— И все равно я не понимаю необходимости в секретности, — настаивала Джоди.

— Полагаю, на этот вопрос лучше ответит Ричер. Он в этом разбирается лучше, чем я.

Ричер продолжал держать кости Хоби. Лучевая и локтевая кости правой руки. Нижние концы прекрасно подходили друг к другу, о чем позаботилась природа, а верхние части рассек кусок винта. Хоби наверняка изучал винт и знал, что он способен отсекать ветки деревьев, гораздо более толстые, чем рука человека. Он воспользовался этой идеей, чтобы снова и снова спасать человеческие жизни. А потом этот же самый винт ударил в его кабину и отсек его руку.

— Он стал дезертиром, — проговорил Ричер. — Во всяком случае, в формальном смысле. Он оставался на службе в армии — и сбежал. Тогда приняли решение не начинать поисков. Наверное, все произошло именно так. Да и что армия могла сделать? Неужели они стали бы возбуждать дело против человека с безупречным послужным списком, сделавшего девятьсот девяносто один боевой вылет и сбежавшего после того, как он получил ужасные ранения и стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь? Нет, они не могли так поступить. Война была непопулярной. Нельзя послать изуродованного героя в Левенуэрт [18] как

дезертира. Однако армия не хотела, чтобы стало известно о том, что дезертиры могут безнаказанно разгуливать на свободе. Это привело бы к скандалу совсем другого рода. Ведь многих продолжали сажать в тюрьму за дезертирство из армии. В таком случае пошли бы разговоры о нарушении законов. В результате дело Хоби стало закрытым и секретным. И в его досье остался только рапорт о последнем задании. А все остальное хранится в сейфах Пентагона.

— Именно по этой причине его нет на Стене. Они знают, что он жив, — сказала Джоди.

Ричеру не хотелось выпускать из рук кости. Он еще раз провел пальцами по всей их длине. Одна часть оставалась идеально гладкой, эти концы наверняка подошли бы к человеческой кисти.

— А вы изучали его медицинскую карту? — спросил он у Ньюмена. — Просматривали старые рентгеновские снимки, проверяли карточку дантиста и все остальное?

Ньюмен покачал головой:

— Он ведь не относится к категории «пропавший без вести в бою». Он выжил и дезертировал.

Ричер вернулся к гробу Бамфорда и аккуратно положил две желтые кости в угол деревянного ящика.

— Я не могу в это поверить, Нэш. Я многое о нем знаю. Этот человек не мог стать дезертиром. Все его прошлое, его поведение во время войны… Мне многое известно о дезертирах. Я выследил и поймал немало таких парней.

— Он сбежал, — сказал Ньюмен. — Это неоспоримый факт, зафиксированный в документах госпиталя.

— Он выжил после катастрофы, — продолжал рассуждать Ричер. — Тут не может быть никаких сомнений. Он был в госпитале. И с этим трудно спорить. А что, если это не побег? Быть может, он не понимал, где находится, потому что его разум оставался под воздействием сильных лекарств? Быть может, он вышел из больницы и просто потерялся?

Ньюмен вновь покачал головой.

— Он все прекрасно понимал.

— Но откуда вы это знаете? Потеря крови, истощение, лихорадка, морфий…

— Он дезертировал, — упрямо повторил Ньюмен.

— Это не согласовывается с его характером, — возразил Ричер.

— Война меняет людей, — не сдавался Ньюмен.

— Не настолько сильно.

Ньюмен подошел ближе и понизил голос до шепота.

— Он убил санитара. Санитар увидел, как Хоби уходит, и попытался его остановить. Все это есть в досье.

Хоби сказал: «Я не вернусь» — и ударил санитара бутылкой по голове. Проломил ему череп. Они положили парня на кровать Хоби, но он умер. Вот причина секретности, Ричер. Он не просто дезертировал, на нем еще и убийство.

В лаборатории наступила полная тишина. Шипели кондиционеры, сладкий аромат глины заполнял помещение. Ричер положил руку на блестящий край гроба Бамфорда, чтобы удержать равновесие.

— Я не верю, — повторил он.

— Ничего другого не остается, потому что это правда, — сказал Ньюмен.

— Я не могу рассказать его родителям такую правду. Она их убьет.

— Ничего себе секретность, — возмутилась Джоди. — Как они могли оставить его безнаказанным, если он совершил убийство?

— Политика, — ответил Ньюмен. — От политики тех лет омерзительно воняло. Впрочем, и сейчас ничего не изменилось.

— Возможно, он умер позднее, — сказал Ричер. — Может быть, ушел в джунгли и там погиб. Он ведь все еще был серьезно болен.

— Но как это поможет тебе? — спросил Ньюмен.

— Тогда я смогу сказать его родителям, что он мертв, и скрыть некоторые детали.

— Ты хватаешься за соломинку, — сказал Ньюмен.

— Нам нужно уходить, иначе мы не успеем на самолет, — напомнила Джоди.

— Вы посмотрите его медицинскую карту, если мы сумеем получить ее у родителей Хоби? — спросил Ричер.

Ньюмен ответил не сразу.

— Медицинская карта у меня, — наконец сказал он. — Леон привез ее с собой. Родители отдали ему все документы.

— Так вы их посмотрите? — вновь спросил Ричер.

— Ты хватаешься за соломинку, — повторил Ньюмен.

Ричер повернулся и указал на сотню картонных коробок, стоящих на стеллажах в дальнем конце лаборатории.

— Возможно, он в одной из них, Нэш.

— Он в Нью-Йорке, неужели ты не понимаешь? — воскликнула Джоди.

— Нет, я предпочел бы, чтобы он был мертв, — с горечью сказал Ричер. — Я не могу вернуться к его родителям и рассказать им, что их сын дезертир и убийца и что все это время он был жив, но не пожелал с ними связаться. Он должен быть мертвым.

— Но он жив, — жестко сказал Ньюмен.

— Однако мой вариант возможен, верно? — спросил Ричер. — Он мог умереть позднее. Где-то в джунглях или в другом месте, во время побега. Болезнь, истощение, ведь так? Может быть, его скелет уже найден. Вы проверите его? В качестве одолжения для меня?

— Ричер, нам нужно уходить, — сказала Джоди.

— Вы это сделаете? — снова спросил Ричер.

— Я не могу. Господи, это дело помечено грифом секретности, неужели ты не понимаешь? Мне вообще ничего не следовало вам говорить. Кроме того, сейчас я никого не могу добавить к списку пропавших без вести в бою. Мы должны уменьшать их количество, а не увеличивать.

— А вы можете провести расследование неофициально? Частным образом? Вы ведь можете, правда? Вы же здесь главный, Нэш. Ну пожалуйста! Для меня.

Ньюмен покачал головой.

— Ты хватаешься за соломинку.

— Пожалуйста, Нэш.

После долгого молчания Ньюмен вздохнул.

— Ладно, черт возьми, я согласен. Для тебя.

— Когда? — спросил Ричер.

Ньюмен пожал плечами.

— Завтра с утра, наверное.

— И вы сразу же позвоните мне?

— Конечно, но сейчас ты попусту теряешь время. Куда звонить?

— Звоните по моему мобильному, — предложила Джоди и назвала номер.

Ньюмен записал его на рукаве лабораторного халата.

— Благодарю, Нэш, я очень ценю вашу помощь, — сказал Ричер.

— Пустая трата времени, — проворчал Ньюмен.

— Нам нужно идти, — нетерпеливо сказала Джоди.

Ричер кивнул, и все трое направились к выходу из лаборатории. Лейтенант Саймон уже ждал их и предложил подвезти в аэропорт.

Глава 15

Несмотря на первый класс, обратный полет оказался ужасным. Это был тот же самолет, но теперь он летел на восток, в Нью-Йорк, преодолевая вторую сторону гигантского треугольника. Самолет успели вычистить, проветрить, осмотреть, наполнили баки топливом; кроме того, поменялся экипаж. Ричер и Джоди сидели на тех же местах, с которых встали семь часов назад. Ричер вновь уселся у иллюминатора. Однако теперь все было иначе. Кресло оставалось широким и удобным, обитым мягкой кожей, но он больше не испытывал удовольствия.

В самолете царил полумрак, поскольку наступила ночь. У них за спиной остался роскошный тропический закат, они летели в темноту. Двигатели приглушенно шипели. Стюардессы двигались бесшумно, стараясь не мешать пассажирам. Впрочем, первым классом летел только один человек кроме Ричера и Джоди — высокий сухопарый мужчина в рубашке с коротким рукавом из льняной ткани в бледную полоску. Он сидел двумя рядами ближе к кабине пилотов, через проход. Его рука лежала на ручке кресла, а кисть свободно свисала вниз, глаза были закрыты.

— Какого он роста? — шепотом спросила Джоди.

Ричер наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть мужчину.

— Около шести футов и одного дюйма, — ответил он.

— Как Виктор Хоби, — заметила Джоди. — Помнишь досье?

Ричер кивнул, продолжая смотреть на костлявое запястье. Выгоревшие волоски и веснушчатая кожа. Хорошо просматривалась лучевая кость, уходящая к локтю. Хоби оставил шесть дюймов своей лучевой кости на месте падения вертолета. Ричер мысленно отмерил шесть дюймов от запястья. Как раз половина лучевой кости.

— Примерно половина? — спросила Джоди.

— Пожалуй, чуть-чуть больше, — сказал Ричер. — Культю пришлось немного обрезать. Если он, конечно, выжил.

Сидящий перед ними пассажир повернулся во сне, и его рука оказалась прижатой к телу, словно он понял, о чем они говорят.

— Он выжил, — уверенно сказала Джоди. — И сейчас прячется где-то в Нью-Йорке.

Ричер наклонился к иллюминатору и коснулся лбом холодного пластика.

— Готов поклясться своей жизнью, что он мертв, — заявил он.

Он не закрыл глаза, но за бортом царила полнейшая темнота. Черное небо и черный ночной океан семью милями ниже.

— Почему это так тебя тревожит? — тихо спросила Джоди.

Ричер повернулся и уставился на пустое сиденье перед собой.

— На то есть много причин, — ответил он.

— Какие, к примеру?

— Да все, что угодно. Мы словно сорвались в штопор. Моя интуиция мне что-то подсказывает, но получается, что я ошибся.

Джоди положила ладонь на его руку и слегка сжала пальцы.

— Нет ничего страшного в том, чтобы допустить ошибку.

Он нахмурился.

— Иногда ошибка может иметь большое значение. Это ведь тонкий вопрос, верно? Кто-то спрашивает у меня, кто станет победителем в серии, и я говорю: «Янки», — и это не особо важно. Всякому понятно, что я не могу знать правильный ответ. Но что, если я спортивный репортер, которому положено разбираться в таких вещах? Или профессиональный игрок? Предположим, что бейсбол — вся моя жизнь. И если я начну ошибаться, тогда наступит конец света.

— К чему ты клонишь?

— Я хочу сказать, что решения подобного рода и есть моя жизнь. Именно в таких вещах я разбираюсь. По крайней мере, разбирался раньше. И всегда мог рассчитывать на свою интуицию.

— Но у тебя нет никаких ниточек для продолжения дела.

— Чепуха, Джоди. Я располагаю очень многим. Часто у меня имелось намного меньше фактов. Я встречался с его родителями, читал письма. Говорил с другом детства, видел досье, беседовал с товарищем по оружию, и все указывает на то, что он не должен был так себя вести. Значит, я совершаю ошибку, а это не может меня не терзать, ведь в таком случае я должен сделать переоценку всех своих ценностей.

— В каком смысле?

— Я должен все рассказать родителям Хоби. И это их убьет. Ты бы их видела! Они боготворили своего мальчика. Они верили в армию, в патриотизм, в служение родине. А я должен прийти к ним и рассказать, что их сын убийца и дезертир. И плохой сын, в течение тридцати лет так и не подавший о себе весть. Я войду к ним в дом и убью их, Джоди. Мне стоит заранее вызвать «скорую помощь».

Ричер замолчал и отвернулся к черному иллюминатору.

— И? — спросила Джоди.

Он вновь повернулся к ней.

— И что меня ждет в будущем? Что я стану делать? У меня есть дом, мне нужна работа. Какая работа? Я больше не могу быть сыщиком, если не способен разобраться в подобных вещах, если все понимаю неправильно. Все произошло очень вовремя, не правда ли? Мои профессиональные способности изменили мне как раз в тот момент, когда мне нужно искать работу. Придется мне вернуться в Ки-Уэст и до конца жизни продолжать копать бассейны.

— Ты слишком суров к себе. У тебя было предчувствие, оно оказалось ложным, и не более того.

— Предчувствие не может подводить, — угрюмо сказал Ричер. — До сих пор такого со мной не случалось. Я могу рассказать тебе о дюжине подобных случаев. И не раз предчувствие спасало мне жизнь.

Джоди молча кивнула.

— Даже с точки зрения статистики я должен быть прав. Тебе известно, сколько человек официально признано пропавшими без вести во Вьетнаме? Всего пятеро. Пропало две тысячи двести человек, но они мертвы, и все это понимают. Со временем Нэш разыщет всех и сможет это доказать. Однако осталось пятеро парней, которых мы не можем отнести ни к какой категории. Трое из них перешли на сторону врага и остались во Вьетнаме. Двое исчезли в Таиланде. Один из них жил в хижине под мостом в Бангкоке. Всего пятеро из миллиона, и Виктор Хоби один из них, а я допустил ошибку.

— Нет, так говорить нельзя, — возразила Джоди. — Ты пытался судить прежнего Виктора Хоби, вот и все. Вся полученная тобой информация относилась к Виктору Хоби из прошлого. Таким он был до войны, до катастрофы. Война меняет людей. И единственным свидетелем являлся Девитт, а он очень старался ничего не замечать.

Ричер решительно затряс головой.

— Я все это учитывал, во всяком случае старался. Но я не могу поверить, что он изменился так сильно.

— Возможно, на него подействовала катастрофа, — продолжала Джоди. — Подумай, Ричер. Сколько ему было лет? Примерно двадцать два года? Погибло семь человек, и, быть может, он посчитал, что виновен в их смерти. Ведь именно он являлся командиром вертолета. К тому же он был изуродован. Потерял руку и, скорее всего, сильно обгорел. А для молодого человека это огромное несчастье, ведь так? А потом он попал в полевой госпиталь, его накачали наркотиками, и Хоби стало страшно возвращаться обратно.

— Никто не послал бы его сражаться, — буркнул Ричер.

— Конечно, — согласилась Джоди, — но едва ли он мог ясно мыслить. Морфий и все такое. Может быть, он решил, что его снова отправят в самое пекло. Может быть, он опасался, что его накажут за то, что он не сохранил вертолет. Мы не знаем, в каком он был состоянии в тот момент. Хоби попытался сбежать, санитар встал на его пути, и он ударил его бутылкой по голове. Позднее он мог прийти в себя и понять, что натворил. Наверное, он чувствовал себя ужасно. Мне с самого начала так казалось. Он старался спрятать свою вину, свою отвратительную тайну. Ему, конечно, следовало сдаться властям, ведь его вряд ли признали бы виновным. Слишком очевидны были смягчающие обстоятельства. Однако он прятался, и чем дальше, тем труднее ему было вернуться. Это как снежный ком.

— Тем не менее я не верю, что все произошло именно так, — упрямо сказал Ричер. — Ты описала иррационального человека, склонного к панике, лишенного чувства реальности и истеричного. А он представляется мне флегматиком. Очень разумным и совершенно нормальным. Выходит, что я потерял чутье.

Огромный самолет едва заметно гудел. Шестьсот миль в час в разреженном воздухе — казалось, они застыли в неподвижности. Просторный пастельный кокон, зависший в ночном небе в семи милях над океаном или двигающийся в неизвестном направлении.

— И что же ты намерен делать? — спросила Джоди.

— По какому поводу?

— В будущем?

Ричер пожал плечами.

— Я не знаю.

— А с Хоби?

— Я не знаю, — повторил он.

— Ты можешь попытаться его найти. Убедить в том, что никто не станет привлекать его к суду. Может быть, он согласится встретиться с родителями после стольких лет разлуки.

— Как я могу его найти? Сейчас у меня такое ощущение, что я не в состоянии отыскать нос на собственном лице. А ты так стараешься меня утешить, что кое о чем забываешь.

— О чем же?

— Он не хочет, чтобы его нашли. Ты правильно описала его желание: он хочет остаться в тени. Возможно, сначала он чувствовал себя не лучшим образом, но потом наверняка вошел во вкус. Он избавился от Костелло, Джоди. Он послал за нами бандитов. И все это для того, чтобы его не нашли.

Когда свет в кабине потускнел еще сильнее, Ричер сдался, опустил кресло и попытался заснуть, но в его мозгу продолжала звучать фраза: «Виктор Хоби избавился от Костелло, чтобы его не нашли».

На Пятой авеню, в доме на тридцатом этаже, Хоби проснулся в шесть часов утра, в обычное для него время, хотя многое зависело от того, насколько сильным был огненный кошмар. Тридцать лет — это почти одиннадцать тысяч дней и одиннадцать тысяч ночей, и каждую ночь ему снился сон о пожаре. Кабина отламывалась от хвостовой части, и кроны деревьев отбрасывали ее назад. Кусок обшивки ударял в топливный бак. Топливо выплескивалось наружу. Каждую ночь Хоби видел, как оно подступает к нему с жуткой медлительностью и неотвратимостью. Оно сияло и мерцало в сером воздухе джунглей. Оно было жидким и шарообразным, у него на глазах формировалось в огромные дождевые капли. Они постепенно росли, словно живые существа, плывущие в воздухе. Свет отражался в них, и они становились удивительными и прекрасными. В них сияла радуга. Они добрались до него прежде, чем кусок винта отсек руку. Каждую ночь он в последний момент резко поворачивал голову, но всякий раз огненное облако его настигало. Огонь выплескивался в лицо. Жидкость была теплой. Это удивляло. Она напоминала воду. А вода должна быть холодной. Он должен был ощущать холод. Однако прикосновение оказывалось теплым. И липким. Жидкость была более тягучей, чем вода. И она пахла. У нее был

химический запах. Жидкость выплескивалась на левую сторону его лица, попадала на волосы. Волосы прилипали ко лбу, жидкость медленно стекала к глазу.

Хоби поворачивал голову и видел, как горит воздух. Пальцы пламени тянулись во все стороны, словно вечный укор. А потом пальцы превращались во рты. Они поедали парящие жидкие сферы. Процесс шел быстро, и на их месте возникали формы больших размеров, испускающие волны жара. Затем жидкие сферы воспламенялись одна за другой. Начался хаос, они просто взрывались. Он дергал головой одиннадцать тысяч раз, но огонь все равно ударял ему в лицо. От кожи пахло жаром, но ощущение было подобно прикосновению льда. Ледяная волна окатывала левую сторону его лица, падала на волосы. И тут появлялся кусок винта, летящий по широкой дуге. Он угодил в грудь парню по имени Бамфорд, а потом отсек руку Хоби.

Хоби видел в мельчайших подробностях, как отделилась кисть. Этого не было в его сне, поскольку там царил огонь, к тому же ему не требовалось засыпать, чтобы увидеть, как острая черная лопасть винта отсекает ему руку, — это он помнил превосходно. Она прошла сквозь кости и остановилась возле бедра, исчерпав энергию полета. А рука просто развалилась на две части. Часы так и остались на запястье, которое упало вниз. Он поднял то, что осталось от руки, и прикоснулся к лицу, пытаясь понять, почему кожа кажется такой холодной, а пахнет от нее жаром.

Потом он понял, что это движение спасло ему жизнь. Когда к нему вернулась способность мыслить, он сообразил, что произошло. Мощное пламя прижгло рану. Жар опалил плоть, и артерии закрылись. Если бы он не коснулся культей горящего лица, то умер бы от кровотечения. Еще одна победа. Даже оказавшись в смертельно опасной ситуации, он сумел принять правильное решение. Поступил умно. Он умел выживать. И с тех пор у него появилось твердое убеждение, что он никогда не проиграет.

Хоби оставался в сознании еще около двадцати минут и успел сделать все, что необходимо, внутри кабины, а потом выполз наружу. Он знал, что никто не выберется вслед за ним. Он оказался на земле и продолжал ползти дальше. Полз на коленях, опираясь на костяшки левой руки, точно обезьяна. Потом он наклонился и прижался обгоревшим лицом к земле. И тут на него волной нахлынула боль. Он продержался двадцать минут и потерял сознание.

Из последующих трех недель Хоби почти ничего не помнил. Он не знал, куда идет, что ест или пьет. Иногда к нему возвращалось сознание, и эти мгновения были самыми трудными. Он был покрыт пиявками. Обожженная кожа отслаивалась, а плоть под ней пахла разложением. В

его культе жили какие-то существа. Потом он оказался в госпитале. Однажды утром он проснулся. Его сознание облаком окутывал морфий. Никогда в жизни он не испытывал таких приятных ощущений. Однако он сделал вид, что ему очень плохо. Так он оттягивал момент, когда его пошлют обратно.

В госпитале наложили на его сожженное лицо специальную мазь, очистили загнивающую рану. Много лет спустя Хоби прочитал отчет о новых медицинских исследованиях и понял, что поселившиеся в ране черви спасли ему жизнь. Червей использовали для борьбы с гангреной. Они без устали поедали гангренозную плоть, не давая гангрене распространяться дальше. Эксперименты были признаны успешными. Хоби улыбнулся. Он знал это на собственном опыте.

Эвакуация госпиталя застала его врасплох. Врачи ничего ему не сказали. Он случайно услышал, как санитары обсуждают планы на утро. Он тут же вышел из палатки. Никакой охраны не было. Только один санитар, случайно оказавшийся рядом. Встреча с санитаром стоила ему бесценной бутылки с водой, которую пришлось разбить о его голову, но не задержала Хоби ни на секунду.

Тогда-то и началось его долгое путешествие домой. Первым делом нужно было забрать деньги. Хоби закопал их в пятидесяти милях от госпиталя, в одном тайном местечке неподалеку от последнего базового лагеря, внутри гроба. С гробом ему попросту повезло. Гроб был единственной достаточно большой тарой, которую он сумел в то время раздобыть, но потом оказалось, что этим Хоби снова продемонстрировал свою гениальность. Деньги были в довольно крупных купюрах — по сто, пятьдесят, двадцать и десять долларов, но весили они сто семьдесят фунтов. Вполне подходящий вес для гроба. Чуть меньше двух миллионов долларов.

К этому времени лагерь остался далеко за линией фронта. Однако Хоби сумел до него добраться. Здесь он столкнулся с первыми трудностями. Как больной однорукий человек может выкопать гроб? Сначала потребовалось бесконечное упорство. Позднее помощь. Он сумел переместить с крышки большую часть земли, когда его нашли. Гроб уже торчал наружу из неглубокой могилы. Патруль армии Северного Вьетнама выскочил из-за деревьев, и Хоби решил, что сейчас умрет. Но этого не произошло. Более того, он сделал открытие. Одно из немалого числа серьезных открытий в его жизни.

Солдаты отступили, охваченные сомнениями. Они что-то бормотали. Хоби догадался, что они не понимают, кто он такой. Они не знали, что он такое. Ужасные ожоги лишили его лица. Он был в грязной, оборванной ночной рубахе, которую ему выдали в госпитале. И он не был похож на американца. Он вообще был не очень похож на человека.

Хоби обнаружил, что сочетание жуткой внешности, дикого поведения и гроба производило сокрушительное впечатление на всякого, кто его видел. Древний страх смерти, ужас перед гробами и мертвецами делал людей пассивными. Хоби мгновенно сообразил, что если будет вести себя как безумец, если не станет расставаться с гробом, то эти люди сделают для него все. Он сумел извлечь пользу из их древних суеверий. Патруль помог вырыть гроб и погрузил его на тележку, запряженную буйволом. Хоби уселся верхом на гроб и принялся нести всякую околесицу, указывая на запад, и они везли его сотню миль в сторону Камбоджи.

Вьетнам — узкая страна, если смотреть по карте. Хоби передавали от одного патруля другому, и через четыре дня он уже был в Камбодже. Его кормили рисом, поили водой и даже дали черную пижаму, чтобы немного его приручить и справиться с собственными страхами. Камбоджийцы помогли ему двигаться дальше. Хоби подпрыгивал, дергался как обезьяна и указывал на запад, на запад, всегда на запад. Через два месяца он оказался в Таиланде. Камбоджийцы перенесли гроб через границу и убежали обратно.

В Таиланде все было иначе. Казалось, он попал в каменный век. Впрочем, здесь имелись дороги и повозки. Однако люди отличались от жителей Камбоджи. Постоянно что-то бормочущий, израненный человек с гробом вызывал у них жалость и легкую тревогу. Они не видели в нем угрозы. Его подвозили в старых грузовичках, и еще через две недели он оказался в сточной яме, где скапливались нечистоты со всего Дальнего Востока. Это место называлось Бангкоком.

В Бангкоке Хоби прожил год. Гроб он закопал за хижиной, в которой обосновался. Первую ночь ему пришлось работать изо всех сил при помощи саперной лопатки армии США, купленной на черном рынке. Ею можно было копать одной рукой — другой рукой солдат должен был держать винтовку.

Как только деньги были надежно спрятаны, Хоби отправился на поиски врачей. В Бангкоке их собралось немало. Пропитанные джином остатки империи, уволенные отовсюду, но вполне умелые — в те редкие моменты, когда они оставались трезвыми. Привести в нормальный вид его изуродованное лицо они, разумеется, не могли. Хирург лишь сумел сделать так, чтобы веко закрывалось, — на большее он здесь рассчитывать не мог. Однако над рукой врачи потрудились неплохо. Вскрыв рану, они обработали кости, сделав концы гладкими. Они зашили сухожилия и мышцы, тщательно натянули кожу и зашили. В течение месяца рана заживала, а потом Хоби отправили к человеку, который делал протезы.

Тот предложил ему выбор. Во всех случаях Хоби должен был носить нечто вроде корсета на бицепсе, ремни и чашку, сделанную по форме культи. Однако он мог сам решить, какой у него будет протез: деревянная рука, искусно вырезанная и раскрашенная дочерью мастера, или трезубец, похожий на садовый инструмент. Однако Хоби остановился на простом крюке, почему-то показавшемся ему особенно привлекательным. Крюк из нержавеющей стали, тщательно отполированный, был сплавлен со стальной трубой, надежно прикрепленной к тяжелой кожаной чашке. Мастер сделал из дерева копию культи и придал чашке нужную форму, пропитав кожу смолой, чтобы она затвердела. Потом он приладил к ней кожаные ремешки на пряжках. За свою работу он взял пятьсот американских долларов.

В Бангкоке Хоби прожил целый год. Первое время протез натирал ему кожу, и он чувствовал себя неловким. Но постепенно он овладевал протезом всю лучше и лучше. К тому времени, когда он вновь выкопал гроб и купил себе билет на пароход до Сан-Франциско, он и думать забыл о том времени, когда у него были две руки. А вот лицо продолжало его тревожить.

Он добрался до Калифорнии, получил гроб, проделавший путешествие в трюме, и потратил малую толику его содержимого на покупку подержанного легкового автомобиля с кузовом. Трое напуганных портовых грузчиков положили гроб в кузов, и Хоби поехал через всю страну в Нью-Йорк, где и прожил следующие двадцать пять лет. Работа бангкокского мастера все еще лежала рядом с его постелью, как и все предыдущие одиннадцать тысяч ночей.

Он перевернулся на живот, вытянул левую руку и взял протез. Сел на край кровати и положил его на колени. Достал детский носок с тумбочки. Десять минут седьмого. Утро еще одного дня его жизни.

Уильям Карри проснулся в шесть пятнадцать. Старая привычка, оставшаяся с тех времен, когда он работал в полиции. В наследство от бабушки он получил квартиру на втором этаже на Бикмен-стрит. Не слишком удобную, но зато она была дешевой, да и место ему нравилось. Вот почему после развода он переехал сюда, когда вышел в отставку. Пенсия полицейского покрывала расходы на содержание квартиры и маленького офиса на Флетчер. А доходы от частного агентства должны были обеспечить алименты и питание. Ну а потом, когда у него появится клиентура, Карри рассчитывал разбогатеть.

В шесть пятнадцать в квартире было прохладно. Высокие соседние здания защищали его от косых лучей утреннего солнца. Карри поставил ноги на линолеум, встал и потянулся. Сходил на кухню и заварил кофе. Потом направился в ванную. Он продолжал придерживаться обычного распорядка, позволявшего ему быть готовым к работе с семи часов.

С чашкой кофе в руке он подошел к шкафу, распахнул дверцу и принялся изучать свой гардероб. Когда Карри работал полицейским, он предпочитал брюки и пиджак. Серая фланель, клетчатый пиджак спортивного покроя. Он любил твид, хотя и не был чистокровным ирландцем. Летом он пробовал носить льняные пиджаки, но они слишком быстро мялись, и Карри перешел на синтетические ткани. Однако ни один из этих вариантов не годился сегодня, когда ему следовало представлять Дэвида Форстера, дорогого адвоката. Придется надеть свадебный костюм.

Это был обычный черный костюм от «Брук бразерс» — такие покупают для свадеб, крестин и похорон. И хотя костюму было пятнадцать лет, он выглядел вполне современно. Костюм сидел немного свободно: после того как Карри лишился обедов, которые готовила жена, он заметно похудел. Брюки были немного широковаты по стандартам Ист-Виллиджа, но это вполне устраивало Карри, поскольку он собирался надеть по кобуре на каждую щиколотку. Уильям Карри считал, что нужно быть готовым к любым осложнениям. Дэвид Форстер сказал, что «почти наверняка все пройдет спокойно». Карри такой вариант развития событий вполне устраивал, но двадцать лет работы в полиции Нью-Йорка учат осторожности. Так что он намеревался прихватить с собой все три своих пистолета, а самый большой, тридцать пятого калибра, собирался спрятать за спиной.

Он снял костюм в пластиковом чехле, который раздобыл по случаю, добавил белую рубашку и самый консервативный галстук. Затем надел черную кобуру на пояс и достал две маленькие кобуры. Все три пистолета — «магнум» тридцать пятого калибра и два короткоствольных «смит-вессона» тридцать восьмого — он убрал в портфель. Сложил по двенадцать патронов для каждого пистолета в коробочку и спрятал в портфель рядом с пистолетами. Сунул ноги в черных носках в туфли, предварительно надев на щиколотки по маленькой кобуре. Он решил, что положит пистолеты на место после раннего ланча. Зачем ходить в таком дурацком виде все утро?

Карри запер квартиру и пошел в сторону своего офиса на Флетчер с портфелем в руках. Он остановился только один раз, чтобы купить пончик с бананами и грецкими орехами.

Мэрилин Стоун проснулась в семь часов. Глаза у нее слезились, она чувствовала себя усталой. Им разрешили вернуться в ванную только после полуночи, поскольку там пришлось наводить порядок. Этим занялся коренастый мужчина в темном костюме. Он вышел из ванной раздраженным и заставил их ждать до тех пор, пока не просохнет пол. Они молча сидели в темноте, замерзшие и голодные, но им было страшно попросить еды. Тони приказал Мэрилин взбить диванные подушки. Она подозревала, что он собрался спать на диване. Ей

пришлось нагибаться в коротком платье, и она чувствовала себя униженной. А Тони с улыбкой наблюдал за ней.

В ванной было холодно и сыро, сильно пахло моющими средствами. Полотенца были сложены в стопки и спрятаны под раковиной. Мэрилин расстелила несколько штук на полу, после чего они с Честером молча улеглись рядом. В офисе было тихо. Мэрилин не рассчитывала, что ей удастся заснуть. Но теперь она проснулась с ощущением, что начался новый день.

Из офиса доносился шум. Мэрилин ополоснула лицо и успела выпрямиться, когда коренастый мужчина принес кофе. Она молча взяла чашки. Кофе Честера она поставила на полочку под зеркалом. Честер не спал, он неподвижно лежал на полу, тупо глядя в потолок. Коренастому мужчине пришлось переступить через него, когда он выходил из ванной.

— Дело близится к концу, — сказала она.

— Ты хочешь сказать, все только начинается, — возразил Честер. — Куда мы пойдем дальше? Где будем ночевать?

Она хотела сказать: «Дома, слава богу», но потом вспомнила, что после двух тридцати у них не будет дома.

— В отеле, наверное, — ответила она.

— Они забрали мои кредитные карточки, — пожаловался Стоун и замолчал.

Мэрилин посмотрела на него и спросила:

— В чем дело?

— Это никогда не кончится. Разве ты не понимаешь? Мы же свидетели. Мы видели, что они сделали с полицейскими. И с Шерил. Как они могут нас отпустить?

Она слегка кивнула и озабоченно посмотрела на него. Мэрилин была огорчена, что он наконец это понял. Теперь он будет весь день тревожиться, а это только усложнит их положение.

Пять минут у него ушло на то, чтобы идеально завязать узел галстука, потом наступила очередь пиджака. Одевание было процессом, прямо противоположным раздеванию, из чего следовало, что туфли он надел в последнюю очередь. Он мог завязать шнурки почти так же быстро, как человек с двумя руками. Фокус состоял в том, чтобы прижать конец шнурка крюком к полу.

Потом Хоби направился в ванную. Там он засунул грязное белье в наволочку и выставил за дверь. Снял простыни с постели и убрал в

другую наволочку. Он сложил все личные вещи, какие сумел найти, в пакет из универмага. Содержимое гардероба поместил в большой мешок. Распахнув дверь квартиры, отнес наволочки и пакет к мусоропроводу. Выбросил все и закрыл крышку. Вытащив мешок с одеждой в коридор, Хоби запер дверь, положил ключи в конверт, а конверт в карман.

Спустившись к конторке портье, он оставил у него конверт с ключами для торговца недвижимостью. Затем отправился в гараж, держа мешок с одеждой в левой руке, и забросил его в багажник «кадиллака». Запер багажник, обошел машину и сел за руль. Включил зажигание, выехал из гаража на юг по Пятой авеню и вскоре затерялся в центральной части города.

Хоби арендовал стоянку для трех автомобилей перед Всемирным торговым центром, но он продал две машины, и все три места оставались свободными. Он поставил «кадиллак» на среднем месте и не стал вынимать мешок с одеждой из багажника. Он решил, что поедет на «кадиллаке» в аэропорт Ла Гуардиа и оставит его там на долговременной стоянке. Потом возьмет такси и отвезет мешок в международный аэропорт Джона Кеннеди, где всякий примет его за обычного пассажира, который собирается пересесть с одного самолета на другой. «Кадиллак» спокойно простоит на стоянке несколько недель, а если после этого кто-то им заинтересуется, то полиция будет проверять списки пассажиров Ла Гуардиа, а не аэропорта Кеннеди. Конечно, при этом он потеряет деньги за «кадиллак», а также значительную сумму за аренду офиса, но эти деньги можно считать исключительно выгодным вложением — ведь он спасает свою жизнь.

Он поднялся наверх на скоростном лифте и через девяносто секунд оказался в приемной своего офиса. Усталый Тони сидел за конторкой и пил кофе.

— Яхта? — спросил Хоби.

Тони кивнул.

— У брокера. Они перешлют деньги. Они хотели, чтобы мы заменили перила, где этот идиот повредил их. Я сказал, чтобы они вычли расходы из общей суммы.

— Что еще? — спросил Хоби.

Тони иронически улыбнулся.

— Нам нужно переместить кое-какие суммы. Со счета Стоуна пришли первые платежи. Одиннадцать тысяч долларов, точно в срок. Сознательный придурок, не так ли?

Хоби улыбнулся в ответ.

— Обокрасть Питера, чтобы заплатить Полу? Проблема только в том, что Пол и Питер — одно и то же лицо. Отошли эти деньги на острова, как только откроется банк.

Тони кивнул и прочитал записку:

— Саймон снова звонил с Гавайев. Они успели на самолет. Сейчас они где-то над Гранд-Каньоном.

— Ньюмен уже знает? — спросил Хоби.

Тони покачал головой.

— Пока нет. Он намерен начать исследование сегодня утром. Ричеру удалось его уговорить. Похоже, он умен.

— Боюсь, что недостаточно, — усмехнулся Хоби. — Гавайи отстают от нас на пять часов, верно?

— Это произойдет днем. Предположим, он начнет в девять, часа два потратит на исследование — значит, закончит где-то в четыре пополудни по нашему времени. Нас уже здесь не будет.

Хоби вновь улыбнулся.

— Я же говорил тебе, что у нас все получится. Разве я не велел тебе расслабиться и предоставить мне решать наши проблемы?

Когда Ричер проснулся, было семь часов. Насколько он понимал, это было время Сент-Луиса, из чего следовало, что на Гавайях сейчас три часа утра, шесть в Аризоне и Колорадо, над которыми они сейчас пролетали, и восемь в Нью-Йорке. Он потянулся, встал и переступил через ноги Джоди. Она свернулась на своем кресле, и стюардесса накрыла ее тонким стеганым одеялом.

Джоди крепко спала. Ее дыхание оставалось ровным, волосы закрывали лицо. Ричер задержался в проходе, глядя, как она спит. Потом решил немного прогуляться.

Он прошел через бизнес-класс и оказался в салоне, где сидели пассажиры, заплатившие за билет меньше всех. Здесь также свет был приглушен, а по мере того, как он продвигался к хвосту, пассажиров становилось больше. На узеньких креслах устроились люди, накрытые одеялами. Пахло грязной одеждой. Ричер дошел до самого хвоста и повернул обратно мимо туалета. Теперь он шагал по другому проходу и вскоре вновь оказался в бизнес-классе. Здесь он немного задержался, чтобы оглядеть пассажиров. В креслах сидели женщины и мужчины в костюмах, снявшие пиджаки и распустившие узлы галстуков. Кто-то

работал на портативных компьютерах. На свободных креслах стояли портфели, набитые папками с документами. Лучи света были направлены на крошечные столики перед каждым из работающих — для них рабочий день продолжался. То ли поздний вечер, то ли раннее утро следующего дня.

Ричер решил, что это люди среднего достатка. Они сумели подняться со дна, но до настоящего успеха им далеко. С точки зрения армии они были майорами и полковниками. То есть находились на одном уровне с ним. Он ушел в отставку майором, но если бы продолжал служить, то мог бы стать полковником. Он стоял, прислонившись к переборке, смотрел на спины и затылки этих людей и думал: «Леон меня сделал, а теперь он вновь меня меняет». Леон помог сделать ему карьеру. Нет, Ричер старался и неплохо работал, но без Леона он бы не продвигался так быстро. Тут у него не было ни малейших сомнений.

А потом служба в армии закончилась, и Ричер начал дрейфовать по течению. Теперь период дрейфа подошел к концу, и опять из-за Леона. Не только из-за Джоди. Все дело в завещании Леона. Старик оставил ему дом, и его завещание, подобно бомбе с часовым механизмом, дожидалось, чтобы заставить Ричера бросить якорь. Он согласился принять дом, и этого оказалось вполне достаточно. Прежде мысль о том, чтобы осесть на одном месте, носила чисто теоретический характер. Нечто вроде далекой страны, в которой ему, скорее всего, не суждено побывать. Билеты туда стоили слишком дорого. Слишком трудно переделать себя и изменить образ жизни. Но завещание Леона все меняло. Леон похитил его и бросил на границе неведомой далекой страны.

Ричер стоял, прижимаясь носом к переборке. Он видел жизнь, уготованную ему на той стороне. Ему вдруг показалось полнейшим безумием повернуть назад и проделать долгий путь в противоположном направлении. Теперь его дрейф должен стать сознательным выбором. Прежде он мог жить, не думая о будущем, поскольку альтернативы отсутствовали. Появление других возможностей все разрушало. Леон поставил его перед необходимостью выбора. И теперь Ричеру некуда деваться. Наверное, Леон улыбался, когда писал свое завещание. Улыбался и думал: «Что ж, посмотрим, как ты выберешься отсюда, Ричер».

Он обвел взглядом компьютеры и папки с документами и внутренне содрогнулся. Как ему пересечь границу далекой страны, не связавшись со всем этим? Костюмы и галстуки, устройства, работающие от батареек. Портфели крокодиловой кожи и папки из главного офиса. Он стоял у переборки, не в силах сдвинуться с места, его охватила паника, сдавило горло. Ричер вспомнил случай, который произошел с ним около года назад, когда он сошел с грузовика на перекрестке двух дорог, рядом с

городом, о котором никогда не слышал прежде, в штате, где ни разу в жизни не бывал. Он помахал на прощание водителю грузовика, сунул руки в карманы и зашагал вперед — миллионы миль за спиной, миллионы миль впереди. Сияло солнце, под ногами поднималась пыль, а он шел и улыбался, его переполняла радость от возможности идти куда глаза глядят от свободы и одиночества.

Однако он не забыл и другой день, через девять месяцев после того перекрестка. Когда он понял, что у него кончаются деньги. За проживание даже в самых дешевых мотелях нужно платить. И за обеды в самых дешевых кафе тоже. Он устроился на работу в Ки-Уэсте, намереваясь задержаться в городе на пару недель. Потом подыскал себе еще и вечерний заработок, так что три месяца спустя, когда Костелло его нашел, Ричер все еще оставался в Ки-Уэсте. На самом деле он уже тогда закончил свои скитания. Он стал работающим человеком. Какой смысл это отрицать? Теперь осталось ответить на вопросы: где, как и на кого. Ричер улыбнулся. «Все равно что проституция, — подумал он. — Обратной дороги нет». Он немного расслабился, оттолкнулся от переборки и вернулся в первый класс. Мужчина в полосатой рубашке и с руками такой же длины, как у Виктора Хоби, проснулся и посмотрел на Ричера. Мужчина кивнул, Ричер поклонился в ответ и решил сходить в туалет. Когда он вернулся на свое место, Джоди проснулась. Она сидела и пыталась привести в порядок волосы.

— Привет, Ричер, — сказала она.

— Привет, Джоди, — ответил он.

Ричер наклонился и поцеловал ее в губы, затем, перешагнув через ноги Джоди, уселся на свое место.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Она откинула голову назад и распустила волосы.

— Неплохо. Совсем неплохо. Гораздо лучше, чем я думала. Где ты был?

— Немного прогулялся. Пошел посмотреть, как живут остальные пассажиры.

— Нет, ты размышлял. Я заметила эту твою черту пятнадцать лет назад. Ты всегда начинаешь ходить, когда тебе нужно что-то обдумать.

— В самом деле? — удивился Ричер. — А я и не замечал.

— Конечно, ты всегда так делаешь, — продолжала Джоди. — Я очень внимательно за тобой наблюдала. Ведь я была в тебя влюблена, помнишь?

— А что еще я делаю?

— Ты стискиваешь левый кулак, когда сердишься или чем-то встревожен. Правая рука остается расслабленной — наверное, дело в специальной подготовке. Когда тебе скучно, ты мысленно проигрываешь музыку. Я видела это по твоим пальцам: казалось, ты играешь на пианино. Когда ты говоришь, кончик твоего носа слегка шевелится.

— Правда?

— Честное слово, — улыбнулась Джоди. — О чем ты думаешь?

Ричер пожал плечами.

— О самых разных вещах.

— О доме, должно быть? — спросила Джоди. — Тебя это тревожит, правда? И обо мне. Обо мне и о доме, которые связывают тебя, как того парня из книжки. Его звали Гулливер. Ты читал?

Он улыбнулся.

— Этого парня взяли в плен маленькие человечки, когда он спал. Привязали сотнями тонких веревок.

— И ты чувствуешь себя именно так?

Ричер немного помедлил перед ответом.

— Только не тогда, когда речь идет о тебе.

Однако Джоди заметила эту маленькую паузу.

— Когда ты один, все по-другому, верно? — спросила она. — Я это знаю, у меня есть опыт замужества. Нужно все время принимать во внимание кого-то еще, о ком-то беспокоиться.

Он улыбнулся.

— Я привыкну.

Джоди улыбнулась в ответ.

— А тут еще дом!

— Да, он вызывает у меня странные ощущения.

— Ну, это между вами с Леоном. Я хочу, чтобы ты знал: я в любом случае ничего от тебя не требую. Это твоя жизнь и твой дом. Поступай так, как считаешь нужным.

Ричер кивнул, но ничего не ответил.

— Значит, ты намерен искать Хоби? — спросила Джоди.

— Может быть. Однако это сложная задача.

— Тебе есть с чего начать. Ему наверняка потребовался протез, и это должно быть зафиксировано в медицинской карте. И если он получил ожоги — тоже. Кроме того, такого человека не пропустишь на улице, если встретишь. Однорукий человек со следами жестоких ожогов.

— Я могу просто подождать, и он сам меня найдет. Буду сидеть в Гаррисоне, пока он не пришлет своих людей, — сказал Ричер.

Отвернувшись к иллюминатору, он посмотрел на свое бледное отражение и понял: «Я только что мысленно согласился с тем, что Хоби жив. Признал, что ошибся». Он вновь повернулся к Джоди.

— Ты отдашь мне свой сотовый? Сможешь обойтись сегодня без него? Если Нэш что-нибудь выяснит и позвонит мне, я хочу узнать об этом сразу же.

Она пристально посмотрела ему в глаза, кивнула, наклонилась, чтобы открыть сумку, вытащила телефон и протянула его Ричеру.

— Удачи тебе, — сказала она.

Ричер положил телефон в карман.

— Я не привык рассчитывать на удачу, — ответил он.

Нэш Ньюмен не стал ждать до девяти часов утра, чтобы начать исследования. Он был педантичным человеком, в особенности если речь шла о профессиональной этике. Он собирался провести неофициальное расследование по просьбе встревоженного друга, так что должен был работать в личное время. Частные дела нужно выполнять частным образом.

Вот почему он встал в шесть часов утра, когда за горами только появилось красноватое сияние тропического восхода. Заварил кофе и оделся. К шести тридцати он уже был в своем кабинете. Ньюмен решил, что работа займет около двух часов. Затем он позавтракает и ровно в девять приступит к своим обычным обязанностям.

Вытащив ящик стола, Ньюмен извлек медицинские документы Виктора Хоби. Леон Гарбер собрал их, сделав несколько запросов врачам и дантистам в округе Патнам. Документы лежали в старой папке, перетянутой холщовым ремешком с металлической застежкой. Ремешок был красный, но от времени выцвел и стал бледно-розовым.

Ньюмен расстегнул застежку и открыл папку. Сверху лежало разрешение изъять медицинские карты, подписанное родителями Хоби. Ньюмен просматривал тысячи таких документов и мог без труда классифицировать юношей, о которых в них шла речь, по возрасту,

месту рождения, доходам родителей, достижениям в спорте и множеству других факторов, влияющих на медицинскую историю. Большое значение имели возраст и место рождения. Новые методы работы дантистов зародились в Калифорнии, а потом, словно мода, распространились по всей стране, так что тринадцатилетний мальчик, получивший новое лечение в Де-Мойне, должен был родиться на пять лет позже, чем тринадцатилетний мальчик в Лос-Анджелесе. Ну а доходы родителей определяли, получит ли он такое лечение или нет. Звездам футбольных команд лечили поврежденные плечи, бейсболистам — сломанные кисти, а пловцы страдали от хронических ушных инфекций.

Досье Виктора Трумэна Хоби оказалось на удивление тонким. Ньюмен легко читал между строк. Он представил себе здорового мальчика, который неплохо питался и о котором хорошо заботились родители. Он почти не болел. Конечно, не обошлось без простуды и гриппа, а в возрасте восьми лет он перенес бронхит. Никаких несчастных случаев. Хоби никогда не ломал конечности. Он регулярно посещал дантиста. Вполне типичная картина для Нью-Йорка и его окрестностей в пятидесятые и шестидесятые годы. В те времена дантисты вели отчаянную войну с дуплами в зубах. Дупло отыскивалось при помощи рентгеновских снимков, после чего зуб сверлили и заполняли амальгамой. В результате приходилось часто посещать кабинет дантиста, что наверняка расстраивало юного Виктора Хоби, но благодаря этому у Ньюмена имелся обширный набор снимков челюсти мальчика. Он не сомневался, что их будет достаточно для идентификации.

Он сложил снимки и вышел вместе с ними в коридор. Отпер дверь и, миновав алюминиевые контейнеры, направился к углублению в дальнем конце лаборатории. В самом углу стоял компьютерный терминал. Ньюмен включил компьютер, и на экране появился список вопросов.

Чтобы его заполнить, требовалась лишь элементарная логика. Он щелкнул по «Все кости» и вошел в подраздел «Детские переломы отсутствуют, возможны переломы во взрослом состоянии». Мальчик не ломал ноги в средней школе, но это могло произойти позднее, во время обучения в летном училище. Медицинские документы военного периода иногда пропадали. Довольно много времени Ньюмен провел, отвечая на вопросы, связанные с состоянием зубов. Он ввел описание каждого зуба. Отметил наличие пломб, а возле каждого здорового написал: «Потенциальная пломба». Только так можно было избежать ошибок. Элементарная логика. Хороший зуб может испортиться и нуждаться в лечении, но запломбированные зубы уже никуда не исчезнут. Ньюмен просмотрел рентгеновские снимки и на вопрос «Расстояние между

зубами» написал: «Ровные», а на вопрос о размерах зубов напечатал такой же ответ. На остальные вопросы он не стал отвечать. Некоторые болезни оказывают влияние на скелет, но только не простуда, грипп и бронхит.

Ньюмен еще раз просмотрел свои ответы и ровно в семь часов нажал на клавишу «Поиск». Жесткий диск тихонько зарычал — началось последовательное путешествие по базам данных.

Они приземлились на десять минут раньше расписания, перед самым полуднем по времени Восточного побережья. Самолет пролетел над водами бухты Джамайка, приземлился и медленно покатил к зданию аэропорта. Джоди переставила часы и вскочила на ноги еще до того, как самолет остановился. Впрочем, в первом классе за это нарушение порядка вас никто не стал бы ругать.

— Пойдем, — сказала она, — у меня мало времени.

Они подошли к двери прежде, чем она открылась. Ричер нес сумку, а Джоди всю дорогу через терминал торопливо шла впереди него. «Линкольн» ждал их на ближней стоянке, большой, черный и новенький, и им пришлось заплатить пятьдесят восемь долларов Раттера, чтобы получить разрешение его забрать.

— Я успею принять душ? — спросила себя Джоди.

Ричер в ответ поехал быстрее, чем следовало по Ван-Вик. Автострада Лонг-Айленд уходила на запад, к туннелю. Через двадцать минут после того, как самолет произвел посадку, они уже были на Манхэттене и ехали на юг по Бродвею. Рядом с домом Джоди они оказались через тридцать минут.

— Успеешь ты принять душ или нет, но я намерен все проверить, — решительно сказал Ричер.

Джоди не стала спорить. Как только они вернулись в Нью-Йорк, ее вновь охватила тревога.

— Ладно, только постарайся побыстрее.

Ричер остановил машину у входа в здание и оглядел вестибюль. Никого. Они оставили машину у тротуара, поднялись на лифте на пятый этаж, а потом по пожарной лестнице спустились на четвертый. В доме было тихо и пусто. Ричер не нашел следов чужого присутствия в квартире Джоди. В ярком солнечном свете копия Мондриана сияла яркими красками. Часы показывали двенадцать тридцать.

— Десять минут. Потом ты отвезешь меня в офис, ладно? — спросила Джоди.

— А как ты попадешь на встречу?

— У нас есть шофер, — ответила Джоди. — Он меня отвезет.

Она вбежала в спальню, на ходу срывая одежду.

— Хочешь есть? — спросил Ричер.

— Нет времени, — крикнула в ответ Джоди.

Она пять минут провела в душе и пять минут провозилась, выбирая, что надеть. Наконец вышла в угольно-черном платье и таком же жакете.

— Найди мой портфель, — попросила она Ричера. Затем причесалась и немного поработала феном.

Быстро подвела глаза и несколькими движениями подкрасила губы. Бросила взгляд в зеркало и вышла в гостиную. Ричер уже приготовил портфель. Он отнес его в машину.

— Возьми мои ключи, — сказала Джоди. — Потом ты сможешь вернуться сюда. Я позвоню тебе из офиса, и ты за мной приедешь.

Через семь минут они подъезжали к небольшой площади, на которой находилось здание ее офиса. Без пяти час Джоди выскользнула из машины.

— Удачи! — сказал на прощание Ричер. — Покажи им класс.

Она помахала ему рукой и устремилась к вращающимся дверям. Охранник кивнул Джоди и вызвал лифт. Она вошла в свой офис, когда часы еще не пробили час. Секретарь последовал за Джоди, держа в руке тонкую папку.

— Вот, пожалуйста, — церемонно сказал он.

Джоди открыла папку и быстро пролистала восемь страниц.

— Что это за бред? — спросила она.

— На совещании все были весьма взволнованы, — ответил секретарь.

Она просмотрела страницы в обратном порядке.

— Не понимаю, что их так поразило. Никогда не слышала об этих корпорациях, да и суммы, о которых идет речь, невелики.

— Но ведь дело не в суммах! — заметил секретарь.

Она внимательно взглянула на него.

— А в чем?

— Вас нанял кредитор, а не тот человек, который должен деньги. Упреждающий ход, понимаете? Это станет известно. Кредитор понимает, что, если вы будете поддерживать парня, который должен ему деньги, у него могут возникнуть серьезные проблемы. Поэтому он заранее нанимает вас, чтобы этого не допустить. Из чего следует, что вы знамениты. Вот почему партнеры так взволнованы. Вы стали настоящей звездой, миссис Джейкоб.

Глава 16

Ричер медленно возвращался назад по Нижнему Бродвею. Заехал по пандусу в гараж. Поставил «линкольн» на место, которое было зарезервировано за Джоди, и запер машину. Он не стал подниматься наверх, а вышел по пандусу обратно на улицу и зашагал на север, в сторону кафе. Он попросил заварить кофе покрепче и уселся за хромированный столик, где сидела Джоди, пока он осматривал квартиру в тот вечер, когда они приехали из Брайтона. Когда он вернулся за Джоди, она разглядывала фальшивую фотографию, сделанную Раттером. Ричер уселся на тот же стул, подул на пену, почувствовал аромат и сделал первый глоток.

Что он расскажет старикам? Правильнее ничего им не говорить. Просто сказать, что он ничего не сумел найти. Оставить их в неизвестности. Это был бы добрый поступок. Посидеть с ними, пожать им руки, сообщить об обмане Раттера, описать долгие и бесплодные поиски. Предложить им признать, что их сын давно мертв, и попытаться объяснить, почему никто не может точно назвать дату, место и обстоятельства его гибели. А потом исчезнуть, предоставив им достойно прожить остаток жизни в качестве еще двоих из десятков миллионов родителей, отдавших своих детей ночи и клубящемуся туману этого ужасного столетия.

Ричер потихоньку потягивал кофе, сжимая левой рукой край стола. Он должен поступить именно так. Доброта существовала параллельно с линией его жизни. Ему не случалось оказываться в ситуациях, когда доброта имела хоть какое-то значение. И никогда не приходилось сообщать скорбное известие родственникам. Некоторым его коллегам доводилось это делать. После войны в Персидском заливе были сформированы специальные группы, где старший офицер работал в контакте с военным полицейским: они посещали семьи погибших, проходили по длинным пустынным подъездным дорожкам, поднимались по лестницам и сообщали печальную весть, хотя их форма уже сама по себе предупреждала о несчастье.

Наверное, доброта играла существенную роль в таких миссиях, но Ричер занимался другой работой, где возникали иные проблемы и происходившие события были либо хорошими, либо плохими, либо законными, либо нет. Но теперь, через два года после того, как он

покинул службу, доброта неожиданно стала важным фактором в его жизни. И ему придется лгать.

Но он обязательно найдет Виктора Хоби. Ричер разжал левую руку и сквозь рубашку коснулся ожога на груди. Он еще не расплатился по счетам. Ричер наклонил стаканчик с кофе и почувствовал кофейную гущу на зубах и языке. Потом бросил стаканчик в мусорную корзину и вышел на улицу. Солнце заливало Бродвей с юго-запада. Он ощутил его тепло на своем лице и зашагал к дому Джоди, неожиданно почувствовав, что устал. В самолете он сумел поспать всего четыре часа. Четыре часа из двадцати четырех. Он вспомнил, как опустил назад огромное кресло салона первого класса и заснул.

Тогда, как и сейчас, он думал о Хоби. Виктор Хоби организовал убийство Костелло, чтобы его не нашли. Ричер вспомнил Кристал, стриптизершу из Ки-Уэста. Ему не следовало о ней думать. Однако он что-то сказал ей тогда, в темном баре. На ней была только футболка. А потом ему что-то сказала Джоди в темном кабинете дома Леона. *Его* дома. Она повторила те же самые слова, которые он произнес в разговоре с Кристал. Вот что он тогда сказал: «Может быть, он наступил на мозоль кому-то на севере, устроил проблемы». А Джоди сказала: «Должно быть, он выбрал кратчайший путь, и кто-то насторожился».

Он замер посреди улицы, сердце бешено колотилось у него в груди. Леон. Костелло. Леон и Костелло обсуждали это дело. Костелло отправился в Гаррисон и перед смертью Леона о чем-то с ним говорил. Леон поставил перед ним задачу. «Найди парня по имени Джек Ричер, поскольку я хочу проверить человека по имени Виктор Хоби», — наверное, сказал Леон. Костелло внимательно выслушал его, вернулся в город и принялся за работу. После напряженных раздумий Костелло выбрал кратчайший путь. Вот оно: Костелло решил заняться Виктором Хоби перед тем, как начать искать Джека Ричера.

Ричер пробежал последний квартал до гаража Джоди. От Нижнего Бродвея до Гринвич-авеню было две и три четверти мили, и он преодолел это расстояние за одиннадцать минут, держась за такси, едущими в западную часть центра. Бросив «линкольн» у тротуара перед входом в здание, Ричер взбежал по каменным ступенькам в вестибюль. Огляделся по сторонам и нажал три кнопки наугад.

— Единая посылочная служба, — сказал он.

Внутри что-то загудело, и дверь открылась. Ричер побежал по лестнице в офис номер пять. Дверь красного дерева офиса Костелло была закрыта, как он и оставил ее четыре дня назад. Он огляделся по сторонам и осторожно повернул ручку. Дверь открылась. Замок, как и прежде, никто не запер. В приемной ничего не изменилось. Равнодушный город.

Жизнь течет, никому ни до кого нет дела. Воздух внутри показался Ричеру застоявшимся. Аромат духов секретарши почти исчез.

Однако ее компьютер все еще был включен. Он терпеливо ждал возвращения своей хозяйки.

Ричер подошел к столу и ткнул в мышку пальцем. Экран тут же засветился, и Ричер увидел файлы «Спенсера, Гутмана, Риккера и Талбота» — именно к ним он обращался перед уходом, когда еще не знал, кто такая миссис Джейкоб. Он вернулся в основное меню и принялся его изучать, не особенно на что-то надеясь. Он нашел «Джейкоб», но это ничего ему не дало. Ричер не помнил, чтобы здесь имелся файл с названием ХОБИ.

Он вновь просмотрел все директории, но не нашел ничего интересного. К тому же здесь не было настоящих имен и названий, стояли лишь акронимы корпораций. Он оставил компьютер и направился в офис Костелло. На столе не оказалось никаких бумаг. Ричер обошел стол и заметил в металлической корзинке для мусора какие-то смятые листочки. Он присел на корточки и высыпал содержимое корзины на пол. Открытые конверты и какие-то бланки. Жирная обертка от бутерброда. Листки линованной бумаги, вырванные из блокнота. Он расправил их на ковре ладонью. Ничего интересного, хотя это были рабочие записи Костелло. Очевидно, он что-то записывал, чтобы организовать ход своих мыслей. Все они были сделаны недавно. Костелло явно регулярно выносил мусор. Здесь лежали бумаги, которые он бросил в корзину не более чем за два дня до своей гибели. Любые записи, связанные с Хоби, он бы взял с собой двенадцать или тринадцать дней назад, сразу же после разговора с Леоном, в начале расследования.

Ричер по очереди открыл ящики стола и нашел блокнот в верхнем из них. Самый обычный блокнот, купленный в универмаге и частично использованный. Ричер уселся в продавленное кожаное кресло и принялся перелистывать страницы. На десятой страничке ему попалось имя «Леон Гарбер». И несколько карандашных записей рядом. Он увидел запись: «Миссис Джейкоб, СГРиТ». И еще: «Виктор Хоби». Это имя было подчеркнуто дважды — так бывает, когда человек о чем-то напряженно размышляет, — и обведено двумя овалами, напоминающими по форме яйцо. Рядом Костелло нацарапал: «КТФ?» От этих букв шла линия к другой записи: «9 утра». «9 утра» также было обведено. Ричер смотрел на страничку и понимал, что видит запись о встрече с Виктором Хоби, которая должна была состояться в месте, носящем название КТФ, в девять часов утра. В девять утра того дня, когда Костелло убили.

Ричер вскочил с кресла, бегом вернулся к компьютеру и принялся искать «КТФ» между К и Л. Так и есть. «КТФ» нашелся после «ККЯ». Ричер переместил курсор и щелкнул мышкой. И увидел надпись: «Трастовый фонд на Каймановых островах». Тут же имелся адрес Всемирного торгового центра, номер телефона и факс. Ричер нашел также запросы из юридических фирм. Владельцем числился мистер Виктор Хоби. Пока Ричер смотрел на монитор, зазвонил телефон.

Он оторвал взгляд от экрана и взглянул на стол. Однако звонил другой телефон — тот, что лежал у него в кармане. Ричер вытащил мобильник Джоди и нажал на кнопку.

— Да? — сказал он.

— У меня новости, — сообщил Нэш Ньюмен.

— Какие новости?

— Какие новости? Черт возьми, а как ты сам думаешь?

— Не знаю. Расскажите мне.

И Ньюмен ему рассказал. Наступило молчание, которое нарушало лишь тихое шипение в трубке, напоминающее, что Ньюмен находится в шести тысяч милях от Нью-Йорка, да еще шумел вентилятор компьютера. Ричер отодвинул телефон от уха и снова ошеломленно посмотрел на монитор.

— Ты меня слышишь? — вновь заговорил Ньюмен.

Его голос показался Ричеру далеким и невнятным, словно бессмысленный шум в проводах. Он опять поднес трубку к уху.

— Вы уверены? — спросил Ричер.

— Уверен. На сто процентов. Не существует даже одного шанса из миллиарда, что я ошибся. Тут не может быть ни малейших сомнений.

— Вы действительно уверены? — повторил Ричер.

— Да, абсолютно, — подтвердил Ньюмен.

Ричер молчал. Он оглядел пустой офис, светло-голубые стены которого освещались проникающими в окно лучами солнца.

— Похоже, тебя эта новость не слишком обрадовала, — сказал Ньюмен.

— Я не могу поверить. Скажите мне еще раз.

Ньюмен повторил все с самого начала. Ричер неотрывно смотрел на пустой стол.

— Повторите еще, в последний раз, Нэш, пожалуйста.

Ньюмен терпеливо повторил свои слова в четвертый раз.

— Нет никаких сомнений, — добавил он. — Ты когда-нибудь видел, чтобы я ошибался?

— Дерьмо, дерьмо, неужели вы не видите, что это означает? Вы понимаете, что произошло? Вы понимаете, что он сделал? Я должен идти, Нэш. Мне необходимо вернуться в Сент-Луис прямо сейчас. Нужно еще раз побывать в архивах.

— Точно, — согласился Ньюмен. — Именно туда я и сам намерен обратиться. В самом срочном порядке.

— Благодарю, Нэш, — пробормотал Ричер, отключил телефон и засунул в карман.

Он вышел из офиса Костелло — и на сей раз не закрыл за собой дверь.

Тони вошел в ванну с элегантным английским костюмом на плечиках из химчистки. Под мышкой он держал накрахмаленную рубашку в бумажном пакете. Тони посмотрел на Мэрилин и повесил костюм над ванной, а рубашку бросил на колени Честера. Из кармана он вытащил галстук, словно фокусник — тонкий шелковый платок. Галстук упал на рубашку.

— Спектакль начинается. Будьте готовы через десять минут.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Честер сел, продолжая держать рубашку в руках. Галстук остался лежать на коленях. Мэрилин наклонилась, взяла из его рук рубашку и вскрыла пакет. Смяла и отбросила в сторону. Встряхнув рубашку, расстегнула две верхние пуговицы.

— Почти кончено, — повторила она, словно это было заклинанием.

Честер молча посмотрел на нее и встал. Взял из ее рук рубашку и натянул через голову. Мэрилин подошла к нему, расправила воротник и надела галстук.

— Спасибо, — сказал он.

Она помогла ему надеть костюм и одернула пиджак.

— Теперь займись волосами, — сказала она.

Он подошел к зеркалу и увидел человека, которым был в другой жизни. Честер пальцами причесал волосы. Дверь ванны вновь открылась, и появился Тони. Он держал в руке перьевую ручку «Монблан».

— Мы одолжим ее тебе, чтобы ты мог подписать передачу.

Честер кивнул и спрятал ручку в карман пиджака.

— И еще одно. Мы должны сохранять лицо, верно? Тут будет полно адвокатов.

Он протянул Честеру платиновый «Ролекс». Честер взял часы и надел их на запястье. Тони вышел и закрыл за собой дверь.

Мэрилин стояла перед зеркалом и приводила в порядок волосы. Она убрала их за уши и поджала губы, словно собиралась воспользоваться помадой, хотя помады у нее не было. Это был инстинкт. Она отошла подальше от зеркала и разгладила платье на бедрах.

— Ты готов? — спросила она.

Честер пожал плечами.

— К чему? А ты?

— Я готова, — сказала Мэрилин.

Водитель компании «Спенсер, Гутман, Риккер и Талбот» был мужем одной из секретарш фирмы, которая работала здесь уже много лет. Раньше он служил клерком в какой-то компании, которая не выдержала конкуренции и разорилась. Безработный в пятьдесят девять лет, без специальности и перспектив, он вложил последний бонус в покупку подержанного «линкольна», и его жена составила смету, которая показала, что фирме будет выгоднее пользоваться услугами ее мужа, чем всякий раз заказывать автомобиль. Владельцы закрыли глаза на ошибки в смете и наняли его на службу, решив, что таким образом они отметят верность секретарши. Водитель уже ждал в гараже с включенным двигателем и кондиционером, когда Джоди вышла из лифта и направилась к «линкольну». Он опустил окно, и она наклонилась к нему, чтобы задать вопрос:

— Вы знаете, куда мы едем?

Он кивнул и постучал костяшками пальцев по дощечке с зажимом, лежащей на пассажирском сиденье.

— Я готов, — заявил он.

Джоди села сзади. Как человек демократичный, она предпочитала сидеть на переднем сиденье, но водитель настаивал, чтобы пассажиры сидели сзади. Так он чувствовал себя более официально. Он был чутким человеком и догадывался, что получил должность не совсем честно. Вот почему он считал, что следует вести себя по правилам. Он носил темный

костюм и шоферскую фуражку, которую нашел в одном из магазинчиков Бруклина.

Как только водитель увидел в зеркало, что Джоди устроилась на заднем сиденье, он выехал из гаража. Он сразу же свернул налево, на Бродвей, а затем направо, на Тринити-стрит. Он поехал по ней на запад и прибыл к Всемирному торговому центру с юга. Ему пришлось немного подождать возле церкви Троицы, поскольку две линии были заняты полицейскими машинами и эвакуатором. Полицейские заглядывали в окна патрульной машины, стоявшей у обочины, словно не знали, что делать дальше. Водитель медленно проехал мимо и прибавил скорость. Впрочем, почти сразу же ему пришлось притормозить, и вскоре он остановил «линкольн». Водитель смотрел перед собой, не обращая внимания на здания гигантских башен. Двигатель он выключать не стал.

— Я буду ждать вас здесь, — сказал он.

Джоди вышла из машины и задержалась на тротуаре. На площади было много народу. Без пяти два, многие возвращались на работу после ланча. Она почувствовала неуверенность. Ей предстояло преодолеть открытое пространство, а Ричера не было рядом впервые с того момента, как события вышли из-под контроля. Она огляделась по сторонам и присоединилась к группе людей, направлявшихся к Южной башне.

Ей нужно было подняться на восемьдесят восьмой этаж, и она встала в очередь на скоростной лифт. Перед ней стоял мужчина среднего роста в плохо сидящем черном костюме. Он держал в руках дешевый портфель из коричневого пластика — подделка под крокодиловую кожу. Джоди протиснулась в лифт у него за спиной. Пассажиры лифта начали называть номера этажей женщине, стоявшей рядом с кнопками. Мужчина в плохом костюме также назвал восемьдесят восьмой этаж. Джоди промолчала.

Лифт останавливался чуть ли не на каждом этаже, из него выходили люди. Когда они прибыли на восемьдесят восьмой этаж, было ровно два часа. Джоди вышла из лифта. Мужчина в плохо сидящем костюме последовал за ней. Они оказались в пустом коридоре. Одинаковые закрытые двери вели в различные офисы. Джоди пошла в одну сторону, мужчина в другую, оба внимательно смотрели на таблички над дверями. Они вновь встретились перед дверью с табличкой «Трастовый фонд на Каймановых островах». В центре двери имелось небольшое застекленное окошко. Джоди заглянула внутрь, а мужчина открыл дверь.

— Кажется, мы пришли на одну и ту же встречу? — с удивлением спросила Джоди.

Она вошла вслед за ним, и они оказались в приемной, отделанной дубом и бронзой. Пахло как в любом другом офисе. В воздухе чувствовался характерный резкий запах копировальной техники и подогретого кофе. Мужчина в черном костюме повернулся к ней и кивнул.

— Похоже на то, — сказал он.

Джоди на ходу протянула руку.

— Меня зовут Джоди Джейкоб. «Спенсер и Гутман». Представляю кредитора.

Мужчина повернулся к ней и взял свой пластиковый портфель в левую руку, чтобы ответить на ее приветствие.

— Я Дэвид Форстер, — сказал он. — «Форстер и Абельштейн».

К этому моменту они приблизились к конторке. Джоди резко остановилась и уставилась на мужчину.

— Вы не Дэвид Форстер, — решительно сказала она. — Я хорошо знаю Дэвида.

Мужчина неожиданно напрягся. В приемной стало тихо. Джоди повернулась в другую сторону и увидела человека, который цеплялся за ручку ее автомобиля, когда Ричер уходил от столкновения на Бродвее. Он спокойно сидел за конторкой и смотрел прямо на нее. Его левая рука слегка переместилась и коснулась кнопки. В тишине Джоди отчетливо услышала, как щелкнула входная дверь. В следующее мгновение начала перемещаться его правая рука. Она опустилась под конторку и тут же появилась снова, но на этот раз с оружием, ствол которого был около фута в длину и показался Джоди ужасно толстым. Мужчина в черном костюме уронил портфель и поднял обе руки вверх. Джоди посмотрела на оружие и подумала: «Но это же дробовик!»

Между тем сидевший за конторкой человек левой рукой нажал на другую кнопку. Внутренняя дверь офиса открылась. В дверном проеме стоял мужчина, чей «сабурбан» врезался в них на Бродвее. Он тоже держал в руке пистолет. Джоди узнала оружие по фильмам, которые ей доводилось видеть. Это был автоматический пистолет. В кино он стрелял очень громко и отбрасывал жертву футов на шесть назад. Водитель «сабурбана» держал дуло так, что оно было направлено чуть влево от Джоди, а его напарник — чуть вправо, но она понимала, что им ничего не стоит переместить оружие в нужную сторону.

Парень с дробовиком обошел конторку, оказался за спиной мужчины в черном костюме и ткнул дулом дробовика ему в спину. Раздался глухой звук удара металла о металл, слегка приглушенный тканью. Парень с дробовиком засунул руку под пиджак мнимого адвоката, вытащил

большой хромированный револьвер и поднял его перед собой, словно музейный экспонат.

— Необычный атрибут для адвоката, — сказал мужчина, стоявший в дверном проеме.

— Он вовсе не адвокат, — вмешался его партнер. — Женщина сказала, что она хорошо знает Дэвида Форстера и это не он.

Человек в дверях кивнул.

— Меня зовут Тони, — представился он. — Пожалуйста, заходите в офис.

Он отошел в сторону, продолжая держать Джоди на мушке, а его партнер подтолкнул человека, назвавшегося Форстером, в освободившийся проход. Затем Тони поманил ее к себе, и Джоди обнаружила, что идет к нему. Он шагнул к ней и подтолкнул к двери, положив левую руку ей на спину. Она споткнулась, но сумела восстановить равновесие. Они оказались в просторном офисе. Жалюзи на окнах были опущены, поэтому в офисе царил полумрак. Рядом с письменным столом стояли три одинаковых дивана. Огромный кофейный стол из бронзы и стекла заполнял пространство между диванами. На левом диване сидели мужчина и женщина. Мужчина был одет в безукоризненный пиджак и галстук. На женщине было мятое вечернее платье. Лицо мужчины ничего не выражало. Женщина с ужасом смотрела на вновь прибывших.

За письменным столом в кожаном кресле сидел мужчина. Он оставался в тени. Ему было около пятидесяти пяти лет. Джоди не могла отвести от него взгляда. Его лицо было разделено на две части, словно карта западных штатов. Справа была морщинистая кожа и седые волосы. Левая часть лица, покрытая сетью розовых рубцов, блестела, точно незаконченная пластиковая модель головы монстра. Шрамы доходили до левого глаза, веко представляло собой полусферу омертвевших тканей, похожих на изуродованный большой палец.

Он был одет в аккуратный костюм, под которым угадывались широкие плечи и грудь. Левая рука покоилась на столе. Даже в полумраке Джоди видела рукав безупречно белой рубашки, ухоженные пальцы отбивали неуловимый ритм на поверхности стола. Правая рука лежала симметрично левой. Все та же легкая шерстяная ткань пиджака и белоснежный манжет рубашки, вот только руки там не было. На дереве покоился простой полированный крюк, изогнутый и начищенный, словно миниатюрная копия парковой скульптуры.

— Хоби, — сказала она.

Он слегка наклонил голову и приветственно приподнял крюк.

— Рад с вами познакомиться, миссис Джейкоб. Сожалею, что наша встреча так долго откладывалась.

И улыбнулся.

— Жаль, что наше знакомство будет совсем коротким, — добавил он.

Он перевел взгляд на Тони, который подвел к столу мнимого Форстера. Они стояли рядом, плечом к плечу, и ждали.

— Где твой друг Джек Ричер? — спросил Хоби.

— Я не знаю, — ответила Джоди.

Хоби пристально посмотрел на нее.

— Ладно, мы вернемся к Джеку Ричеру позже. А теперь присаживайтесь.

Он указал крюком на диван, расположенный напротив молчаливой пары. Словно в тумане Джоди сделала несколько шагов и села.

— Это мистер и миссис Стоун, — представил их Хоби. — Честер и Мэрилин, если без формальностей. Честер владеет корпорацией «Стоун оптикал». Он должен мне более семнадцати миллионов долларов и намерен расплатиться акциями.

Джоди посмотрела на сидящую напротив пару и увидела панику в их глазах. Словно все пошло не так, как они рассчитывали.

— Положите руки на стол, — сказал Хоби. — Все трое. Наклонитесь вперед и разведите пальцы в стороны. Я хочу видеть шесть маленьких морских звезд.

Джоди наклонилась вперед и положила ладони на низенький столик. Сидевшая напротив пара автоматически повторила ее движения.

— Наклонитесь вперед еще сильнее, — приказал Хоби.

Все трое переместили руки к центру стола, сильно наклонившись вперед. Они перенесли вес тела на руки, и теперь им было сложно сделать резкое движение. Хоби вышел из-за письменного стола и остановился напротив мужчины в плохо сидящем костюме.

— Очевидно, ты не Дэвид Форстер, — сказал Хоби. Тот ничего не ответил.

— Мне бы следовало сразу догадаться, — продолжал Хоби. — В таком костюме? Глупая шутка. Так кто же ты?

И вновь мужчина ничего не ответил. Джоди наблюдала за ним, слегка повернув голову. Тони поднял пистолет и направил его в голову мнимого Форстера. Он держал пистолет двумя руками, и в тишине

отчетливо прозвучал щелчок взводимого курка. Джоди заметила, как побелел лежащий на курке палец.

— Карри, — быстро ответил мужчина в черном костюме. — Уильям Карри. Я частный детектив, работаю на Форстера.

Хоби задумчиво пожевал губами.

— Хорошо, мистер Карри.

Он обошел диван, на котором сидели Стоуны, и остановился за спиной женщины.

— Меня ввели в заблуждение, Мэрилин, — сказал Хоби.

Он оперся левой рукой о спинку дивана, наклонился вперед и зацепил крюком ворот ее платья. Хоби потянул крюк вверх, заставляя женщину выпрямиться. Ее ладони заскользили по стеклу, оставляя влажные следы. Как только ее спина коснулась дивана, он переместил крюк так, что его кончик оказался под ее подбородком, слегка изменив положение головы, как это делает парикмахер во время стрижки. Хоби поднял крюк и провел его кончиком по волосам Мэрилин, от лба к затылку. У нее были густые волосы, и крюк медленно проходил сквозь них, сначала назад, а потом вперед. Охваченная ужасом женщина закрыла глаза.

— Ты меня обманула, — продолжал Хоби. — Я не люблю, когда меня обманывают. Я не ожидал этого от тебя, ведь я тебя защитил и не продал вместе с машинами. Возможно, еще не поздно. У меня были на тебя другие планы, но, боюсь, миссис Джейкоб заняла твое место в моем сердце. Никто не говорил мне, что она так красива.

Крюк перестал двигаться, и по лбу Мэрилин потекла тонкая струйка крови. Затем Хоби перевел взгляд на Джоди. Его здоровый глаз смотрел на нее не мигая.

— Да, — заговорил Хоби, обращаясь к ней, — похоже, ты прощальный дар, который преподносит мне Нью-Йорк.

Он сильно надавил крюком на затылок Мэрилин, так что ей пришлось снова наклониться вперед и положить руки на стол. Затем он резко повернулся.

— Ты вооружен, мистер Карри?

Карри пожал плечами.

— Я был вооружен. И вы это знаете. У меня забрали оружие.

Парень с дробовиком показал блестящий револьвер. Хоби кивнул.

— Тони?

Тони принялся ощупывать Карри, начиная с плеч и подмышек. Карри посмотрел по сторонам, и парень с дробовиком сделал шаг вперед и ткнул его в бок стволом.

— Стой спокойно, — сказал парень.

Тони наклонился вперед, провел ладонями по поясу и между ног Карри. Потом его ладони скользнули вниз, и Карри отчаянно рванулся в сторону, пытаясь отвести дуло дробовика, но тип с дробовиком лишь пошире расставил ноги и легко его остановил. Он довольно сильно ударил дулом в живот детектива. Карри охнул и согнулся, после чего получил удар прикладом по голове. Карри упал на колени, и Тони ногой опрокинул его на пол.

— Задница, — презрительно ощерился Тони.

Парень с дробовиком надавил дулом на живот Карри. Тони присел на корточки и провел руками по штанинам и щиколоткам детектива. Через мгновение в его руках оказались два одинаковых револьвера. Он засунул указательный палец под спусковые крючки и несколько раз крутанул револьверы вокруг своей оси. Они были маленькими, из нержавеющей стали, и больше походили на блестящие игрушки. У них были короткие дула. Точнее, дула практически отсутствовали.

— Встань, мистер Карри, — приказал Хоби.

Карри перекатился на четвереньки. Он еще не пришел в себя после сильного удара по голове. Джоди видела, как он моргает, пытаясь сфокусировать взгляд, и трясет головой. Потом Карри ухватился за край дивана и поднялся на ноги. Хоби сделал к нему шаг и повернулся к Карри спиной. Теперь он смотрел на Джоди, Честера и Мэрилин, словно они были зрителями. Он развернул левую ладонь и принялся постукивать по ней плоской частью крюка. Каждый следующий удар был немного сильнее предыдущего.

— Возникает простой вопрос механики, — заговорил Хоби. — Удар по крюку передается в культю. Начинается распространение ударных волн. Они поглощаются остатками руки. Конечно, кожа протеза сделана специалистом, так что неприятные ощущения минимизированы. Но законы физики преодолеть невозможно, верно? Вот в чем состоит главный вопрос: кто первым почувствует боль — он или я?

Он резко развернулся и ударил Карри в лицо тупой стороной крюка. Удар получился довольно сильным, Карри отбросило назад, и он застонал.

— Я спросил тебя, вооружен ли ты, — спокойно продолжал Хоби. — Тебе следовало сказать правду. Тебе следовало сказать: «Да, мистер Хоби, у меня по револьверу на каждой щиколотке». Но ты поступил иначе. Ты

попытался меня обмануть, а ведь я уже говорил Мэрилин, что не люблю, когда меня обманывают.

Затем последовал неожиданный удар в корпус. Неожиданный и сильный.

— Прекратите! — закричала Джоди и выпрямилась. — Зачем вы это делаете? Что, черт побери, с вами произошло?

Карри согнулся, тяжело дыша. Хоби повернулся к Джоди.

— А что со мной произошло? — спросил он.

— Вы были достойным человеком. Мы все о вас знаем.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Нет, не знаете, — возразил он.

Со стороны входной двери зазвенел звонок. Тони бросил взгляд на Хоби и засунул пистолет в карман. Он подошел к Хоби и вложил один из маленьких револьверов Карри в левую руку Хоби. Наклонившись к нему, он спрятал второй револьвер ему в карман. Жест показался Джоди удивительно интимным. Потом Тони быстро вышел в приемную. Парень с дробовиком отступил назад, чтобы держать на прицеле всех четверых пленников. Хоби вернулся к столу, чтобы не оказаться на линии огня.

— Всем вести себя очень тихо, — прошептал он.

Они услышали, как открылась дверь приемной. Тони обменялся с кем-то несколькими фразами, и дверь захлопнулась. Через секунду Тони вернулся с пакетом под мышкой и с улыбкой на губах.

— Приходил посыльный из банка Стоуна. Он принес триста акций.

Тони показал пакет.

— Вытащи, — велел Хоби.

Тони разорвал конверт. Джоди увидела знакомый шрифт банковских сертификатов. Тони быстро просмотрел их и кивнул. Хоби уселся в кресло и положил маленький револьвер на стол.

— Садись, мистер Карри. Садись рядом со своей коллегой, — насмешливо сказал Хоби.

Карри тяжело опустился на диван рядом с Джоди, положил руки на стеклянный стол и наклонился вперед, как и остальные. Хоби сделал крюком объединяющий жест.

— Посмотри внимательно, Честер, — сказал Хоби. — Мистер Карри, миссис Джейкоб и твоя дорогая женушка Мэрилин. Все они хорошие

люди, я уверен. Три жизни, полные жалких тревог и свершений. Три жизни, Честер, и теперь они в твоих руках.

Стоун поднял голову и оглядел сидевших за столом людей. Затем он перевел взгляд на Хоби.

— Сейчас ты отправишься за оставшимися акциями, — продолжал Хоби. — Тони будет тебя сопровождать. Туда и сразу же обратно, никаких фокусов — и тогда три человека будут жить. В противном случае они умрут. Ты меня понимаешь?

Стоун молча кивнул.

— Выбери число, Честер, — сказал ему Хоби.

— Один, — отозвался Стоун.

— Назови еще два числа, Честер.

— Два и три.

— Ладно, Мэрилин получит тройку, если ты решишь стать героем, — заявил Хоби.

— Я принесу акции, — сказал Стоун.

— Полагаю, так и будет, но прежде ты должен поставить передаточную подпись.

Он выдвинул ящик стола и положил туда блестящий револьвер. Потом вытащил лист бумаги и поманил к себе Стоуна. Честер неуверенно выпрямился, подошел к столу и поставил свою подпись, вытащив из кармана ручку «Монблан».

— Миссис Джейкоб может быть свидетелем. Не стоит забывать, что она член Нью-Йоркской ассоциации адвокатов.

Джоди несколько мгновений не двигалась. Она посмотрела налево, на парня с дробовиком, затем на Тони, наконец перевела взгляд на сидящего за письменным столом Хоби. Встала, подошла к столу и повернула к себе документ. Взяв ручку из вялых пальцев Стоуна, она поставила свою подпись и дату на следующей строке.

— Благодарю, а теперь сядь на место и не двигайся.

Она вернулась на свое место и вновь наклонилась вперед. У нее начали болеть плечи и руки. Тони взял Стоуна за локоть и повел к двери.

— Пять минут туда, пять минут обратно. И не пытайся быть героем, Честер, — напутствовал их Хоби.

Тони вывел Стоуна из офиса и аккуратно закрыл за собой дверь. Послышался звук захлопывающейся двери приемной и гудение лифта. Наступила тишина. Джоди было больно. Влажные пальцы скользили по стеклу. Плечи жгло. Начала ныть шея. Она видела, что остальные также страдают. Вскоре послышались тихие стоны.

Хоби жестом предложил парню с дробовиком поменяться с ним местами. Тот уселся за письменный стол и оперся локтями о столешницу. Он держал их всех под прицелом, медленно поводя дулом из стороны в сторону. Хоби принялся расхаживать по офису, нервно поглядывая на часы и считая минуты. Джоди видела, как солнце перемещается на юго-запад, его косые лучи пробивались сквозь закрытые жалюзи, слегка разгоняя сумрак в офисе. Она слышала хриплое дыхание других пленников и ладонями ощущала, как подрагивает здание.

Пять минут туда и пять минут обратно сложились в десять, потом прошло двадцать минут. Хоби продолжал расхаживать по офису, то и дело бросая взгляд на наручные часы. Потом он вышел в приемную, а парень с дробовиком встал у двери. Дуло дробовика было по-прежнему наведено на пленников, но голову он повернул, чтобы видеть босса.

— Он нас отпустит? — прошептал Карри.

Джоди пожала плечами и попыталась немного расслабиться, чтобы облегчить боль.

— Я не знаю, — прошептала она в ответ.

Мэрилин, которая сидела, опустив голову на руки, подняла глаза и покачала головой.

— Он убил двух полицейских, — прошептала она. — Мы были свидетелями.

— Кончайте разговоры! — прикрикнул на них парень с дробовиком.

Они снова услышали гудение лифта, потом он остановился на их этаже. Вскоре дверь приемной распахнулась и послышался какой-то шум. Джоди различила голос Тони, потом громкий удовлетворенный ответ Хоби. А еще через несколько мгновений Хоби вернулся в офис, держа в левой руке белый пакет и улыбаясь подвижной частью лица. Прижав к туловищу пакет правой рукой, он разорвал конверт, и Джоди увидела красивые надписи на толстом пергаменте. Хоби обошел письменный стол и вывалил новые акции рядом со старыми. Стоун следовал за Тони, он не сводил взгляда с груды акций — результата труда всей жизни его предков, — небрежно сваленной на письменном столе. Мэрилин подняла голову и медленно выпрямилась. Силы покидали ее, она больше не могла сидеть в такой позе.

— Ладно, вы получили все, что хотели, — тихо сказала она. — А теперь отпустите нас.

Хоби улыбнулся.

— Мэрилин, ты что, слабоумная? — спросил он.

Тони рассмеялся. Джоди перевела взгляд с него на Хоби. Она поняла, что какой-то долгий процесс подходит к концу. Они уже почти достигли поставленной цели. Смех Тони позволял ему расслабиться после нескольких очень напряженных дней.

— Ричер, — негромко сказала она, словно делая ход в шахматной партии.

Улыбка исчезла с лица Хоби. Он прикоснулся крюком ко лбу и потер кончиком один из рубцов.

— Ричер. Да, последний кусочек головоломки. Нам не следует забывать о Ричере, не так ли? И где же он?

— Я точно не знаю, — после некоторых колебаний ответила Джоди. Потом дерзко вздернула подбородок. — Однако он в городе. Ричер вас найдет.

Хоби встретил ее взгляд. На его лице появилось презрение.

— Ты думаешь, что угрожаешь нам? — ухмыльнулся он. — На самом деле я хочу, чтобы он меня нашел, поскольку у него есть нечто жизненно важное для меня. Так что помоги мне, миссис Джейкоб. Позвони ему и пригласи сюда.

Она немного помолчала.

— Я не знаю, где он сейчас.

— Позвони домой, — предложил Хоби. — Нам известно, что он остановился у тебя. Скорее всего, он именно там. Ведь ваш самолет приземлился в одиннадцать пятьдесят, верно?

Она уставилась на Хоби, и тот самодовольно ухмыльнулся.

— Мы проверяем подобные вещи. У меня есть мальчик, которого зовут Саймон. Полагаю, ты с ним встречалась. Он посадил вас на самолет, вылетевший в семь часов из Гонолулу. Потом мы позвонили в аэропорт, и нам сказали, что ваш самолет приземлился ровно в одиннадцать пятьдесят. Старина Джек Ричер был ужасно огорчен на Гавайях, так сказал Саймон. Полагаю, он и сейчас расстроен. К тому же он устал. Как и ты. Ты выглядишь измученной, миссис Джейкоб. Но твой друг Джек Ричер сейчас спит у тебя дома, пока ты получаешь удовольствие в

компании с нами. Так что позвони ему, чтобы он мог присоединиться к нам.

Джоди смотрела в стол и молчала.

— Позвони ему. Тогда ты сможешь еще раз увидеть его перед смертью.

Она продолжала смотреть на стекло стола. На нем остались следы ее ладоней. Ей хотелось позвонить Ричеру, хотелось его увидеть. Это ощущение возникало у нее миллион раз за пятнадцать долгих лет. Она хотела увидеть его еще раз. Его ленивую кривую усмешку, растрепанные волосы, длинные конечности, придававшие ему грацию борзой, хотя его торс был удивительно мощным. Его глаза, напоминающие голубой арктический лед. Его руки, сжимающиеся в кулаки размером с футбольный мяч. Она хотела еще раз увидеть его руки. Она хотела увидеть, как они смыкаются на горле Хоби.

Джоди оглядела офис. Солнечные лучи ползли по письменному столу. Честер Стоун сидел совершенно неподвижно. Мэрилин дрожала. Побледневший Карри тяжело дышал рядом с ней. А вот парень с дробовиком расслабился. Ричер мог бы сломать его пополам и даже не заметить этого. Тони смотрел ей в глаза, как и Хоби, который улыбался, поглаживая левой рукой крюк. Он ждал. Джоди взглянула на закрытую дверь и представила себе, как она с треском распахивается и появляется Джек Ричер. Она хотела увидеть, как это произойдет. Никогда в жизни она ничего не желала так сильно.

— Хорошо, я ему позвоню, — прошептала она.

Хоби кивнул.

— Скажи, что я буду здесь еще несколько часов. Но скажи, чтобы он поторопился, если хочет еще раз тебя увидеть. Потому что у нас с тобой будет маленькое свидание в ванной примерно через тридцать минут.

Она содрогнулась и встала, оттолкнувшись руками от стеклянной поверхности стола. Ноги плохо ее слушались, плечи дрожали. Хоби подошел к ней, взял за локоть и повел к двери. Потом они оказались у конторки.

— Другого телефона здесь нет, — сказал Хоби. — Я не люблю телефоны.

Он уселся в кресло, нажал девятку кончиком крюка и протянул ей трубку.

— Подойди ближе, чтобы я мог слышать, что он тебе говорит. Мэрилин однажды обманула меня при помощи телефона, и я не допущу, чтобы это повторилось.

Хоби заставил ее наклониться, так что их лица оказались рядом. От него пахло мылом. Он вытащил из кармана маленький револьвер, который засунул туда Тони. Дуло револьвера уткнулось в бок Джоди. Она взяла трубку так, чтобы та находилась между ними. Джоди осмотрела телефон. На нем было множество кнопок, причем одна из них для быстрого набора 911. После коротких колебаний Джоди набрала номер своего домашнего телефона. Он прогудел шесть раз. Шесть долгих гудков. И каждый раз Джоди мысленно просила: «Возьми трубку, возьми трубку». Но она услышала лишь собственный голос с автоответчика.

— Его нет, — беспомощно сказала она.

Хоби улыбнулся и сказал:

— Плохо.

Джоди стояла рядом с ним, охваченная ужасом. Но вдруг вспомнила:

— У него же мой мобильный телефон, я совсем забыла!

— Ладно, нажми девятку, чтобы выйти на линию.

Она нажала девятку и быстро набрала номер своего мобильного телефона. Четыре гудка. Четыре громкие ноты. И всякий раз она молилась: «Ответь, ответь, ответь, ответь...»

— Алло, — сказал он.

Она выдохнула:

— Привет, Джек.

— Привет, Джоди. Что новенького?

— Где ты?

Она поняла, что в ее голосе прозвучало нетерпение. Ричер ответил не сразу.

— Я в Сент-Луисе, Миссури. Только что прилетел. Мне нужно еще раз побывать в архиве.

Она еле слышно ахнула. В Сент-Луисе? Во рту у Джоди пересохло.

— Ты в порядке? — спросил Ричер.

Хоби наклонился вперед, его рот оказался рядом с ее ухом.

— Скажи ему, чтобы он немедленно возвращался в Нью-Йорк, — прошептал Хоби. — Как можно быстрее.

Она нервно кивнула, а Хоби еще сильнее прижал дуло пистолета к ее боку.

— Ты можешь вернуться? — спросила она. — Ты нужен мне здесь как можно быстрее.

— У меня заказан обратный билет на шесть часов. Я вернусь в восемь тридцать по времени Восточного побережья. Тебя устраивает?

Она чувствовала, как усмехается Хоби.

— А ты можешь приехать еще быстрее? Вылететь прямо сейчас?

Она услышала, как Ричер с кем-то разговаривает. Наверное, с майором Конрадом. Она вспомнила его офис: темное дерево, потертая кожа, жаркое миссурийское солнце в окне.

— Прямо сейчас? Ну да. Я могу вернуться часа через два — все зависит от расписания рейсов. Где ты находишься?

— Приезжай во Всемирный торговый центр, Южная башня, восемьдесят восьмой этаж, хорошо?

— Боюсь, что могу попасть в пробку. Однако через два с половиной часа я до тебя доберусь.

— Отлично, — ответила Джоди.

— Ты в порядке? — снова спросил он.

Хоби поднял пистолет так, чтобы она его видела.

— Со мной все отлично. Я тебя люблю, — сказала Джоди.

Хоби наклонился и ударил по рычагу телефона крюком. В трубке щелкнуло, и Джоди услышала длинный гудок. Она аккуратно положила трубку на место. Ее охватило оцепенение, она стояла, наклонившись над конторкой и опираясь на нее левой рукой, правая рука дрожала в дюйме над телефоном.

— Два с половиной часа, — с преувеличенным сочувствием сказал Хоби. — Создается впечатление, что кавалерия не успеет прийти на помощь, миссис Джейкоб.

Он рассмеялся и убрал револьвер в карман. Затем встал, схватил Джоди за левую руку и потащил в офис. Она споткнулась и вцепилась в конторку. Хоби ударил ее крюком. Удар пришелся в висок, и Джоди выпустила конторку. Колени у нее подогнулись, и она упала. Хоби поволок ее по полу. Она попыталась отбиваться ногами. Тогда Хоби развернул ее так, что она оказалась перед ним, и втолкнул в офис. Она осталась лежать на ковре, а он захлопнул дверь.

— Садись на диван, — приказал он.

Лучи солнца продвинулись еще дальше по поверхности письменного стола. Они уже добрались до кофейного стола в центре офиса, осветив тонкие пальцы Мэрилин Стоун. Джоди проползла на четвереньках к дивану и с трудом уселась рядом с Карри, положив руки на прежнее место. В виске пульсировала боль — в том месте, где металл крюка задел кость. Джоди чувствовала, что сильно растянула плечо. Парень с дробовиком наблюдал за ней. Тони не сводил с нее взгляда, держа в руке автоматический пистолет. Ричер оставался где-то далеко, как и большую часть всей ее жизни.

Хоби вернулся к столу и аккуратно сложил все акции. Получилась стопка высотой в четыре дюйма, которую он подровнял со всех сторон крюком. Тяжелые бумаги образовали аккуратный кирпич.

— Скоро прибудет курьер Единой посылочной службы, — радостно заявил он. — И тогда застройщики получат акции, а я — свои деньги. Так я вновь одержу победу. Осталось ждать около получаса, и все будет закончено — для меня и для вас.

Джоди поняла, что он обращается только к ней. Он выбрал ее в качестве доверенного лица. Карри и Стоуны смотрели на нее, а не на Хоби. Она отвела взгляд. Сквозь стекло стола она видела ковер на полу. На нем был такой же рисунок, как в офисе Девитта в Техасе, но здесь ковер был новее. Хоби оставил стопку акций на письменном столе, подошел к парню с дробовиком и забрал у него оружие.

— Иди сделай мне кофе, — велел он.

Парень кивнул, вышел в приемную и аккуратно закрыл за собой дверь. В офисе стало тихо. Тишину нарушало лишь тяжелое дыхание и гул высотного здания. Хоби держал дробовик в левой руке. Его дуло было направлено в пол. Он слегка покачивал дробовиком, Джоди видела, что он не сжимает рукоять. Она даже слышала, как трется металл о кожу его руки. Джоди заметила, как Карри осматривает офис. Он оценивал положение Тони. Тони отступил назад на ярд, чтобы не оказаться на линии огня дробовика. Его автоматический пистолет был поднят. Джоди чувствовала, как Карри расслабляет плечи, видела, как напрягаются его мышцы. Как он оценивает расстояние: до Тони — двенадцать футов, до Хоби — восемь. Джоди отметила, что лучи солнца падают параллельно краю стола. Она видела, как Карри начинает напрягать пальцы.

— Нет, — прошептала она.

Леон всегда упрощал жизнь при помощи правил. У него имелось правило для каждой ситуации. Когда она была ребенком, правила

доводили ее до бешенства. Его главное правило, которое распространялось на все — от ее курсовых работ в колледже до его выступлений в конгрессе, — звучало так: «Делай все один раз, и делай правильно». У Карри не было шансов довести дело до конца. Никаких шансов вообще. Его держали на прицеле с двух сторон. У него не осталось никакого выбора. Если он перевернет стол и прыгнет на Тони, то получит пулю в грудь, прежде чем преодолеет половину расстояния, а выстрел из дробовика прикончит не только Карри, но и обоих Стоунов. Ну а если он прыгнет на Хоби, Тони может и не выстрелить, опасаясь попасть в босса, но Хоби наверняка успеет нажать на курок. Выстрел в упор из дробовика разнесет Карри на куски, а Джоди находилась на линии огня. Еще одно правило Леона гласило: «Если у тебя нет шансов, никогда не делай вид, что они есть».

— Ждите, — выдохнула Джоди.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как Карри кивнул и опустил плечи. Они ждали. Джоди смотрела на ковер сквозь стекло и боролась с болью, минута за минутой. Плечо отчаянно ныло. Джоди попыталась переместить вес на костяшки пальцев. Она слышала тяжелое дыхание Мэрилин Стоун, сидящей напротив. Мэрилин явно сдалась. Она опустила голову и закрыла глаза. Солнечный луч вновь переместился, теперь он уже не был параллелен краю стола.

— Какого черта этот парень тянет? — пробормотал Хоби. — Сколько времени нужно, чтобы принести паршивую чашку кофе?

Тони посмотрел на него, но ничего не сказал. Он лишь продолжал держать всех на мушке, особенно внимательно наблюдая за Карри. Джоди повернула руки, чтобы вес пришелся на большие пальцы. Голова болела все сильнее. Хоби приподнял дробовик и положил его дуло на спинку дивана. Подняв крюк, он потер рубцы на лбу.

— Господи, чего он тянет? Иди помоги ему.

Джоди сообразила, что он обращается к ней.

— Я?

— А почему бы и нет? Пусть от тебя будет какая-то польза. Приготовить кофе вполне подходящая работа для женщины.

Она колебалась.

— Я не знаю, куда идти.

— Я тебе покажу.

Он смотрел на нее и ждал. Джоди кивнула. Мысль о том, что она сможет двигаться, вдруг показалась ей приятной. Она с трудом встала и

покачнулась. Ее охватила слабость, и она ударилась лодыжкой о ножку стола. Ей пришлось пересечь линию огня Тони. Вблизи его пистолет выглядел огромным и страшным. Тони держал Джоди на мушке, пока она шла к Хоби. Здесь солнечные лучи до нее не доставали. Хоби повел ее сквозь сумрак. Ему пришлось взять дробовик под мышку, чтобы открыть дверь.

«Сначала проверить входную дверь, потом телефон». Она повторяла эти слова, пока они шли через офис. Если она сумеет выскочить в коридор, то у нее может появиться шанс. Если же нет, то есть еще кнопка быстрого набора 911. Нужно сбросить трубку, нажать на кнопку, и даже если Джоди не сумеет ничего сказать, автоматика поможет полицейским определить адрес. «Дверь или телефон». Она повторяла эти слова, не зная, куда смотреть в первую очередь — на дверь или на телефон. Но когда они оказались в приемной, ее взгляд устремился совсем в другое место. Хоби замер, стоя перед ней, и Джоди пришлось сделать шаг вперед, чтобы встать рядом с ним. Они оба уставились на парня, который отправился за кофе.

Он был ниже ростом, чем Хоби и Тони, но шире в плечах. На нем был темный костюм. И он лежал на спине как раз напротив двери, ведущей в офис. Ноги были вытянуты, носки туфель разведены в стороны. Голова опиралась на стопку телефонных справочников, глаза были широко раскрыты. Они смотрели вперед, но ничего не видели. Левую руку он закинул назад ладонью вверх, в дикой пародии приветствия. Правая рука была вытянута вдоль тела, а отсеченная кисть лежала на ковре в шести дюймах от манжета рубашки. Она услышала, как Хоби захрипел, повернулась и увидела, что он уронил дробовик и схватился левой рукой за дверь. Рубцы на лице оставались розовыми, но остальная кожа смертельно побледнела.

Глава 17

Ричер получил свое имя Джек от отца, обычного янки из Нью-Гэмпшира, который испытывал невыразимый ужас перед любыми проявлениями фантазии. Однажды в конце октября, во вторник, на следующее утро после рождения сына, он вошел в родильное отделение, вручил жене маленький букетик цветов и сказал: «Мы назовем его Джеком». Он обошелся без второго имени. Джек Ричер, и больше ничего. Имя было уже вписано в свидетельство о рождении, поскольку по дороге он зашел в расположение роты и отправил телекс в Берлинское посольство. Еще один гражданин Соединенных Штатов, рожденный за океаном, получивший имя Джек Ричер.

Его мать не стала возражать. Она любила своего мужа за его аскетическую сдержанность, потому что была француженкой и в этом его качестве видела нечто европейское, благодаря чему он становился ей

ближе. В те послевоенные десятилетия она находила огромную разницу между Европой и Америкой. Богатство и изобилие резко контрастировали с бедностью и усталостью послевоенной Европы. Но ее собственный янки из Нью-Гэмпшира не нуждался ни в богатстве, ни в изобилии. Ему нравились обычные, самые простые вещи, что вполне ее устраивало, даже если это распространялось на имена ее детей.

Первого ребенка он назвал Джо. Не Джозеф, а просто Джо. Без второго имени. Конечно, она любила мальчика, но имя ей не нравилось. Оно было коротким и резким, а французский акцент мешал ей четко произносить первую букву. Получалось нечто похожее на «Ж». Словно мальчика звали Жо. Джек звучало гораздо лучше, а при ее акценте это имя превращалось в Жака — весьма распространенное во Франции имя. По-английски Жак — это Джеймс. Про себя она всегда называла своего второго сына Джеймсом.

Но странное дело: никто и никогда не называл его по имени. Никто не знал, почему так получилось, но Джо всегда называли Джо, а Джека — Ричером. Она и сама так поступала. И не понимала почему. Она высовывала в окошко голову и кричала:

— Джо! Иди ужинать! И приведи с собой Ричера!

И оба ее милых сына прибегали домой.

То же самое произошло в школе. Это стало одним из самых ранних воспоминаний Ричера. Он был спокойным серьезным мальчиком и никак не мог понять, почему брата называли по имени, а к нему обращались по фамилии. Во время бейсбольных матчей команды выбирал мальчик, у которого была бита. Он поворачивался к братьям и говорил: «Я беру Джо и Ричера». И все остальные дети поступали так же. И учителя. Его называли Ричером даже в детском саду. Каким-то образом имя Ричер увязалось за ним и дальше. Как сын военного, он сменил дюжину школ. И всякий раз новый учитель — иногда это случалось на другом континенте — кричал: «Иди сюда, Ричер!»

Однако он быстро к этому привык и продолжал жить, отзываясь на это имя. Он Ричер, всегда им был и всегда будет. Когда первая девушка, с которой он пошел на свидание, смущенно спросила: «Как тебя зовут?», он без колебаний ответил: «Ричер». И все женщины называли его именно так. «Ммм, Ричер, я тебя люблю», — шептали они ему в ухо. Все. Даже Джоди. Он появился во дворе дома Леона, она посмотрела на него и сказала: «Привет, Ричер». После пятнадцати долгих лет разлуки она точно знала, как его следует называть.

Однако она не назвала его Ричером, когда позвонила по мобильному телефону. Он нажал на кнопку и сказал: «Алло», а она ответила: «Привет, Джек». И это прозвучало как вой сирены. А потом она

спросила: «Где ты?» — и он услышал в ее голосе такое напряжение, что запаниковал и не сразу сообразил, что она имеет в виду. Его имя стало просто подарком судьбы. «Привет, Джек» означало «Hijack» [19]. Уже через секунду Ричер понял: у нее неприятности. Большие неприятности, однако Джоди оставалась дочерью Леона, способной рассуждать в любых ситуациях, что позволило ей предупредить его двумя короткими словами в самом начале своего отчаянного телефонного звонка.

Hijack. Тревога. Предупреждение о начале военных действий. Он моргнул один раз, подавил страх и принялся за работу. Первым делом он солгал. Во время военных действий все решает время и пространство. Расположение сил. Нечто вроде диаграммы в четырех измерениях. Первый шаг состоит в дезинформации врага. Пусть он считает, что твоя диаграмма имеет совсем другую форму. Ты предполагаешь, что все средства связи перехвачены врагом, и снабжаешь его ложными сведениями. И получаешь преимущество.

Он не был в Сент-Луисе. Ему не требовалось туда лететь. Ведь на свете существуют телефоны, а он уже имел рабочие отношения с Конрадом. Ричер позвонил с Гринвич-авеню и рассказал все, что ему было необходимо знать, и Конрад перезвонил ему через три минуты, поскольку нужное досье начиналось с буквы «А» и находилось ближе всего к столу солдата, который носил досье. Пешеходы потоком текли мимо него, пока Ричер слушал, как Конрад читает ему досье вслух. Через двенадцать минут Ричер повесил трубку, зная все, что ему могло потребоваться.

Он поехал на «линкольне» по Седьмой авеню и оставил его в квартале от башен-близнецов. Он перешел площадь и уже входил в Южную башню, когда позвонила Джоди. Ричер находился в том же здании, только на первом этаже. Он разговаривал с охранником — именно его голос услышала Джоди по телефону. Ричер сильно побледнел, когда убрал телефон в карман и сел в скоростной лифт. Палец сам нажал кнопку восемьдесят девятого этажа. Ричер вышел из лифта и немного постоял, стараясь успокоить дыхание. Нужен план. Ричер решил, что восемьдесят девятый этаж спланирован так же, как восемьдесят восьмой. Здесь было пусто и тихо. Вдоль узких коридоров шли двери со стеклянными глазками в центре. Над каждой имелась табличка с надписью и звонок.

Он спустился по пожарной лестнице на один этаж. Лестница оказалась самой простой. Никаких украшений, только пыльные ступени и металлические перила. На каждом этаже висел огнетушитель. Над ним имелся красный застекленный щит с красным топором. Напротив гигантскими красными цифрами значился номер этажа.

Ричер вышел в коридор восемьдесят восьмого этажа. Здесь также царила тишина. Такое же освещение и такие же двери. Он свернул не

туда, и ему пришлось вернуться. Ричер остановился возле двери с надписью «КТФ». Над ней помещалась бронзовая табличка и звонок. Он осторожно потянул ручку двери. Заперто. Ричер наклонился, заглянул в стеклянное окошечко и увидел приемную. Яркий свет. Стены обшиты бронзой и дубом. Справа конторка. И прямо впереди еще одна дверь.

Дверь закрыта, в приемной никого нет. Ричер стоял и смотрел, чувствуя, как его захлестывает паника.

Она здесь. Во внутреннем офисе. Ричер чувствовал это. Она здесь, одна, ее захватили, Джоди в нем нуждается. Она осталась одна, в то время как ему следовало быть рядом с ней. Он должен был пойти с ней. Ричер прижался лбом к холодному стеклу и снова посмотрел внутрь. Потом в его голове зазвучал голос Леона, произносивший очередное золотое правило: «Не следует думать о том, почему все пошло не так. Просто постарайся все исправить».

Он отступил назад и огляделся. Подошел к ближайшему светильнику. Поднял руку и вывинтил лампочку. Горячее стекло обожгло пальцы. Он поморщился и вернулся к двери, остановившись в ярде от окошка. Приемная была по-прежнему ярко освещена, но в коридоре стало темно. Теперь он знал, что происходило внутри, а вот коридор окутывал мрак. Из темноты можно смотреть на свет, но со света ты ничего не увидишь в темноте. Разница может оказаться критической. Ричер стоял и ждал.

Внутренняя дверь открылась, и коренастый мужчина в темном костюме вышел в приемную. Тот самый парень, которого он спустил с лестницы в баре. Тот самый, что стрелял из «беретты» в Гаррисоне, что цеплялся за дверную ручку «бравады». Он прошел через приемную и исчез из виду. Ричер вновь шагнул к двери и принялся изучать сквозь стекло дверь, ведущую в офис. Она оставалась закрытой. Ричер осторожно постучал во внешнюю дверь. Парень вернулся и выглянул в окошко. Ричер повернулся так, чтобы плечо его коричневого пиджака появилось в поле зрения парня.

— Единая посылочная служба, — негромко произнес он.

Он находился в офисном здании, было темно, и коричневый костюм сделал свое дело. Парень открыл дверь. Ричер одним плавным движением обошел дверь и ударил парня правой рукой в горло. Если сделать это достаточно быстро и сильно, то голосовые связки на время теряют способность издавать звуки. Следующим движением Ричер подхватил парня, чтобы не дать ему упасть. Ричеру пришлось выволочь его в коридор, протащить до самой пожарной лестницы и бросить спиной на ступеньки. Парень перевернулся и сполз на пол с тихим хрипом.

— Пришло время выбирать, — прошептал Ричер. — Ты мне поможешь или умрешь.

Когда предлагается такой выбор, то остается только один разумный путь, но парень поступил иначе. Он поднялся на колени, словно собирался драться. Ричер ударил его по голове, чтобы парень понял, что он не шутит, отступил на шаг и сказал:

— Помоги мне, иначе я тебя убью.

Парень потряс головой, надеясь, что у него прояснится перед глазами, и бросился вперед. Ричер услышал, как голос Леона говорит: «Спроси раз, спроси еще раз, если в этом есть необходимость, но, ради бога, никогда не спрашивай в третий раз». Он ударил упрямца ногой в грудь, развернул его к себе спиной, положил локоть ему на плечи, а ладонь на подбородок, и коротким движением сломал шею.

С одним было покончено, но противник не сообщил ему ничего полезного, а во время сражения информация решает все. Интуиция подсказывала Ричеру, что враг располагает небольшими силами: два, три или пять — маленькая группа, но для него имело огромное значение, сколько врагов он встретит, когда войдет в офис. Два врага, три или пять? Он остановился и посмотрел на красный пожарный топор, висящий на стене. Что ж, если тебе не хватает информации, отвлекающий маневр может оказаться очень кстати. Нужно заставить противника тревожиться, нужно его смутить.

Ричер постарался сделать все как можно тише, еще раз убедился, что в коридоре никого нет, и притащил тело обратно. Он бесшумно распахнул дверь и уложил парня посреди приемной. Затем закрыл за собой дверь и спрятался за конторкой. Она была довольно высокой, а ее ширина составляла более десяти футов. Ричер лег за ней на пол, вытащил из кармана пиджака «штайр» с надетым глушителем и стал ждать.

Ожидание показалось ему довольно долгим. Ричер прижимался к тонкому офисному ковру, чувствуя под ним бетон и вибрацию огромного здания. Он также ощущал легкое гудение лифтов, которые останавливались и снова пускались в путь. Ощущал, как натягиваются канаты, на которых они висят, слышал шипение кондиционеров и шум ветра снаружи. Он нашел упор для ног и приготовился к резкому прыжку.

Ричер уловил приближающиеся шаги за секунду до того, как щелкнул замок. Он знал, что дверь в офис распахнулась, поскольку изменилась акустика. Приемная теперь соединялась с другим помещением. Он услышал шаги двух человек по ковру, потом они остановились, как Ричер и рассчитывал. Он ждал. Если человек сталкивается с неожиданным зрелищем, требуется три секунды, чтобы оно произвело

на него максимальное впечатление. Во всяком случае, так подсказывал Ричеру опыт. Они посмотрели, увидели, мозг отказался принять новую информацию, взгляд метнулся в сторону, наконец появилось понимание. Три полных секунды от начала до конца. Он беззвучно сосчитал: «Один, два, три» — и оттолкнулся от конторки. Первым переместился вперед «штайр» с глушителем. Потом появились руки, плечи и глаза.

Он сразу понял, что все пошло не так, как он планировал. Человек с крюком и обожженным лицом задыхался, он выпустил оружие и цеплялся за дверной проем, но между ним и Ричером стояла Джоди. Человек с крюком оказался справа от нее, а конторка находилась слева. Джоди стояла на фут ближе к Ричеру, чем враг. Она была намного ниже, но Ричер находился на полу, и тело Джоди полностью закрывало человека с крюком, не давая сделать точный выстрел.

Человек с крюком захрипел. Джоди продолжала смотреть на пол. Затем в дверном проеме появился тот самый тип, который сидел за рулем «сабурбана». Он стоял за плечом Джоди и смотрел. В правой руке у него была «беретта». Он смотрел вперед и на пол, затем обошел Джоди и попытался протиснуться мимо нее. И сделал еще один шаг. Теперь он превратился в открытую цель.

Ричер нажал на курок, четырнадцать фунтов давления на спусковой крючок, и глушитель громко щелкнул. Лицо парня с «береттой» разлетелось на куски. Девятимиллиметровая пуля вошла в самый центр лба. Кровь и осколки костей ударили в потолок и в стену у него за спиной. Джоди застыла на месте, продолжая загораживать человека с крюком. А тот оказался очень быстрым. Невероятно быстрым для инвалида пятидесяти с лишним лет. Одним движением он поднял с пола упавший дробовик, а правой рукой обхватил Джоди за талию. Блестящий крюк сверкнул на фоне ее темного костюма. Он притянул Джоди к себе, прежде чем парень с пулей во лбу упал. Человек с крюком умудрился приподнять Джоди и затащить ее обратно в офис. Эхо от выстрела еще продолжало звучать.

— Сколько их? — закричал Ричер.

Джоди показала, что была истинной дочерью Леона.

— Два лежат, остался один! — крикнула она в ответ.

Значит, остался только человек с крюком, но он уже поднимал дробовик. Его дуло описало дугу, и человек с крюком нажал на курок. Выстрел застал Ричера врасплох. Он все еще находился в полуприседе за конторкой. У его врага был лишь один шанс, и он им воспользовался. Когда раздался выстрел, дуло было направлено вниз. Конторка разлетелась на тысячу кусков. Ричер нырнул вниз, но острые осколки

дерева и металла ударили ему в лицо, словно молот, от щеки до лба. Он ощутил удар и острую боль, которая подсказывала, что он получил серьезное ранение. Ему казалось, что он выпал из окна и ударился о землю лицом. Оглушенный Ричер перекатился в сторону, а человек с крюком уже затаскивал Джоди в офис, пытаясь еще раз поднять дробовик для нового выстрела. Ричер беспомощно застыл у дальней стены, дуло дробовика продолжало подниматься. Он ощущал, как немеет и леденеет лоб. Ричер испытывал ужасную боль. Он поднял «штайр». Глушитель показывал на Джоди. Ричер отклонил его сначала вправо, потом влево. И все равно на прицеле была Джоди. Враг умудрился спрятаться за ней. А его левая рука продолжала наводить дуло дробовика на Ричера. Палец уже готовился нажать на курок. Ричер застыл у стены. Он смотрел на Джоди, запоминая перед смертью ее лицо. Внезапно за спиной Джоди возникла светловолосая женщина и врезалась плечом в спину человека с крюком. Тот потерял равновесие, развернулся и ударил женщину дулом дробовика. Ричер успел заметить, как мелькнуло розовое платье падающей женщины.

Дуло дробовика снова стало разворачиваться в его сторону. Однако Джоди отчаянно сопротивлялась, стараясь вырваться из объятий человека с крюком. Она лягалась изо всех сил. От такого напора враг пошатнулся и отступил на пару шагов назад, зацепившись за ноги лежащего на полу водителя «сабурбана». Он упал вместе с Джоди, и дробовик выстрелил в труп. Оглушительный звук сопровождался разлетевшимися во все стороны ошметками плоти, приемную заволокло дымом. Человек с крюком поднялся на колени. Ричер пытался поймать его на мушку «штайра», но тот выронил дробовик и вытащил из кармана блестящий револьвер с коротким дулом. И взвел курок. Щелчок получился громким. Джоди отчаянно вырывалась, и Ричер вновь не мог сделать прицельный выстрел. Кровь заливала ему левый глаз. Лоб ломило от боли. Он закрыл бесполезный глаз и прищурил правый. Блестящий револьвер поднялся и уткнулся в бок Джоди. Она охнула и перестала вырываться, и из-за ее головы появилось ухмыляющееся лицо врага.

— Бросай пистолет, придурок, — задыхаясь, сказал он.

Ричер продолжал держать врага на мушке. Левый глаз он больше не открывал, в голове пульсировала боль, глушитель был направлен прямо в ненавистное лицо.

— Я ее пристрелю, — прорычал враг.

— Тогда я пристрелю тебя, — сказал Ричер. — Если умрет она, умрешь и ты.

Несколько мгновений враг молча смотрел на Ричера, а потом кивнул.

— Тупик, — сказал он.

Ричер кивнул в ответ. Похоже, так оно и есть. Он тряхнул головой, надеясь, что ему станет полегче, но боль только усилилась. Патовая ситуация. Даже если он выстрелит первым, враг может успеть нажать на курок. Нельзя исключать, что перед смертью его палец конвульсивно дернется. Так Ричер рисковать не мог. Не опуская «штайр», он поднялся на ноги, вытащил из-за пояса брюк подол рубашки и стер кровь с лица, продолжая держать врага на мушке. Тот вздохнул и тоже встал, потянув за собой Джоди. Она пыталась оттолкнуть револьвер, но враг крепко прижимал ее к себе правой рукой. Затем он развернул локоть правой руки так, чтобы крюк острым концом упирался в ее талию.

— Значит, нам нужно заключить сделку, — сказал человек с крюком.

Ричер стоял и молча вытирал залитый кровью левый глаз. В голове звенело от боли. Он начинал понимать, что у него серьезные неприятности.

— Нам нужно заключить сделку, — повторил враг.

— Никаких сделок, — ответил Ричер.

Враг слегка повернул крюк и еще сильнее вдавил дуло револьвера в бок Джоди. Джоди застонала. Ричер узнал «смит-вессон», модель 60. Двухдюймовое дуло, нержавеющая сталь, тридцать восьмой калибр, пять пуль в барабане. Такое оружие женщины носят в сумочке, а мужчины прячут на теле. У револьвера было такое короткое дуло, а враг так сильно вдавливал его, что костяшки его пальцев касались тела Джоди. Она немного наклонилась вперед, рассыпавшиеся волосы закрывали лицо. Глаза смотрели прямо на Ричера, и это были самые прекрасные глаза, какие он видел в жизни.

— Никто не отказывается от сделок с Виктором Хоби, — прорычал Хоби.

Ричер заставил боль немного отступить, продолжая держать на прицеле лоб врага — то самое место, где сходились розовые рубцы и серая кожа.

— Ты не Виктор Хоби, — возразил Ричер. — Ты Карл Аллен, настоящий кусок дерьма.

Наступило молчание. Боль пульсировала в голове. Джоди с изумлением смотрела на него.

— Ты вовсе не Виктор Хоби, — повторил Ричер. — Ты Карл Аллен.

Отзвук этого имени как будто повис в воздухе, и враг слегка отпрянул назад. Он и в самом деле сделал шаг назад, увлекая за собой Джоди, перешагнул через тело парня со свернутой шеей, медленно отступая в темный офис. Ричер последовал за ним, не опуская «штайр». В офисе

находилось несколько человек. Ричер увидел жалюзи на окнах, мебель, подходящую для гостиной комнаты, и трех человек — светловолосую женщину и двух мужчин в костюмах. Все трое смотрели на него. На пистолет с глушителем, на лоб Ричера, на кровь, стекающую на рубашку. Все трое, как автоматы, двинулись в сторону диванов. Они сели на диваны и положили руки на стеклянный стол. Шесть рук на стекле, лица обращены к Ричеру; лица, полные надежды, страха и удивления.

— Ты ошибаешься, — сказал человек с крюком.

Он отступал с Джоди до тех пор, пока не оказался за дальним диваном. Ричер двигался за ним и остановился напротив. «Штайр» был направлен через головы сидящих на диванах людей. Кровь стекала с подбородка и капала на диван.

— Нет, не ошибаюсь, — возразил Ричер. — Ты Карл Аллен. Родился девятнадцатого апреля тысяча девятьсот сорок девятого года к югу от Бостона, в одном из пригородов. Обычная семья, ничего особенного. Летом шестьдесят восьмого года тебя забрали в армию. Рядовым, способности по всем категориям ниже среднего. Затем тебя отправили во Вьетнам — пехотинцем. Обычным скромным пехотинцем. Война меняет людей. Оказавшись там, ты превратился в настоящего мерзавца. Начались аферы. Ты покупал и продавал, доставал наркотики, находил шлюх, брался за любую грязную работу. Потом ты начал ссужать деньги. Тут ты разошелся по-настоящему. Покупал и продавал услуги. Довольно долго ты жил как король. Потом кто-то проявил проницательность. Тебя отправили на передовую. В джунгли. На настоящую войну. В отличную часть, которой командовал достойный офицер. Это ужасно тебя напугало. И при первой же возможности ты убил командира, а потом и сержанта. Но твое подразделение выступило против тебя. Такие вещи случаются не часто. Ты им не нравился, да? Наверное, они были должны тебе деньги. Они доложили начальству, и за тобой прибыли двое полицейских, которых звали Ганстон и Забрински. Ты хочешь что-нибудь возразить?

Человек с крюком молчал. Ричер сглотнул. Голова болела все сильнее. Боль проникала в самую глубь черепа. По-настоящему серьезная боль.

— А потом прилетел «хьюи», — продолжал Ричер. — Им управлял хороший молодой пилот, которого звали Каплан. На следующий день он вернулся, но теперь Каплан стал вторым пилотом, а вертолет вел настоящий ас, Виктор Хоби. Ганстон и Забрински были уже готовы и вместе с тобой ждали вертолет на земле. Однако «хьюи», пилотируемый Хоби, был обстрелян врагом. И в четырех милях от места взлета вертолет рухнул в джунгли. Хоби погиб вместе с Капланом, Ганстоном и Забрински, а также тремя другими членами экипажа, которых звали Бамфорд, Тарделли и Соупер. Однако ты уцелел. Ты потерял руку и

сильно обгорел, но остался жив. И твой злой маленький мозг продолжал работать. Ты поменялся личными знаками с первым же погибшим, до которого сумел добраться. Тебе попался знак Виктора Хоби. И ты отполз от места падения вертолета с его личным знаком на шее. А свой оставил с ним. Именно в этот момент Карл Аллен вместе со своим преступным прошлым перестал существовать. Ты сумел добраться до полевого госпиталя, и они решили, что выхаживают Виктора Хоби. Его имя было занесено в список выживших. А потом ты убил санитара и сбежал. Ты сказал: «Я не вернусь», поскольку понимал, что кто-нибудь обязательно поймет, что ты не имеешь к Виктору Хоби ни малейшего отношения. Они узнают твое настоящее имя, и ты снова окажешься в глубоком дерьме. И тогда ты решил просто исчезнуть. Новое имя, новая жизнь. Страница перевернута. Хочешь мне возразить?

Аллен еще сильнее прижал к себе Джоди.

— Чушь собачья, — сказал он.

Ричер покачал головой, и боль вспыхнула с новой силой.

— Нет, это правда. Нэш Ньюмен только что идентифицировал скелет Виктора Хоби. Он лежит в алюминиевом контейнере на Гавайях с твоим личным знаком на шее.

— Чушь, — повторил Аллен.

— Все дело в зубах. Мистер и миссис Хоби тридцать раз отправляли мальчика к дантисту, чтобы у него были хорошие зубы. Ньюмен утверждает, что тут нет ни малейших сомнений. Он целый час провел за компьютером, сличая рентгеновские снимки. И узнал череп, когда проходил мимо него. Полное опознание.

Аллен ничего не ответил.

— Тридцать лет тебе это сходило с рук, — продолжал Ричер. — Пока двое стариков не подняли шум и делом не заинтересовались другие люди. Теперь все кончено, и тебе придется ответить мне за все.

Аллен ухмыльнулся. Здоровая часть лица стала такой же уродливой, как обожженная.

— Проклятье, почему это я должен тебе отвечать?

Ричер сморгнул кровь, но дуло «штайра» не дрогнуло.

— На то есть множество причин, — спокойно заговорил Ричер. — Я представляю самых разных людей. Таких, как Виктор Трумэн Хоби. Он был героем, но из-за тебя его считали дезертиром и убийцей. Его родители страдали долгие тридцать лет. Я представляю их. И я представляю Ганстона и Забрински. Они были лейтенантами военной

полиции, обоим едва исполнилось по двадцать четыре года. Я и сам был лейтенантом военной полиции в их возрасте. Они погибли из-за тебя. Вот почему ты ответишь мне, Аллен. Потому что я — это они. Из-за таких негодяев, как ты, гибнут такие люди, как я.

Глаза Аллена стали пустыми. Он переместил Джоди, чтобы она оставалась перед ним. Сдвинул крюк поудобнее и еще сильнее вдавил дуло револьвера ей в бок. А потом едва заметно кивнул.

— Ладно, я был Карлом Алленом. Признаю это, умник. Да, я был Карлом Алленом, но стал Виктором Хоби. Я был им очень долго, дольше, чем Карлом Алленом, но и его время подошло к концу. Теперь я стану Джеком Ричером.

— Что?

— Вот что я у тебя возьму, вот в чем будет состоять сделка. Я заберу твое имя, поменяв его на жизнь женщины.

— Что? — повторил Ричер.

— Я хочу твои документы и твое имя, — сказал Аллен.

Ричер молча смотрел на него.

— У тебя нет семьи, никто о тебе не вспомнит, — продолжал Аллен.

— И что будет дальше?

— А дальше ты умрешь. Не могут же два человека с одним и тем же именем жить на свете одновременно, верно? Это честная сделка. Твоя жизнь за жизнь женщины.

Джоди смотрела на Ричера и ждала его ответа.

— Никаких сделок, — ответил Ричер.

— Тогда я ее застрелю, — заявил Аллен.

Ричер вновь покачал головой. Боль становилась нестерпимой. И она усиливалась.

— Ты не станешь в нее стрелять. Подумай, Аллен. Подумай о себе. Ты эгоистичный кусок дерьма. Ты ведь всегда думаешь только о себе. Ты застрелишь ее, и я пристрелю тебя. До тебя двенадцать футов, я целюсь в голову. Стоит тебе нажать на курок, и я выстрелю. Если умрет она, ты умрешь через сотую долю секунды. И ты не станешь стрелять в меня, поскольку я нажму на курок раньше. Подумай немного. У нас патовая ситуация.

Ричер смотрел на Аллена сквозь сумрак и пелену боли. Классический тупик. Однако у него была проблема. В его анализе имелся очень серьезный недостаток. Ричер это знал. На него накатила паника. И Аллен сразу нашел свой шанс. Ричер увидел, как загорелся его здоровый глаз.

— Ты просчитался, — торжествующе заявил Аллен. — Ты кое-что упустил из виду.

Ричер ничего не ответил.

— Да, сейчас положение патовое, — продолжал Аллен. — И так будет до тех пор, пока мы стоим на своих местах. Но сколько еще ты сможешь простоять?

Ричер сглотнул, сопротивляясь боли. Он боролся из последних сил.

— Я могу стоять столько, сколько потребуется, — заговорил Ричер. — У меня полно времени. Меня никто не ждет. У меня нет никаких срочных встреч.

Аллен улыбнулся.

— Смелые слова. Но у тебя идет кровь. Ты об этом знаешь? Из твоей головы торчит кусок металла. Я его вижу отсюда.

Джоди кивнула, ее глаза были полны ужаса.

— Посмотри, мистер Карри, и скажи ему, — приказал Аллен.

Сидевший на диване мужчина подполз под рукой Ричера, чтобы не оказаться на линии огня. На его лице появился страх.

— Это гвоздь, — сказал он. — Для работы по дереву. Из вашей головы торчит гвоздь.

— Из конторки в приемной, — добавил Аллен.

Карри вернулся на место, и Ричер понял, что они говорят правду. И сразу же боль удвоилась и утроилась. Что-то с чудовищной силой сжимало центр его лба в дюйме за глазами. Адреналин долго маскировал боль. Однако адреналин не может действовать бесконечно. Ричер отчаянно напряг волю, но боль не уходила. Острые сполохи сопровождались волнами тошноты, в глазах засверкали ослепительные искры. Кровь пропитала рубашку до самого пояса. Ричер заморгал, но левым глазом он уже ничего не видел. Глаз залила кровь. Кровь стекала по шее, по левой руке, капала с кончиков пальцев.

— Я в порядке, не нужно из-за меня беспокоиться, — сообщил он.

— Смелые слова, но тебе больно, ты теряешь кровь. Ты долго не продержишься, Ричер. Ты думаешь, что ты крут, но рядом со мной ты ничто. Я сумел отползти от вертолета, лишившись руки. С рассеченными артериями. Я горел. Однако мне удалось выжить в джунглях в течение трех недель. А потом еще тридцать лет, подвергаясь опасности разоблачения. Так что из нас двоих крутой парень — это я. Я самый крутой парень в мире. И в умственном и в физическом смысле. Ты не смог бы меня победить даже без гвоздя в твоей проклятой голове. Так что не нужно себя обманывать, ладно?

Джоди смотрела на Ричера. В рассеянном свете, просачивающемся сквозь закрытые жалюзи, ее волосы казались золотыми. Они свисали вперед, частично закрывая лицо, но Ричер видел ее глаза. Ее рот. Изгиб шеи. Ее стройное сильное тело, застывшее под рукой Аллена. И сияющий крюк. Боль паровым молотом стучала у него в голове. Промокшая от крови рубашка холодила тело. Он ощущал металлический вкус крови во рту. Плечо Ричера начало слегка дрожать. «Штайр» вдруг показался ему тяжелым.

— К тому же у меня есть мотивация, — продолжал Аллен. — Я напряженно работал, чтобы заполучить то, что у меня есть. И я намерен все это сохранить. Я гений выживания. Ты полагаешь, что я позволю тебе остановить меня? Думаешь, ты первый, кто пытался?

Ричер пошатнулся от новой волны боли.

— А теперь давай немного поднимем ставки, — предложил Аллен.

Он заставил Джоди приподняться на цыпочки и еще сильнее надавил дулом револьвера ей в бок, так что ей пришлось наклониться к нему. Он полностью спрятался за Джоди. Ричер увидел, как крюк перемещается вверх, к ее груди. Джоди застонала от боли. Наконец крюк добрался до щеки. Локоть Аллена поднялся, и кончик крюка вошел в кожу.

— Я могу вскрыть ее, как консервную банку, — заявил Аллен. — Могу разорвать ей лицо, и ты не в силах мне помешать — тебе лишь станет хуже. Стресс ухудшает твое положение, верно? Боль усиливается. Ты скоро потеряешь сознание, правда? Ты уже на выходе, Ричер. Тебе конец. И когда ты упадешь, уж поверь, ситуация сразу изменится.

Ричер содрогнулся. Но не от боли — он понимал, что Аллен прав. Он начал ощущать свои колени. Они были сильными. Однако здоровый человек не чувствует колени, потому что они являются его частью. И то, что Ричер стал ощущать двести пятьдесят фунтов своего тела, означало, что очень скоро колени перестанут справляться. Он получил предупреждение.

— Ты долго не продержишься, Ричер, — вновь заговорил Аллен. — Тебя уже трясет, ты знаешь? Ты уходишь от нас. Через пару минут я подойду к тебе и выстрелю в голову. И даже не буду торопиться.

Ричер вновь вздрогнул и попытался оценить свое положение. Ему было трудно думать. Кружилась голова. Он получил открытое ранение в голову. Череп пробит. Он вспомнил Нэша Ньюмена, держащего кости во время занятий в классе. Возможно, Нэш объяснит это через много лет: «Острый предмет пробил переднюю долю черепа, вот здесь, проник в оболочку мозга и вызвал кровотечение». Рука с пистолетом задрожала. А потом появилось нахмуренное лицо Леона: «Если не работает план А, следует переходить к плану Б».

Он вспомнил полицейского из Луизианы, возникшего из другой жизни, вспомнил, как тот рассказывал про свой револьвер тридцать восьмого калибра: «С его помощью нельзя остановить парня, если он мчится на тебя, накачавшись "ангельской пылью"». Ричер вновь увидел несчастное лицо того полицейского: «Нельзя полагаться на то, что тридцать восьмой калибр остановит парня». Что уж тут говорить о короткомствольном револьвере! Трудно попасть в цель из револьвера с коротким дулом, в особенности когда у тебя на руках сопротивляющаяся женщина. «Впрочем, пуля может попасть в цель случайно, именно из-за ее сопротивления», — подумал Ричер. Голова у него кружилась. В ней работал гигантский отбойный молоток. Силы Ричера стремительно утекали. Правый глаз был широко раскрыт, но он стал сухим, его покалывало. «Может быть, еще пять минут, — подумал Ричер. — Потом мне конец». Он находился во взятой напрокат машине, рядом сидела Джоди, и они ехали из зоопарка. Он говорил. В машине было тепло. Солнце и стекло. Он говорил что-то вроде: «Основа любого мошенничества состоит в том, что ты показываешь им то, что они хотят увидеть». «Штайр» задрожал в его руке, и он подумал: «Ладно, Леон, вот тебе план Б. Посмотрим, как он тебе понравится».

Колени у него подогнулись, Ричер покачнулся, но тут же выпрямился и направил «штайр» в макушку Аллена — больше он ничего не видел. Дуло подрагивало. Пистолет был слишком тяжелым. Он кашлянул и языком вытолкнул изо рта сгусток крови. «Штайр» начал опускаться. Он попытался поднять пистолет, но рука больше не слушалась. Дрогнули колени, но он удержался на ногах. «Штайр» ушел далеко в сторону, вправо. Теперь его дуло было направлено в письменный стол. Согнутая в локте рука продолжала опускаться. Рука Аллена начала двигаться. Ричер наблюдал за ней одним глазом и задавал себе вопрос: «Можно ли считать, что чувства, которые я испытываю к Джоди, аналогичны действию "ангельской пыли"?» Дуло пистолета отодвинулось от складок пиджака Джоди. «Неужели у меня получится?» Колени не выдерживали, Ричера трясло. «Подожди. Подожди еще немного».

Запястье Аллена начало подниматься. Оно двигалось очень быстро. Ричер увидел черную дыру дула. «Оно больше не направлено на ее тело». Джоди резко опустила голову, а Ричер поднял «штайр» и почти успел навести его на цель прежде, чем Аллен выстрелил. Оставалась пара дюймов. Всего пара паршивых дюймов. «Быстро, — подумал Ричер, — но недостаточно быстро». Он увидел, как щелкнул затвор, в черном отверстии дула расцвел яркий цветок пламени, и грузовой поезд ударил его в грудь. Грохот выстрела полностью заглушил удар пули. Гигантский молот, размером с планету. Ричер был оглушен и раздавлен. Однако боли не было. Никакой боли. Лишь холодное онемение в груди и беззвучный вакуум полного спокойствия разума. Он на долю секунды удержался на ногах и не закрыл глаз, чтобы сконцентрироваться на вспышке глушителя «штайра». Затем перевел взгляд и увидел, как голова Аллена взорвалась. Воздух наполнили сгустки крови и куски костей, образовалось расходящееся облако диаметром в три или четыре фута. «Он мертв?» — спросил у себя Ричер и только после того, как услышал собственный ответ: «Да, определенно», позволил себе закрыть глаз и упасть в идеальную безмолвную черноту, не имевшую ни начала, ни конца.

Глава 18

Он понимал, что умирает, поскольку узнавал лица, возникавшие перед ним. Они появлялись бесконечной чередой, по одному или по два, и он всех знал. Он слышал, что так и должно быть. Твоя жизнь проходит у тебя перед глазами. Все так говорят. Все происходило именно так. Значит, он умирал.

А когда поток лиц закончится, наступит конец. Интересно, какое лицо окажется последним? Кандидатов было несколько. Но кто определяет порядок? Он ощутил легкое раздражение: почему ему не разрешили высказать свое мнение? И что произойдет потом? Когда исчезнет последнее лицо, что тогда?

Но что-то пошло не так. Перед ним появилось незнакомое лицо. Тут только он понял, что парадом командует армия. Другого объяснения он не находил. Только армия могла по ошибке показать ему человека, которого он никогда прежде не видел. Полнейшего незнакомца, оказавшегося не в то время и не в том месте. Наверное, так и должно было случиться. Почти всю свою жизнь Ричер прожил, подчиняясь армейскому контролю. Вполне естественно, что они взяли на себя организацию последней части его жизни. Что ж, одна ошибка — это совсем немного. Неплохой результат для армии.

Однако этот человек к нему прикасался. Ударял его. Причинял боль. И Ричер вдруг сообразил, что парад закончился *до* появления незнакомца. Этот тип вообще не участвовал в параде. Он появился *после* него. Может

быть, он здесь, чтобы покончить с Ричером. Да, так и есть. Другого объяснения не видно. Этот тип появился для того, чтобы он умер по расписанию. Парад закончился, и армия не может позволить, чтобы Ричер его пережил. Зачем тратить столько сил на организацию парада, если он его переживет? Это будет нехорошо. Совсем нехорошо. Серьезное нарушение порядка. Ричер попытался вспомнить, кто появился перед этим типом — предпоследний человек, который на самом деле оказался последним. Но не смог вспомнить. Он не обратил внимания. Он перестал цепляться за жизнь и умер, так и не вспомнив, чье лицо стало последним на параде.

Он умер, но продолжал думать. Это нормально? Наступила загробная жизнь? Чертовская неожиданность. Он прожил почти тридцать девять лет, полагая, что загробной жизни не существует. Некоторые люди с ним соглашались, другие спорили. Но у него самого сомнений не возникало. И вот теперь он оказался здесь. Кто-то обязательно посмеется над ним и скажет: «Ну я же тебе говорил!» Так и есть, да не про вашу честь. Он бы сам этого так не оставил.

Он увидел Джоди Гарбер. Вот кто все ему скажет. Но нет, это невозможно. Она же не умерла. Ведь только мертвые могут на тебя кричать в загробной жизни, верно? А живой человек не может. Это же очевидно. Живые люди не попадают в загробную жизнь. А Джоди Гарбер живая. Он о ней позаботился. Черт возьми, в этом все и дело. В любом случае, он был совершенно уверен, что не обсуждал загробную жизнь с Джоди Гарбер. Или нет? Может быть, много лет назад, когда она была еще ребенком? Но перед ним точно Джоди Гарбер. И она собралась с ним поговорить. Она села перед ним и убрала волосы за уши. Длинные светлые волосы, маленькие уши.

— Привет, Ричер, — сказала она.

Ее голос. Никаких сомнений. Никаких ошибок. Возможно, она умерла. Может быть, в автомобильной аварии. Проклятье, какая ирония судьбы. Может быть, ее сбил грузовик на Нижнем Бродвее, когда она возвращалась домой из Всемирного центра.

— Привет, Джоди, — сказал он.

Она улыбнулась. Они друг друга слышали. Значит, она мертва.

— Где мы? — спросил он.

— В «Сент-Винсенте», — ответила Джоди.

О святом Петре он слышал. Этот парень стоит у ворот. Ричер видел фильмы. Ну, не настоящие картины, а мультики. Старик в таких особых одеяниях и с бородой. Он стоит у входа и задает вопросы, чтобы решить, пускать тебя или нет. Но он не помнил, чтобы святой Петр задавал ему

какие-то вопросы. Может быть, позже. Может быть, нужно сначала выйти и попытаться войти снова.

А кто такой святой Винсент? Наверное, он управляет тем местом, где ты останавливаешься, дожидаясь вопросов святого Петра. Как в учебном лагере для новобранцев. Наверное, старина Винсент руководит чем-то похожим на Форт-Дике. Ну что ж, никаких проблем. Ричер легко прошел учебный лагерь. Если потребуется, пройдет еще раз. Однако он почувствовал некоторое раздражение. Видит бог, он закончил службу майором. Он неплохо делал свое дело. У него есть медали. Зачем ему снова проходить учебный лагерь?

И как здесь оказалась Джоди? Она же должна была остаться в живых. Он понял, что сжимает левую руку в кулак. Да, он сильно раздражен. Он спас ей жизнь, потому что любил ее. Так почему же она умерла? Что, черт подери, происходит? Ричер попытался сесть, но что-то мешало ему подняться. Какого дьявола? Он должен получить ответы на свои вопросы, иначе полетят головы.

— Постарайся расслабиться, — сказала Джоди.

— Я хочу видеть святого Винсента, — заявил Ричер. — Причем немедленно. Скажи, чтобы он доставил сюда свою паршивую задницу прямо сейчас, иначе я серьезно рассержусь.

Она посмотрела на него и кивнула.

— Хорошо.

Джоди встала и исчезла из его поля зрения, а он остался лежать. Нет, это не походило на учебный лагерь. Здесь было слишком тихо, да и подушки показались ему чересчур мягкими.

Если вспомнить то, что было раньше, он должен был испытать шок. Но этого не произошло. Комната вдруг обрела очертания, он увидел блестящее оборудование и подумал: больница. Он перестал быть мертвым и стал живым, равнодушно пожав плечами, — так человек реагирует, когда ему говорят, что он перепутал день недели.

Комната была залита солнцем. Ричер повернул голову и увидел, что в палате есть окно. У окна сидела Джоди и читала. Он постарался дышать как можно тише, чтобы понаблюдать за ней. У нее чистые, блестящие волосы. Они падают на плечи, она теребит прядь указательным и большим пальцами. На ней желтое платье без рукавов. Плечи покрывает летний загар. Ричер видел маленькие бугорки костей. У нее длинные изящные руки. Она сидит, скрестив ноги. На ней кожаные туфли под цвет платья. Он разглядел загорелые щиколотки.

— Привет, Джоди, — сказал он.

Она повернула голову и посмотрела на него. Ее взгляд стал испытующим, словно она искала что-то, а потом нашла. Джоди улыбнулась.

— Привет и тебе.

Она положила книгу и встала. Легко преодолела разделяющие их три фута, наклонилась и нежно поцеловала Ричера в губы.

— Ты мне сказала: «Сент-Винсент», но я ничего не понимал, — признался Ричер.

Джоди кивнула.

— Тебя накачали морфием. По полной программе. Твоя кровь могла бы сделать счастливыми всех наркоманов Нью-Йорка.

Он не стал возражать и посмотрел на солнце в окне. Похоже, было около полудня.

— Какой сегодня день?

— Уже июль. Ты не приходил в сознание три недели.

— Господи, какой же я должен чувствовать голод, — проворчал Ричер.

Джоди обошла вокруг кровати, остановилась слева от него и положила ладонь на его предплечье. Тут только Ричер обратил внимание на капельницу и иголку в вене левой руки.

— Тебя кормили внутривенно, — сказала Джоди. — Я позаботилась, чтобы ты получал то, что любишь. То есть побольше глюкозы и солевого раствора.

— Нет ничего лучше солевого раствора, — согласился Ричер.

Джоди ничего не ответила.

— Что такое? — спросил он.

— Ты помнишь?

— Я помню все, — спокойно ответил Ричер.

Она сглотнула.

— Я не знаю, что сказать, — прошептала Джоди. — Ты принял пулю, которая предназначалась мне.

— Моя вина, — возразил Ричер. — Я действовал слишком медленно. Собирался обмануть его и выстрелить первым. Судя по всему, я выжил.

Так что ничего не нужно говорить. Правда. Никогда об этом не вспоминай.

— Но я должна сказать тебе спасибо, — прошептала она.

— Возможно, это мне нужно тебя благодарить, — сказал Ричер. — Замечательно быть знакомым с человеком, ради которого ты готов принять пулю.

Джоди кивнула, но вовсе не из-за того, что была с ним согласна. Просто она пыталась удержать слезы.

— Ну и как мои дела? — спросил Ричер.

— Я позову врача, — тихо сказала Джоди. — Он расскажет тебе лучше, чем я.

Она вышла и вскоре вернулась с человеком в белом халате. Ричер улыбнулся. Это был тот самый тип, которого армия прислала, чтобы с ним покончить, когда парад подойдет к концу. Невысокий волосатый мужчина, из которого мог бы получиться хороший борец.

— Вы знакомы с работой компьютера? — спросил врач.

Ричер пожал плечами и решил, что сейчас ему сообщат плохую новость о состоянии его мозга. Потеря памяти, ослабление некоторых функций.

— Компьютеры? Нет, я не слишком в них разбираюсь.

— Ладно, тогда я постараюсь говорить попроще. Представьте себе огромный работающий серый суперкомпьютер. Мы скармливаем ему все, что нам известно о человеческой физиологии и об огнестрельных ранениях, а потом просим создать мужчину, который лучше всего перенес бы выстрел в грудь из револьвера тридцать восьмого калибра. Представим себе, что компьютер работает неделю. Что мы получим на выходе?

— Понятия не имею, — ответил Ричер.

— Ваш портрет, друг мой, — сообщил врач. — Вот так. Проклятая пуля даже не вошла вам в грудь. Ваши грудные мышцы оказались такими мощными, что остановили пулю, словно трехдюймовый кевларовый жилет. Пуля отскочила от внешней стороны мышц и сломала одно ребро, но не более того.

— Так почему же я не приходил в себя в течение трех недель? — тут же спросил Ричер. — Черт побери, наверняка не из-за поврежденных мышц и сломанного ребра. У меня все в порядке с головой?

Врач сделал странную вещь. Он хлопнул в ладоши, а потом нанес несколько ударов по воздуху. Его лицо сияло.

— Именно об этом я и тревожился, — ответил врач. — По-настоящему. Серьезное ранение. Сначала мне показалось, что в вас выстрелили гвоздем, но потом свидетели рассказали, что рана явилась результатом выстрела из дробовика в конторку. Гвоздь пробил череп и вошел примерно на одну восьмую дюйма в мозг. В переднюю долю, друг мой, не самое лучшее место для такой раны. Но если бы мне пришлось выбирать среди других передних долей мозга, я бы выбрал вас, поскольку ваш череп толще, чем у неандертальца. Если бы такой подарок получил другой человек, он бы уже сказал спасибо и спокойной ночи.

— Значит, я в порядке? — снова спросил Ричер.

— Вы только что сэкономили десять тысяч долларов на тестах, — радостно заявил врач. — Я рассказал вам о вашей ране в груди, и что вы сделали? Ну, проанализируйте сами! Вы сверили новость с собственной базой данных, поняли, что это не слишком серьезное ранение и что оно не может послужить причиной для трехнедельной комы, вспомнили о своем втором ранении, сделали соответствующий вывод и задали правильный вопрос. Моментально. Без всяких колебаний. Быстрое логическое мышление, свободный доступ к полученной ранее информации, верный логический вывод. С вашей головой все в порядке, друг мой. Считайте, что это мое профессиональное мнение.

— И когда я смогу отсюда уйти? — осведомился Ричер.

Врач взял историю его болезни, пришпиленную к дощечке в ногах постели, и просмотрел листочки.

— В целом ваше здоровье в хорошем состоянии. Но мы бы хотели немного за вами понаблюдать. Может быть, еще пару дней.

— Ничего подобного, — заявил Ричер. — Я ухожу сегодня же.

— Ладно, посмотрим, как вы будете себя чувствовать через час.

Врач подошел к капельнице и повернул краник. Бросил на капельницу внимательный взгляд, щелкнул по ней, вздохнул и вышел из палаты. И тут же в палату вошли Джоди и мужчина в куртке из льняной ткани в полоску. Бледный, с короткими седыми волосами, лет пятидесяти. Ричер посмотрел на него и подумал: «Доллар против десяти, что он из Пентагона».

— Ричер, это генерал Мид, — сказала Джоди.

— Министерство сухопутных войск, — сказал Ричер.

Мужчина в куртке удивленно посмотрел на Ричера.

— Мы встречались?

Ричер отрицательно покачал головой.

— Нет, но я знал, что кто-то из ваших обязательно появится, как только я приду в себя.

Мид улыбнулся.

— Да, мы разбили здесь лагерь. Чтобы не ходить вокруг да около, скажу вам сразу: мы хотим, чтобы история Карла Аллена не выплыла на свет.

— Никаких шансов, — сразу же ответил Ричер.

Мид улыбнулся и стал ждать. Он был настоящим бюрократом и знал все ходы. Леон любил повторять: «Нечто за просто так — это чужой язык».

— Хоби. Привезите их в Вашингтон первым классом, поселите в пятизвездочном отеле, покажите им имя их мальчика на Стене и позаботьтесь, чтобы отряд в парадной форме все время салютовал по полной программе. Тогда я буду молчать.

Мид кивнул.

— Это будет сделано, — без колебаний ответил он.

Потом Мид встал и вышел из палаты. Джоди уселась в ногах постели.

— Расскажи мне про полицию, — попросил Ричер. — Мне нужно отвечать на какие-то вопросы?

— Нет. Аллен убил полицейских. На территории Нью-Йорка тебе никто не выпишет штрафа. Это была самооборона, ни у кого нет сомнений.

— А как насчет моего пистолета? Он ведь украден.

— Нет, это был пистолет Аллена. Ты его просто отобрал. В комнате было полно свидетелей, которые это подтверждают.

Ричер задумался. Перед его мысленным взором возникла струя крови и сгустки мозга, полетевшие во все стороны после его выстрела. Хороший выстрел, решил Ричер. Темная комната, стресс, гвоздь в голове, пуля тридцать восьмого калибра в груди — и его выстрел точно в цель. Почти идеальный выстрел. Потом он вновь увидел крюк у лица Джоди, твердую сталь возле меда ее кожи.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Со мной все хорошо, — ответила Джоди.

— Ты уверена? Никаких кошмаров?

— Никаких кошмаров. Я уже большая девочка.

Ричер вздохнул и вспомнил первую ночь, которую они провели вместе. Большая девочка. Казалось, это было миллион лет назад.

— А ты в порядке? — спросила Джоди.

— Врач считает, что в полном. Он назвал меня неандертальцем.

— Нет, серьезно.

— Как я выгляжу?

— Я тебе покажу, — сказала Джоди.

Она сбегала в ванную и вернулась с круглым зеркалом в пластиковой раме, которое сняла со стены. Джоди поставила зеркало на колени Ричера, и он придержал его правой рукой. Загар сойти не успел. Голубые глаза. Белые зубы. Голова выбрита. Волосы успели отрасти на четверть дюйма. Левую сторону лица покрывали шрамы. Дыра от гвоздя на лбу терялась среди других следов его бурной жизни. Он мог ее различить только из-за того, что она была свежей, но рядом Ричер узнал отметину, оставшуюся после удара, полученного от брата Джо во время давно забытого детского спора в тот самый год, когда «хьюи» Хоби рухнул в джунгли. Он слегка наклонил зеркало и увидел широкую полосу белого пластыря, пересекавшую грудь. Пожалуй, он потерял около тридцати фунтов. И вернулся к своему обычному весу двести двадцать фунтов. Он отдал зеркало Джоди и попытался сесть. Сразу же закружилась голова.

— Я хочу отсюда уйти, — заявил Ричер.

— Ты уверен? — спросила Джоди.

Он кивнул. Да, уверен, но его ужасно клонило в сон. Ричер опустил голову на подушку — на минутку. Ему было тепло, а подушка показалась удивительно мягкой. Голова весила тонну, и мышцы шеи не могли с ней справиться. В палате стало темно. Он поднял взгляд и увидел капельницу. Только теперь Ричер вспомнил, как врач что-то сделал с краником. На пластиковом цилиндре была надпись. Ричер напрягся и прочитал перевернутые зеленые буквы: «Морфий».

— Дерьмо, — пробормотал он, но комната уже погрузилась в темноту.

Когда он снова открыл глаза, солнце переместилось в противоположном направлении. Было утро. Джоди сидела на стуле у окна и читала. У нее в руках была та же самая книга, но она продвинулась на полдюйма. И платье на ней было не желтое, а синее.

— Наступило завтра, — сказал Ричер.

Она закрыла книгу и встала. Подошла к Ричеру, наклонилась и поцеловала в губы. Он ответил на ее поцелуй, а потом стиснул зубы и вытащил иголки капельницы из левой руки. Какая-то жидкость тут же начала капать на пол. Он сел, опираясь спиной на подушки, и провел рукой по торчащему ежику волос.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Джоди.

Ричер немного посидел, стараясь оценить состояние своего тела, начиная с пяток и кончая макушкой, и ответил:

— Отлично.

— К тебе пришли посетители, они узнали, что ты проснулся.

Он кивнул и потянулся. Ричер почувствовал рану в груди, где-то слева. Там он ощущал слабость. Он протянул руку к стойке с капельницей. На ней имелась горизонтальная планка из нержавеющей стали, к которой крепился пластиковый цилиндр. Ричер сильно сжал планку, почувствовал боль в районе локтевого сгиба, куда ему вводили иголки, и в груди, но сталь начала поддаваться. Он улыбнулся.

— Ладно, пусть войдут, — сказал он.

Он понял, кто это, еще до того, как они вошли в палату. Колеса инвалидного кресла скрипели. Пожилая леди отошла в сторону и позволила мужу войти первым. Она была в совершенно новом платье. Он — все в том же синем костюме из саржи. Хоби-отец вкатил свое кресло в палату и остановился. Левой рукой он продолжал держать рукоять, а правую поднял в дрожащем салюте. Он долго держал ладонь у виска, и Ричер ответил ему тем же. Он постарался сделать это как на плацу. Когда Ричер опустил руку, старик подкатил кресло к его постели, и жена поспешила за ним.

Они стали другими людьми. Конечно, они не помолодели, но на их лицах появилось умиротворение. Должно быть, лучше знать наверняка, что твой сын мертв, решил Ричер. Он вспомнил лабораторию Нэша Ньюмена и гроб Аллена, в котором лежал скелет Виктора Хоби. Он очень хорошо его запомнил. Гладкая дуга лба, высокий круглый череп. Ровные белые зубы. Длинные чистые конечности. Благородный скелет.

— Он был героем, теперь вы знаете.

Старик слегка склонил голову.

— Он выполнял свой долг.

— Нет, гораздо больше, — возразил Ричер. — Я читал его досье. И говорил с генералом Девиттом. Виктор Хоби был смелым пилотом, который не раз проявлял мужество и спас множество жизней. Если бы он уцелел, у него было бы три звезды. Он стал бы генералом Виктором Трумэном Хоби. И занимал бы высокий пост в армии или в Пентагоне.

Они должны были это услышать, к тому же Ричер говорил правду. Пожилая женщина положила тонкую бледную руку на кисть мужа, и все надолго замолчали. Глаза стариков повлажнели, они смотрели куда-то очень далеко. Родители рассказывали себе о том, кем мог бы стать их сын. Прошлое обрело законченные черты, их сын погиб славной смертью в бою, и отныне они смогут мечтать без всяких ограничений. Тихонько шипел кислород, выходящий из баллона, слышалось хриплое дыхание старика.

— Теперь я могу умереть счастливым, — сказал он.

Ричер покачал головой.

— Пока еще нет, — возразил он. — Вы должны увидеть Стену. Его имя будет на Стене, и я хочу, чтобы вы привезли мне фотографию с его именем.

Старик кивнул, а на губах его жены появилась бледная улыбка.

— Мисс Гарбер рассказала, что вы можете поселиться в Гаррисоне и стать нашим соседом.

— Это вполне возможно, — ответил Ричер.

— Мисс Гарбер чудесная молодая женщина.

— Да, мадам, вы совершенно правы.

— Перестань болтать, — проворчал старик.

Потом они сказали, что соседу, который привез их в больницу, пора возвращаться домой. Ричер смотрел им вслед. Как только дверь за ними закрылась, появилась улыбающаяся Джоди.

— Врач сказал, что ты можешь уйти.

— Ты меня отвезешь? У тебя уже есть новая машина?

Она покачала головой.

— Я взяла напрокат «меркурий» со спутниковой навигацией.

Ричер вытянул руки над головой и повел плечами. Ничего не болело. Ребра его не беспокоили.

— Мне нужна одежда, — сказал он. — Боюсь, что старая испорчена.

— Да, медсестры разрезали ее ножницами.

— Ты при этом присутствовала?

— Я все время находилась здесь, — ответила Джоди. — Мне дали койку в соседней палате.

— А как же твоя работа?

— Я взяла отпуск. Сказала, если мне откажут, я уволюсь.

Она распахнула дверцу шкафа и вытащила стопку новой одежды. Джинсы, рубашку, куртку, носки, трусы и старые туфли.

— Ничего особенного, — сказала Джоди. — Но я не хотела слишком долго отсутствовать. Боялась, что ты придешь в себя, когда меня не будет.

— И ты просидела рядом со мной три недели?

— Мне казалось, что прошло три года. Ты был весь какой-то раздавленный. Неподвижный. Ты ужасно выглядел.

— А Гаррисон есть в навигационной системе? — поинтересовался Ричер.

— Ты собираешься жить там? Он пожал плечами.

— Наверное. Мне ведь не следует напрягаться, верно? Да и свежий воздух пойдет на пользу.

Потом Ричер отвел взгляд.

— Может быть, ты могла бы немного пожить со мной, ну, пока я не поправлюсь окончательно.

Он откинул в сторону одеяло и опустил ноги на пол. Встал, двигаясь медленно и неуверенно, и принялся одеваться, а Джоди поддерживала его за локоть, чтобы он не упал.

Примечания

1

Политический лозунг, провозгласивший экономическую выгоду от снижения затрат на вооружение.

2

Система широкоэкранного кино со стереофоническим звуком.

3

Абрахам Запрудер — житель Далласа, которому удалось снять любительской 8-миллимитровой кинокамерой момент убийства президента Дж. Кеннеди 22 ноября 1963 года.

4

Военная академия сухопутных войск.

5

Национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.

6

Отделение корпорации "Дженерал Моторс", выпускающее грузовики, пикапы, джипы и минивэны.

7

Биржевой аппарат, следящий за котировками ценных бумаг.

8

Оба слова — «hole» и «gap» — по-английски означают «дыра, брешь»

9

Знаменитый бейсболист.

10

Персонаж популярного телесериала в жанре вестерна (1949–1956), благородный, неустрашимый и находчивый герой в маске.

11

Путь, ведущий из Демократической Республики Вьетнам в Южный Вьетнам через Лаос и Камбоджу, использовался для снабжения партизан Южного Вьетнама советским оружием.

12

Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было подписано 27 января 1973 года министрами иностранных дел ДРВ, США, Временным революционным правительством Республики Южный Вьетнам и сайгонской администрацией.

13

«Чарли», «Виктор К.», «Виктор Чарльз» — жаргонные прозвища вьетконговцев (образованы от обозначения Вьет-Конга на фонетическом алфавите).

14

Свинина с черносливом *(фр.)*.

15

В 1968 году американские солдаты устроили резню во вьетнамской деревне Май-Лай (Сонгми), уничтожив около 500 мирных жителей.

16

Сокращение от «Semper Fidelis» *(лат.)* — «Всегда верен», девиз морской пехоты.

17

От англ. Frag (сокр. Fragmentation grenade) — осколочная граната.

18

Город в штате Канзас, где находится Левенуэртская военная тюрьма.

19

Hijack (англ.) — нападать с целью грабежа, похищать груз; угонять самолет. Слово звучит так же, как «Hi, Jack» («Привет, Джек»).